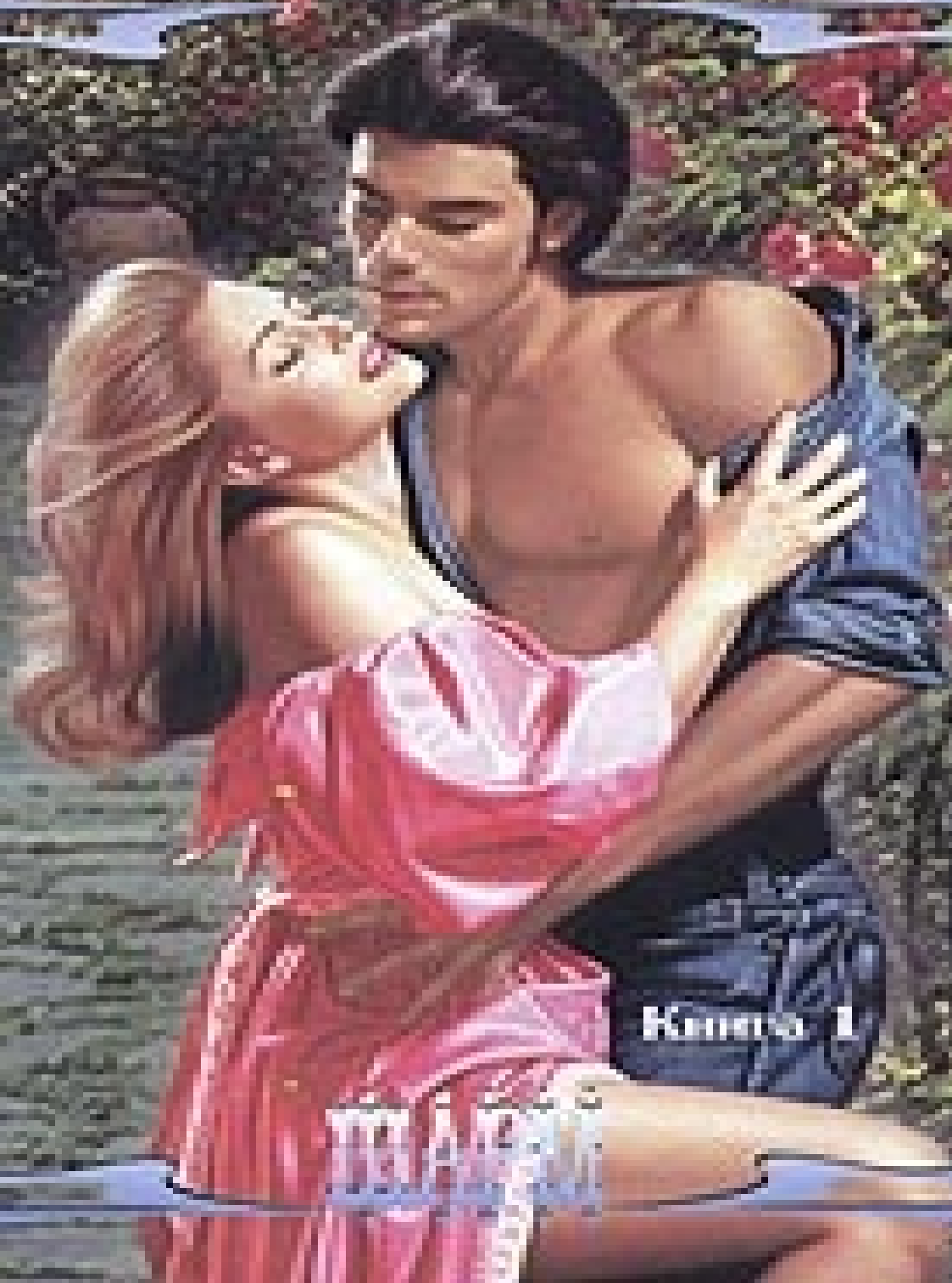

ДЖУДИТ МАКНОТ

Само совершенство

Книга 1

Annotation

Что чувствует один из самых богатых, красивых, талантливых и популярных актеров Голливуда, если в один страшный день он теряет все и, обвиненный в гнусном убийстве, оказывается в тюрьме? Или, может быть, пройдя через это нелегкое испытание, он приобретает нечто большее — истинную любовь?

- [Джудит Макнот](#)

- [ПРОЛОГ](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
-

Джудит Макнот

Само совершенство. Том 1

ПРОЛОГ

1976

Маргарет Стенхоуп стояла у открытых дверей веранды и наблюдала, как дворецкий обносит напитками ее внуков, только что приехавших на летние каникулы из дорогих частных школ и колледжей. Ледяное выражение ее породистого лица не предвещало ничего хорошего. С высокой веранды открывался типичный пенсильванский пейзаж: буйно зеленеющая долина, в которой уютно расположился небольшой городок. Извилистые зеленые улочки, ухоженный парк, яркие витрины магазинов — все это создавало ощущение покоя, размеренности и благополучия. По правую руку на отлогих холмах раскинулся местный привилегированный клуб. А в самом центре Риджмонта гордо возвышались красные кирпичные строения, принадлежащие компании «Стенхоуп», главному источнику безбедного существования местных жителей. По негласной общественной иерархии, существующей в любом провинциальном городке, семейство Стенхоупов находилось, безусловно, на самой верхушке социальной лестницы. Видимо, следуя атому же принципу, их особняк расположился на самом высоком и крутом из холмов.

Однако сегодня мысли Маргарет Стенхоуп были далеки от собственного социального статуса, которым она обладала от рождения и который еще больше укрепила удачным замужеством. Сегодня все ее существо было сосредоточено на давно взлелеянной мести, на том сокрушительном ударе, который она собиралась нанести своим ненавистным внукам. Удовлетворенно отметив, как шестнадцатилетний Алекс перехватил ее взгляд и с явной неохотой взял с серебристого подноса чай со льдом вместо шампанского, которому явно отдавал предпочтение, она презрительно посмотрела на семнадцатилетнюю Элизабет. До чего же эти двое похожи друг на друга — оба испорченны, бесхребетны и абсолютно безответственны. Они слишком много пили, слишком много шлялись и не имели ни малейшего понятия о самодисциплине. Но скоро всему этому придет конец, уж она об этом позаботится!

Элизабет, одетая по случаю жары в туго обтягивающее желтое платье с вырезом до пупа, перехватила взгляд бабки, надменно фыркнула и демонстративно взяла с подноса два бокала с шампанским. Маргарет Стенхоуп оставила этот ребячливый вызов без внимания и промолчала. В конце концов, что с нее взять? Девушка была точной копией своей мамы

— такая же легкомысленная, сексуально озабоченная и безмозглая пустышка. Та погибла восемь лет назад вместе с сыном Маргарет, когда их спортивная машина потеряла управление на обледенелой дороге. В результате четверо детей остались сиротами. Позднее полиция сообщила, что они ехали со скоростью более ста шестидесяти километров в час да к тому же оба были совершенно пьяны.

А полгода назад произошла еще одна катастрофа. На этот раз жертвой стал беспутный муж Маргарет, который никогда не хотел принимать во внимание такие мелочи, как преклонный возраст и плохая погода. Самолет, на котором он летел на «рыбалку» с двадцатипятилетней манекенщицей, взятой, очевидно, для того, чтобы насаживать наживку на крючок, попал в грозу и разбился. Вспомнив об этом, Маргарет сама удивилась собственному безразличию, даже злорадству. Обе катастрофы отнюдь не были роковой случайностью. Скорее они явились совершенно закономерным окончанием той распутной и безалаберной жизни, которую вели все мужчины семейства Стенхоупов. Высокомерные, дерзкие, красивые и безрассудные, они жили только сегодняшним днем, как будто время и смерть над ними были не властны.

Вследствие этого Маргарет пришлось всю жизнь прилагать титанические усилия для сохранения собственного достоинства и самообладания, в то время как ее муженек тратил огромные деньги на удовлетворение своих дорогостоящих прихотей, приучив к тому же и внуков. Ему ничего не стоило привести в дом проституток, с которыми они все вместе развлекались, пока она спала наверху. Все, кроме Джастина. Ее любимого Джастина...

Умный, ласковый, прилежный и аккуратный, Джастин был единственным из младшего поколения Стенхоупов, который пошел в мужчин семьи Маргарет, и она любила его беззаветной материнской любовью. Но теперь Джастин мертв, а его братец Захарий жив, здоров и весел, хотя даже одно его присутствие здесь является для нее изощренной пыткой. Повернув голову, Маргарет наблюдала, как легко и стремительно он поднимается по каменным ступеням, ведущим на веранду, и чуть не задохнулась от жгучей ненависти, которую вызывал в ней этот высокий, темноволосый восемнадцатилетний красавчик.

Захарий Бенедикт Стенхоуп III был назван в честь своего деда и являлся его точной копией, но у Маргарет Стенхоуп имелись гораздо более веские причины для того, чтобы ненавидеть своего старшего внука. И он это прекрасно знал. Но ничего, через несколько минут он наконец заплатит ей за все. Правда, возмездие будет недостаточным, но большего Маргарет

сделать не могла, и ощущение собственного бессилия удваивало скопившуюся в ней глухую ярость.

Обождав, пока Захарий возьмет у дворецкого бокал с шампанским, Маргарет заговорила:

— Наверное, вы недоумеваете, зачем я собрала этот маленький семейный совет.

Захарий, небрежно облокотившись на балюстраду, сохранял абсолютную невозмутимость, чего нельзя было сказать об Алексе и Элизабет, сидевших за столиком. Приготовившись к длинной и скучной нотации, они обменялись выразительными взглядами, что, естественно, не укрылось от Маргарет Стенхоуп. Этим двоим явно не терпелось поскорее сбежать с веранды и встретиться со своими друзьями — такими же распушенными и бесхарактерными оболтусами, привыкшими к тому, что «Деньги родителей смогут выволить их из любых неприятных ситуаций.

— Я вижу, что вы торопитесь, — продолжала Маргарет, обращаясь к парочке за столиком, — а потому перейду прямо к делу. Уверена, что никто из вас не задумывался над столь низменным вопросом, как собственное материальное положение. Но тем не менее, думаю, вам будет небезынтересно узнать, что ваш дедушка был слишком занят» общественными делами «, а также слишком уверен в собственном бессмертии, чтобы позаботиться о составлении нормального завещания после смерти ваших родителей. Таким образом, я являюсь единственным законным владельцем всего состояния Стенхоупов. Если вы не понимаете, что это значит, то я с удовольствием вам объясню. — Она победно улыбнулась. — Я буду оплачивать ваше обучение и даже позволю сохранить некоторые дорогостоящие игрушки типа спортивных машин. Но это будет продолжаться только до тех пор, пока вы будете удовлетворительно учиться в колледже и вести тот образ жизни, который я сочту приемлемым. Точка.

Первой реакцией Элизабет было скорее удивление, чем испуг.

— А как насчет моего содержания и денег на карманные расходы, когда я осенью вернусь в колледж?

— У тебя не будет никаких» карманных расходов «, потому что ты никуда не вернешься. Ты останешься здесь и пойдешь в местный двухгодичный колледж. Если в течение этих двух лет ты будешь пристойно себя вести и нормально учиться, то тогда и только тогда я позволю тебе уехать учиться в другой город.

— Двухгодичный колледж! — Возмущению Элизабет не было предела. — Надеюсь, ты не рассчитываешь всерьез на то, что я соглашусь!

— Очень даже рассчитываю. А впрочем, можешь проверить серьезность моих намерений и отказаться. Только, боюсь, в этом случае мне придется лишиться тебя вообще каких бы то ни было средств к существованию. То же самое произойдет и в случае, если до меня дойдут хоть малейшие слухи о пьянстве, наркотиках и распутстве. — Повернувшись к Александру, Маргарет продолжала:

— Кстати, на тот случай, если у тебя возникли какие-то сомнения, все вышесказанное относится и к тебе. И среднюю школу ты тоже будешь заканчивать здесь, а не в Эксетере.

— Но ты не имеешь права так поступать с нами! — взорвался Алекс. — Дедушка никогда бы не позволил этого!

— Ты не имеешь права указывать, как нам жить, и решать за нас нашу судьбу. — подхватила Элизабет, которая уже была близка к истерике.

— Если тебя не устраивает мое предложение, — стальным голосом отпарировала Маргарет, — то я не запрещаю тебе устроиться куда-нибудь официанткой или подыскать подходящего сутенера. К сожалению, на сегодняшний день это единственные поприща, на которых ты можешь себя проявить.

С нескрываемым удовлетворением Маргарет отметила полную растерянность на внезапно побледневших лицах младших внуков.

— А как насчет Зака? — наконец угрюмо пробурчал Алекс. — Ведь он один из лучших студентов и Иеле. Не хочешь же ты заставить и его вернуться сюда?

Наконец-то наступил момент торжества Маргарет Стенхоуп.

— Нет, — сказала она, — не хочу. И резко повернувшись к Захарии, заговорила, а точнее выплюнула ему в лицо все те слова, которые так долго вынашивала в себе:

— Убирайся вон! Убирайся из этого дома и никогда больше сюда не возвращайся! До конца моих дней я не желаю ни видеть твоего лица, ни слышать твоего имени.

Если бы не плотно сжавшиеся губы Захария, то можно было подумать, что слова бабки не возымели никакого действия. Он не задавал вопросов, потому что не нуждался в ответах. Все было ясно с той самой секунды, как Маргарет Стенхоуп начала излагать свой ультиматум. А потому теперь, ни слова не говоря, он отошел от балюстрады и протянул руку к ключам от машины, которые лежали на столе. Резкий голос Маргарет остановил его руку.

— Твоя машина останется здесь! Ты уйдешь отсюда в том, что на тебе есть! — Захарий отдернул руку и посмотрел на брата и сестру, как будто

ожидая от них каких-то слов ободрения и поддержки. Но те молчали, поглощенные собственными несчастьями. А может, просто боялись, что в случае малейшей попытки поддержать брата их постигнет та же участь.

Маргарет в глубине души презирала младших внуков за трусость, но на всякий случай решила в корне пресечь всякие возможные проявления запоздалого мужества.

— И учтите, — обратилась она к Алексу и Элизабет, в то время как Захарий повернулся и направился к выходу, — что если кто-нибудь из вас будет продолжать общаться с ним или даже» случайно» встречаться у общих знакомых, то его постигнет та же участь. Надеюсь, я достаточно ясно выразилась? — Повысив голос, Маргарет добавила, обращаясь к удаляющемуся юноше:

— Захарий, на тот случай, если ты решил найти пристанище у кого-то из своих друзей, хочу предупредить, чтобы ты на это не особенно рассчитывал. Компания «Стенхоуп» является основным и практически единственным источником заработка для всех жителей Риджмонта. А так как я являюсь ее единственным и полноправным владельцем, то вряд ли кто-нибудь захочет помочь тебе, рискуя вызвать мое недовольство и, соответственно, потерять работу.

Захарий, уже спускавшийся по лестнице, оглянулся и посмотрел на бабушку с таким ледяным презрением, что она с некоторым запозданием сообразила, что внук никогда и не помышлял просить милости у кого бы то ни было. Что было в его глазах до того, как он повернул голову? Боль? Ярость? Страх? Маргарет Стенхоуп искренне надеялась, что и то, и другое, и третье.

Неуклюжий фургон, поравнявшись с высоким стройным молодым человеком, бредущим по обочине шоссе, с грохотом затормозил.

— Эй! — окликнул Чарли Мердок, высунувшись из кабины. — Тебя подвезти?

Янтарные глаза отрешенно уставились на Чарли, и у того возникло ощущение, что до парня не сразу дошел смысл его слов. Но через мгновение он все же кивнул и забрался в кабину. Чарли обратил внимание на дорогие брюки, шикарные туфли из натуральной кожи с подобранными в тон носками, модную стрижку. «Видать, из богатеньких студентов», — решил он и попытался завязать непринужденную светскую беседу.

— Ты в каком колледже учишься?

Парень судорожно сглотнул, как будто пытался протолкнуть застрявший в горле комок, и отвернулся к боковому окну, но когда он заговорил, его голос звучал ровно и спокойно:

- Я не учусь в колледже.
- Наверное, у тебя сломалась машина где-то неподалеку?
- Нет.
- Возвращаешься от родителей?
- У меня нет родителей.

Несмотря на резкий тон своего странного пассажира, Чарли, который сам был отцом троих взрослых сыновей, безошибочно почувствовал, что этому мальчику приходится проявлять недюжинное самообладание, стараясь ничем не выдать бушевающих его чувств. Поэтому он выдержал небольшую паузу и небрежно спросил:

- А имя у тебя есть?
- Зак... — ответил тот и после некоторого колебания добавил:
- ..Бенедикт.
- Куда направляешься?
- Куда угодно. Если не возражаете, то туда же, куда и вы.
- Я еду аж на Западное побережье. В Лос-Анджелес.
- Прекрасно, — ответил Зак и добавил тоном, который отбил у Чарли всякую охоту продолжать беседу:
- Лос-Анджелес ничем не хуже любого другого места.

Но несколько часов спустя разговор все же возобновился. Причем инициатором на этот раз был сам молодой человек, — Вам, случайно, не нужна будет помощь по разгрузке в Лос-Анджелесе?

Чарли еще раз украдкой внимательно оглядел своего пассажира. Нет, и на сей раз интуиция не подвела его. Этот парень одевался, говорил и вел себя как сын богатых родителей. Но было также совершенно очевидно, что в настоящее время этот избалованный, выхоленный юнец не имел ни денег, ни связей и был крайне несчастен и одинок. Правда, уже одна готовность заняться обычным физическим трудом, потребовавшая от него определенной силы духа и даже самоуничтожения, вызывала в Чарли невольное уважение.

— Ты производишь впечатление довольно сильного парня, — сказал он, быстро оглядев стройную, мускулистую фигуру Бенедикта. — Наверное, занимался тяжелой атлетикой или чем-то в этом роде?

— Я занимался боксом в... — начал было Зак, но вовремя спохватился, — да, я немного занимался боксом.

«В колледже», — мысленно завершил недоговоренную фразу Чарли. Он уже принял решение помочь этому парню. То ли потому, что тот чем-то напоминал его собственных сыновей, то ли потому, что почувствовал — положение Зака Бенедикта действительно отчаянное.

— Меня зовут Мердок, Чарли Мердок. Я, конечно, не смогу заплатить тебе много, но зато ты проникнешь в святая святых киношного бизнеса. Этот грузовик забит декорациями для «Эмпайр студIOS». Я работаю там водителем.

Полное безразличие, с которым Бенедикт отреагировал на эти слова, окончательно убедило Чарли в том, что его пассажир еще более беспомощен, чем могло показаться на первый взгляд. Судя по всему, он не имел ни малейшего понятия, как выбраться из той пиковой ситуации, в которой оказался.

— Если я увижу, что ты можешь хорошо работать, то замолвлю за тебя словечко в отделе по найму. Конечно, если ты только ничего не имеешь против того, чтобы орудовать метлой или делать другую грязную работенку.

В ответ на это Зак отвернулся к окну и молча уставился в темноту. Чарли подумал было, что ошибся и что парень считает для себя унижительным заниматься черной работой, но когда юноша заговорил, в его голосе звучали огромное облегчение, смущение и признательность:

— Спасибо. Я был бы вам очень благодарен.

Глава 1

1978

— Моя фамилия Боровская. Я — сотрудница Ла-Салльского детского дома. — К столу секретаря подошла дама средних лет, похожая на фельдфебеля. В одной руке она сжимала пакет с покупками из Валворта, а другой волокла за собой миниатюрную одиннадцатилетнюю девочку. — А это, — добавила она холодно, — Джулия Смит. Ее вызвала доктор Тереза Уилмер. Оставляю ее вам — мне еще нужно сделать кое-какие покупки.

Секретарша ласково улыбнулась девочке.

— Доктор Уилмер должна прийти с минуты на минуту, Джулия. А пока заполни анкету — сколько успеешь. Я забыла дать ее тебе в прошлый раз.

Оглядевшись, Джулия вдруг особенно остро почувствовала, как убого она одета. Потертые джинсы и растянутый свитер не вписывались в изысканную обстановку приемной. Дорогой восточный ковер покрывал пол, на старинном кофейном столике стояли изящные фарфоровые статуэтки, а на мраморных подставках — дорогие бронзовые скульптуры. Осторожно обойдя столик с хрупкими безделушками, Джулия направилась к огромному аквариуму, в котором среди зеленых кружевных водорослей плавала экзотическая золотая рыбка с развевающимися плавниками. Входная дверь снова открылась, и в ней показалась голова мадам Боровской.

— Хочу вас предупредить, — обратилась она к секретарше, — что эта девица тащит все, что не прибито гвоздями. Она такая шустрая, что вам лучше не спускать с нее глаз.

С трудом сдерживая слезы обиды и унижения, Джулия плюхнулась на стул и постаралась принять самую развязную и независимую позу, всем своим видом показывая, что ей абсолютно безразличны любые замечания в ее адрес. Правда, общее впечатление несколько портили пунцовые от смущения щеки и ноги, упорно не желавшие доставать до пола, так что небрежно вытянуть их вперед не было никакой возможности.

Наконец Джулия все же приняла более удобное и естественное положение, после чего, замирая от страха, начала рассматривать анкету, которую ей дала секретарша. Она знала, что не сможет разобрать ни слова, но тем не менее, высунув от напряжения язык, начала рассматривать черные значки, напечатанные на белой бумаге. Первое слово начиналось с

буквы И, такой же, как в вывеске «Игровые автоматы», которую она не раз видела на улице, — один из друзей прочитал ей эту надпись. Вторая буква была М, как в слове «Америка», только это слово было совсем другим. Пальцы Джулии судорожно сжали желтый карандаш. Знакомое чувство беспомощности и отчаяния захлестнуло ее. В первом классе они учились писать слово «кот», но кому и зачем нужно было это дурацкое слово, если его никто нигде никогда не пишет! Разве что в идиотских книжках для первоклассников.

Хотя, попыталась быть справедливой Джулия, книжки не были идиотскими, и учителя, наверное, знали, что делали. Ведь любой ребенок ее возраста смог бы прочесть эту дурацкую анкету за несколько секунд! Значит — все дело в ней.

Наверное, она просто тупа.

Но с другой стороны, она знает много такого, о чем остальные дети не имеют ни малейшего понятия. Потому что она умеет замечать многие вещи. И она давно заметила, что если люди протягивают тебе какой-то бланк и просят его заполнить, то они ожидают, что в первую очередь ты напишешь на нем свое имя...

Со скрупулезной старательностью она печатными буквами написала в верхней части анкеты ДЖУЛИЯ СМИТ и остановилась, потому что больше при всем желании написать ничего не могла. Чтобы не портить себе настроение мыслями о дурацком листе бумаги, который лежал перед ней, Джулия решила помечтать о чем-то хорошем и приятном. О свежем весеннем ветерке, обвевающем лицо, о большом раскидистом дереве, под которым можно лежать и наблюдать за белками, прыгающими в ветвях над головой. Но ласковый голос секретарши вернул ее к неприятной действительности.

— Что случилось, Джулия? Карандаш не пишет? Джулия уперлась острием грифеля в джинсы и резко нажала.

— Он сломался.

— Возьми другой...

— Извините, но у меня болит рука, — солгала Джулия, вставая со стула. — Поэтому я лучше не буду ничего писать. Кроме того, мне нужно в туалет. Где он?

— Рядом с лифтами. Но учти, что доктор Уилмер должна вот-вот прийти. Поэтому не ходи слишком долго.

— Не буду, — послушно ответила Джулия и вышла в коридор. Но перед тем как отправиться на поиски туалета, она внимательно изучила первые буквы таблички, прикрепленной на двери, чтобы не ошибиться при

возвращении. — П, — прошептала она вслух, чтобы запомнить наверняка, — СИ. — Довольная собой, Джулия прошла вдоль длинного, устланного ковровой дорожкой коридора, повернула налево, дошла до небольшого фонтанчика и повернула направо. Но когда она наконец добралась до лифтов, то обнаружила там две двери, на каждой из которых была какая-то надпись. В том, что это туалеты, она не сомневалась. Джулия давно заметила, что в больших зданиях их двери и ручки сильно отличаются от остальных. Проблема заключалась в другом. На этих дверях не было ни знакомых ей слов «Мальчики» и «Девочки», ни удобных рисунков, по которым всегда можно определить, какая дверь куда ведет. Джулия осторожно приоткрыла одну из них, заглянула внутрь и пулей отскочила в сторону, увидев одну из этих смешных настенных раковин, которые встречаются только в мужских туалетах. Она давно заметила, что мужчины пользуются такими странными унитазами и не особенно любят, когда маленькие девочки ошибаются дверью и застают их за этим занятием. Зато теперь можно смело открывать соседнюю дверь.

Выйдя из туалета, Джулия ускорила шаг и поспешно направилась в ту часть коридора, где, как она помнила, находилась приемная доктора Уилмер. «ПСИ», — шептала девочка, вспоминая. Однако слово на ближайшей двери начиналось с букв ПЕТ. «Наверное, перепутала», — решила Джулия и взялась за ручку. Незнакомая седая женщина оторвалась от машинки и повернулась к ней.

— Что тебе нужно?

— Простите, я ошиблась дверью, — пробормотала Джулия, и от смущения на ее щеках вспыхнул яркий румянец. — Вы случайно не знаете, где находится приемная доктора Уилмер?

— Доктора Уилмер?

— Да, понимаете, там еще написано такое слово — оно начинается на ПСИ!

— ПСИ... А-а, ты, наверное, имеешь в виду «психолог»! Это тебе нужна комната двадцать пять-шестнадцать. Она немного дальше по коридору.

В любом другом случае Джулия сделала бы вид, что все поняла, и пошла дальше по коридору, открывая все двери подряд, пока не нашла бы нужную. Но сейчас она слишком боялась опоздать, а потому решила пройти это испытание до конца.

— Вы не могли бы повторить номер еще раз, но отдельно?

— Раздельно?

— Ну да! — в отчаянии выкрикнула Джулия. — По одной цифре,

пожалуйста. Ну, например, так: три — шесть — девять — четыре — два. Я вас очень прошу.

Женщина недоуменно посмотрела на нее, и Джулия почувствовала себя полной идиоткой. Раздраженно вздохнув, седая дама все же снисзошла до ответа:

— Доктор Уилмер находится в комнате два — пять — один — шесть.

— Два — пять — один — шесть, — повторила Джулия.

— Это четвертая дверь по коридору с левой стороны, — добавила женщина.

— Так почему же вы не сказали мне этого сразу! — в отчаянии выкрикнула девочка и выбежала из комнаты.

Секретарша доктора Уилмер оторвала голову от бумаг и ласково спросила вошедшую Джулию:

— Ты заблудилась?

— Я? С чего бы это? — не моргнув глазом, соврала она и, гордо тряхнув кудрями, направилась к своему стулу. Не зная, что за ней наблюдают сквозь специальное двойное зеркало, она подошла к аквариуму. За время ее отсутствия в зеленом царстве произошла трагедия. Золотая рыбка, которая так весело плавала прежде среди густых водорослей, теперь лежала на дне, мертвая и безразличная, а две другие рыбки медленно подбирались к ней, явно помышляя об этой своеобразной добавке к своему рациону. Джулия постучала пальцем по стеклу, чтобы отпугнуть их, но через несколько мгновений они снова вернулись.

— Там мертвая рыбка, — наконец решилась Джулия обратиться к секретарше, стараясь при этом казаться не слишком озабоченной. — Я могу помочь вам достать ее.

— Благодарю тебя, дорогая, но в этом нет никакой необходимости. Вечером придут уборщики и сделают все, что нужно.

Джулия с трудом подавила гневный протест против того, что считала ненужной жестокостью по отношению к мертвой рыбке. С деланным равнодушием она раскрыла журнал, продолжая украдкой наблюдать за двумя живыми рыбками, хищно снующими вокруг своей мертвой соседки. Каждый раз, когда они собирались приступить к своей жуткой трапезе, Джулия бросала быстрый взгляд на секретаршу и, убедившись, что та занята своими делами, быстро стучала по аквариумному стеклу.

А всего в паре метров от нее, по другую сторону лжезеркала, доктор Тереза Уилмер наблюдала за развитием ею же самой придуманного сценария. С понимающей улыбкой она следила за доблестными попытками девочки, не привлекая внимания секретарши, защитить мертвую рыбку.

Повернувшись к стоящему рядом мужчине — коллеге-психиатру, который недавно начал участвовать в ее особой программе, доктор Уилмер улыбнулась.

— Итак, вот она перед нами, эта «ужасная Джулия», которую воспитатели дружно заклеили как умственно отсталую, неуправляемую, оказывающую дурное влияние на остальных детей и вообще как претендента номер один на место в колонии для малолетних преступников. Ты знаешь, — в ее голосе прозвучало что-то похожее на искреннее восхищение, — однажды ей даже удалось организовать в Ла-Салле голодовку! Она уговорила сорок пять детей, большинство из которых были старше ее, устроить эту своеобразную забастовку и требовать лучшей еды.

— Я полагаю, она это сделала для того, чтобы насолить начальству, — внимательно посмотрев на девочку, сказал Джон Фрейзер.

— Нет, — сухо ответила доктор Уилмер, — она это сделала для того, чтобы, как ни странно, лучше питаться. Я брала образцы пищи из Ла-Салля. Может, эта еда и питательна, но она абсолютно безвкусна.

Фрейзер удивленно взглянул на свою напарницу.

— А что ты думаешь о ее кражах? Не хочешь же ты просто закрыть глаза на этот порок? Терри задумчиво спросила:

— Скажи, Джон, разве ты никогда не слышал о Робин Гуде?

— Конечно, слышал, но при чем здесь это?

— Ты видишь перед собой современную разновидность Робин Гуда. Только в подростковом варианте. Джулия такая шустрая, что может стянуть золотую коронку прямо у тебя изо рта, и ты этого даже не заметишь.

— Если это действительно так, я тебя совсем не понимаю. Ты же собираешься отправить ее к своим техасским родственникам ?

Доктор Уилмер пожала плечами.

— Да, Джулия действительно крадет еду, одежду, игрушки и тому подобные мелочи, но она никогда ничего не оставляет себе. Вся добыча достается младшим воспитанникам Ла-Салля.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я специально это проверяла. И неоднократно.

— Тогда она больше похожа на Питера Пэна, чем на Робин Гуда, — с веселой улыбкой сказал Джон Фрейзер, рассматривая миниатюрную фигурку у аквариума. — Честно говоря, прочитав ее досье, я ожидал совсем другого.

— Я тоже была удивлена, — призналась Тереза. — Ты бы видел характеристику, которую представила мне директриса Ла-Салльского детского дома: «...постоянная нарушительница дисциплины, хроническая

прогульщица, смутьянка, воровка, неоднократно была замечена в дурных компаниях старших подростков мужского пола». — Действительно, прочитав бумаги, доктор Уилмер ожидала увидеть перед собой воинственную, огрубевшую юную особу, чье постоянное пребывание в мальчишеских компаниях, возможно, объяснялось ранним половым созреванием. Поэтому, когда два месяца назад Джулия вошла к ней в кабинет, Тереза на несколько мгновений лишилась дара речи. Вместо малолетней женщины-вамп перед ней предстало нечто вроде чумазого эльфа в старых джинсах и потрепанном спортивном свитере. Шапка выющихся темных волос обрамляла худенькое личико, на котором, казалось, не было ничего, кроме огромных, окруженных густыми черными ресницами глаз какого-то невероятного темно-синего цвета. И все же эта невинность была обманчивой. В мальчишеских повадках Джулии, в том, как она стояла перед доктором Уилмер, засунув руки в задние карманы брюк и выпятив вперед узенькую грудь, сквозил открытый вызов.

Эта первая встреча совершенно покорила Терезу, хотя личность Джулии заинтересовала ее с той самой минуты, как она прочла ответы девочки на разработанные ими психологические тесты. Перед ней открылась гордая, глубоко ранимая душа ребенка, брошенного родителями сразу после рождения и отвергнутого двумя приемными семьями. Джулия была обречена провести детство в переполненных детских домах, расположенных на задворках Чикаго. За всю ее коротенькую жизнь единственным источником человеческого тепла были товарищи по несчастью — такие же чумазые и неухоженные дети, как она сама. Дети, которые научили ее прогуливать уроки и воровать еду в окрестных магазинчиках. Быстрый ум и еще более быстрые пальцы помогали Джулии мгновенно завоевывать авторитет в любой подростковой компании, независимо от того, насколько часто ее переводили из одного детского дома в другой. А пару месяцев назад ей было оказано высшее доверие — группа подростков решила взять ее с собой и показать несколько приемов, используемых ими для угона машин. Это милое приключение закончилось тем, что их всех повязала чикагская полиция. В том числе и Джулию, которая просто стояла в стороне и наблюдала.

Первый арест оказался решающим в судьбе Джулии Смит, потому что именно он в конечном счете обратил на нее внимание доктора Уилмер. После этого задержания Джулия попала в поле зрения группы психологов и психиатров, работавших над экспериментальной программой, организатором и душой которой была Тереза Уилмер. Основной целью программы являлась социальная адаптация детей-сирот, попытка удержать

их от мелких правонарушений в настоящем и гораздо более серьезных преступлений в будущем.

По крайней мере в случае с Джулией доктор Уилмер решила добиться поставленной цели во что бы то ни стало. А все, кто был знаком с этой женщиной, знали, что если она чего-либо сильно хотела, то обязательно добивалась.

В свои тридцать пять лет Тереза обладала аристократической внешностью, приятными манерами и железной волей. Помимо внушительного списка медицинских степеней и генеалогического древа, которое впечатлило бы любого сноба, она также в избытке была наделена такими бесценными качествами, как интуиция, сострадание и полная, безоговорочная преданность своему делу. С неиссякаемым пылом евангелиста-миссионера Тереза Уилмер бросила процветающую частную практику и полностью посвятила себя спасению беспомощных подростков, ставших своеобразными жертвами страдающей вечной нехваткой денег, помещений и кадров системы государственной опеки. Для достижения своей цели Тереза пользовалась всеми возможными средствами, включая беззастенчивую эксплуатацию личных симпатий при вербовке коллег, например, в случае с Джоном Фрейзером. Приняв участие в судьбе Джулии, она обратилась за помощью к своим дальним родственникам. Они не были богаты, зато имели достаточно большой дом, а главное, достаточно большое сердце, чтобы приютить эту маленькую, беспомощную девчушку.

— Я хотела, чтобы ты обязательно на нее посмотрел, — сказала Терри, собираясь задернуть занавески, закрывающие окно, но в это время Джулия внезапно встала, беспомощно и отчаянно огляделась по сторонам, а потом вдруг решительно запустила обе руки в аквариум — Какого черта... — начал было Джон Фрейзер, но тут же замолчал, изумленно наблюдая за тем, как девочка быстрым шагом пересекла комнату и подошла к занятой своей работой секретарше. В ее сложенных ковшиком мокрых ладонях лежала мертвая рыбка.

Джулия смотрела, как вода капает на шикарный ковер и, наверное, может испортить его, но она не могла смириться с тем, что такое прелестное создание, эта рыбка с длинными, развевающимися плавниками, будет изуродована и съедена. Но секретарша то ли действительно не замечала ее, то ли делала вид, что не замечает. Джулия подошла почти вплотную к ее стулу и, протянув вперед обе руки, громко сказала:

— Извините, пожалуйста!

Секретарша, сосредоточенно стучавшая на машинке, подпрыгнула от неожиданности и, резко обернувшись, испуганно вскрикнула, увидев перед

своим носом мокрую, блестящую рыбку.

Джулия на всякий случай немного отступила назад, но упорно продолжала добиваться своего.

— Она умерла, — сказала девочка, стараясь ничем не выдать той сентиментальной жалости, которая переполняла ее, — а другие рыбки хотят ее съесть. Это гадко, и я не желаю этого видеть. Дайте мне, пожалуйста, кусок бумаги, я заверну ее, и вы сможете бросить сверток в корзину для мусора.

Оправившись от испуга, секретарша с трудом подавила улыбку, выдвинула ящик стола и достала оттуда несколько бумажных салфеток, которые и протянула Джулии.

— Может быть, ты хочешь забрать ее домой и похоронить?

Джулии очень хотелось это сделать, но ей почудилась насмешка в словах женщины, а потому она быстро завернула трупик в салфетку и протянула секретарше, пробурчав:

— Я не такая глупая, как вы думаете. Ведь это всего лишь рыбка, а не кролик или что-то в этом роде.

Доктор Фрейзер по другую сторону зеркала хмыкнул и покачал головой.

— Сдается, ей больше всего на свете хочется похоронить рыбку по всем правилам, но гордость не позволяет признать это. — Минутное умиление быстро сменилось жестким профессиональным подходом:

— А что делать с ее умственными способностями? Насколько я помню, у нее уровень семилетнего ребенка.

Доктор Уилмер презрительно фыркнула и потянулась за папкой, в которой находились результаты тестов Джулии.

— Обрати, пожалуйста, внимание на ее результаты, — улыбнувшись, сказала она. — В этом случае тесты проводились устно, и ей не нужно было читать.

Просмотрев записи, Джон Фрейзер расхохотался:

— Да у этого ребенка коэффициент умственного развития выше, чем у меня.

— Джулия вообще необычный ребенок, Джон. Я начала догадываться об этом, еще когда знакомилась с результатами тестов, но когда я встретила с ней лицом к лицу, то убедилась в этом окончательно. Она необыкновенно эмоциональна, впечатлительна, отважна и очень остроумна. Под ее ребяческой бравадой скрываются удивительная нежность, неиссякаемый оптимизм и негибкая вера в добро, которую не может поколебать даже безобразная действительность. А так как она не в

состоянии облегчить собственную жизнь, то старается сделать это хотя бы в отношении младших ребяташек. Причем это повторяется во всех детских домах, куда ее помещают. Она крадет для них, лжет, чтобы их выгородить, подбивает их на голодные забастовки, и они следуют за ней повсюду, куда бы она их ни повела. В свои одиннадцать лет это уже прирожденный лидер. Но чем раньше мы сможем прекратить ее робингудство, тем лучше. Потому что все эти подвиги рано или поздно приведут ее в колонию для малолетних преступников. А ведь это в данный момент даже не самая худшая из ее проблем.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду то, что несмотря на все ее замечательные способности, самооценка девочки крайне низка, практически равна нулю. С тех пор как ее отказались удочерить, она постоянно чувствует себя нелюбимой и никому не нужной. А из-за того, что не умеет читать так же хорошо, как ее сверстники, считает себя недоразвитой и тупой. Но самое ужасное то, что сейчас она практически дошла до предела. Еще немного — и она сдастся. Пока у нее еще есть душевные силы цепляться за собственную мечту, но нить очень тонка и может оборваться в любой момент. — Голос Терри посуровел, и она отчетливо произнесла, подчеркивая каждое слово:

— А я стараюсь не допустить, чтобы огромный потенциал этой девочки, ее надежды и оптимизм были растрочены попусту. Доктор Фрейзер удивленно приподнял брови:

— Прости, Терри, что напоминаю об этом, но, по-моему, именно ты не раз подчеркивала, что в отношениях с нашими пациентами лучше обходиться без личных пристрастий.

Доктор Уилмер облокотилась о стол и улыбнулась, но если в этой улыбке и промелькнуло раскаяние, то оно было не вполне искренним.

— Понимаешь, я с легкостью придерживалась этого правила, когда моими пациентами были дети из богатых семей, которые, не получив на свое шестнадцатилетие спортивной машины за 50 000 долларов, считали, что это как-то ущемляет их интересы и унижает их достоинство. Ты сам поймешь, когда поработаешь с нами подольше и пообщаешься с такими детьми, как Джулия. Дети, полностью зависимыми от нашей «системы» воспитательных учреждений и по какой-то причине выпавшими из этой же самой системы. Познакомившись с ними поближе, ты не сможешь спать спокойно, думая об их дальнейшей судьбе.

— Наверное, ты права, — вздохнул Джон, возвращая папку. — Но мне все равно любопытно узнать, почему ее так никто и не удочерил?

— Скорее всего, здесь имело место сочетание нескольких факторов — и не правильный выбор времени, и элементарное невезение. В досье сказано, что ее бросили прямо на улице, когда ей было всего несколько часов от роду, причем, судя по всему, она родилась на целых десять недель раньше срока.

Когда ее наконец доставили в больницу, она была в ужасном состоянии, что привело к целой куче осложнений и к тому, что до семи лет она практически постоянно болела.

Впервые Служба семьи нашла ей приемных родителей, когда Джулии было два года. Процесс удочерения был в самом разгаре и все документы уже практически готовы, но тут потенциальные родители по какой-то причине решили развестись, и вопрос о ребенке отпал сам собой. Спустя несколько недель ей подобрали еще одних приемных родителей, причем на сей раз проверка проводилась так тщательно, как это только возможно. Но теперь Джулия слегла с пневмонией, и новая пара, которая потеряла собственного ребенка как раз в таком возрасте, испугалась и отказалась от удочерения. После этого ее поместили в семейный детский дом. Предполагалось, на очень короткое время. Но несколько недель спустя сотрудник, который занимался ее судьбой, попал в серьезную аварию, получил травму и так больше и не вышел на работу. А дальше начинается то, что мы обычно называем «комедией ошибок». Папка с делом Джулии затерялась среди других дел...

— Но как такое возможно? — изумленно спросил Джон.

— Не будем судить Службу семьи слишком строго. В большинстве своем это очень самоотверженные и преданные своему делу работники. Но они всего лишь люди, а потому, учитывая объем работы, которую им приходится выполнять, и деньги, которые они за это получают, странно, как они еще умудряются делать то, что делают. Короче, в детском доме, где она жила, решили, что Служба не смогла найти ей приемных родителей из-за слабого здоровья. К тому времени, как в Службе семьи спохватились, Джулии уже было пять лет, и она вышла из того возраста, когда детей забирают наиболее охотно. Кроме того, у нее по-прежнему было очень слабое здоровье. Начались сильные приступы астмы, и получилось так, что в первые два года учебы она очень много пропускала по болезни. Но учителя исправно переводили ее из класса в класс, потому что она была «такой славной девочкой». В новом семейном детском доме, кроме нее, было еще трое детей-инвалидов, которые требовали очень много внимания, и потому никто вовремя не заметил, что Джулия безнадежно отстала от своих сверстников. К четвертому классу Джулия и сама начала остро

чувствовать свою неполноценность. Она стала притворяться больной, чтобы почаще оставаться дома. Когда же взрослые раскусили эту хитрость и заставили ее ходить в школу, то Джулия, стремившаяся любой ценой избежать того места, где она особенно остро ощущала собственную «дефективность», начала при каждой возможности прогуливать занятия и болтаться по улицам в компании своих сверстников. А так как она необычайно сообразительна, энергична и бесстрашна, то быстро научилась тому, как половчее стянуть что-нибудь в магазине и не быть при этом пойманной не только за воровство, но и за прогулы.

Остальное тебе известно. Однажды ее все-таки поймали и отправили в Ла-Салль, где собирают всех детей, которые в чем-то серьезно провинились и не прижились в системе государственной опеки. А несколько месяцев назад ее арестовали, причем несправедливо, вместе с группой подростков, которые демонстрировали ей свои таланты по угону машин. — Терри рассмеялась, как будто вспомнив о чем-то очень смешном, и продолжала:

— Джулия просто стояла в сторонке и заворуженно наблюдала. Но самое смешное то, что при желании она и сама могла бы это сделать. Она сообщила мне об этом во время нашей последней встречи и даже предложила устроить небольшую демонстрацию. Представляешь, эта крохотная девчушка с огромными невинными глазами действительно может завести твою машину без всякого ключа! Хотя она никогда не станет ее красть. Как я уже сказала, Джулия крадет только то, что может пригодиться детям в Ла-Салле.

Многозначительно ухмыльнувшись, Фрейзер кивнул в сторону приемной:

— Как ты думаешь, им смогут пригодиться красный карандаш, шариковая ручка и пригоршня карамелек?

— Что?

— Пока ты мне рассказывала о ее судьбе, твоя драгоценная пациентка ухитрилась незаметно все это стащить.

— О Боже! — воскликнула доктор Уилмер, но в ее голосе не прозвучало искренней озабоченности.

— С ее талантами она спокойно могла бы работать фокусником, — добавил Фрейзер с невольным восхищением. — Знаешь, на твоём месте я бы вмешался, не дожидаясь, пока она придумает способ, как протащить в дверь аквариум. Я уверен, что детям в Ла-Салле очень бы понравились экзотические тропические рыбки.

Тереза Уилмер взглянула на часы и сказала:

— Мэтисоны должны позвонить с минуты на минуту и сообщить,

когда они будут готовы принять ее. Я хочу встретить Джулию во всеоружии. — Интерком на столе ожил.

— Доктор Уилмер, вас просит к телефону миссис Мэтисон, — сообщила секретарша.

— Наконец-то! — радостно воскликнула Терри. Джон Фрейзер, в свою очередь, взглянул на часы:

— Через несколько минут у меня начинается первый сеанс с Сарой Петерсон. — Он направился к смежной двери, которая вела в его кабинет, но перед тем, как повернуть ручку, остановился и притворно обиженным тоном произнес:

— Должен сказать, что в рамках твоей программы нагрузка распределяется крайне несправедливо. Ты работаешь с девочкой, которая крадет карамельки и раздает их бедным, а моя малышка, ни больше ни меньше, пыталась укокошить своего приемного отца. Другими словами, если ты имеешь дело с Робин Гудом, то я — с Лиззи Борден.

— Но ведь тебе всегда нравились трудности, — рассмеялась Тереза и, взяв трубку, добавила:

— Я хочу попросить Службу семьи перевести мадам Боровскую из Ласалля куда-нибудь еще, где бы она имела дело только с младенцами и малышами. Там ей самое место. Она совершенно замечательная нянька, но только до тех пор, пока дети не начинают соображать и, соответственно, нарушать правила. Таких людей нельзя допускать к работе с подростками. Они не способны отличить детское бунтарство от правонарушения.

— А может, ты просто злишься на нее за то, что она сказала секретарше, что Джулия способна стянуть все, что плохо лежит?

— Нет, — ответила Тереза, поднося трубку к уху, — но это замечательно подтверждает мои слова.

Закончив беседу по телефону, доктор Уилмер встала и направилась к Джулии Смит, предвкушая тот сюрприз, который собиралась ей преподнести.

Глава 2

— Джулия, — позвала она, приоткрыв дверь в приемную, — зайди, пожалуйста, ко мне.

Девочка бочком протиснулась в комнату и осторожно прикрыла за собой дверь.

— Твое тестирование завершено, — жизнерадостно объявила Терри, — уже готовы все результаты.

Ее маленькая пациентка проигнорировала стул и предпочла стоять — слегка расставив ноги и засунув руки в задние карманы джинсов. Услыхав о завершении тестирования, она лишь небрежно пожала плечами, но о результатах не спросила. Терри поняла, что девочка просто смертельно боится услышать приговор.

— Все ваши хваленые тесты ничего не стоят, — с вызовом сказала Джулия, — так же как и вся эта программа. Как вы можете что-то узнать обо мне по куче дурацких вопросов и нескольким собеседованиям?

— За те несколько месяцев, что мы знакомы, Джулия, я узнала о тебе очень многое. Хочешь, я докажу тебе это и расскажу, что мне удалось обнаружить?

— Нет.

— Ну пожалуйста, позволь мне рассказать. Девочка вздохнула, ехидно улыбнулась и сказала:

— Вы же все равно это сделаете, хочу я или нет.

— Ты права, — ответила Тереза, с трудом сдерживая улыбку, которую у нее вызвало это замечание. Методы, которые она применяла при работе с Джулией, вообще сильно отличались от тех, что использовались обычно. Этот ребенок обладал фантастической интуицией, а жизнь на улице научила ее безошибочно чувствовать любую фальшь. Полуправда и красивые слова были не для нее. Эту девочку можно расположить к себе только откровенностью. А потому, усадив все-таки Джулию на стул, доктор Уилмер начала говорить спокойно, но твердо:

— Я обнаружила, что, несмотря на все твои отчаянные поступки и браваду, которую ты демонстрируешь перед своими товарищами, каждый день, каждую секунду твоей жизни тебя преследует страх. Это происходит оттого, что ты не знаешь ни кто ты такая, ни кем ты станешь в будущем. Ты не умеешь читать и писать, а потому уверена в том, что глупа. Ты прогуливаешь занятия, потому что не можешь учиться наравне со своими

сверстниками, и тебе очень больно, когда они смеются над тобой. Ты чувствуешь себя абсолютно беспомощной и ненавидишь себя за это.

Ты знаешь о том, что собственная мать бросила тебя, а приемные родители отказались от удочерения. Поэтому ты решила, что некрасива, неумна, и вообще ничего хорошего из тебя не выйдет. Ты стала коротко стричься, носить мальчишескую одежду и воровать, но это не сделало тебя более счастливой, потому что окружающие по-прежнему не обращали на тебя никакого внимания. Конечно, за исключением тех случаев, когда ты попадала в какую-то неприятную историю. А больше всего на свете хотелось, чтобы на тебя обязательно обратили внимание.

Доктор Уилмер сделала небольшую паузу и заговорила еще жестче:

— Тебе хочется, чтобы нашлись люди, которым бы ты была небезразлична. Если бы тебе дали возможность загадать единственное желание, то ты загадала именно это.

Безжалостные слова Терезы достигали цели, и Джулия, часто моргая, с трудом сдерживала слезы унижения и обиды.

Реакция девочки не укрылась от Терри Уилмер, послужив еще одним подтверждением тому, что она попала в точку. Немного смягчив тон, Тереза продолжала:

— Ты ненавидишь себя за собственные мечты и надежды, но и не мечтать ты не можешь. Поэтому ты стала придумывать чудесные истории и рассказывать их малышам в Ла-Салле — истории про одиноких, некрасивых детей, которые в один прекрасный день находили семью, счастье и любовь.

— Это не правда! — яростно запротестовала Джулия, покраснев до корней волос. — Вы сделали из меня какую-то слезливую дурочку, какую-то... маменькину дочку. Мне не нужно ничьей любви, так же как и всем остальным детям в Ла-Салле! Я и так счастлива...

— Ты лжешь, Джулия. А сегодня нам с тобой придется быть полностью откровенными друг с другом, и я еще не закончила. — Глядя прямо в глаза девочке, Тереза снова неторопливо заговорила, стараясь подчеркнуть смысл каждой фразы:

— Правда также заключается в том, что во время тестирования выяснилось, что ты совершенно замечательная и очень способная девочка. — Улыбнувшись при виде ошарашенного, недоверчивого лица Джулии, она продолжала:

— Единственная причина, по которой ты не умеешь читать и писать, — это твоя болезнь, из-за чего ты пропустила в младших классах очень много занятий и уже не смогла наверстать упущенное. Но это не

имеет ничего общего с твоей способностью к учебе. Тебе просто необходима небольшая помощь на первых порах, и ты очень быстро догонишь сверстников. Помимо хороших способностей, — продолжала Тереза, немного изменяя предмет разговора, — ты также обладаешь совершенно нормальной, естественной для любого человека потребностью в любви. Ты очень эмоциональна и легко ранима. Поэтому ты очень тонко чувствуешь чужую боль и стараешься облегчить ее настолько, насколько можешь. Ты начинаешь придумывать для обиженных малышей всякие истории со счастливым концом, крадешь для них вещи, которые могут доставить им радость. Я знаю, что ты терпеть не можешь, когда тебя считают чуткой и впечатлительной, но поверь мне — это одна из самых замечательных твоих черт. И теперь, когда мы выяснили, в чем дело, нам остается только подыскать тебе подходящее окружение, которое поможет тебе со временем стать такой, какой ты можешь стать...

Джулия побледнела, подумав, что загадочное слово «окружение» может значить все что угодно, в том числе колонию и тюрьму.

— Я нашла тебе подходящих приемных родителей — Джеймса и Мэри Мэтисон. Миссис Мэтисон в свое время была учительницей и с удовольствием поможет тебе разобраться со школьными проблемами. А мистер Мэтисон — священник...

Джулия вскочила со стула как укушенная.

— Священник?! — взорвалась она, живо вспоминая те бесконечные проповеди об адовом огне и вечном проклятии, которых она наслушалась на много лет вперед. — Нет уж, спасибо. Я с большим удовольствием отправлюсь в тюрьму.

— Ты, к счастью, никогда не была в тюрьме, а потому не говори глупостей, — отрезала доктор Уилмер и продолжала рассказывать о новых приемных родителях Джулии:

— Джеймс и Мэри Мэтисон переехали в маленький техасский городок несколько лет назад. Но учти, что это будет совсем не тот семейный детский дом, к которым ты привыкла. Кроме тебя, там не будет никаких приемных детей, только их собственные. У Мэтисонов двое сыновей. Оба старше тебя. Один — на три года, другой — на пять лет. Джулия, ты станешь частью настоящей семьи. У тебя будет даже своя собственная комната. Я уже говорила с Джеймсом и Мэри о тебе, и они с нетерпением ждут твоего приезда.

— А это надолго? — спросила Джулия, стараясь подавить вспыхнувшую было надежду.

— Навсегда, если, конечно, тебе там понравится и ты согласишься

неукоснительно следовать единственному непреложному правилу: всегда и во всем быть абсолютно честной. А это значит — никакого воровства, никакой лжи, никаких глупостей, никаких прогулов. Честность — единственное, чего они требуют от своих детей, а они надеются, что ты станешь для них еще одним ребенком. Миссис Мэтисон звонила мне несколько минут назад. Она как раз собиралась в магазин, чтобы купить игры и пособия, которые помогут тебе поскорее научиться читать. Но с остальными покупками она решила обождать до твоего приезда, чтобы вы вместе смогли обставить комнату по твоему вкусу.

Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой, и Джулия усилием воли сдержала радостное возбуждение.

— Но ведь они, наверное, не знают, что меня уже арестовывали? Ну, за прогулы?

— За прогулы, — подхватила доктор Уилмер и, не желая оставлять никаких недомолвок, добавила:

— А также за попытку угона автомобиля. Им все это известно, Джулия.

— И несмотря на это, они по-прежнему хотят, чтобы я жила с ними? — удивилась девочка и, осененная внезапной догадкой, недобро усмехнулась:

— Наверное, они очень сильно нуждаются в тех деньгах, которые Служба семьи платит приемным родителям.

— Деньги здесь совершенно ни при чем! — резко оборвала ее доктор Уилмер, но тотчас же смягчила суровость тона легкой улыбкой. — Дело в том, что Мэтисоны — не совсем обычная семья. Они небогаты, но считают, что это полностью компенсируется другими благами, дарованными им свыше. И вот именно этими благами они и хотят поделиться с ребенком, который достоин этого.

— И они считают что я — именно этот достойный ребенок? — фыркнула Джулия. — Я никому не была нужна, даже когда у меня еще не было приводов в полицию, а теперь и подавно. Разве не так?

Проигнорировав этот риторический вопрос, доктор Уилмер встала из-за стола и подошла к ней.

— Послушай меня, Джулия, — мягко начала она и, не давая Джулии отвести взгляд, продолжала:

— Я считаю, что ты — самая достойная девочка из всех ребят, которых я когда-либо встречала в своей жизни.

Джулия, которую ни разу в жизни никто не хвалил, была настолько ошарашена, что даже не сразу поняла, что произошло потом — доктор

Уилмер нежно провела рукой по ее не знавшей ласки щеке и сказала:

— Не знаю, как тебе удалось остаться такой доброй и неиспорченной, но поверь, что ты действительно заслуживаешь той помощи, которую могу оказать тебе я, и той любви, которую, надеюсь, смогут дать тебе Мэтисоны.

— Не очень-то рассчитывайте на это, доктор Уилмер, — нарочито грубо сказала Джулия. Привыкшая к жестоким разочарованиям, она изо всех сил старалась не поддаваться надежде, но та, вопреки всему, уже затеплилась в ее душе.

— Я рассчитываю на тебя, Джулия, — мягко улыбнулась Тереза, — ты очень умная девочка с прекрасно развитой интуицией, а потому сможешь разобраться, что для тебя хорошо, а что плохо.

— Наверное, вы действительно знаете свое дело, — сказала Джулия со вздохом, в котором сочетались надежда и страх перед будущим, — вы почти заставили меня поверить всему, что мне тут наговорили.

— Я очень хорошо знаю свое дело, — согласилась Тереза Уилмер, — и то, что ты это поняла,шний раз подтверждает мои слова о твоём уме и интуиции. — Улыбнувшись, она легонько взяла Джулию за подбородок и произнесла с немного преувеличенной торжественностью:

— Пообещай, что обязательно будешь время от времени мне писать и рассказывать, как у тебя дела.

— Обещаю, — охотно согласилась Джулия, хотя пока просьба доктора казалась ей совершенно абсурдной.

— Мэтисонов совершенно не интересует твоё прошлое. Для них главное, чтобы ты была честна с ними сейчас. А потому постарайся тоже забыть о прошлом и дай им шанс помочь тебе реализовать все те замечательные качества, которые в тебе заложены.

Такая откровенная лесть настолько рассмешила Джулию, что она едва удерживалась, чтобы не захихикать. Но Тереза твердо решила заставить Джулию осознать всю важность предстоящего события и всерьёз задуматься о будущем.

— Подумай ещё вот о чём, Джулия. Мэри Мэтисон всегда хотела иметь дочь, но ты — первая и единственная девочка, которую она приглашает жить в своём доме. А потому с этого самого момента ты должна обязательно забыть обо всём, что было раньше. Представь себе, что ты — новорожденный младенец. Понимаешь, что я имею в виду?

Джулия открыла рот, чтобы сказать, что она всё понимает, что она... Но в горле застрял какой-то странный комок, и ей пришлось просто кивнуть.

Тереза Уилмер провела рукой по коротко стриженным, спутанным

каштановым кудрям и, еще раз взглянув в бездонные синие глаза, почувствовала, что у нее тоже сжалось горло.

— Может быть, когда-нибудь ты решишь отпустить волосы, — тихо сказала она, — они должны вырасти очень густыми и красивыми.

Джулия наконец снова обрела дар речи, и на ее чистом лбу собрались озабоченные морщинки.

— Но эта женщина... то есть, я хочу сказать, миссис Мэтисон... Она ведь не будет укладывать их локонами, переплетать ленточками и тому подобное?

— Конечно, нет. Если только ты сама этого не захочешь. Джулия вышла из кабинета, оставив Терезу Уилмер в размягченном состоянии. Заметив, что дверь в приемную осталась слегка приоткрытой, и вспомнив, что секретарша ушла на обед, Тереза решила закрыть ее сама. Но, »взявшись за ручку, она сквозь небольшую щель увидела Джулию, которая по дороге к входной двери слегка замедлила шаг у кофейного столика, а потом сделала небольшой крюк, чтобы пройти мимо стола секретарши.

После ее ухода на кофейном столике осталась пригоршня карамелек, а на пустом столе секретарши — красный карандаш и шариковая ручка.

Тереза почувствовала, как ее переполняют радость и гордость за этого маленького человечка.

— Ничем не хочешь запятнать свою новую чистую жизнь? Да, моя девочка? — сказала она хриплым от волнения голосом. — Так и надо, дорогая! Так и надо!

Глава 3

Школьный автобус затормозил перед уютным викторианским домиком, который Джулия за три месяца жизни с Мэтисонами уже привыкла считать родным.

— Пора выходить, Джулия, — водитель был как всегда доброжелателен, но ни один из новых друзей не помахал ей на прощание, как обычно. Их отчужденность и подозрительность усиливали и без того нестерпимый страх, от которого сводило живот. Накануне в школе кто-то украл деньги, которые учительница собирала на обеды. Они пропали прямо из ее стола. По поводу этой кражи расспрашивали всех, но получилось так, что именно Джулия в тот день задержалась в кабинете дольше других, заканчивая работу по географии. Она оказалась главной подозреваемой не только потому, что имела прекрасную возможность украсть деньги, но и потому, что она была новичком, аутсайдером, ребенком из большого города с дурной репутацией. А так как до ее приезда в классе ничего похожего ни разу не происходило, в глазах окружающих она стала единственно возможной кандидатурой на роль воровки. Сегодня днем, стоя у двери в кабинет директора, Джулия слышала, как мистер Дункан говорил своей секретарше, что собирается позвонить преподобному Мэтисону и рассказать о краже. Скорее всего, он так и сделал, потому что сейчас машина Мэтисона стояла на подъездной дорожке, а он обычно никогда не возвращался домой так рано.

Джулия дошла до калитки в белой ограде, окружающей двор, и остановилась, тщетно пытаясь унять дрожь в коленях. Мысль о том, что ей придется расстаться с этим домом, была совершенно невыносима. В доме Мэтисонов у нее была своя чудесная комната с кроватью под балдахином, покрытой красивым покрывалом. Но не это главное. Ей будет не хватать их теплых объятий. И смеха. И красивых голосов. Ведь у всех были такие мягкие, добрые, смеющиеся голоса. При мысли о том, что Джеймс Мэтисон больше никогда не поцелует ее на ночь и не скажет:» Спокойной ночи, Джулия. Не забудь помолиться перед сном «, — она готова была зарыться в снег и разрыдаться, как маленький ребенок. А как теперь жить без Карла и Теда, которых уже привыкла считать своими настоящими старшими братьями? Которые играли с ней и водили в кино. Неужели она никогда больше не пойдет в церковь со своей новой семьей? Не будет сидеть в первом ряду и слушать, как преподобный Мэтисон рассказывает о

Господе и вся паства внимательно слушает его проповедь. Правда, поначалу ей это не очень нравилось. Казалось, что служба длится вечно, а скамейки тверды как камень. Но потом она научилась прислушиваться к тому, что говорил преподобный Мэтисон. И через несколько недель почувствовала, что действительно начинает верить в то, что существует добрый, любящий Бог, который все видит и никогда не оставит ни одного из своих детей, даже таких недостойных, как мисс Джулия Смит. И сейчас, стоя здесь, в снегу, Джулия мысленно молила этого доброго Бога, хотя и понимала, что его бесполезно.

Все было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго, с горечью думала Джулия, изо всех сил пытаясь удержать набегавшие на глаза слезы. Как она мечтала о том, чтобы ее просто выпороли вместо того, чтобы отсылать обратно в Чикаго! Но в глубине души она понимала, что эти надежды напрасны. Во-первых, ее новые приемные родители не верили в действенность порки, а во-вторых, они верили в то, что ложь и воровство — это смертные грехи, которые не приемлет ни их Господь, ни они сами. Джулия пообещала, что никогда не будет заниматься ни тем, ни другим, и они поверили ей.

Одна из лямок ее новой нейлоновой сумки для книг сползла с левого плеча, но Джулия была слишком несчастна, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Замирая от страха, она медленно направилась к дому, поднялась по ступенькам крыльца и вошла в кухню.

На подносе остывало ее любимое шоколадное печенье. Обычно уже от одного его запаха у Джулии текли слюнки, сегодня же ее чуть не стошнило. Ведь Мэри Мэтисон больше никогда не испечет это печенье специально для нее. Ни в кухне, ни в гостиной почему-то никого не было. Правда, из спальни братьев доносились голоса. Дрожащими руками Джулия повесила сумку на один из крючков рядом с кухонной дверью и сняла белую стеганую куртку. После этого она направилась к спальне братьев.

Шестнадцатилетний Карл заметил Джулию первым.

— Привет, Джули-Боб, — поддразнил он ее, — как тебе нравится наш новый плакат?

Обычно смешная кличка, которую дал ей Карл, вызывала у Джулии веселую улыбку. Но сегодня ей захотелось разрыдаться при мысли о том, что он никогда больше не назовет ее так. Тед, который был на два года моложе брата, лишь молча улыбнулся и с гордостью показал последнее приобретение — плакат их нового кумира Зака Бенедикта.

— Правда, здорово? Когда-нибудь у меня будет точно такой мотоцикл, как у него.

Сквозь пелену слез Джулия посмотрела на огромную фотографию высокого, широкоплечего, не улыбающегося мужчины с руками, скрещенными на широкой груди, поросшей темными волосами.

— Да, действительно здорово, — послушно согласилась она и совершенно безжизненным голосом спросила:

— А где ваши мама и папа?

Она сознательно употребила слово «ваши», потому что знала, что скоро навсегда лишится права называть Джеймса и Мэри Мэтисон родителями. — Мне нужно поговорить с ними. — Голос Джулии осип от невыплаканных слез, но она хотела поскорее покончить со всем этим ужасом. Каждая секунда отсрочки все ближе подводила ее к нервному срыву.

— По-моему, они в своей спальне. Обсуждают какие-то насущные проблемы, — сказал Тед, не отрывая восторженного взгляда от плаката. — Мы с Карлом собираемся завтра на новый фильм Бенедикта. Жаль, что мама не разрешает взять тебя. Говорит, что там слишком много насилия. — Оторвав взгляд от своего кумира, Тед наконец заметил мрачное лицо Джулии, но истолковал это по-своему:

— Эй, малыш, не надо так расстраиваться. Мы возьмем тебя на первый же фильм, который...

Дверь с спальню родителей открылась, и оттуда вышли Джеймс и Мэри Мэтисон. Выражения их лиц не предвещали ничего хорошего.

— Мне показалось, что я услышала твой голос, Джулия, — сказала Мэри, — хочешь немного перекусить, прежде чем приняться за домашнее задание?

Преподобный Мэтисон внимательно посмотрел на напряженное, измученное личико Джулии.

— Я думаю. Мэри, что Джулия сейчас слишком расстроена для того, чтобы сосредоточиться на домашнем задании, — сказал он и, обращаясь к Джулии, добавил:

— Когда ты предпочтешь поговорить о том, что тебя беспокоит — сейчас или после обеда?

— Сейчас, — еле слышно прошептала Джулия. Карл и Тед обменялись озадаченными, обеспокоенными взглядами и направились к двери, но Джулия жестом показала, чтобы они остались. Она решила не растягивать эту мучительную процедуру, а покончить со всем сейчас, раз и навсегда, в присутствии всех членов семьи. Старшие Мэтисоны присели на кровать Карла, и Джулия, чей голос дрожал помимо ее воли, начала.

— У нас в школе произошла кража. Украли обеденные деньги.

— Мы уже знаем об этом, — бесстрастно произнес преподобный Мэтисон, — ваш директор позвонил нам. Судя по всему, мистер Дункан, так же как и твоя учительница, считает, что деньги взяла ты.

Еще по дороге из школы Джулия решила, что какие бы жестокие и несправедливые вещи ей ни говорили, она не станет унижаться и умолять поверить ей. Единственное, чего она не рассчитала, — это невыносимую муку, которую вызывала мысль о том, что сейчас ей придется навсегда расстаться со своей новой семьей. Бессознательным движением Джулия засунула руки в задние карманы джинсов, но даже эта привычная поза вызова всем и вся на сей раз совершенно не помогла. К ее великому ужасу, плечи начали содрогаться от рыданий, а по лицу заструились слезы — те самые, которые она всегда презирала.

— Ты взяла эти деньги, Джулия?

— Нет! — отчаянно выкрикнула она, выплескивая в этом коротком слове всю ту душевную боль, которую испытывала.

— Ну что ж, очень хорошо, — преподобный Мэтисон и его жена встали, и Джулия, решившая, что они теперь считают ее не только воровкой, но и лгуньей, совершенно забыла о своем твердом намерении ни в коем случае не просить и не унижаться.

— Я клянусь, что не притрагивалась к этим деньгам, — рыдала она, судорожно дергая низ свитера, — я в-ведь п-по-обещала, чт-то никогда не буду больше лгать и воровать, я п-пообещала! Пожалуйста! Пожалуйста, поверьте мне — Мы верим тебе, Джулия.

— Я ведь действительно изменилась, правда, и я... — Внезапно до Джулии дошел смысл слов Джеймса Мэтисона, и она осеклась, будучи не в силах поверить услышанному. — Вы... что?

— Джулия, — сказал приемный отец, погладив ее по щеке, — когда ты впервые вошла в наш дом, то дала нам слово, что больше не будешь лгать и воровать. Ты дала нам слово, мы тебе — наше доверие, помнишь?

Джулия кивнула, потому что каждая секунда того разговора в гостиной три месяца назад отпечаталась в ее памяти с удивительной четкостью. Потом она подняла глаза и, увидев такую знакомую улыбку на лице Мэри Мэтисон, бросилась в ее объятия. Теплые руки, пахнущие гвоздикой, сомкнулись вокруг нее, обещая впереди долгую и счастливую жизнь, полную веселого смеха и поцелуев перед сном.

Ничем не сдерживаемые слезы теперь текли ручьями.

— Ну хватит, хватит, так можно и заболеть, — успокаивал ее Джеймс Мэтисон, улыбаясь жене над склоненной темнокудрой головкой. — Дай маме возможность позаботиться об обеде, а Господь позаботится об этой

истории с украденными деньгами.

При упоминании Господа Джулия внезапно рванулась к выходу из комнаты, крикнув через плечо, что скоро вернется и поможет накрыть стол к обеду.

Бегство Джулии было настолько неожиданным, что все не на шутку встревожились, а Джеймс Мэтисон обеспокоенно сказал;

— Ее никуда нельзя отпускать в таком состоянии, по крайней мере одну. Она еще не совсем пришла в себя, а через несколько минут уже стемнеет. Карл, — обратился он к старшему сыну, — иди за ней и проследи, чтобы она не наделала глупостей.

— Я тоже пойду, — крикнул Тед, на ходу надевая куртку.

А в это время в двух кварталах от дома Джулия изо всех сил тянула на себя тяжелую дверь церкви, в которой служил ее приемный отец. Наконец дверь открылась, и она пошла по центральному проходу, залитому бледным зимним сумеречным светом, льющим сквозь высокие окна. Дойдя до алтаря, Джулия остановилась в нерешительности, подняла кверху сияющие глаза и, обращаясь к деревянному распятию, заговорила — очень тихо и нерешительно:

— Благодарю тебя за то, что Ты сделал так, что Мэтисоны поверили мне. Я знаю, что это сделал Ты, потому что это — самое настоящее чудо. Ты никогда не пожалеешь о том, что помог мне, я постараюсь стать такой, чтобы Ты и все остальные смогли гордиться мной. Я обязательно достигну совершенства, Джулия замолчала и после небольшой паузы добавила:

— И если можешь, то сделай, пожалуйста, так, чтобы мистер Дункан обязательно нашел настоящего вора. Потому что иначе меня все равно будут подозревать, а это несправедливо.

Этим вечером, после ужина, Джулия сверхтщательно убрала свою и без того безупречно чистую комнату, а принимая ванну, дважды вымыла уши. Она настолько решительно настроилась на самосовершенствование, что когда Тед и Карл предложили ей перед сном поиграть в скрэббл (это очень помогало быстрее осваивать чтение и письмо), Джулия ни разу не пыталась подглядывать, чтобы выбрать себе буквы полегче.

А в понедельник на следующей неделе дежурный застал под трибуной школьного стадиона группу школьников, распивающих пиво, которым их щедро угощал семиклассник Билли Несбит. Внутри пустого картонного ящика нашли желтовато-коричневый конверт с надписью:» Деньги на обед. Класс мисс Эббот «.

Перед Джулией извинились. Мисс Эббот — публично, в присутствии

всего класса. Мистер Дункан — в частной беседе и гораздо менее охотно.

В этот день Джулия вышла из школьного автобуса возле церкви, пробыла там пятнадцать минут, а потом заторопилась домой — ей не терпелось поскорее поделиться новостями, окончательно доказать свою полную невиновность. Раскрасневшись от мороза, она побежала прямо на кухню, где Мэри Мэтисон готовила обед.

— Я теперь могу доказать, что не брала обеденные деньги, — задыхаясь от возбуждения, выпалила она.

Ее глаза поочередно останавливались то на матери, то на братьях, как будто она ожидала от них каких-то вопросов.

Мэри Мэтисон удивленно посмотрела на дочь, ласково улыбнулась и вернулась к чистке моркови. Карл был настолько поглощен проектом, который делал для конкурса Будущих архитекторов Америки, что вообще никак не отреагировал на ее слова, а Теда ничто не могло отвлечь от очередного киношного журнала с Заком Бенедиктом на обложке. Джулия вообще засомневалась, слышал ли он то, что она сказала.

— Мы знаем, что ты не брала этих денег, дорогая, — наконец заговорила миссис Мэтисон, — ты же сама сказала нам, что не делала этого.

— Да, точно, — подхватил Тед, продолжая листать журнал, — помнишь, мы тебя спросили, и ты сказала...

— Да, но... но теперь я могу доказать это! — воскликнула Джулия, переводя непонимающий взгляд с одного лица на другое.

Миссис Мэтисон отложила морковь и начала расстегивать курточку дочери.

— Но ты давно уже это доказала, дорогая, — ласково улыбнулась она. — Ты же дала нам слово, помнишь?

— Да, но мое слово еще не доказательство. А я говорю о настоящем доказательстве!

— Джулия, — мягко, но твердо сказала миссис Мэтисон, глядя прямо в глаза девочки, — запомни, пожалуйста, что твое слово и есть самое лучшее доказательство. — Сняв с дочери стеганую курточку, она добавила:

— А если ты будешь со всеми так же честна, как с нами, то скоро твое слово станет достаточным доказательством для любого человека.

— Билли Несбит украл деньги, чтобы купить пиво для своих друзей, — упрямо продолжала Джулия, будучи не в силах остановиться, — и откуда вы можете знать, что я всегда буду говорить правду? Что я никогда не попытаюсь ничего украсть?

— Мы знаем это, потому что знаем тебя, — голос Мэри Мэтисон

звучал ласково, но твердо и даже немного торжественно, — мы знаем тебя, доверяем тебе и любим тебя.

— Да, малышка, точно, — широко улыбнувшись, вставил Тед.

— Ага, — охотно согласился Карл. По такому поводу он даже на несколько секунд оторвался от своего проекта.

Джулия почувствовала, как ее глаза снова наполняются слезами, и, чтобы скрыть это, поспешно отвернулась в сторону. Но позднее она поняла, что именно этот день стал поворотным в ее жизни. Мэтисоны дали ей не только место в своем доме. Они подарили Джулии свою любовь, свое доверие. Эта удивительная, чудесная семья стала навсегда ее. Они знали о ней все и несмотря на это любили ее.

В согретой любовью атмосфере дома Мэтисонов Джулия расцвела, как бутон, открывающий свои лепестки навстречу солнечному свету. Каждый день дарил ей новые знания и впечатления. С головой уйдя в учебу, Джулия поражалась, насколько легко давались ей все предметы. Когда наступили каникулы, она попросила отправить ее в летнюю школу, чтобы окончательно наверстать упущенное по школьной программе.

А зимой, в день ее рождения, Джулию позвали в гостиную, и сияющие домочадцы вручили ей первые в ее жизни подарки. Когда же последняя обертка упала на пол, Джулию ожидало нечто лучшее, чем любой, самый дорогой подарок.

Это нечто находилось в большом, невзрачном коричневом конверте. На продолговатом кусочке бумаги было написано:

« ПРОШЕНИЕ ОБ УДОЧЕРЕНИИ ».

Прижав заветный конверт к груди, Джулия почти не могла говорить из-за душивших ее рыданий. — Меня? — только и успела выдохнуть она. Тед и Карл, не правильно истолковав причину ее слез, начали говорить одновременно, взволнованно перебивая друг Друга:

— Джулия, мы просто хотели, чтобы все было оформлено по закону. Чтобы твоя фамилия тоже была Мэтисон, как у нас. Конечно, если ты считаешь, что этого делать не стоит, то...

На этом месте они вынуждены были замолчать, потому что Джулия налетела на них как вихрь, едва не сбив с ног.

— Стоит! Стоит! Стоит! — возбужденно повторяла она. Джулия была так счастлива, что ей доставляли радость даже те вещи, к которым обычно она относилась совершенно спокойно и равнодушно. Поэтому, когда братья позвали ее в кино на очередной фильм своего кумира Зака Бенедикта, она тотчас же согласилась, хотя и не разделяла их восторгов. Зато как замечательно было сидеть в третьем ряду кинотеатра « Бижу » и знать, что

рядом сидят твои братья, чувствовать прикосновение их локтей и испытывать ощущение полной безопасности и защищенности. Ради этого стоило в течение двух часов смотреть на высокого темноволосого парня, который весь фильм ездил на мотоциклах, дрался и казался скучающим, разочарованным и... холодным.

— Ну как тебе? — спросил Тед, когда они выходили из кинотеатра в компании других подростков. — На Бенедикта всегда смотришь не отрываясь, правда?

Джулии очень хотелось во всем согласиться со своими замечательными братьями, но твердая решимость всегда говорить только чистую правду победила.

— Да, конечно, он... Он только кажется немного... старым, — нерешительно сказала она, ища поддержки у трех девочек, которые смотрели фильм вместе с ними.

Теда слова сестры потрясли.

— Старый?! Ему всего двадцать один год, но сколько он уже успел пережить! Я читал в одном из журналов, что когда ему было всего шесть лет, он остался совсем один и зарабатывал себе на жизнь, работая на ранчо. Он объезжал лошадей, участвовал в родео. Потом некоторое время он был членом банды мотоциклистов. Объездил всю страну. Зак Бенедикт, — задумчиво закончил Тед, — это тот идеал, к которому может только стремиться любой мужчина.

— Может быть, но он кажется... холодным, — попыталась возразить Джулия, — холодным и недобрым.

Девочки, от которых она ожидала поддержки, дружно расхохотались. Они явно не разделяли ее мнения.

— Джулия, — хихикая, сказала Лори Паулсон, — Захарий Бенедикт — совершенно потрясающий и невероятно сексуальный мужчина. Все так считают.

Джулия, которая знала, что Карл равнодушен к Лори, упрямо настаивала на своем:

— Кроме меня. Мне не нравятся его глаза. Они карие и очень недобрые.

— Во-первых, его глаза не карие, а золотые. И очень чувственные. Спроси у кого угодно!

— Джулия вряд ли может быть экспертом в таких делах, — вмешался Карл, отворачиваясь от своей тайной любви и подходя к Теду. — Она еще слишком молода.

— Но не настолько молода, чтобы не понимать, что Зак Бенедикт и

наполовину не так красив, как вы! — парировала Джулия, становясь между братьями и беря их под руки.

Польщенный Карл бросил через плечо торжествующий взгляд на Лори Паулсон и уточнил:

— Правда, Джулия очень взрослая для своих лет. Тед все еще был полностью поглощен мыслями о своем кумире.

— Вы только представьте себе — в шесть лет остаться совсем одиноким, работать на ранчо, объезжать лошадей, ловить арканом быков...

Глава 4

1988

— Уведите отсюда этих проклятых быков! От такой вони может задохнуться даже труп!

Захарий Бенедикт сидел на раскладном полотняном стуле с надписью «РЕЖИССЕР» на спинке и делал пометки в сценарии. Быки, о которых шла речь, находились в небольшом временном загоне, сооруженном рядом с огромным приземистым зданием, изображающим дом владельца ранчо. Вообще это шикарное поместье, находящееся в сорока милях от Далласа, с его дорогими конюшнями, подъездной аллеей, на которой могли спокойно разъехаться три машины, и полями, испещренными нефтяными скважинами, было арендовано у одного тexasского миллиардера для съемок фильма под названием «Судьба». Фильму прочили большой успех, а Захарию Бенедикту — очередного «Оскара». Точнее, даже двух — «За лучшую мужскую роль» и «За режиссуру». Если, конечно, ему удастся завершить эту проклятую картину, над которой с самого первого дня тяготел злой рок.

На сегодняшний день все складывалось настолько плохо, что, казалось, хуже уже быть не может. Первоначальная смета фильма составляла 45 миллионов долларов, и его предполагалось снять за четыре месяца. Теперь они уже превысили смету на семь миллионов, и скоро пойдет шестой месяц с момента начала съемок. Но ведь никто не мог предвидеть такого безумного количества накладок и несчастных случаев, которые буквально преследовали съемочную группу. И вот наконец наступил долгожданный момент. После долгих месяцев отсрочек и бедствий оставалось снять только две сцены. Но вместо долгожданного облегчения Зак испытывал лишь глухую злость, которая становилась тем сильнее, чем больше он думал об изменениях, которые необходимо было внести в сценарий. По правую руку от него возились операторы в поисках лучшей точки для съемки панорамы кроваво-красного заката со смутными очертаниями Далласа на горизонте. Сквозь открытую дверь конюшни Зак видел, как рабочие заканчивали монтировать декорации. Среди разбросанного сена сновали осветители со своими приборами. Два каскадера подгоняли к дверям конюшни машины с надписями «Техасский дорожный патруль», которые понадобятся завтра в сцене погони. По периметру лужайки, под сенью дубов большим полукругом располагались

трейлеры актеров основного состава. Во всех были опущены жалюзи и на полную мощность работали кондиционеры, борясь с безжалостной июльской жарой. Измученные официанты обносили прохладительными напитками изнывающих от жары членов съемочной группы.

Но и съемочная группа, и актеры были закаленными профессионалами, привычными к многочасовому ожиданию при любой погоде ради нескольких минут съемки. Обычно, несмотря на все трудности, на съемочной площадке царила веселая атмосфера, становившаяся особенно оживленной накануне последнего съемочного дня. При любых других обстоятельствах, люди, которые сейчас слонялись вокруг трейлеров, были бы рядом с ним, весело подшучивая над всеми испытаниями, через которые они вместе прошли, и живо обсуждая вечеринку, предстоящую по поводу окончания съемок. Но после того, что произошло вчера вечером, никто не разговаривал с ним без крайней необходимости и никто не ожидал прощальной вечеринки.

Сегодня все тридцать восемь членов съемочной группы обходили его стороной и со страхом ожидали окончания съемок. Эта общая напряженность неизбежно сказывалась на качестве работы. Те, что по своему положению должны были руководить, давали указания раздраженно и нетерпеливо. А те, кто должен был их распоряжения выполнять, делали это с, пожалуй, излишним рвением и крайне неаккуратно, как люди, торопящиеся поскорее завершить какое-то неприятное дело.

Зак физически ощущал эмоции, исходящие от окружающих людей, — сочувствие друзей, злорадство врагов либо друзей жены; и, наконец, равнодушное любопытство тех, кому и он, и она были абсолютно безразличны.

С запозданием сообразив, что никто не слышал его распоряжения убрать животных, Зак оглянулся в поисках помощника режиссера. Тот стоял посередине лужайки и, запрокинув голову, наблюдал за взлетом вертолета, направляющегося в Даллас. Там находилась лаборатория, куда они ежедневно отправляли для обработки отснятый за день материал. Поднятый лопастями горячий ветер принес с собой песок и все усиливающийся запах свежего коровьего навоза.

— Томми! — раздраженно окликнул своего помощника Зак.

Томми Ньютон отвлекся от вертолета и направился к режиссеру, на ходу счищая грязь с брюк. Помощник режиссера был невзрачным тридцатипятилетним, уже начинающим лысеть мужчиной с невыразительными светло-кариими глазами, спрятанными за очками в тонкой металлической оправе. Однако эта внешность прилежного клерка

была обманчива. За ней скрывались исключительное чувство юмора и неумная энергия. Но сегодня даже в голосе Томми чувствовалась напряженность. Приготовив блокнот для записей, он спросил:

— Ты меня звал?

Даже не удосужившись поднять голову, Зак коротко и резко приказал:

— Пускай кто-нибудь уведет этих проклятых быков туда, где они не будут так вонять.

— Хорошо, Зак, обязательно. — С этими словами Томми поднес ко рту переговорное устройство и вызвал Дуга Ферлоу, руководившего монтировкой декорации.

— Да? — отозвался тот. — Скажи рабочим, которые заняты в загоне, чтобы они перегнали быков на южное пастбище.

— Но я думал, что они нужны Заку для следующего эпизода.

— Он передумал.

— Хорошо, сейчас распоряжусь. Томми, спроси у Зака, начинать ли нам разбирать декорации в доме или отложить на потом.

Томми заколебался, глядя на Зака, но все же решил повторить вопрос.

— Пусть вообще не трогают их, — рявкнул Зак, — по крайней мере до тех пор, пока я не посмотрю отснятый материал. Если его придется переснимать, то я не хочу угробить несколько часов на повторную установку декораций.

Передав ответ Зака Дугу Ферлоу, Томми повернулся, чтобы уйти, но остановился и, немного поколебавшись, произнес:

— Зак, я понимаю, что, может быть, сейчас не время об этом говорить, но мне просто может не представиться другой возможности.

Зак попытался изобразить вежливый интерес, и Томми, запинаясь, продолжал:

— За эту картину ты заслуживаешь как минимум двух «Оскаров». Ты не только замечательно сыграл сам, но даже сумел добиться того же от Рейчел и Тони. Некоторые эпизоды просто гениальны. И это не преувеличение.

Но Томми не учел, что даже простого упоминания имени жены, особенно в сочетании с именем Тони Остина, было достаточно для того, чтобы Зак утратил остатки самообладания. Сжимая в руке сценарий, он резко поднялся со стула и, из последних сил сдерживая бушевавшую в нем ярость, заговорил сухим, деловым тоном:

— Мы еще успеем снять одну сцену до того, как стемнеет. Когда в конюшне будет все готово, объявишь обеденный перерыв и предупредишь меня. Я хочу сам осмотреть готовые декорации. А пока пойду выпью чего-

нибудь холодного в уединенном месте, где можно будет хоть ненадолго сосредоточиться. — Кивнув в сторону небольшой дубовой рощи, он добавил:

— Если я тебе понадобится, то ищи меня там.

Дверь трейлера Рейчел распахнулась, и Зак, проходивший мимо, нос к носу столкнулся со своей женой. Разговоры смолкли, и в воздухе повисла напряженная тишина. Все как будто чего-то ждали. Но Зак, помедлив лишь мгновение, спокойно пошел дальше, на ходу обменявшись несколькими шутками с двумя каскадерами и отдав какое-то указание второму помощнику режиссера. Если он за что-то и заслуживал «Оскара», так это за ту роль, которую играл сейчас. Ее исполнение требовало от него почти невыносимого напряжения. Ведь стоило ему подумать о Рейчел, как перед глазами вставала одна и та же омерзительная сцена, которую он застал вчера вечером, неожиданно вернувшись в их номер в «Кресцент отеле»...

Все началось с того, что Зак назначил позднее совещание с операторской группой и помрежами и потому собирался остаться ночевать в трейлере, не возвращаясь в Даллас. Но когда все собрались, он обнаружил, что оставил свои записи в гостинице, и, решив не тратить времени на то, чтобы посылать за ними кого-нибудь, предложил перенести совещание в свой номер в «Кресценте». Пребывая в прекрасном настроении по поводу близкого окончания съемок, шестеро мужчин, перешучиваясь, вошли в темную комнату, и Зак включил свет.

— Зак! — раздался истерический вопль Рейчел, которая, скатившись с лежавшего на диване обнаженного мужчины, судорожно шарила в поисках пеньюара. Тони Остин, игравший вместе в Заком и Рейчел одну из главных ролей в «Судьбе», сел, резко подтянув колени к подбородку.

— Послушай, Зак, не надо волноваться... — начал было он, но, увидев выражение лица Бенедикта, вскочил и стремительно метнулся за диван.

— Только не трогай лицо! — истерически выкрикнул он, с ужасом глядя на неумолимо приближающуюся высокую фигуру, — я занят еще в двух сценах и...

Понадобились усилия пятерых здоровых мужчин, чтобы оттащить Зака.

— Не сходи с ума! — пытался утихомирить его главный осветитель.

— Если ты изуродуешь ему лицо, то мы никогда не закончим этот проклятый фильм! — подхватил Дуг Ферлоу, тяжело дыша — удерживать Зака было не так просто.

Разбросав всех в стороны, тот действовал быстро, расчетливо и методично. Прежде чем его снова успели скрутить, он несколькими

точными и мощными ударами сломал Тони два ребра. Тяжело дыша, скорее от ярости, чем от напряжения, Зак наблюдал, как обнаженного, спотыкающегося Остина выводят из комнаты. В коридоре уже толпилось с полдюжины зевак — жильцов гостиницы, привлеченных, очевидно, воплями Рейчел.

Захлопнув дверь, Зак повернулся к жене. Вид этой женщины, уже успевшей накинуть атласный, персикового цвета пеньюар, был ему настолько омерзителен, что он с трудом подавил желание ее ударить.

— Убирайся! — прорычал он. — Причем побыстрее, потому что иначе я за себя не отвечаю!

— Не смей угрожать мне! Слышишь, ты, самонадеянный сукин сын! — Зак, ожидавший чего угодно, но не этого презрительного торжества, которое звучало в голосе Рейчел, был настолько ошарашен, что утратил дар речи. — Если ты тронешь меня хоть пальцем, то мои адвокаты вряд ли удовлетворятся половиной того, что ты имеешь. Они будут требовать всего, и они это все получают! Ты понял, что я сказала? Я развожусь с тобой. Мои адвокаты в Лос-Анджелесе уже подготовили все необходимые документы и завтра подадут их в суд. Мы с Тони собираемся пожениться!

Зака взбесило не столько то, что его жена и Тони спали друг с другом, судя по всему, уже давно, сколько то, что эта милая парочка планировала строить свою счастливую семейную жизнь на его деньги, которые достались ему отнюдь не легко. Как бы то ни было, но слова Рейчел окончательно вывели его из себя.

— Послушай, ты, — , выкрикнул он, схватив ее за руки и сильно толкнув в сторону двери, — я скорее убью тебя, чем позволю тебе и твоему любовнику жить на мои деньги!

Рейчел, потерявшая равновесие от неожиданного толчка, снова поднялась на ноги и, гордо выпрямившись, заговорила, вкладывая в свои слова всю ненависть и отвращение, накопившиеся в ней по отношению к бывшему мужу:

— И если ты думаешь, что сумеешь отстранить Тонн или меня от завтрашних съемок, то лучше не пытайся. Ты — всего лишь режиссер, а компания слишком много вложила в этот фильм. Если ты попытаешься выкобениваться, то они смешают тебя с дерьмом, но заставят закончить фильм. Так что, — злобно улыбнувшись, добавила она, — ты проиграешь в любом случае. Если ты не закончишь картину, то будешь разорен. А если закончишь, то я все равно получу половину того, что ты на ней зарабатываешь! — С этими словами Рейчел, вполне довольная собой, вышла

из номера, изо всех сил хлопнув дверью.

Но самое обидное было то, что в некотором роде она говорила истинную правду. По крайней мере, в том, что касалось «Судьбы». Даже в своем нынешнем, разъяренном состоянии Зак понимал это. Оставалось снять всего две сцены, и в одной из них были заняты Тони и Рейчел. У Зака не было никакого выбора — хочет он того или нет, но ему придется терпеть свою бывшую жену вместе с ее любовником до окончания съемок. Он налил себе неразбавленного виски, выпил, налил еще, а потом, с бокалом в руке, подошел к окну и стоял, глядя на мерцающие в темноте огни Далласа до тех пор, пока боль и ярость, сжигавшие его изнутри, не начали утихать.

Теперь, вновь обретя способность мыслить здраво, он решил, что утром позвонит своим адвокатам, обрисует ситуацию, и тогда переговоры о разводе будут проходить на его условиях. Кроме того, хотя он немало зарабатывал как актер, большая часть его состояния была сделана благодаря удачным вложениям, которые были так надежно защищены целой системой всевозможных доверенностей, займов и кредитов, что Рейчел будет совсем не просто до них добраться. Теперь Зак снова полностью контролировал свои эмоции. Он точно знал, что сможет пережить происшедшее. Знал, потому что много лет назад, когда ему было всего восемнадцать, он столкнулся с гораздо более страшным и мучительным предательством. Еще тогда, будучи совсем молодым, он понял, что обладает достаточной силой духа для того, чтобы просто уйти от предавших его людей и никогда, ни при каких обстоятельствах, не оглядываться назад.

Отойдя от окна, Зак пошел в спальню, достал из стенного шкафа чемоданы Рейчел и запихнул в них все ее вещи. После этого он позвонил на коммутатор и попросил прислать носильщика, а через пять минут уже отдавал распоряжения человеку, одетому в униформу гостиницы:

— Отнесите, пожалуйста, это, — он показал на гору чемоданов со свисающими из них вещами, — в номер мистера Остина.

Теперь, даже если бы Рейчел вернулась и умоляла его простить ее, даже если бы она смогла доказать, что была под действием наркотиков и ничего не соображала, даже если бы он поверил ей, все равно было бы слишком поздно.

Эта женщина для него умерла.

Как в свое время умерла его бабушка, которую он очень любил. Как умерли его брат и сестра. Ему было очень нелегко вычеркнуть их из своего сердца, но он все-таки сумел это сделать.

Глава 5

Зак отогнал от себя мучительные мысли и устроился поудобнее. Вся лужайка была перед ним как на ладони, в то время как его самого никто не смог бы увидеть. Обхватив руками колени, он задумчиво наблюдал за тем, как Рейчел вошла в трейлер Тони. В утренних новостях уже раструбили о вчерашней сцене в президентском номере «Кресцент отеля», а также о последовавшей за ней драке с массой грязных подробностей, которые наверняка охотно сообщили зеваки-постояльцы. И теперь журналисты буквально штурмовали съемочную группу. Правда, службе безопасности пока удавалось удерживать их у ворот обещаниями того, что для прессы будет сделано специальное заявление. В отличие от Зака, который и не собирался этого делать, Рейчел и Тони свои заявления уже сделали. Зака даже удивляло собственное безразличие как к тому, что за ним охотятся с полсотни журналистов, так и к тому, что, судя по последним сообщениям, адвокаты уже подали на развод. Единственное, что действительно беспокоило и мучило его, — это то, что предстоит снимать еще одну сцену между Тони и Рейчел. Причем сцену очень специфическую — бурную, неистовую и насквозь эротичную. Зак боялся, что не сможет этого выдержать. Боялся сорваться в присутствии всей группы.

Хотя если ему удастся пройти через это, то тогда окончательно вычеркнуть Рейчел из своей жизни вообще не составит никакого труда, потому что, если быть до конца честным, те чувства, которые он испытывал к ней, когда они поженились три года назад, умерли вскоре после свадьбы. И с тех пор их уже ничто не связывало, кроме секса и светских условностей. Предательство Рейчел не может сделать его жизнь более пустой и бессмысленной, чем она была в течение последних десяти лет.

Крохотная букашка ползла по травинке, упорно пытаясь взобраться на его ногу. Зак нахмурился. Почему его собственная жизнь так часто казалась лишенной всякого смысла, почему любые достижения и успехи не приносили желанного удовлетворения? Хотя... так было не всегда...

Когда он впервые приехал в Лос-Анджелес на фургоне Чарли Мердока, у него была единственная цель — выжить. А потому работа грузчика, которую он получил в «Эмпайр студиос», казалась тогда огромным счастьем, настоящим триумфом. А месяц спустя один режиссер, снимавший на задворках студии дешевый фильм о банде головорезов, терроризирующих местную школу, решил, что для эпизодов ему не

помешают несколько свежих лиц в массовке, и нанял Зака. Все, что от него требовалось, — стоять, опершись на кирпичную стену и стараться выглядеть крутым. За те съемки Зак получил копейки, но тогда они показались ему целым состоянием. Когда же через несколько дней его позвали к режиссеру, он не знал, что и думать.

— Зак, мальчик мой, — сказал тот, приступая прямо к делу, — у тебя есть то, что мы называем «эффектом присутствия». Камера любит тебя. Ты чем-то напоминаешь современного, немного угрюмого Джеймса Дина, только ты выше и гораздо красивее его. В этом эпизоде ты тянул одеяло на себя уже только тем, что молча стоял в стороне. Если окажется, что ты еще и играть можешь, считай, роль в вестерне, который мы начнем снимать через пару недель, твоя. Да, кстати, не забудь открепиться от профсоюза.

В предложении режиссера Зака привлекла не столько перспектива стать актером, сколько потенциальная зарплата. Поэтому он покинул профсоюз грузчиков и стал учиться играть.

Правда, учеба давалась ему очень легко. Во-первых, ему уже неоднократно приходилось «играть» в доме своей бабки, а во-вторых, у него было главное — цель, которая придавала ему силы. Он твердо решил доказать своим родственникам и всему Риджмонту, что сможет не просто выжить без чьей бы то ни было помощи, но и преуспеть, достичь успеха и богатства. Для достижения этой цели он был готов на все и не жалел никаких усилий. Риджмонт — маленький городок, и Зак не сомневался в том, что через несколько часов после его позорного изгнания из родительского дома все риджмонтцы уже знали о том, что произошло. После второго фильма он начал получать очень много писем от поклонниц и поклонников. Первое время он просматривал их все, надеясь, что кто-то из старых знакомых узнал его. Но даже если это произошло, то узнавший, очевидно, предпочел промолчать.

Некоторое время после этого Зак мечтал о том, что в один прекрасный день вернется в Риджмонт и купит компанию «Стенхоуп», однако к двадцати пяти годам, когда он уже накопил достаточно денег для осуществления этой мечты, он также достаточно повзрослел для того, чтобы понять, что даже если он купит весь этот проклятый городишко, то все равно не сможет ничего изменить. К тому времени он уже имел своего первого «Оскара», был прозван гением и «легендой Голливуда, возникающей на наших глазах». У него было состояние в банке, возможность выбирать роли и блестящие перспективы на будущее.

Он доказал всем, что Захарий Бенедикт может выжить и достичь богатства и славы только благодаря собственным талантам и уму. Теперь

ему не к чему было стремиться, не за что бороться, и от этого он чувствовал себя странно опустошенным, разочарованным и... обманутым.

Лишившись четко поставленной цели, Зак попробовал искать утешения в другом. Он строил особняки, покупал яхты и участвовал в автогонках. Он знакомился с прелестнейшими женщинами и спал с ними. Он получал удовольствие от их тел, а иногда даже от общения с ними, но никогда не воспринимал их всерьез, да они этого почти никогда и не требовали. Ведь к тому времени Зак стал чем-то вроде сексуального трофея. Светские дамы охотились за ним, потому что переспать с Захарием Бенедиктом считалось престижным, а актрисы — потому что рассчитывали на его протекцию и влиятельные связи. Подобно большинству суперзвезд и секс-символов он стал заложником собственного успеха. Он не мог сделать ни шагу, чтобы его тотчас не окружила толпа восторженных поклонниц. Женщины совали ему в руку ключи от своих комнат или подкупали портье, чтобы тот впустил их в его номер. Жены продюсеров приглашали его на уик-энд и перебирались из постелей своих мужей в его спальню.

И хотя Зак часто пользовался теми широкими сексуальными и светскими возможностями, которые предоставляло ему его новое положение, где-то в глубине души он оставался немного пуританином, и ему претили все эти наркоманы, лизоблюды, нимфоманки и прочий сброд, превращающий Голливуд в подобие клоаки, которую периодически дезинфицировали и дезодорировали, чтобы не слишком шокировать нежные души обывателей.

Однажды утром он проснулся и понял, что устал. Устал от механического секса, от шумных вечеринок, от неврастенических актрис и честолюбивых старлетов. Та жизнь, которую он вел, теперь не вызывала у него ничего, кроме отвращения.

Он начал искать другой путь самореализации. Нечто такое, что могло бы дать новый стимул для его существования. Работа актера уже не приносила желанного удовлетворения, и Зак решил попробовать себя в режиссуре. Принимая это решение, он ставил на кон не только деньги, но и свою репутацию, рискуя попасть в разряд неудачников. Однако уже сам факт риска оказывал на него стимулирующее воздействие. Зак давно вынашивал идею снять собственный фильм, но теперь это стало его главной и единственной целью. Ирвин Левин — президент «Эмпайр» — долго пытался отговорить его. Он хитрил, увещевал, умолял, но в конце концов уступил, в чем Зак, собственно, и не сомневался.

Левин поручил ему снять дешевый триллер под названием «Ночной кошмар», в котором были две главные роли — женщины и девятилетней

девочки. На роль ребенка «Эмпайр» прочила Эмили Макдэниелс, с которой у них был заключен контракт. Звездный час Эмили был уже позади — несмотря на то, что на вид ей нельзя было дать и десяти, этому прелестному ребенку с ямочками, как у Ширли Темпл, недавно исполнилось тринадцать. Что же касалось роскошной блондинки по имени Рейчел Эванс, которая должна была исполнять главную женскую роль, то ее звезда никогда и не всходила. В ранних фильмах она исполняла небольшие роли, не проявив при этом особых актерских талантов.

Собственно, студия навязала ему этих двух актрис с единственной целью — проучить зарвавшегося актера. Чтобы впредь nepовадно было заниматься не своим делом. В сущности, руководство студии рассчитывало в лучшем случае вернуть хотя бы часть своих денег и одновременно в корне пресечь желание одной из своих самых популярных звезд переместиться за кадр, лишая тем самым студию потенциальных многомиллионных доходов.

Зак все прекрасно понимал, но это не остановило его. До того как приступить к съемкам, он провел несколько недель, просматривая старые фильмы Рейчел и Эмили. И ему удалось обнаружить эпизоды, пускай очень короткие, когда Рейчел Эванс выказывала проблески истинной одаренности. Что же касается Эмили, то с ней было еще проще, потому что на смену чисто детской «миловидности» теперь пришло подлинное обаяние, которое камера не только не уничтожала, а наоборот — усиливала.

Зная это, Зак за восемь недель съемок сумел не только заставить обеих актрис проявить свои самые лучшие качества, но и многократно их усилить. Казалось, что решимость Зака во что бы то ни стало добиться успеха передалась и всей съемочной группе. Огромную роль сыграли его безупречное чувство ритма и света, а также удивительное чутье, помогавшее ему вытащить из Эмили и Рейчел все, на что они были способны.

Первое время Рейчел приходила в бешенство от его вечных придирок и бесконечных дублей при съемках каждой сцены. Но когда она впервые увидела отснятые кадры, в ее больших зеленых глазах появилось благоговейное выражение.

— Спасибо, Зак, — нежно проговорила она, — первый раз в жизни я действительно верю в то, что могу играть.

— А я теперь действительно верю в то, что могу снимать, — отшутился Зак, но было совершенно очевидно, что он тоже испытывает огромное облегчение.

— Ты хочешь сказать, что у тебя на этот счет были какие-то

сомнения? — Изумление Рейчел было неподдельным. — Мне казалось, что ты стопроцентно уверен в каждом своем шаге.

— Честно говоря, с момента начала съемок я ни одной ночи на спал спокойно, — признался Зак. Впервые за много лет он позволил себе проявить слабость в присутствии посторонних, но этот день был особенным. Только что он видел неоспоримое доказательство своего режиссерского таланта. Более того, он был уверен, что этот его новый талант принесет счастье по меньшей мере еще одному человеку — прелестному ребенку по имени Эмили Макдэниелс. Ее игра в «Ночном кошмаре» была просто блестящей, и критики, несомненно, заметят это.

Зак так привязался к девочке, что после работы с ней ему вдруг очень захотелось иметь собственного ребенка. Наблюдая за ее отношениями с отцом, за той любовью и взаимопониманием, с которыми они относились друг к другу, Зак внезапно понял, что хочет иметь свою семью. Это было именно то, чего не хватало в его жизни — жены и детей, которые бы разделили его успехи, стремления и надежды. Которые бы смеялись вместе с ним и были рядом в трудную минуту.

Они с Рейчел отметили этот день поздним ужином в его доме. Сделанные накануне признания в собственных сомнениях так сблизили их, что за ужином царила атмосфера полной непринужденности и обоюдной искренности. Для Зака это было настолько необычно, что оказало на него целебное воздействие. Они сидели в его гостиной в Пасифик Пэлисэйд, перед стеклянной стеной с видом на океан и разговаривали. Но не о «деле», что само по себе было приятным разнообразием, потому что Зак уже отчаялся встретить актрису, которая бы была способна говорить на отвлеченные темы. Ночь они провели вместе, и на этот раз секс был не самоцелью, а лишь закономерным, но очень приятным продолжением не менее приятно проведенного вечера. Неподдельная страсть Рейчел убедила Зака в том, что это не было простой благодарностью актрисы удачно снявшему ее режиссеру. Мысль об этом импонировала Заку. Правда, в тот вечер ему нравилось все — удачно отснятый материал, чувственность Рейчел, ее ум и чувство юмора.

— Зак, скажи, какая у тебя главная мечта в жизни? — спросила она, приподнявшись на локтях. — Я имею в виду настоящую мечту.

Некоторое время Зак молчал, а потом, то ли оттого, что ему надоело постоянно притворяться и делать вид, что его нынешняя жизнь — именно то, о чем он всегда мечтал, ответил хоть и полушутя, но совершенно искренне:

— Маленький домик в прерии.

— Что? Ты хочешь сказать, что мечтаешь сняться в продолжении «Маленького домика а прерии»?

— Нет, я хочу сказать, что мечтаю жить в нем. Правда, этот домик не обязательно должен быть в прерии. Я бы с удовольствием жил на каком-нибудь ранчо в горах.

Рейчел расхохоталась:

— Ранчо! Ты же ненавидишь лошадей и не переносишь запаха навоза. Это все знают. Мне рассказывал Томмн Ньютон, — добавила она, упоминая нового помрежа, — он был рабочим в съемочной группе твоего первого вестерна — того, ? Мишель Пфайфер, — улыбнувшись, Рейчел нежно провела пальцем по его губам. — Кстати, а что ты имеешь против лошадей, коров и прочей сельской живности?

— Они никогда не хотят идти туда, куда нужно, но зато охотно бегут в противоположном направлении. Так получилось и в том дурацком фильме — быки развернулись и помчались прямо на нас.

— Мишель говорит, что в тот день ты спас ей жизнь — схватил на руки и перенес в безопасное место.

— Я просто вынужден был это сделать, — ухмыльнулся Зак, — я пулей мчался к скалам, а быки наступали мне на пятки. Мишель оказалась у меня на пути, и я схватил ее, чтобы расчистить дорогу.

— Не нужно скромничать. Она говорит, что не стояла, а бежала и звала хоть кого-нибудь на помощь.

— Точно так же, как и я, — насмешливо подхватил Зак и, внезапно посерьезнев, добавил:

— Мы оба тогда были совсем детьми. Кажется, что с тех пор прошло сто лет.

Рейчел повернулась на бок и, прижавшись к нему, начала нежно и возбуждающе водить пальцами по его груди и животу, но вдруг неожиданно остановилась.

— Зак, а кто ты на самом деле? Откуда ты? Только не повторяй мне всю эту туфту рекламного отдела насчет тяжелого детства на ранчо, родео и банды мотоциклистов.

В каком бы благодушном и открытом настроении ни был Зак, определенная часть его жизни не подлежала обсуждению. Он никогда ни с кем не говорил о своем прошлом и не собирался этого делать впредь. Двенадцать лет назад рекламисты студии уже предприняли попытку разузнать у него хоть что-нибудь. В ответ они услышали предложение придумать любую сказку, которая им больше всего по душе. Что и сделали. Настоящее прошлое Зака давно умерло в таких тайниках его души, откуда

он не собирался его извлекать ни при каких обстоятельствах. Поэтому его ответ был крайне уклончив:

— Это совсем не интересно.

— По крайней мере одно можно утверждать наверняка — ты не беспризорник, который вырос, не зная, как держать вилку, — не сдавалась Рейчел. — Томми Ньютон рассказывал мне, что даже когда ты почти мальчиком пришел на студию, в тебе уже чувствовался класс, то, что называют «светским лоском». Правда, это единственное, что он мог, рассказать о тебе, а ведь вы работали вместе в нескольких фильмах. Ни одна из женщин, которые снимались с тобой, тоже ничего не знает. Гленн Клоуз, Голди Хон, Лорен Хаттон, Терил Стрип — все они говорят, что ты замечательный партнер, но свою личную жизнь предпочитаешь держать при себе. Я знаю это, потому что расспрашивала их.

Зак не пытался скрыть своей досады:

— Ты ошибаешься, если думаешь, что твое любопытство мне льстит.

— К сожалению, я ничего не могу с собой поделать, — весело рассмеялась Рейчел, легонько целуя его в подбородок, — вы являетесь мечтой любой женщины, мистер Бенедикт. И кроме того — самой большой загадкой Голливуда. Ни для кого не секрет, что ни одной из моих многочисленных предшественниц не удалось вытянуть из тебя ничего действительно личного. А так как сегодня мы с тобой говорили о многих очень личных вещах, то я решила, что либо застала тебя в какой-то особенный момент, либо... что, может быть, нравлюсь тебе немного больше других. Так или иначе, я просто обязана была воспользоваться случаем и попытаться узнать то, что не удавалось еще ни одной женщине. На карту была поставлена моя женская гордость.

Эта веселая, грубоватая прямота смягчила раздражение Зака, и хотя он все еще сердился, к нему снова вернулось чувство юмора:

— Если ты захочешь и дальше продолжать мне нравиться больше других, — полушутя-полусерьезно сказал он, — то прекрати устраивать допрос и поговори о чем-нибудь более приятном.

— Приятном... — задумчиво протянула Рейчел и, запустив пальцы в густую поросль на его груди, улыбнулась загадочной, дразнящей улыбкой. Зак был уверен в том, что последует дальше, поэтому ее слова показались настолько неожиданными, что он весело рассмеялся:

— Ну что ж... Давай подумаем. Ты терпеть не можешь лошадей, но любишь мотоциклы и спортивные машины. Почему?

— Потому, — в тон ей ответил Зак, переплетая ее пальцы со своими, — что они не собираются в стада, когда ты оставляешь их на

стоянке, и не пытаются сбить тебя с ног, стоит только повернуться к ним спиной. Они двигаются туда, куда ты их направляешь.

— Зак, — прошептала Рейчел, приближая свои губы к его, — не только мотоциклы и машины двигаются туда, куда ты их направляешь. Я могу делать то же самое.

Зак очень хорошо понял, что она имела в виду. Рейчел опустилась ниже и склонила голову.

На следующее утро она приготовила ему завтрак.

— Мне бы очень хотелось сняться еще в одном фильме... в настоящем большом фильме, — говорила Рейчел, засовывая в духовку английские сдобные булочки. — Для того чтобы окончательно доказать всем, что действительно могу играть.

Сытый и довольный, Зак наблюдал за тем, как она двигалась по кухне. Без дорогой косметики и вызывающе броской одежды, в простых плиссированных брюках и завязанной под грудью рубашке Рейчел казалась ему гораздо более привлекательной и желанной. Кроме того, как он уже обнаружил, она была очень неглупой, чувственной и остроумной.

— А что потом? — спросил он.

— А потом я бы, наверное, оставила кино. Мне уже тридцать. Так же, как и тебе, мне хочется чего-то настоящего. Хочется думать не только о фигуре и о том, появились ли у меня первые морщинки. Ведь жизнь не ограничивается тем выдуманном миром, в котором мы живем и образ которого пытаемся навязать всем остальным.

Подобные слова, произнесенные актрисой, показались Заку глотком свежего воздуха. Более того, раз она все равно собиралась оставить работу в кино, значит, ему наконец повезло и он встретил женщину, которую интересуется он сам, а не то, что он может сделать для ее карьеры. В это время Рейчел наклонилась к нему через стол и тихо спросила:

— Ну как, Зак, наши мечты похожи?

Тут Зак понял, что она прямо, без всяких обиняков и уловок, делает ему предложение. Несколько секунд он молча рассматривал ее, а потом задал всего один вопрос, не пытаясь скрыть, какое огромное значение имеет для него ответ:

— Скажи, Рейчел, а в твоих мечтах есть дети? Ни секунды не колеблясь, она ласково спросила:

— Твои дети?

— Мои.

— Тогда, может быть, начнем прямо сейчас? Зак рассмеялся, но когда

Рейчел оказалась у него на коленях, веселость сменилась глубокой нежностью и вновь зарождающейся надеждой, хотя он думал, что все эти эмоции для него умерли навсегда еще двенадцать лет назад. Его руки скользнули под узел рубашки, и нежность смешалась со страстью.

Через четыре месяца они поженились. На свадьбе, которая проходила на вилле Зака в Кармеле, присутствовало около тысячи гостей, среди которых были губернаторы и сенаторы. Над головами кружились десятки вертолетов, репортеры без устали снимали все происходящее внизу. Лопасты машин поднимали ветер, который развеивал платья женщин и срывал парики. Наконец свидетель Зака и его сосед по Кармелу — предприниматель Мэтью Фаррел — не выдержал. Глядя на бесцеремонно кружащие над самой головой вертолеты, он сказал:

— Давно пора отменить эту проклятую первую поправку. Зак ухмыльнулся. В этот день ничто не могло омрачить его радости. Впервые за долгое время он смотрел в будущее со спокойным оптимизмом, предвкушая уютные семейные вечера с детьми на коленях. Наконец-то он обретет то, чего у него никогда не было, — настоящую семью. Рейчел настаивала на этой шикарной свадьбе, и он согласился ради нее, хотя с гораздо большим удовольствием предпочел бы улететь в Тахо с компанией ближайших друзей.

— В конце концов, всегда можно послать кого-то в дом за ружьями. Их там достаточно, — весело предложил он.

— Замечательная мысль. Используем бельведер в качестве блиндажа и посбиваем этих мерзавцев на землю.

Друзья рассмеялись и снова замолчали. Им не нужно было много говорить, чтобы понять друг друга. Зак и Мэтью познакомились три года назад, когда группа поклонниц Зака взобралась на ограду и испортила сигнализацию в обеих соседних резиденциях. В тот вечер они обнаружили, что у них очень много общего — обоим нравился один и тот же редкий сорт виски, оба предпочитали суровую прямоthu любому притворству. Кроме того, у них оказались очень сходные взгляды на финансовые дела. В результате они стали не только друзьями, но и партнерами в нескольких предприятиях, ***

«Ночной кошмар» вышел на экраны и, естественно, не получил «Оскара», но зато получил прекрасные отзывы критики, принес огромную прибыль и полностью реанимировал карьеры Эмили и Рейчел. Благодарность Эмили и ее отца была безграничной. Что касается Рейчел, то она внезапно решила, что еще не готова к уходу из кино, равно как и к тому, чтобы родить ребенка, о котором так мечтал Зак. Несмотря на ее

многочисленные заверения в том, что карьера для нее ничего не значит, оказалось, что это — единственная вещь в мире, которая ее интересовала. Она не упускала ни одной, даже самой крохотной возможности для рекламы. Из-за этого все слуги Зака и его секретарь сбивались с ног, пытаясь удовлетворить ее бесконечные светские претензии и ненасытную страсть к саморекламе. Рейчел настолько истово жаждала славы и признания, что ненавидела любую актрису, более популярную, чем она сама. Но в то же время, обладая трезвым и рациональным умом, она отнюдь не переоценивала своих актерских способностей и потому боялась играть в любых фильмах, кроме тех, которые снимал Зак.

Оптимизм, с которым Зак смотрел в будущее в день свадьбы, разбился о суровую реальность — он женился на честолубивой актрисе, достаточно умной для того, чтобы понять, что только он сможет принести ей славу и богатство, и достаточно хитрой для того, чтобы обвести его вокруг пальца. Когда Зак это понял, то разозлился не столько на Рейчел, сколько на себя. Ее к этому браку понуждало честолубие, что можно было если не одобрить, то по крайней мере понять. А Зак мог понять ее даже скорее, чем все остальные, потому что ему в свое время тоже приходилось идти напролом к поставленной цели. Но он! Как он мог поверить, пусть даже ненадолго, в наивные мечты о преданной, заботливой жене и розовощеких детях, шумно требующих своей сказки на сон грядущий? Уж кто-кто, а он должен был знать, что такие семьи — всего лишь плод воображения писателей и киношников. После своего жестокого разочарования в браке Зак снова сильно изменился. Теперь его жизнь стала похожа на однообразную, безрадостную равнину.

Если с кем-то в Голливуде случалось что-либо подобное, то существовал лишь один старый и испытанный рецепт — кокаин и широкий набор других наркотиков, как официально разрешенных, так и запрещенных, или бутылка виски, принимаемая дважды в день. Но Зак, так же как и его бабка, презирал любое проявление слабости, а потому этот путь был для него совершенно неприемлемым. И он боролся со скукой и депрессией единственным известным ему способом — с головой погружаясь в работу. Он не стал разводиться с Рейчел. В конце концов, его далеко не идеальный брак был все же лучше, чем, например, брак его деда и бабки, и уж никак не хуже того, что он видел вокруг. Поэтому он предложил ей самостоятельно сделать выбор — либо развестись с ним, либо умерить свои амбиции и успокоиться, а он тогда, в свою очередь, снимет ее в следующем фильме. Рейчел со свойственным ей практицизмом остановилась на втором варианте, и Зак еще больше уплотнил и без того

сумасшедшее расписание, чтобы выполнить свою часть сделки. После успеха «Ночного кошмара» «Эмпайр» была готова предоставить ему возможность снимать любой фильм по собственному усмотрению и самому же играть главную роль. Зак остановил свой выбор на сценарии игрового триллера «Победитель получает все», где были неплохие роли для него и Рейчел. «Эмпайр» дала деньги, и съемки начались. Терпением, лестью, сарказмом, а иногда и презрительными замечаниями Заку удалось вытащить из Рейчел и остальных актеров все, на что они были способны. А операторы, под его руководством, наилучшим образом запечатлели это на пленку.

Результаты превзошли все ожидания. Рейчел попала в номинацию «За лучшую женскую роль», а Зак получил сразу двух «Оскаров» — «За лучшую мужскую роль» и «За режиссуру». Причем второй «Оскар» явился лишним подтверждением того, что и так уже поняли все акулы кинобизнеса — у Зака был исключительный талант к режиссуре. Он одним кадром умел создать на экране такое напряжение, что у зрителей холодели руки и волосы на голове становились дыбом.

Любая мало-мальски забавная реплика в его фильмах вызывала гомерический хохот зрительного зала. А любовные сцены были просто выше всяких похвал. Но что самое важное он ухитрялся достичь всего этого, не превышая сметы.

Два «Оскара» принесли Заку желанное признание, но не дали полного удовлетворения. Зак старался не замечать этого. Чтобы направить свои мысли в другое русло, он снова с головой погрузился в работу. За два последующих года он поставил еще два фильма и в обоих снялся в главной роли — эротический триллер, в котором его партнершей была Гленн Клоуз, и приключенческий фильм, где он работал в паре с Ким Бэсинджер.

Закончив съемки второго фильма, Зак улетел в Кармел, чтобы завершить одно предприятие, которое они затеяли совместно с Мэттом Фаррелом. К тому времени он оказался непривычно свободным и судорожно искал новое дело, которое целиком бы поглотило его. В день приезда он лег поздно и перед сном решил почитать книгу, оставленную каким-то неизвестным гостем. Закончил он на рассвете, но еще задолго до этого понял, что «Судьба» будет его следующим фильмом.

Уже через день Зак вошел в кабинет президента «Эмпайр студIOS» и, положив книгу на стол, сказал:

— Это мой будущий фильм, Ирвин.

Ирвин Левин прочитал аннотацию на обложке, откинулся на высокую спинку обитого замшей кресла и тяжело вздохнул:

— Зак, судя по всему, это очередная драма. Ты не хочешь для разнообразия сделать что-то более жизнерадостное? — Он неожиданно резко развернулся в кресле и взял со стеклянного столика какой-то сценарий.

— Кто-то на днях подсунил мне это. — В улыбке Ирвина чувствовалось напряжение. — У него уже есть покупатель, но если ты решишься, то, думаю, это можно будет организовать. Любовная история. Хорошо написанная. И довольно забавная. Подобного фильма никто не снимал уже лет двадцать, и я уверен, что публике он понравится. Ты идеально подходишь на главную роль, а кроме того, роль такая легкая, что ты мог бы сыграть ее и во сне. Несмотря на то, что производство этого фильма обойдется почти даром, у меня предчувствие, что он будет иметь колоссальный успех.

Зак согласился прочитать сценарий, который оказался обычной мелодрамой: циничный магнат встречает свою любовь, в корне меняющую его жизнь и его самого, после чего он счастливо живет со своей молодой и красивой женой. Сценарий не вызвал у Зака ничего, кроме отвращения. Отчасти потому, что главная мужская роль была примитивна до идиотизма, но в основном потому, что он напомнил ему о тех дурацких мечтах о любви и семье; которые он лелеял в юности и попытался воплотить в жизнь, когда повзрослел. На следующее утро он швырнул сценарий «Хорошенькой женщины» на стол Левина и презрительно сказал:

— Боюсь, что я недостаточно хороший актер и режиссер для того, чтобы сделать эту дрянь убедительной.

— Ты стал циником, — печально констатировал Левин, сокрушенно качая головой, — а ведь я знал тебя совсем ребенком и относился к тебе как к своему собственному сыну. Поэтому мне особенно больно видеть, что происходит с тобой. Очень больно.

Зак не удостоил ответом эту сентиментальную околесицу и лишь удивленно приподнял брови. Если Левин и любил его, то скорее как собственный банковский счет. А соображения, по которым он расстроился из-за отказа Зака снимать «Хорошенькую женщину», были отнюдь не морального свойства. Правда, Левин не стал настаивать. В последний раз, когда он попытался это сделать, Зак просто вышел из его кабинета и отправился снимать картины для «Парамаунта» и «Юниверсала».

— Я, конечно, не утверждаю, что ты тогда смотрел на мир широко раскрытыми наивными глазами, — сказал Ирвин, уходя от опасного предмета, — но и скептиком ты тоже не был. С тех пор как ты женился на Рейчел, тебя словно подменили, — вовремя заметив, что Зак начинает

злиться, он снова быстро сменил тему, — но хватит о грустном. Давай лучше поговорим о деле. Когда ты хочешь начать съемки «Судьбы» и кого планируешь взять на главные роли?

— Я буду играть мужа, а Диана Коупленд, если она, конечно, свободна, — жену. Рейчел идеально подходит на роль любовницы. Эмили Макдэниелс сыграет дочь.

— Рейчел будет в бешенстве, если ей достанется не самая большая женская роль.

— С Рейчел я как-нибудь разберусь, — ответил Зак. Его жена и Левин терпеть не могли друг друга, хотя на то не было никаких видимых причин. Зак подозревал, что раньше у них был роман, который, судя по всему, плохо закончился.

— Если у тебя нет конкретной кандидатуры на роль бродяги, — нерешительно начал Левин, — то я хочу попросить тебя об одном одолжении. Может быть, дашь ее Тони Остину?

— Ни в коем случае, — отрезал Зак.

О пристрастии Тони к алкоголю и наркотикам ходили легенды, так же как и о других его многочисленных пороках. Он был абсолютно ненадежен. Во время последних съемок Остин в первые же дни принял чрезмерную дозу, в результате чего руководству «Эмпайр» пришлось на полгода отправить Тони в реабилитационный центр, а на его роль подыскивать другого актера.

— Тони очень хочет снова работать, чтобы доказать себе и всем остальным, что окончательно выздоровел, — терпеливо гнул свою линию Левин, — доктор уверил меня, что он полностью порвал со всеми дурными привычками и стал совершенно другим человеком. Причем на этот раз я склонен ему поверить.

— А чем этот раз отличается от всех остальных? — скептически поинтересовался Зак.

— Тем, что на этот раз он чуть не отправился на тот свет. Такие впечатления даром не проходят, поэтому он наконец готов повзрослеть и приняться за работу. И я хотел бы дать ему шанс, — в голосе Левина появились благочестивые нотки. — Зак, в конце концов мы все живем на одной планете, и мы просто обязаны заботиться друг о друге и помогать в трудную минуту. Мы должны обязательно помочь Тони, потому что он сейчас очень несчастен и...

— И потому что он должен тебе кучу денег за ту картину, в которой так и не снялся, — невозмутимо закончил Зак прочувствованную речь президента.

— Да, действительно, — с неохотой признал Левин, — он должен компании довольно большую сумму. Но он сам предложил отработать свой долг съемками в новом фильме. И если уж ты совсем глух к чужим страданиям, то подумай о практической стороне вопроса. Несмотря на свою дурную славу, Тони по-прежнему пользуется популярностью у зрителей. Он их любимый, заблудший, красивый ребенок. Мужчина, которого любой женщине хочется приласкать и утешить.

Последний довод Левина поколебал решимость Зака. Если Тони Остин действительно изменился, то он идеально подходит на ту роль. Правда, юношеская красота этого тридцатитрехлетнего блондинчика уже изрядно пообтрепалась, но это, казалось, делало его еще более привлекательным для всех женщин от двенадцати до девяноста лет. Имя Остина однозначно гарантировало сумасшедший кассовый успех. Так же как и имя Зака. Вместе у них был шанс побить все рекорды.

А так как Зак рассчитывал на значительную часть прибыли, которую принесет «Судьба», то этого нельзя было не учитывать. Кроме того, даже пьяный, Остин был лучше большинства других актеров, и он просто идеально подходил для этой роли. С другой стороны, сняв Остина, Зак окажет любезность руководству «Эмпайр» и будет иметь полное право рассчитывать на ответные уступки. Поэтому, взвесив все «за» и «против», он принял роковое решение.

— Я дам ему эту роль. Но я не собираюсь нянчиться с наркоманом, если он снова примется за старое. Дэн Мойз позвонит тебе завтра утром. — С этими словами он поднялся, чтобы уходить, и добавил:

— С ним вы сможете оговорить подробности контракта.

— Только помни о том, что, учитывая массу натуральных съемок, эта картина обойдется в баснословную сумму, — забеспокоился Ирвин, — который холодел при мысли о том, сколько Зак запросит за исполнение главной роли и режиссуру. Да и за Остина он наверняка собирается получить еще массу всяких льгот. Правда, фильм, судя по всему, будет того стоить. — Честно говоря, я соглашаюсь на эту авантюру только ради тебя, — добавил он, — и мне остается лишь молиться о том, чтобы хотя бы вернуть вложенные деньги.

Зак подавил понимающую улыбку. Фактически Ирвин уже приступил к переговорам об условиях контракта.

Диана Коупленд отказалась от роли жены, потому что уже была связана обязательствами с другим режиссером, и Зак отдал эту роль Рейчел. Правда, несколько недель спустя планы Коупленд изменились, но к тому времени он уже не имел ни морального, ни юридического права забирать у

Рей-чел уже отданную ей роль, которая была, несомненно, лучшей в фильме. Тогда, к его великому изумлению, Диана попросила отдать ей роль любовницы. Эмили Макдэниелс с радостью согласилась играть девочку-подростка, а Тони Остин получил роль бродяги. Остальных актеров подобрали очень быстро и без всяких проблем, после чего замечательная съемочная группа, которую Зак тщательно собирал в течение нескольких лет, вновь сошлась в единую команду и приступила к работе.

А уже через месяц после начала съемок поползли слухи, что над фильмом висит проклятие. Правда, несмотря на бесконечные проволочки и несчастные случаи, отснятый материал был просто великолепен. Задолго до окончания работы над фильмом голливудские сплетники уже прочили ему нескольких «Оскаров».

Глава 6

Из задумчивости Зака вывел какой-то шорох. Обернувшись, он увидел Томми Ньютона, приближающегося к нему в сгущающихся сумерках.

— Группа обедает, а в конюшне уже все готово, — сообщил тот.

Зак поднялся на ноги.

— Прекрасно. Пойду проверю. — Зак уже осматривал декорации, но о» очень не любил всякие неожиданности и накладки во время съемок, а потому предпочитал лишний раз проверить, все ли готово. Кроме того, это поможет ему еще на какое-то время избежать общения с окружающими.

— Кстати, — добавил он, — сегодняшнюю сцену репетировать не будем. Сразу начнем снимать. Томми кивнул:

— Я предупрежу остальных.

В конюшне было пусто и темно. Зак осмотрел декорации. Кажется, фильм получался. Трагическая история женщины, разрывающейся между любовью к мужу и дочери и страстью к красивому бродяге, волновала и тревожила.

Зак играл в фильме роль мужа, оказавшегося на грани разорения и готового ради благополучия семьи связаться с торговцами наркотиками. Роль его дочери, девочки-подростка, мечтающей не о богатстве, а о любви и внимании родителей, с блеском исполнила Эмили Макдэниелс. Сама по себе фабула «Судьбы» была достаточно интересной, но самым ценным в этом романе было другое — глубина и насыщенность психологических портретов, проникновение в тайны человеческой души. В «Судьбе» не было «плохих» и «хороших»; каждый персонаж являлся прежде всего личностью. Зак не сомневался, что этот фильм будет оказывать на зрителей мощное эмоциональное воздействие.

Как это обычно бывает, большая часть сцен снималась совершенно не в том порядке, в каком они будут потом смонтированы, но из-за ряда чисто технических трудностей получилось так, что последние две сцены, которые им предстояло снять, были действительно последними сценами фильма. И сегодня должна была сниматься сцена последнего свидания Рейчел и ее любовника на конюшне. Женщина не желает больше продолжать ставшие мучительными отношения, но вынуждена прийти, потому что в противном случае любовник угрожает все рассказать мужу и дочери. На всякий случай она берет с собой и прячет в конюшне пистолет, которым собирается припугнуть человека, угрожающего разрушить ее жизнь. Но события

разворачиваются неожиданным образом. Любовник начинает домогаться ее, она угрожает ему пистолетом, завязывается борьба, и в результате оба оказываются ранены. Страсти, неистовства и эротики в этой сцене было более чем достаточно.

Внимательно оглядывая все вокруг, Зак неторопливо шел по слабо освещенному проходу. Все было подготовлено в точности так, как он хотел, — лошади стояли в стойлах с левой стороны, с любопытством косясь на нового посетителя; уздечки и прочая упряжь висели на противоположной стене; на деревянных стойках лежали седла, а на столе у дальней двери — принадлежности для чистки и ухода за лошадьми.

Зак подошел к этому столу. Именно здесь будет разворачиваться последняя сцена между двумя любовниками. Сено было на месте, а на столе, спрятанный между банками с мазью и скребками для лошадей, лежал пистолет. Установленная на стропилах вторая камера была направлена на двустворчатую дверь, сквозь которую должна вбежать Эмили, услышав выстрел. Осветители тоже потрудились на славу — все прожектора стояли на своих местах.

Зак коленом сдвинул стол на пару сантиметров влево, переставил пару бутылок и слегка переместил ствол пистолета так, чтобы он попадал в кадр. Правда, сделал он это скорее по привычке, чем по необходимости. Работа оператора-постановщика Сэма Хаджинса и художника по декорациям Ланды Тампкинс была, как всегда, безупречной. Каждая деталь была продумана до мелочей, а все они вместе создавали именно тот эффект, которого желал добиться Зак. И внезапно ему захотелось поскорее начать съемки. Чем раньше он пройдет через это испытание, тем лучше. Зак резко повернулся и направился к двери; его туфли гулко стучали по плитам пола.

Огромные прожектора освещали боковой двор, в центре которого стояла выносная буфетная стойка. Члены съемочной группы с тарелками в руках сидели за раскладными столиками или просто на траве. Томми первым заметил Зака и громко объявил:

— Внимание! Через десять минут всем быть на съемочной площадке!

Слова Томми прозвучали как выстрел стартового пистолета. Все пришло в движение. Пытаясь хоть немного сократить чрезмерно разбухшую смету, Зак оставил на последние дни только самых необходимых членов съемочной группы, отправив всех остальных обратно на Западное побережье. Среди тех, от чьих услуг он отказался, были второй и третий помощники режиссера. Однако Томми Ньютон настолько прекрасно знал свое дело, что ему удавалось обойтись даже без их помощи.

Зак видел, как он направил своего единственного помощника в

трейлер Остина, откуда тотчас же вышли Тони и Рейчел в сопровождении своих парикмахеров и гримера. Остин казался обеспокоенным и немного измученным. Зак от всей души надеялся, что сломанные ребра доставляют ему адскую боль. Рейчел же, напротив, шла с гордо поднятой головой — королева, которая была выше любых пересудов своих подданных. Эмили Макдэниелс ходила взад-вперед перед своим настоящим отцом, репетируя роль. В полные шестнадцать лет она едва ли выглядела даже на двенадцать. Ширлитемпловские ямочки придавали ей неповторимое очарование. Сейчас на ее выразительном личике была написана глубочайшая неприязнь к проходившей мимо Рейчел Эванс. Но Эмили быстро отвела взгляд и снова начала репетировать роль. Зак вспомнил, что еще совсем недавно девочка симпатизировала Рейчел, но после вчерашнего она, очевидно, в корне изменила свое мнение. Такое проявление искренней детской привязанности очень тронуло его. Решив немного перекусить перед началом съемок, Зак протянул руку за сэндвичем с жареной говядиной, но в это время у него над ухом раздался мягкий, ласковый голос Дианы Коупленд:

— Зак?

Зак обернулся и, удивленно приподняв брови, спросил:

— А ты что здесь делаешь? Я думал, что ты еще утром уехала в Лос-Анджелес.

С гривой темно-рыжих волос, одетая в белые шорты и красную открытую майку, Диана была очень хороша собой.

— Да, я так и собиралась сделать, — замаявшись, ответила она, — но потом услышала, что произошло вчера вечером в гостинице, и решила остаться еще на один день.

— Зачем? — резко спросил Зак.

— По двум причинам, — ответила Диана, отчаянно пытаясь заставить его поверить в то, что она говорит искренне. — Во-первых, я подумала, что тебе может понадобиться моральная поддержка.

— Она мне не понадобится, — вежливо ответил Зак. — А во-вторых?

Диана уловила холодный, недобрый блеск, появившийся в этих удивительных янтарных глазах, обрамленных густыми черными ресницами, и поняла, что не правильно начала. Если он подумает, что она жалеет его, то никогда ей этого не простит. Поэтому Диана судорожно пыталась исправить положение:

— Послушай, я не знаю, как это лучше сказать, но я... Я считаю, что Рейчел поступила как последняя дура. И если я что-нибудь могу сделать, чтобы помочь, то... — Она ненадолго замолчала, а потом заговорила с еще

большим чувством:

— И учти, что я согласна работать с тобой в любое время, в любом фильме и в любой роли. Я просто хотела, чтобы ты об этом знал.

Диана увидела, как непроницаемое выражение лица Зака сменилось мрачной улыбкой, и с опозданием поняла, что теперь он, наверное, подумал, что ею движет не искреннее сочувствие, а элементарное честолюбие.

— Спасибо, Диана. Я очень ценю твое доброе отношение ко мне, — ответил Зак с такой изысканной учтивостью, что Диана почувствовала себя полной идиоткой. — Пусть твои импресарио позвонит мне через пару месяцев — я как раз буду подбирать актеров для новой картины.

С этими словами он развернулся и широкими, твердыми шагами пошел прочь. Диана долго смотрела ему вслед. Темно-синяя майка подчеркивала широкие плечи, защитного цвета брюки обтягивали узкие бедра... гибкое, мощное тело, состоящее из сплошных мускулов, и в то же время обладающее львиной грацией... Львиные глаза... львиное сердце... львиная, сумасшедшая гордость. Картина сходства была бы полной, если бы не волосы. Коротко стриженные и очень густые, они были такого красивого темного цвета, что иногда казались просто черными. Диана, смущенная и расстроенная, оперлась о дерево и обратилась к Томми Ньютону, стоявшему рядом:

— Кажется, я сваляла дурака. Правда, Томми?

— Я бы сказал, что это — самая неудачная из когда-либо сыгранных тобой ролей.

— Он подумал, что я просто хотела получить роль в одном из его фильмов.

— А разве это не так?

Диана метнула на него испепеляющий взгляд, но тот не достиг цели — Томми в это время как раз наблюдал за Тони и Рейчел.

— Не понимаю, как эта сучка могла предпочесть Заку Тони Остина. Это просто в голове не укладывается, — сказала она.

— Наверное, ей нравилось чувствовать, что она кому-то нужна, — ответил Томми. — Заку не нужен никто. Тони нужны все.

— Нужны, чтобы их использовать, — презрительно поправила его Диана. — Этот современный Адонис на самом деле настоящий вампир. Он высасывает из людей все соки, пожирает их, а потом отбрасывает в сторону то, что осталось, — то, что он не сумел переварить.

— Тебе виднее, — осторожно сказал Тони, но все же, пытаясь как-то подбодрить Диану, обнял ее за плечи и слегка прижал к себе.

— Он постоянно посылал меня покупать для него наркотики. Однажды меня поймали. Так вот, когда я позвонила ему из тюрьмы и попросила приехать и забрать меня под залог, он разозлился и просто бросил трубку. Ты не представляешь, в каком я была состоянии! Я позвонила на студию, они забрали меня и помогли замять дело. Правда, потом мне пришлось с лихвой отработать каждый потраченный ими цент.

— Но, наверное, у него есть и какие-то достоинства, иначе бы ты не увлеклась им.

— В то время мне было всего двадцать, а он был звездой, причем одной из самых ярких, — парировала Диана. — А вот что можешь ты сказать в свое оправдание?

— Наверное, сослаться на половой кризис, свойственный среднему возрасту, — лениво попытался отшутиться Томми.

— Жаль, что его удалось откачать после последнего наркотического отравления.

В это время в конюшне вспыхнул яркий свет, и Диана кивнула:

— Пошли... Кажется, уже начинается.

Зак зашел в свой трейлер, быстро умылся холодной водой, переоделся в свежую рубашку и направился на съемочную площадку. По дороге он столкнулся в отцом Эмили, взволнованно шагавшим взад-вперед по неосвещенной лужайке.

— Эмили уже в конюшне?

— Нет, Зак, еще нет. Понимаешь, от этой жары она уже несколько дней очень плохо себя чувствует, — пожаловался Джордж Макдэниелс. — Ей не стоило так много времени проводить на солнце. Может быть, ты разрешишь ей еще немного побыть в трейлере? Там хотя бы есть кондиционер. Ведь она все равно пока тебе не нужна. Вы же наверняка будете снимать несколько дублей с Рейчел и Остином.

Если бы любой другой член группы сообщил режиссеру, что хочет спокойно посидеть в прохладе вместо того, чтобы, как положено, ждать своей очереди на съемочной площадке, то ему бы не поздоровилось. Но Зак испытывал слабость к Эмили, как, впрочем, почти все, кто был с ней знаком, и поэтому он не вспылал, а лишь строго приказал:

— Джордж, ты же прекрасно знаешь, что об этом не может быть и речи. Эмили — актриса. А значит, должна забыть о жаре и терпеливо ждать своей очереди.

— Но... — начал было Макдэниелс, но тотчас же осекся, увидев, что спорить бесполезно. — Хорошо, сейчас ее приведу.

Зак обычно презирал честолубивых родителей детей-звезд, но

Джордж Макдэниелс не относился к их числу. Мать Эмили сбежала, когда та была совсем маленькой, оставив мужа с грудным ребенком на руках. А некоторое время спустя, по счастливой случайности, кто-то из режиссеров обратил внимание на малышку с очаровательными ямочками, которая играла в парке со своим отцом. Когда позднее этот же режиссер предложил Эмили роль в своем новом фильме, Джордж Макдэниелс и сопровождал дочь на всех съемках, работая по ночам. Он рассудил, что гораздо лучше нанять девочке няню на ночь, чем отпускать ее с совершенно посторонней женщиной на съемочную площадку. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы Зак испытывал к нему искреннюю симпатию, а ведь, кроме того, было общеизвестно, что Джордж Макдэниелс не трогает ни гроша из зарабатываемых дочерью больших денег. Все они переводились на ее специальный счет в банке. Счастье Эмили было единственной вещью на свете, которая имела значение для ее отца, и эта беззаветная любовь принесла свои плоды — Эмили выросла замечательной девочкой, что для голливудской звезды было практически невозможным. Она не пила, не баловалась наркотиками, не спала с кем попало, была очень порядочной, скромной и хорошо воспитанной. И в том, что Эмили стала именно такой, была несомненная и огромная заслуга Джорджа Макдэниелса.

Девочка догнала Зака, когда он уже подходил к конюшне. Немного запыхавшись от бега, одетая в брюки и куртку для верховой езды, Эмили исчезла за углом, где два грума уже держали ее лошадь. Но перед этим она на несколько секунд задержалась около режиссера и сказала:

— Я буду готова в любое время, когда понадобится тебе, Зак.

В ясных глазах Эмили затаилась невысказанная боль за него и искреннее сочувствие тому страданию, через которое ему предстояло пройти.

Зак знал, что почти наверняка не получится снять эту сцену с первого раза, но, учитывая все, что произошло вчера вечером, был решительно настроен ограничиться минимальным количеством дублей. Незачем накалять и без того взрывоопасную обстановку бесконечными повторениями бурной чувственной сцены между собственной женой и ее любовником.

Кусты у входа в конюшню раздвинулись, и Зак застыл, услышав хорошо поставленный голос Тони Остина, который заговорил примирительным тоном:

— Послушай, Зак, эту сцену будет достаточно тяжело снять, даже если мы не будем держать зла друг на друга. Послушай — ты и я уже давно не невинные дети. Мы оба — взрослые люди. Так давай и вести себя

соответственно. — Тони окончательно вышел на свет и протянул руку.

Содрогнувшись при мысли о рукопожатии с этим ублюдком, Зак лишь презрительно процедил сквозь зубы:

— Иди ты знаешь куда...

Глава 7

Зак шел по проходу и почти физически ощущал на себе любопытные, настороженные взгляды окружающих. Воздух, казалось, сгустился от повисшей в нем напряженности. Сэм Хаджинс уже занял свое место у основной камеры. Зак подошел к нему и остановился у мониторов, с помощью которых он получал полную картину всего происходящего на съемочной площадке. Оставшись доволен увиденным, он кивнул Томми, и процесс съемок пошел своим чередом. — Свет! — крикнул помощник режиссера. Огромные прожекторы медленно залили съемочную площадку жарким белым светом. Засунув руки в карманы, Зак еще раз пристально взглянул на мониторы. Никто не говорил, никто не кашлял, никто не двигался, но Зак лишь смутно осознавал странную неподвижность и безмолвие, воцарившиеся на съемочной площадке и вокруг нее. В течение многих лет он привык отгораживаться от любых «сюрпризов», которые преподносила ему жизнь, с головой уходя в работу, поэтому на этот раз ему даже не пришлось прилагать никаких сознательных усилий. На некоторое время сцена, которую ему предстояло снимать, стала для него всем — ребенком, любовницей, надеждой на будущее. Пристально глядя на мониторы, Зак уже точно знал, как это будет выглядеть на десятиметровом экране кинотеатра.

Помощники осветителя сидели на стропилах, готовые в любую минуту переместить прожектор. Сам главный осветитель в ожидании распоряжений занял свое обычное место рядом с Сэмом Хаджинсом, и еще два его помощника находились рядом с семиметровым краном, на котором работал второй оператор. Звукорежиссер приготовил свои наушники, а хронометрист стоял со сценарием в одной руке и секундомером на изготовку в другой. Рядом с ним ассистент режиссера что-то записывала на хлопущке, готовясь к команде Зака «мотор!». Тони и Рейчел стояли немного поодаль, ожидая своего выхода.

Оставшись довольным увиденным, Зак повернулся к Сэму.

— По-моему, все в порядке. Как тебе кажется? В тысячный раз за сегодняшний день оператор-постановщик приник к окуляру камеры и, чуть поколебавшись, сказал:

— Зак, меня немного беспокоит этот стол. Давай пододвинем его поближе к дальней куче сена.

Двое рабочих сорвались со своих мест, схватили стол и начали по

сантиметру передвигать его в нужном направлении, до тех пор пока Сэм не остался доволен.

Теперь, когда уже почти все было готово, Зак испытывал лишь страстное желание поскорее начать съемки. Подняв голову вверх, он окликнул второго оператора:

— Лес! Как там вид сверху?

— По-моему, прекрасно.

Последний раз оглянувшись вокруг, Зак кивнул Томми, и тот по обыкновению призвал всех соблюдать тишину, хотя на съемочной площадке и без того было тихо, как в склепе:

— Внимание! Прошу всех занять свои места. Это не репетиция. Будем сразу снимать.

Тони и Рейчел заняли свои места у специальных отметок на полу, и пока гример торопливо запудривал потный лоб Тони, а костюмерша одергивала лиф платья Рейчел, Зак, как обычно, напоминал актерам сцену, которую предстояло снимать.

— Итак, — начал он сухим, деловым тоном, — вы читали сценарий и знаете, чем он заканчивается. Попробуем снять эту сцену с первого дубля. Если не получится, то будем считать это своеобразным прогоном, — переведя взгляд на Рейчел, он обратился непосредственно к ней, называя ее, как это делал всегда, именем героини:

— Джоханна, тыходишь в конюшню, зная, что Рик прячется где-то неподалеку. Ты знаешь, чего он хочет. Ты боишься его и боишься саму себя. Когда он начнет тебя ласкать, ты не сможешь устоять, но это наваждение продолжается лишь несколько мгновений. Страстных мгновений, — Зак решил не углубляться в подробности того, какой именно страсти он добивается между своей женой и ее настоящим любовником. — Понятно? — на всякий случай переспросил он. — Очень страстных.

— Понятно, — ответила Рейчел, и в ее зеленых глазах впервые промелькнуло что-то похожее на неловкость. Очевидно, ей тоже нелегко давалась эта сцена в присутствии такого количества народа.

Зак повернулся к Тони, который уже занял свое место в пустом стойле:

— Ты уже ждешь Джоханну больше часа и начинаешь бояться, что она не придет. Ты ненавидишь себя за то, что так хочешь ее. Это желание превратилось для тебя в навязчивую идею. Тебе хочется пойти в дом и рассказать ее дочери, экономке и вообще всем, кто захочет тебя выслушать, о том, что вы — любовники. Ты чувствуешь себя униженным потому, что она избегает тебя, и потому, что ты вынужден встречаться с ней в конюшне, в то время как ее муж благополучно спит с ней в роскошной кровати. Когда

она наконец приходит, в тебе прорываются ярость и боль, которые накапливались месяцами. Ты грубо хватаешь ее, но как только твои руки касаются ее тела, ты понимаешь, что снова хочешь эту женщину, и собираешься заставить ее хотеть тебя. Ты начинаешь целовать ее и чувствуешь, что поначалу она тебе отвечает. А когда она немного овладевает собой и начинает сопротивляться, ты уже слишком далеко заходишь и просто не можешь поверить в то, что она тебя не хочет. Ты не веришь этому до тех самых пор, пока она не хватается пистолет и не нацеливает его на тебя. Когда же это происходит, ты приходишь в ярость. Ты полностью утрачиваешь контроль над собой. Ты пытаешься отобрать у нее пистолет, и когда тот стреляет, ты настолько разъярен, что даже не можешь понять, что это произошло чисто случайно. За считанные секунды страсть, которую ты испытывал к этой женщине, перерастает в жгучую ненависть, и ты отчаянно борешься за обладание пистолетом. Раздается второй выстрел, и Джоханна оседает на пол — она тяжело ранена. Увидев это, ты приходишь в себя и роняешь пистолет. Ты страшно напуган и раскаиваешься в том, что наделал. Понятно? Ты слышишь приближение Эмили, немного колеблешься и убегаешь.

Будучи не в силах полностью скрыть отвращение, которое испытывал по отношению к этим двоим, Зак язвительно спросил:

— Надеюсь, вы сможете справиться с этим?

— Не волнуйся, Зак, — в тон ему ответил Остин, — думаю, как-нибудь справимся.

— Вот и прекрасно. Тогда давайте поскорее покончим с этим тошнотворным фарсом, — повернувшись к Рейчел, Зак добавил:

— Помни, что ты совсем не собиралась стрелять. Поэтому когда раздается случайный выстрел, ты должна быть страшно напугана. Настолько напугана, что даже не сразу замечаешь, что пистолет уже направлен на тебя, и не успеваешь быстро среагировать. Понятно?

Не дожидаясь ответа Рейчел, Зак повернулся к Эмили, и его голос сразу стал совсем другим — из него ушли резкость и стальные нотки.

— Эмили, ты слышишь выстрелы и верхом на лошади въезжаешь в эту дверь. Ты обнаруживаешь, что твоя мать ранена, но находится в сознании, и понимаешь, что рана не смертельна. Ты в панике. Рик убегает к своему грузовику, а ты хватаешь трубку телефона в комнате грумов и делаешь два звонка. Первый — в «скорую помощь», второй — отцу. Поняла?

— А что мне делать с Тони... то есть, я хочу сказать, с Риком? Разве не нужно немного пробежать за ним? Или хотя бы поднять пистолет, как будто я раздумываю над тем, бежать мне за ним или нет?

Обычно такие вещи обсуждались во время репетиции, и Зак понял, что с его стороны было глупостью рассчитывать на то, что можно обойтись без нее. Тем более что еще со вчерашнего дня он подумывал о том, чтобы изменить сценарий и обойтись без первого выстрела, который якобы делает Джоханна. Немного поколебавшись, он отрицательно покачал головой:

— Нет, Эмили. Давай попробуем полностью придерживаться сценария. По крайней мере, во время первого дубля. А там посмотрим. Если понадобится, будем импровизировать.

Зак еще раз обвел взглядом съемочную группу. Теперь его голос снова звучал сухо и деловито:

— У кого еще есть вопросы?

Вопросов не было, и Зак кивнул Томми.

— Тогда начинаем.

— Выключите кондиционеры, — крикнул Томми, и через несколько секунд монотонное гудение смолкло. Звукорежиссер надел наушники, оба оператора приникли к камерам, а Зак занял свою обычную позицию между камерой и мониторами, откуда он мог одновременно видеть запись и живое действие на съемочной площадке.

— Включите красный сигнал, — продолжал руководить Томми, и у входа в конюшню загорелась красная лампочка, предупреждая о том, что идет съемка. — Проверьте камеры, — он сделал небольшую паузу, ожидая подтверждения тому, что камеры и звук работают нормально.

— Порядок! — крикнул с возвышения второй оператор.

— Порядок! — эхом отозвался Сэм Хаджинс.

— Порядок! — закончил переключку звукорежиссер.

— Тогда начинаем. — Зак дал знак ассистенту режиссера.

— Сцена 126. Дубль 1.

Хлопушка громко щелкнула. Позднее монтажеры будут ориентироваться по этому хлопку, чтоб синхронизировать звук и изображение.

— Мотор! — крикнул Зак, как только ассистентка ушла из кадра.

Рейчел, тревожно озираясь по сторонам, вошла в конюшню через боковую дверь. На ее лице отражалась смесь страха, возбуждения и беспокойства.

— Рик? — робко позвала она в полном соответствии со сценарием. А ее сдавленный крик при виде выросшего перед ней Тони был отыгран просто безупречно.

Скрестив руки на груди и прищурив глаза, Зак стоял рядом с камерой и бесстрастно наблюдал за происходящим. Но когда Тони начал целовать и

ласкать Рейчел, пытаясь увлечь ее за собой на охапку сена, все пошло вкривь и вкось. Остин был неловок и совершенно очевидно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Стоп! — крикнул Зак, разъярясь при мысли о том, что ему, судя по всему, очень долго придется наблюдать за тем, как Остин лапает его жену. Выйдя из тени на залитую светом площадку, Зак окинул актера ледяным, презрительным взглядом. — Вчера в моем номере ты целовал ее не как девственник из церковного хора, Остин. Поэтому сейчас попробуй припомнить, как именно ты это делал. Та самодеятельность, которую ты только что продемонстрировал, не выдерживает никакой критики.

Остин, которого за его мальчишеское очарование часто сравнивали с Робертом Редфордом, покраснел до корней волос.

— Господи, Зак, почему ты не можешь отнестись к этому как взрослый человек. Я...

Не обращая никакого внимания на лепет Тони, Зак повернулся к свирепо глядящей на него Рейчел и грубо сказал:

— А тебе напоминаю, что по идее ты хочешь его, а не просто позволяешь лапать себя, размышляя о походе в парикмахерскую.

Следующие два дубля были неплохими, и все в съемочной группе это понимали, но Зак каждый раз останавливал съемку до того, как Рейчел успевала схватить пистолет, и заставлял начинать все сначала. Отчасти он делал это потому, что хотел заставить их снова проделывать на людях то, что вчера сделало из него всеобщее посмешище, но основная причина заключалась в другом. Зак все время чувствовал в этой сцене какую-то фальшь.

— Стоп! — прервал он четвертый дубль и вышел вперед.

Разъяренный Остин вскочил с сена, увлекая за собой Рейчел, у которой, похоже, с некоторым запозданием проснулись остатки стыда, а потому она пребывала в полном замешательстве и не меньшей ярости, чем Тони.

— Послушай ты, чертов садист! — истерично выкрикнул Тони. — Чего ты добиваешься? Чем тебе не понравились два последних дубля? Он и безупречны...

— Заткнись и слушай, — резко оборвал его Зак, принявший решение все же изменить сценарий. — Мы попробуем сыграть эту сцену немного по-другому. Независимо от того, что думал автор, когда писал свой роман, факт заключается в том, что в ту самую секунду, когда Джоханна стреляет в своего любовника, пусть даже случайно, она теряет симпатии зрителей. Этот человек обожал ее, он был одержим ею как в сексуальном, так и в

эмоциональном плане, а она лишь использовала его для удовлетворения собственных потребностей, даже не помышляя о том, чтобы ради него оставить мужа. Если она выстрелит первой, то Рик окажется единственной жертвой в этом фильме, а весь смысл заключается в том, что жертвами являются все.

Со всех сторон послышался удивленный и одобрительный шепот, но теперь Зак и без этой реакции окружающих был полностью уверен в собственной правоте. Об этом говорила та самая интуиция, что помогала ему получать «Оскаров» за фильмы, которые ни один другой режиссер не смог бы сделать даже элементарно увлекательными, до того примитивны были их сценарии. Повернувшись к Рейчел и Тони, на которых тоже произвело впечатление его решение, Зак сухо и отрывисто бросил:

— Итак, снимаем еще раз, и надеюсь, что последний. Все, что вам нужно сделать, — это немного изменить ход борьбы так, чтобы сразу ранило Джоханну.

— А потом? — спросил Тони. — Что мне делать после того, как я пойму, что попал в нее?

Зак немного поразмыслил, а потом решительно сказал:

— Позволь ей завладеть пистолетом. Ты не хотел ранить ее, но она этого не понимает. Ты отступаешь назад, но она хватается пистолет и направляет его на тебя. Делая это, она рыдает — от жалости к себе и к тебе. Ты продолжаешь отступать к двери. Рейчел, — обратился он к жене, будучи настолько увлеченным работой, что даже не заметил, как назвал ее настоящим именем, — помни — ты должна по-настоящему, громко рыдать. Потом ты закрываешь глаза и нажимаешь на курок.

Вернувшись на свое место, Зак кивнул ассистенту режиссера.

— Сцена 126, дубль 5! — раздался ее голос, сопровождаемый звуком хлопушки.

— Мотор!

Этот дубль будет последним. И он будет не просто хорошим, он будет безупречным. Зак понял это еще в тот момент, когда Остин схватил Рейчел и, жадно целуя ее, повалил на кучу сена. В этой сцене не было диалога, а музыкальный фон наложится позднее, поэтому, когда Рейчел схватила пистолет и направила его на Тони, Зак стал громко понукать актеров, призывая их к более яростной борьбе.

— Борись! Бей его! — крикнул он Рейчел и язвительно добавил:

— Представь себе, что он — это я.

Реплика сработала, и Рейчел, яростно извиваясь, стала с нешуточной силой барабанить Тони по спине и плечам. В одной руке у нее был

пистолет.

Позднее они запишут звук настоящего выстрела и вставят его на место тихого хлопка одного из холостых патронов, которыми был заряжен пистолет Рейчел. Теперь пистолет уже был в руках у Тони, и Зак выжидал наиболее подходящий момент для того, чтобы крикнуть «огонь!». Как только он это крикнет. Тони нажмет на курок, раздастся холостой выстрел, Рейчел упадет и раздавит пакет с искусственной кровью, спрятанный у левого плеча. Наконец этот момент наступил.

— Огонь! — крикнул он. В необъятном сарае раздался громоподобный выстрел, эхом отразившись от металлической крыши, и тело Рейчел содрогнулось как от сильного удара.

Все застыли, парализованные неожиданно громким звуком выстрела, который должен был быть лишь легким хлопком. Рейчел выскользнула из рук Тони и осела на пол, на ее теле не было бутафорской крови, которая должна была вытекать из раны в плече.

— Что за... — начал Зак, ринувшись вперед. — Рей-чел? — позвал он, переворачивая ее и отбросив в сторону склонившегося над ней Тони. В груди у жены Зак обнаружил маленькую дырочку, из которой сочилась кровь. Первая связная мысль, которая промелькнула у него, пока он кричал, чтобы кто-нибудь вызвал «скорую», и судорожно искал несуществующий пульс, была о том, что эта рана не может быть смертельной — крови почти не было, а само пулевое отверстие было скорее ближе к ключице, чем к сердцу. Кроме того, буквально в нескольких метрах находилась бригада профессиональных медиков, как того требовали правила безопасности. Кругом началось какое-то светопреставление — женщины визжали, мужчины кричали, а вся съемочная группа сбилась в плотную, обезумевшую толпу, которая напирала со всех сторон.

— Отойдите назад, черт вас побери! — заорал Зак и, так и не сумев найти пульс, начал делать искусственное дыхание.

Часом позже Зак в полном одиночестве стоял у входа в конюшню — все остальные столпились в нескольких метрах от него. У тела Рейчел возились медики и полицейские. Подъездная аллея к дому и почти весь луг были запружены патрульными машинами и каретами «скорой помощи». Их кроваво-красные и синие мигалки продолжали крутиться, создавая зловещую иллюминацию во влажном, неподвижном ночном воздухе.

Рейчел была мертва. Он чувствовал это, знал это. Он уже видел смерть и помнил, как она выглядит. Но все же, несмотря ни на что, не мог в это поверить.

Полицейские уже допросили Тонн и операторов. Теперь они начали

допрашивать всех, кто присутствовал в конюшне, когда это произошло. Единственным человеком, которого они ни о чем не спрашивали, был Зак. Эта странность настолько бросалась в глаза, что ее заметил даже он сам, хотя в связи со всем происшедшим почти утратил способность к логическому мышлению.

Вдруг площадку залил яркий белый свет, и сверху послышался громкий шум лопастей снижающегося вертолета. Зак увидел яркий красный крест и почувствовал колоссальное облегчение. Очевидно, они собираются отвезти Рейчел в ближайший госпиталь, а это значит, что медикам все же удалось вернуть ее к жизни. Но не успела эта радостная мысль промелькнуть у него в голове, как произошло нечто, заставившее его похолодеть от ужаса. Полицейские, оцепившие виллу, пропустили внутрь черный седан. На его глянцевого боку в свете огней снижающегося вертолета сверкнула знакомая надпись — «Окружной коронер».

Не только Зак заметил появление зловещего автомобиля. Эмили зарыдала в объятиях отца; Остин грязно выругался, но все же милостиво позволил Томми утешать себя; Диана, побледневшая и напряженная, не отрывала взгляда от машины коронера, а остальные... остальные просто растерянно смотрели друг на друга.

Но никто не смотрел на Зака и не пытался подойти к нему. И хотя, с одной стороны, это его вполне устраивало, с другой — такое всеобщее отчуждение показалось ему по крайней мере странным.

Глава 8

На следующий день полиция попросила всех не покидать гостиницу и тщательно допросила каждого члена съемочной группы. Зак был ошарашен и выбит из колеи тем, что полиция отказалась сообщить ему какую бы то ни было информацию по поводу происшедшего. Этот факт стал также известен журналистам, а уж они не преминули растрезвонить о нем по всей стране. В двенадцатичасовой программе новостей Эн-би-си сообщили, что пистолет, из которого был произведен выстрел, оказался заряженным разрывной пулей, которая не просто пробивает тело, но и поражает все ткани в довольно широком радиусе. Именно поэтому смерть Рейчел была мгновенной. Вечерние Новости Си-би-эс пошли еще дальше и пригласили в студию специалиста по баллистике, который с указкой в руках стоял перед диаграммой тела Рейчел и объяснял американцам, куда именно попала пуля и какие это возымело последствия. Отшвырнув в сторону пульт дистанционного управления, Зак быстро прошел в ванную. Его рвало. Рейчел мертва, и несмотря на то, что их брак никогда не был особенно счастливым, несмотря на то, что она собиралась оставить его ради Тони, он никак не мог смириться с ее смертью, и тем более такой ужасной. А новость, сообщенная в десятичасовом выпуске Эй-би-си, прозвучала для него как удар грома. Согласно только что обнародованным результатам вскрытия, Рейчел Эванс Бенедикт была на втором месяце беременности.

Зак откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. К горлу подступала горькая тошнота. Рейчел была беременна. Но не от него. Он не спал с ней уже много месяцев.

Измученный и небритый, Зак слонялся в полном одиночестве по номеру. Есть не хотелось. Он все время мучительно размышлял о том, задержали ли еще кого-нибудь из съемочной группы так же, как его. И если да, то почему до сих пор никто ни разу не наведлся к нему, чтобы поговорить, посочувствовать или, наконец, просто скоротать время. Правда, гостиничный коммутатор непрерывно осаждали звонками из Голливуда. Но большинству звонивших и сам Зак, и смерть его жены были совершенно безразличны. Единственное, чего они хотели, — это вынюхать еще какие-нибудь мерзкие подробности. Поэтому Зак наотрез отказался разговаривать с кем бы то ни было, кроме Мэтта Фаррела, и остался наедине с собственными мыслями, которые в основном вертелись вокруг одного и

того же вопроса — кто мог настолько ненавидеть Рейчел, чтобы желать ее смерти. В течение долгих часов он перебирал одного за другим всех членов съемочной группы. Но все его подозрения и логические построения казались до смешного шаткими и нелепыми. Ни у кого из известных ему людей не было достаточного основания для того, чтобы пойти на убийство.

Правда, у него мелькала мысль о том, что, по мнению полиции, самые веские основания желать смерти Рейчел были у него, но она казалась ему настолько смехотворной и не правдоподобной, что он ни на секунду не сомневался в том, что и полиция придет к такому же выводу.

Через два дня после трагедии в его номер постучали. Зак открыл дверь и свирепо уставился на двоих высоких мрачных полицейских, которые допрашивали его накануне.

— Мистер Бенедикт, — начал один из них, но Зак не дал ему договорить. Сказалось невероятное напряжение последних дней, и его прорвало.

— Какого черта вы, сборище кретинов, тратите на меня время! Я имею право и требую, чтобы мне сообщили, какие шаги предприняты для поимки убийцы моей жены...

Он был настолько возбужден, что совершенно не контролировал ситуацию, а потому последующие действия одного из полицейских застали его врасплох. Через несколько секунд Зак уже стоял лицом к стене со скрученными за спиной руками. Почувствовав холодное прикосновение металла, он услышал характерный щелчок наручников и голос второго полицейского:

— Захарий Бенедикт, вы арестованы по подозрению в убийстве Рейчел Эванс. Вы имеете право не отвечать на вопросы и вызвать адвоката. Если вы не можете позволить себе оплатить услуги адвоката, то...

Глава 9

— Уважаемые господа присяжные, вы слышали жуткие показания свидетелей и видели неопровержимые доказательства... — Прокурор Алтон Петерсон стоял совершенно неподвижно, устремив пронзительный взгляд на двенадцать человек, которым предстояло вынести вердикт по делу, вызвавшему грандиозный резонанс в прессе и неослабевающее внимание публики. Не каждый день голливудские суперзвезды оказываются замешанными в деле о супружеской измене и убийстве. Репортеры со всего мира с нетерпением ожидали исхода суда над Захарием Бенедиктом. Те же самые газеты, которые в свое время превозносили его, теперь с еще большим восторгом смаковали каждую деталь его падения, в невероятных количествах продуцируя всякие слухи и домыслы, которые рядовые американцы с аппетитом поглощали.

— О каких еще доказательствах может идти речь? — патетически вопрошал Петерсон, перед тем как переходить к финальной части своей обвинительной речи. — Вы сами слышали убийственные показания десятков свидетелей, многие из которых были друзьями обвиняемого. Вы знаете, что в ночь накануне убийства Рейчел Эванс Захарий Бенедикт застал ее в объятиях Тони Остина. Вы знаете, что Бенедикт был в ярости и понадобились усилия нескольких мужчин, чтобы его оттащить. Вы слышали показания постояльцев гостиницы, которые оказались в коридоре после того, как разразился скандал, и стали очевидцами бурной ссоры, которая за этим последовала. Все эти свидетели слышали, как Рейчел Эванс сказала Бенедикту, что разводится с ним, чтобы выйти замуж за Энтони Остина. Они также слышали, как она говорила, что рассчитывает в процессе этого развода отсудить половину имущества Захария Бенедикта. Те же самые свидетели показали, что обвиняемый угрожал своей жене. Позвольте, я процитирую:

— Петерсон сделал небольшую паузу якобы для того, чтобы найти соответствующее место в своих записях. Но это была не более чем попытка еще больше усилить драматический эффект, производимый словами, которые и без того знали на память присутствующие в зале суда: «Я скорее убью тебя, чем позволю тебе и твоему любовнику жить на мои деньги!» — Схватившись за перила, отделяющие места присяжных от зала суда, прокурор еще раз обвел пристальным взглядом обращенные к нему лица и продолжал:

— И он действительно убил ее, дамы и господа. Он убил ее совершенно хладнокровно, вместе с еще не рожденным, невинным младенцем, которого она носила в себе! Вы так же, как и я, так же, как и сотни тысяч других людей, знаете, что он сделал это. Но страшен даже не столько факт самого преступления, сколько то, как именно это отвратительное, гнусное убийство было совершено. Чтобы придумать такое, нужно быть абсолютно хладнокровным и бездушным чудовищем. — На этом месте Петерсон перестал гипнотизировать присяжных и начал расхаживать взад-вперед, в который раз обрисовывая перед присутствующими картину гибели Рейчел.

— Захарий Бенедикт убил свою жену не во внезапном приступе ярости, как это мог сделать другой на его месте. Нет, это не для него. Он терпеливо ждал своего часа. Ждал почти сутки, думая только о том, чтобы закончить свой драгоценный фильм. А избранный им способ убийства настолько хладнокровен и циничен, что я просто не нахожу слов, чтобы охарактеризовать того человека, который его изобрел! Вместо безобидного холостого патрона он заряжает пистолет разрывной пулей, а потом в последнюю секунду меняет сценарий так, чтобы была убита именно его жена, а не Энтони Остин.

Алтон сделал очередную драматическую паузу и снова схватился за перила.

— Господа присяжные, я не делаю голословных утверждений и не занимаюсь досужими домыслами. Вы сами слышали показания свидетелей, которые подтверждают каждое мое слово: в день убийства, пока вся съемочная группа обедала, Захарий Бенедикт отправился в конюшню якобы для того, чтобы проверить, все ли готово к съемкам. Многие видели, как он входил туда — да он и сам это признает, но никто не может сказать, что именно он там делал. Может быть, менял что-то в декорациях? Но все осталось на своих местах. Господа присяжные, и вы, и я прекрасно знаем, что он там делал? Он менял безобидные холостые патроны, которыми незадолго до этого ассистент режиссера лично зарядила пистолет, на смертоносные пули. Хочу еще раз напомнить вам, что на пистолете обнаружены отпечатки пальцев обвиняемого. Нет никакого сомнения в том, что они попали туда чисто случайно после того, как Бенедикт тщательно вытер пистолет. Но даже после того, как все эти зловещие приготовления были сделаны, он далеко не сразу довел свое мерзкое дело до конца, как это сделал бы на его месте обычный убийца! Отнюдь. Вместо этого, — Алтон повернулся к подсудимому и, вкладывая в свои слова все презрение и отвращение, на которые был способен, заговорил, обращаясь

непосредственно к нему, — Захарий Бенедикт стоял рядом с оператором, наблюдая за тем, как его жена и ее любовник целуют и ласкают друг друга. И не просто смотрел! Он заставлял их проделывать это снова и снова, останавливая съемки каждый раз, когда его жена тянулась за пистолетом. А потом, когда он уже всласть «позабавился», наступил момент, который нельзя было больше откладывать, — его жена должна была схватить пистолет и выстрелить в Тони Остина. И тогда... Тогда, господа присяжные, Захарий Бенедикт изменил сценарий!

На этом месте Петерсон протянул указующий перст по направлению к Заку, и его голос дрогнул от показного омерзения, которое якобы вызывал в нем подсудимый:

— Захарий Бенедикт — это человек, которого деньги и слава развратили настолько, что он счел себя выше тех законов, которые применимы к нам, простым смертным. Он был убежден в том, что ему удастся выйти сухим из воды! Господа присяжные, взгляните на него! Взгляните на этого человека, который...

Раскатистый баритон прокурора в очередной раз возымел свое действие, и лица всех людей, присутствовавших в зале суда, как по команде повернулись к подсудимому. Сидевший рядом с Заком адвокат, не разжимая губ, прошипел:

— Черт бы тебя побрал, Зак! Тебе что, трудно посмотреть на присяжных?

Зак поднял голову и послушно посмотрел в направлении двенадцати человек, которые вскоре должны решить его судьбу, хотя было совершенно ясно: что бы он ни делал, мнения присяжных ему уже не изменить. Даже если бы Рейчел вдруг ожила и лично явилась в суд, чтобы обвинить его, она вряд ли была бы более убедительной, чем все те «свидетельства», которые он сам создал против себя.

— Взгляните на него, — с пафосом продолжал Алтон Петерсон, — и вы увидите, кто сидит перед вами. Перед вами сидит человек, виновный в убийстве первой степени! И если вы хотите, чтобы восторжествовала справедливость, то вы вынесете именно такой вердикт!

На следующее утро присяжные удалились на совещание, а Зак, которого отпустили под залог в один миллион долларов, вернулся в свой номер в «Кресцент отеле». В его мозгу поочередно мелькали две безумные идеи, которые, правда, взаимоисключали друг друга. С одной стороны, он хотел бежать в Южную Америку, а с другой — убить Тони Остина. Тони казался ему наиболее вероятным подозреваемым, хотя ни адвокаты Зака, ни

многочисленные частные детективы, которых они нанимали, не смогли раскопать ничего такого, что свидетельствовало бы против него. Кроме, разве что, дорогостоящей потребности в наркотиках, которую ему было бы значительно легче удовлетворить, если бы Рейчел осталась жива и вышла за него замуж после развода с Заком. Более того, если бы Зак в последнюю минуту не изменил сценарии, тогда погиб бы Тони, а не Рейчел. Зак пытался вспомнить, говорил ли он когда-нибудь в присутствии Тони о том, что ему не нравится концовка и он думает изменить ее. У него была привычка думать вслух, поэтому вполне возможно, что он громогласно рассуждал об изменениях сценария, а потом просто забыл об этом. Кроме того, он точно помнил, что делал по этому поводу письменные пометки, которые мог видеть кто угодно. Но свидетели все как один утверждали, что ничего не видели, не слышали и не знали.

Зак метался по номеру, как тигр в клетке, проклиная судьбу, Рейчел и самого себя. Снова и снова он прокручивал в уме заключительную речь своего адвоката, пытаясь убедить самого себя, что Артуру Хэндлеру все же удалось поколебать уверенность присяжных в его виновности. Хэндлер избрал единственно возможную в сложившейся ситуации линию защиты, попытался убедить присяжных, что Зак должен был бы быть полным идиотом, чтобы совершить такое очевидное, шитое белыми нитками преступление и надеяться выйти сухим из воды, зная, что абсолютно все факты свидетельствуют против него. Когда в ходе суда выяснился тот факт, что у Зака была обширная коллекция оружия, Хэндлер сознательно заострил на этом внимание, стараясь доказать, что, имея богатый опыт обращения с различными видами огнестрельного оружия, Зак сумел бы заменить патроны и вытереть пистолет так, чтобы не оставить при этом случайных отпечатков пальцев.

В мозгу упрямо вертелась мысль о побеге в Южную Америку, но это была дурацкая мысль, и Зак это знал. Во-первых, если он сбежит, то присяжные решат, что он виновен, даже если до этого соберутся оправдать его. А во-вторых, он был личностью довольно известной, а уж после той шумихи, которую подняли газеты вокруг этого суда, его обнаружат за считанные минуты. Куда бы он ни отправился. Ему оставалось утешать себя только тем, что Тони Остин никогда больше не будет сниматься в кино. Тот алкоголик, наркоман и извращенец, представший перед изумленной публикой на суде, будет попросту никому не нужен.

На следующее утро мучительное напряжение, в котором Зак пребывал все эти дни, достигло критической точки. Неизвестность сводила его с ума, и раздавшийся стук в дверь полоснул по нервам. Зак рывком распахнул

дверь и увидел на пороге своего единственного друга. Человека, которому безоговорочно доверял.

Зак не хотел, чтобы Мэтт Фаррел присутствовал на суде. Отчасти потому, что стеснялся своего унижения, но в основном потому, что не желал, чтобы дружба с ним повредила репутации знаменитого финансиста. До вчерашнего дня Мэтт был в Европе, где вел переговоры по поводу покупки новой компании, и Заку было несложно, разговаривая с ним по телефону, поддерживать видимость оптимизма. Но сейчас достаточно одного взгляда на мрачное лицо друга, чтобы понять, что Мэтт уже знает жуткую правду и, судя по всему, именно из-за этого прилетел в Даллас.

— Только не нужно так радоваться моему приезду, — сухо сказал он, входя в номер.

— Я же говорил тебе, что нет никакой необходимости приезжать сюда, — не менее сухо заметил Зак, закрывая дверь. — Присяжные как раз сейчас принимают решение. Так что скоро все мои мучения закончатся.

— В таком случае, — ответил Мэтт, ничуть не смущенный столь очевидным отсутствием энтузиазма по поводу своего приезда, — мы можем пока скоротать несколько часов за игрой в покер. О'Хара присоединится к нам, как только поставит машину и закажет номера. — С этими словами Мэтт снял пальто и, взглянув на измученное, осунувшееся лицо Зака, потянулся за телефонной трубкой.

— Ты чудовищно выглядишь, — констатировал он и заказал обильный завтрак на троих.

— Сегодня у меня удачный день, — говорил О'Хара шесть часов спустя, сгребая со стола свой выигрыш. Шофер и телохранитель Фаррела, мужчина огромного роста с помятыми чертами лица, которые выдавали в нем бывшего боксера-профессионала, тоже очень беспокоился за будущее Зака и, пытался скрыть это за напускной веселостью и притворным оптимизмом, которые никого не обманывали, но тем не менее делали общую атмосферу менее невыносимой.

— Напомни мне, чтобы я не забыл урезать тебе зарплату, — скривился Мэтт, глядя на все увеличивающуюся кучку монет у локтя О'Хары. — Если ты можешь играть в покер по таким ставкам, то она явно высоковата.

— Ты говоришь это каждый раз, когда я обыгрываю тебя или Зака, — жизнерадостно парировал шофер, тасуя колоду, — как в самые добрые дни в Кармеле, когда мы играли почти каждый день. Только там мы обычно занимались этим не по утрам.

И судьба Зака не висела на волоске...

Эта никем не высказанная мысль тем не менее ощутимо повисла в воздухе и вызвала неловкое молчание, которое, правда, почти тотчас же нарушил телефонный звонок.

Зак поднял трубку, молча выслушал сообщение и встал.

— Присяжные приняли решение. Мне нужно ехать.

— Я поеду с тобой, — сказал Мэтт.

О'Хара тотчас же встал и достал из кармана ключи.

— Машина будет через пару минут, — сообщил он.

— Не стоит беспокоиться, — голос Зака звучал напряженно. Чувствовалось, что он из последних сил борется с охватившим его паническим страхом, — меня подвезут мои адвокаты.

Как только О'Хара вышел, Зак подошел к письменному столу и, пристально глядя на Мэтта, сказал:

— Я хочу попросить тебя об одном одолжении. — С этими словами он достал из ящика какой-то документ и протянул другу. — Я приготовил его на тот случай, если вдруг возникнут какие-то осложнения. Эта доверенность предоставляет тебе неограниченное право действовать от моего имени во всем, что касается моего имущества и финансов.

Мэтт Фаррел почувствовал, что бледнеет. Существование этого документа говорило о том, как низко его друг расценивает свои шансы на оправдание.

— Это не более чем формальность, — солгал Зак. — Так, мера предосторожности на случай каких-то непредвиденных обстоятельств. Я уверен, что тебе никогда не придется ею воспользоваться.

— Я тоже, — ответил Мэтт, хотя теперь он отнюдь не был в этом уверен.

Двое мужчин еще раз пристально посмотрели друг на друга. Одинаковый рост, одинаковое телосложение, почти одинаковый цвет волос и глаз и, главное, одинаково гордое выражение лица делали их похожими на двух братьев. Мэтту очень не хотелось задавать следующий вопрос, но когда Зак потянулся за пиджаком, он все же решился:

— А если... если вдруг мне все-таки придется воспользоваться этим документом? Может быть, у тебя есть какие-нибудь указания или пожелания?

Зак пожал плечами и, заканчивая завязывать узел на галстук, попытался пошутить:

— Пожелание только одно — постарайся не разорить меня. А часом позже Зак стоял в зале суда, рядом со своими адвокатами, и наблюдал, как бейлиф вручает судье вердикт присяжных. Слова судьи доносились откуда-

то издалека, словно проходили через узкий и длинный туннель.

— ..Виновен в убийстве первой степени... Затем последовал небольшой перерыв для определения меры наказания, и Зак услышал следующий приговор, еще более убийственный, чем предыдущий:

— Приговаривается к сорока пяти годам тюремного заключения... Не может быть выпущен под залог в связи с тем, что срок приговора превышает пятнадцать лет... Осужденный берется под стражу прямо в зале суда...

Хотелось кричать, рыдать, биться головой о стену, но на лице Зака не дрогнул ни один мускул. Призвав на помощь остатки самообладания, он старался ничем не выдать своего состояния и стоял, гордо выпрямившись, даже когда кто-то грубо заломил ему руки за спину и защелкнул на них наручники.

Глава 10

1993

— Осторожно, мисс Мэтисон! — пронзительно крикнул мальчик в инвалидной коляске, но было уже поздно. Джулия подхватила баскетбольный мяч, готовясь к броску, но споткнулась о подножку одного из инвалидных кресел и, пролетев по инерции немного вперед, бессильно шлепнулась на пол.

— Мисс Мэтисон! Мисс Мэтисон! — раздавались со всех концов спортивного зала испуганные голоса детей-инвалидов, с которыми Джулия регулярно занималась физкультурой после окончания ее обычных уроков в школе. Постепенно вокруг нее собралась целая толпа детей. Некоторые из них были в инвалидных колясках, некоторые — просто на костылях.

— Вы в порядке, мисс Мэтисон? — наперебой спрашивали они. — Вам больно, мисс Мэтисон? Вы ударились, мисс Мэтисон?

— Конечно же, мисс Мэтисон ударилась, — передразнила их Джулия, приподнимаясь на локтях и отбрасывая со лба прядь волос. — По ее гордости нанесен страшный удар.

Вилли Дженкинс, местный девятилетний герой-любовник, который помогал Джулии проводить игру, засунул руки в карманы и, насмешливо улыбаясь, спросил густым басом, совершенно неожиданным для ребенка:

— Но как так получилось, что удар нанесен по вашей гордости, если упали вы на...

— Тебе показалось, Вилли. Ты просто стоял слишком далеко, — засмеялась Джулия, не давая ему закончить мысль. Она начала подниматься на ноги, но тут ее взгляд уперся в тупоносые туфли, коричневые носки и бежевые полиэстеровые брюки.

— Мисс Мэтисон! — свирепо рявкнул директор, хмуро разглядывая многочисленные следы от колес на новеньком блестящем полу спортивного зала. — По-моему, то, чем вы здесь занимаетесь, весьма отдаленно напоминает игру в баскетбол.

Несмотря на то, что прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как мистер Дункан обвинил одиннадцатилетнюю Джулию Мэтисон в краже денег и недавняя школьница теперь сама преподавала в третьем классе китонской начальной школы, ее отношения с директором мало изменились в лучшую сторону. Правда, он больше не подвергал сомнению ее честность, но и не скрывал недовольства тем, что она и ее ученики постоянно выходили за

рамки строгих школьных правил. Для директора китонской школы Джулия Мэтисон была постоянной головной болью. Она до смерти замучила его бесконечными новаторскими идеями и, если он отвергал их, заручалась моральной, а когда нужно, и материальной поддержкой всего города. Результатом одной из таких идей стала особая образовательная и спортивная программа для детей-инвалидов, которую Джулия не только сама разработала, но и постоянно меняла, что сводило с ума консервативного, привыкшего к раз и навсегда установленному порядку мистера Дункана. Кроме того, не успела неугомонная мисс Мэтисон воплотить в жизнь эту свою идею, как тотчас же увлеклась другой, еще более безумной. А если Джулия ставила перед собой какую-то цель, то остановить ее уже не мог никто. На этот раз она решила ликвидировать неграмотность среди взрослых женщин города Китона и его окрестностей. А началось все после того, как Джулия случайно обнаружила, что жена школьного сторожа не умеет читать. Она пригласила эту женщину к себе домой и стала понемногу учить ее, но вскоре выяснилось, что у жены сторожа есть знакомая, которая тоже не умеет ни читать, ни писать, а у той, в свою очередь, оказалась еще одна знакомая, а у той знакомой своя знакомая, и не успел мистер Дункан оглянуться, как Джулия Мэтисон в очередной раз осаждала его кабинет и просила предоставить ей и ее ученицам возможность дважды в неделю по вечерам заниматься в помещении школы.

Когда же мистер Дункан попытался резонно возразить, напомнив ей, что из-за вечерних занятий возрастает стоимость коммунальных услуг, Джулия улыбнулась и пообещала обратиться к директору средней школы. Не желая выглядеть в глазах окружающих бездушным монстром, после того как его коллега уступит синим глазам и ясной улыбке Джулии, мистер Дункан согласился выделить ей ее же собственный кабинет в китонской начальной школе. Вскоре после этой капитуляции директора Джулия решила, что ей необходимы специальные пособия для ее взрослых учениц, и со свойственной ей энергией принялась за дело. Уверенная в своей правоте и благородстве поставленной цели, Джулия обладала безграничным оптимизмом и феноменальным упорством. К сожалению, все эти поистине замечательные качества молодой учительницы делали жизнь мистера Дункана совершенно невыносимой.

Он мог говорить и делать все что угодно — остановить Джулию Мэтисон было невозможно. Она твердо решила во что бы то ни стало добыть необходимые ее ученицам пособия, а значит, она их добудет. И мистер Дункан не сомневался, что поездка в Амарилло, для которой она

просила двухдневный отпуск, напрямую связана с поиском денег на их приобретение. Он точно знал, что богатый дедушка одного из ее питомцев-инвалидов выделил довольно крупную сумму на закупку оборудования для реализации ее предыдущей программы. И этот дедушка жил не где-нибудь, а именно в Амарилло. Наверняка она собралась захватить врасплох ничего не подозревающего человека и уговорить его материально поддержать ее программу по ликвидации неграмотности среди взрослых женщин.

Эта ее способность беззастенчиво Попрошайничать особенно претила чопорному директору. Он считал недостойным по любому поводу выклянчивать деньги у богатых граждан города или их родственников. За те четыре года, которые Джулия работала под его началом, у мистера Дункана не было ни одного спокойного дня. Как бельмо на глазу, она постоянно напоминала о себе. Поэтому директор остался абсолютно равнодушным к чарам прелестного существа, представшего перед ним в спортивном зале. Некрашенная, с открытым лбом и волосами, собранными на затылке в хвост, Джулия излучала здоровье и юношеский задор, которые в свое время обманули Дункана, когда он принимал ее на работу. Тогда он подумал, что перед ним обычная девушка — хорошенькая, уступчивая и относительно недалекая. Эта ошибка дорого ему обошлась. Внешне Джулия представляла собой вполне ангелоподобное создание — небольшого роста, очень тонкая, длинноногая, с изящно очерченным носом, высокими скулами и пухлым нежным ртом. Под красиво изогнутыми темными бровями, окруженные густыми изогнутыми ресницами, сияли огромные, не правдоподобно синие глаза, казавшиеся кроткими и невинными. Лишь с большим опозданием Дункан понял, что единственной чертой обманчиво-нежного лица, отражавшей истинную суть этой невероятной девушки, был жесткий, упрямый подбородок с небольшой, совсем неженственной ямочкой.

Подавляя растущее нетерпение, директор ждал, пока его недисциплинированная подчиненная загонит свою «команду» в раздевалку, даст последние наставления по поводу предстоящей на следующей неделе игры и приведет себя в порядок. Лишь после этого он снизошел до объяснения причин своего неожиданного визита в спортзал.

— Звонил ваш брат Тед. Я поднял трубку, потому что больше поблизости никого не было, — раздраженно начал Дункан. — Он просил передать вам, что родители ждут вас к обеду в восемь часов и что Карл даст вам для поездки свою машину. Он, кажется, упомянул, что вы отправляетесь в Амарилло.

— Да, я еду в Амарилло, — подтвердила Джулия с улыбкой, которая

способна была обезоружить любого. Но только не директора китонской школы.

— У вас там друзья? — вежливо поинтересовался мистер Дункан, и его вопросительно приподнятые брови сошлись на переносице.

Джулия ехала в Амарилло, чтобы встретиться с богатым родственником одного из детей-инвалидов и убедить его дать немного денег на ее новую программу... Похоже, мистер Дункан уже догадался об этом.

— Но меня не будет на работе всего два дня, — попыталась она уйти от ответа. — И я уже договорилась о замене.

— Амарилло находится в нескольких сотнях миль. Наверное, у вас там очень важные дела, если вы решили ехать в такую даль.

Но Джулия не собиралась удовлетворять любопытство своего директора и проигнорировала этот почти прямой вопрос о цели ее поездки. Вместо этого она взглянула на часы и торопливо заговорила:

— О Боже! Уже половина пятого. Если я хочу до шестичасового урока попасть домой и принять душ, то мне лучше поторопиться.

У машины Джулию поджидал Вилли Дженкинс. Его маленькое личико было сосредоточенно нахмурено.

— Я слышал, как мистер Дункан сказал, что вы едете в Амарилло, — сообщил он своим хриплым голосом, который скорее напоминал голос взрослого мужчины, больного ларингитом. — И поэтому я хотел до вашего отъезда узнать... Мисс Мэтисон, скажите, я буду петь в «Зимнем карнавале» или нет?

Джулия с трудом подавила улыбку. Подобно своим старшим братьям, Вилли Дженкинс занимался всеми видами спорта и везде был одним из первых; он мгновенно становился лидером в любой команде; он пользовался невероятной популярностью среди всех учеников младших классов обоих полов, и поэтому его особенно больно задевал тот факт, что там, где дело касалось музыки, он всегда оказывался последним. Ему никогда не давали петь ни в одном из школьных спектаклей. Причина была проста — стоило Вилли открыть рот, как все присутствующие начинали корчиться от неудержимого хохота.

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос, Вилли. Решать буду не я, — сказала Джулия, забрасывая портфель на переднее сиденье своего маленького «форда». — Я в этом году не занимаюсь «Зимним карнавалом».

Тогда этот маленький донжуан улыбнулся проказливой, но в то же

время многозначительной улыбкой мужчины, который знает, что женщина неравнодушна к нему. И это было истинной правдой. Джулия очень любила Вилли Дженкинса. Любила за абсолютное бесстрашие, за самообытный характер, за внутреннюю силу и особенно за врожденную доброту, которая больше всего проявлялась в его отношении к одному мальчику-инвалиду по имени Джонни Эверетт.

— Понятно, — просипел Вилли, продолжая улыбаться, — ну а если бы им занимались вы?

— Вилли, — улыбнулась Джулия, включая зажигание, — если мне однажды придется решать, кто будет петь, ты обязательно окажешься в числе избранных.

— Обещаете? Джулия кивнула.

— Можешь проверить. Приходи в церковь, и я разрешу тебе петь в детском хоре.

— Боюсь, что там меня мало кто увидит. А мои предки туда вообще не ходят.

— Ну что ж, тогда тебе предстоит разрешить сложную дилемму, — ответила Джулия через открытое окно машины, давая задний ход.

— А что такое дилемма?

Протянув руку, Джулия взъерошила его волосы.

— Посмотри в словаре.

Задумавшись, она миновала «деловой центр» Китона — четыре ряда магазинов и всевозможных контор, образующих квадрат вокруг величественного старого здания, в котором располагалось руководство округа. Когда Джулия пятнадцать лет назад впервые попала в Китон, этот маленький тexasский городок, в котором не было ни небоскребов, ни широких проспектов, ни, наконец, трущоб, поначалу казался ей странным и чуждым, но вскоре она очень полюбила его тихие улочки и царящий повсюду дух доброжелательности.

За прошедшие годы Китон почти не изменился. Он остался все таким же — живописным и немного старомодным, с прелестным белым танцевальным залом в центре муниципального парка, вымощенными кирпичом улицами, уютными магазинчиками и содержащимися в идеальном порядке домиками. И хотя за последнее время население Китона увеличилось с трех до пяти тысяч человек, город полностью и без следа поглотил пришельцев. Китонцы, которых полностью устраивал их образ жизни, не желали ни к кому и ни к чему приспосабливаться, а потому приспосабливаться пришлось чужакам.

Большинство жителей до сих пор регулярно по воскресеньям ходили в

церковь, мужчины по-прежнему собирались в Элк-клубе в первую пятницу каждого месяца, а все летние праздники отмечались так же, как и сто лет назад, на большой зеленой лужайке под аккомпанемент китонского городского оркестра, который сидел на возвышении, обтянутом по такому случаю красными, белыми и синими полотнищами. Правда, если раньше китайцы прибывали на подобные торжества верхом или в повозках, запряженных лошадьми, то теперь они предпочитали пикапы и малолитражки, но смех и музыка звенели в летнем воздухе так же, как и много лет назад. Дети по-прежнему играли в пятнашки среди вековых дубов или чинно прогуливались, одной рукой цепляясь за родителей, в другой зажав стаканчик с мороженым. Старики, как водится, сидели на лавочках и вспоминали минувшие дни. Китон был городом, где люди крепко держались за старые традиции, старые воспоминания, старых друзей. В этом городе все знали обо всех.

И Джулия теперь чувствовала себя неотъемлемой частью китонского уклада. Это давало ей ощущение безопасности и защищенности, поэтому вот уже пятнадцать лет она тщательнейшим образом избегала всего, что могло послужить хоть малейшим поводом для слухов и пересудов. Будучи подростком, она встречалась только с теми мальчиками, которых одобряли ее родители, и принимала участие только в тех мероприятиях, которые поддерживали школа и церковь. Джулия ни разу не нарушила даже правила дорожного движения, не говоря уже о каких бы то ни было других серьезных правилах. Она жила с родителями вплоть до окончания колледжа, а когда все-таки сняла себе дом, то содержала его в безукоризненном порядке и взяла себе за правило не приглашать в него никаких мужчин, кроме членов своей семьи, после того как начинало смеркаться.

Любую другую девушку, выросшую в восьмидесятых, подобные самоограничения свели бы с ума, но только не Джулию. Ей посчастливилось обрести настоящий дом, любящих родителей и братьев, которые доверяли ей и уважали ее, и она твердо решила всегда быть достойной этого. Ее усилия были вознаграждены, и к двадцати шести годам Джулия Мэтисон стала своего рода образцовой жительницей Китона. Кроме преподавания в китонской начальной школе, работы с детьми-инвалидами и вечерних занятий с неграмотными женщинами, она также преподавала в воскресной школе, пела в церковном хоре, пекла печенье для благотворительных распродаж и вязала шарфы, чтобы помочь собрать деньги на новое здание для китонской пожарной команды.

С непреклонной решимостью она тщательно искореняла в себе любые

черты, напоминавшие об отчаянном, безрассудном сорванце, которым она когда-то была, но каждая очередная «жертва» с ее стороны вознаграждалась сторицей. Джулия очень любила детей, да и работа со взрослыми приносила ей ни с чем не сравнимое удовлетворение. Она сама создала для себя безупречную, ничем не запятнанную жизнь. И лишь иногда, по ночам, когда оставалась одна, Джулия испытывала какую-то непонятную тоску. В ее безупречной, идеальной жизни явно чего-то не хватало, а чего-то было слишком много. Она словно играла самую же собою написанную роль в пьесе, продолжения которой не знала.

Год назад, когда в их город приехал второй священник, чтобы помогать преподобному Мэтисону с его обширной паствой, Джулия вдруг поняла, чего ей не хватает — собственной семьи, мужа и детей, о которых бы она могла заботиться. Грег Хаули (так звали нового священника) думал точно так же. Он сделал ей предложение, но Джулия попросила дать ей немного времени, чтобы окончательно разобраться в своих чувствах. И вот теперь Грег уехал во Флориду, в свой собственный приход, где и ждал ее окончательного решения. Городские сплетники, которые полностью одобряли возможный брак между Джулией и молодым пастором, были очень разочарованы, когда месяц назад, после Рождества, Грег уехал к себе во Флориду, не объявив о помолвке.

Джулии тоже был очень симпатичен Грег Хаули. Но иногда, ночью, ее одолевали какие-то смутные, непонятные и совершенно необъяснимые сомнения... Глава 11

Присев на краешек стола, Джулия с улыбкой смотрела на семерых женщин в возрасте от двадцати до шестидесяти, которые учились читать. Джулия недавно познакомилась с ними, но уже полюбила за смелость, с которой они не побоялись признаться а своем невежестве, и за решимость во что бы то ни стало его побороть. Ей очень не хотелось заканчивать занятия, но через двадцать минут родители ждали ее к ужину.

— Ну что ж, на сегодня достаточно, — взглянув на часы, сказала Джулия. — Есть вопросы по заданию на следующую неделю?

После небольшой паузы Розали Силмет, двадцатипятилетняя мать-одиночка, подняла руку и, смущаясь, заговорила:

— Мы... мы все хотим вам сказать, как важно для нас все, что вы делаете. Мне поручили говорить от имени всех, потому что пока я умею читать лучше других. Мы хотим, чтобы вы знали, как изменили нашу жизнь тем, что поверили в нас. Некоторые думают, — в этом месте Розали немного заколебалась, глядя на Паулину Перкинс, которая присоединилась к их группе совсем недавно, поддавшись на уговоры Розали, — что вы все

равно не сможете нас ничему научить, потому что это невозможно. Но мы очень благодарны вам за то, что вы хотя бы предоставили нам шанс.

Джулия, от которой не укрылись колебания Розали, посмотрела на сидящую немного в стороне темноволосую серьезную женщину лет сорока и мягко спросила:

— Паулина, почему вы думаете, что не сможете научиться читать?

Женщина поднялась со своего места, будто обращалась к очень уважаемому и важному человеку. Говорила она с большим достоинством, но в голосе слышалась застарелая боль:

— Мой муж утверждает, что если бы я не была так глупа, то научилась бы читать еще в детстве. И мои дети считают, что я даром трачу свое и ваше время. Я пришла сюда только потому, что увидела, как быстро продвигаются дела у Розали. А ведь она, так же как и я, всегда считала себя абсолютно неспособной к учению. Вот я и решила попытаться.

Увидев, что остальные женщины согласно кивают, Джулия на несколько мгновений закрыла глаза, собираясь с силами перед тем, как рассказать, что она держала в себе столько лет.

— Я знаю, что все вы можете научиться читать. И я абсолютно уверена в том, что неумение читать не имеет ничего общего с тупостью. Я могу доказать это.

— Каким образом? — недоверчиво спросила Паулина. Джулия сделала глубокий вдох и спокойно сказала:

— Когда я приехала в Китон, мне было одиннадцать лет, но несмотря на это, читала я гораздо хуже, чем Розали после нескольких недель занятий. Поэтому я могу вас понять, как никто другой. Я знаю, что такое идти по коридору и искать нужную вывеску. И я могу описать вам все уловки, которые вы используете для того, чтобы окружающие не заметили вашей неграмотности и не стали над вами смеяться. Но я никогда не буду смеяться над вами, потому что мне известно и кое-что другое... Мне известно, сколько мужества требуется каждой из вас, чтобы приходить сюда дважды в неделю.

Несколько секунд женщины изумленно смотрели на свою учительницу, не говоря ни слова. Первой пришла в себя Паулина:

— Это правда? Вы действительно не умели читать?

— Это правда, — спокойно ответила Джулия, встречаясь с ней взглядом. — Вот почему я провожу с вами эти занятия. Вот почему я хочу обязательно достать пособия, которые помогут вам поскорее научиться читать. И я обязательно их достану, — добавила она, выпрямляясь. — Завтра утром я еду в Амарилло. Все, чего я прошу от вас взамен, — это

веры в меня и, конечно, в собственные силы.

— В вас-то я верю, — рассмеялась Пегги Листром, вставая и собирая тетради и карандаши. — А вот что касается себя, то здесь все немного сложнее.

— От вас ли я это слышу? — с притворным удивлением спросила Джулия. — По-моему, не далее чем на прошлой неделе вы хвастались, что уже можете прочесть названия некоторых улиц.

Пегги расплылась в улыбке и потянулась за ребенком, мирно дремавшим на соседнем стуле. Но ее слова немного насторожили Джулию, и она решила еще немного подбодрить своих подопечных.

— Перед тем как мы расстанемся до следующей недели, давайте еще раз вспомним, почему вы все-таки решили научиться читать. Розали, может быть, вы начнете?

— Ну, у меня все очень просто. Мне надоело зависеть от пособия, и я уже давно хочу поехать в большой город, где много работы. Но до сих пор я не могла этого сделать, потому что для приема на работу нужно заполнить анкету. Кроме того, не умея читать, я не смогу получить никакой приличной работы, даже если мне каким-то чудом удастся написать заявление.

Еще две женщины были полностью солидарны с Розали, и Джулия обратилась к Паулине:

— А вы, Паулина? Зачем вы хотите научиться читать? Робко улыбнувшись, женщина застенчиво проговорила:

— Я бы очень хотела доказать мужу, что он не прав. Что я совсем не так глупа, как он говорит. И кроме того... — Паулина окончательно засмушалась и запнулась.

— Кроме того? — мягко подсказала Джулия.

— Кроме того, — решительно закончила Паулина, — я бы хотела иногда помогать моим детям с домашним заданием.

Джулия перевела взгляд на Дебби Кассиди, тридцатилетнюю шатенку с длинными прямыми волосами, выразительными карими глазами и сдержанными манерами. Ее вечно странствующие родители постоянно переводили девочку из школы в школу, до тех пор пока та не отстала настолько безнадежно, что в пятом классе вообще бросила учебу. Дебби особенно интересовала Джулию. Эта молодая женщина, несомненно, обладала прекрасными способностями и недюжинным творческим воображением. Она работала горничной, но своими манерами и правильной речью скорее напоминала образованного библиотекаря.

— Если я наконец научусь читать, то первым делом осуществлю свою

давнюю мечту, — смущаясь, сказала Дебби.

— Какую? — улыбаясь, спросила Джулия.

— Вы, наверное, будете смеяться, но я хочу написать книгу.

— Мне бы и в голову не пришло смеяться над вами, Дебби, — мягко возразила Джулия.

— У меня должно получиться. Я часто придумываю всякие интересные истории и хорошо умею их рассказывать, но не могу записать. Я постоянно слушаю книги для слепых, записанные на магнитофонную пленку. Иногда начинаю сомневаться, что сама-то я зрячая. Тогда мне кажется, что я нахожусь в каком-то темном туннеле, из которого нет выхода.

Слова Дебби послужили своего рода толчком для всех остальных. Признания сыпались одно за другим, и Джулия постепенно начинала все лучше понимать, какую жизнь были обречены вести эти женщины. Ни у одной из них не было уверенности в себе. Их постоянно унижали и оскорбляли мужья и знакомые. Но самое страшное заключалось в том, что они уже начинали верить, что и не заслуживают лучшей участи.

Когда Джулия, полная решимости во что бы то ни стало добыть для своих учениц необходимые пособия, вышла из школы, часы показывали восемь.

Глава 12

Подъехав в дому родителей, Джулия увидела патрульную машину Теда. Сам Тед разговаривал с братом у входа в дом. Синий «блейзер» Карла стоял на подъездной аллее, и Джулия припарковала свою малолитражку рядом с ним.

Братья стояли рядом, высокие и красивые, и Джулия ощутила привычную гордость. Они выросли, стали сильными и самостоятельными мужчинами, но по отношению к ней остались такими же нежными, любящими и преданными Тедом и Карлом, как и в детстве.

— Привет, сестренка! — улыбнулся Тед, крепко обнимая ее.

— Привет, — ответила Джулия. — Как дела на ниве юриспруденции?

Тед работал помощником шерифа, но, кроме этого, он недавно получил степень по юриспруденции и сейчас как раз ожидал результатов экзаменов на звание адвоката.

— Просто потрясающе, — попытался отшутиться Тед, — я вручил миссис Геркович повестку в суд за неосторожный переход улицы. Значит, можно считать, что день прожит не зря.

Чуткое ухо Джулии различило в голосе брата нотки цинизма, которые впервые стали появляться три года назад, после того как распался его непродолжительный брак с дочерью самого богатого жителя Китона. Тед крайне болезненно воспринял развод и ожесточился. Все члены семьи Мэтисонов видели это и очень переживали, но помочь ничем не могли.

Карл же, напротив, был счастливо женат уже полгода и прямо излучал радость и оптимизм. Сжав Джулию в медвежьих объятиях, он объяснил отсутствие жены:

— Сара не смогла приехать к ужину. Она еще не совсем оправилась от простуды.

Открылась входная дверь, и на освещенном крыльце появилась Мэри Мэтисон. Если не считать нескольких седых прядей и появившейся после недавнего сердечного приступа осторожности в движениях, Мэри Мэтисон была все такой же моложавой, энергичной и жизнерадостной, как и 15 лет назад.

— Дети, — позвала она, — поторопитесь! Ужин остывает.

За ее спиной выросла внушительная фигура преподобного Мэтисона. Он был по-прежнему высоким и стройным, но теперь ему приходилось все время носить очки, а голова стала совсем седой. Обняв Джулию, он

похлопал по плечу сыновей, и вся семья двинулась в столовую.

Теперь, когда дети выросли и жили отдельно, Мэри Мэтисон накрывала стол в гостиной, чтобы превратить их совместные трапезы в небольшой праздник. Но это было единственное, что изменилось в привычном укладе. Обстановка за столом осталась прежней. Как и раньше, смеялись, делились последними новостями, обсуждали возникшие проблемы и находили пути их решения. Темы сменяли друг друга так же, как и блюда с жареным мясом, картофельным пюре и свежими овощами.

— Как продвигается строительство дома Адлесона? — спросил отец, благословив пищу.

— Ужасно. — Карл, к которому был обращен вопрос, помрачнел. — Честно говоря, все это уже начинает действовать мне на нервы. Водопроводчик перепутал местами горячие и холодные трубы, электрик подсоединил лампочку на веранде к выключателю, установленному над мусоропроводом. Поэтому когда вы хотите включить мусоропровод, загорается лампочка на веранде...

Джулия всегда сочувственно относилась к профессиональным бедам и переживаниям брата, но его сегодняшние несчастья рассмешили ее.

— А к чему он подсоединил выключатель от мусоропровода!

— с трудом сдерживая смех, спросила она.

— К вытяжке над плитой. Герман был опять в одном из своих «настроений». Честно говоря, я подозреваю, что он сознательно портит любое порученное ему дело, чтобы иметь возможность подольше заниматься любимой работой.

— В таком случае тебе лучше проследить за тем, чтобы он хотя бы все остальное подключил туда, куда нужно. Ведь Адлесон все-таки наш мэр. Представляешь, что произойдет, если он въедет в новый дом, включит, например, сушилку, а вместо этого взорвутся все его замечательные микроволновые печи.

— Это совсем не повод для шуток, Джулия. Адвокат Адлесона настоял на включении в договор пункта о неустойке. Если я не закончу этот дом к апрелю, то за каждый день просрочки мне придется платить 150 долларов. А я его не закончу, если, конечно, не произойдет чуда.

Джулия попыталась придать своему лицу серьезное выражение, но стоило ей представить себе мэра, пытающегося зажечь лампочку на веранде и включающего вместо этого мусоропровод, как у нее в глазах начинали прыгать веселые чертики. Эдвард Адлесон был не только мэром, но и владельцем банка, магазина по продаже автомобилей «Форд», магазина скобяных товаров и огромных участков земли к западу от Китона.

Кроме того, она, как и любой житель Китона, очень хорошо знала Германа Хенкельмана. Электрик по специальности и холостяк по жизни, этот странный человек был оригиналом по призванию. Так же, как и его отец, Герман жил один в крохотной хижине на окраине города, работал, когда хотел, пел, когда наливался, и мог часами говорить об истории с таким знанием дела, которое бы сделало честь любому университетскому профессору. Последнее, естественно, происходило, когда он был трезв.

— Я не думаю, что мэр Адлесон будет требовать с тебя неустойку, — продолжала поддразнивать брата Джулия. — Ведь Герман сам по себе может быть расценен как форс-мажорное обстоятельство. Он так же непредсказуем и неуправляем, как любое землетрясение или ураган. И это все знают.

Наконец-то ей удалось пробиться сквозь деловитую озабоченность Карла, и тот весело засмеялся.

— Пожалуй, ты права, сестренка. Даже если мэр решит подать на меня в суд, любой присяжный из местных жителей будет на моей стороне.

Последовала небольшая пауза, после которой Карл снова стал серьезным и, тяжело вздохнув, сказал:

— Не понимаю, что на него нашло. Когда Герман в нормальном состоянии, он — лучший электрик из всех, кого я когда-либо встречал, и мне очень хотелось дать ему возможность немного подзаработать и стать на ноги. Я был уверен, что на этот раз обойдется без эксцессов.

— Мэр Адлесон в любом случае не будет подавать на тебя в суд, даже если ты опоздаешь со строительством на несколько дней, — заметил преподобный Мэтисон, накладывая себе порцию жаркого. — Он — справедливый человек и знает, что ты лучший строитель по эту сторону от Далласа. А значит, он получает за свои деньги первоклассный товар.

— Наверное, ты прав, отец, — согласился Карл. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более приятном. Джулия, ты уже несколько недель уклоняешься от любых разговоров на одну довольно любопытную тему. Скажи, наконец, прямо — ты собираешься выходить замуж за Грегга или нет?

— Ну... не знаю... — Джулия, застигнутая врасплох, начала бормотать нечто совершенно невразумительное. — Я не... Мы...

Все с улыбкой наблюдали за тем, как Джулия начала аккуратно переставлять приборы, но когда она дошла до блюда с картофельным пюре, Тед не выдержал и рассмеялся. Она никак не могла избавиться от этой привычки, которую приобрела еще в раннем детстве, — стоило ей начать волноваться, как у нее тотчас же возникало непреодолимое желание

выстраивать вещи в определенном порядке. «Объект» значения не имел. Это могли быть кухонные шкафчики, баночки в кладовке или, наконец, просто посуда и столовые приборы. Смущенно улыбаясь, она сказала:

— Наверное, собираюсь. Да, собираюсь. Когда-нибудь.

Возвращаясь, к своим машинам, Джулия, Тед и Карл увидели Германа Хенкельмана со шляпой в руке, направляющегося в их сторону. Вид у него был смущенный и извиняющийся. Но несмотря на это, в этом высоком, невероятно худом, нескладном семидесятилетнем старике ощущалось огромное чувство собственного достоинства, что сразу с симпатией отметила Джулия.

— Добрый вечер всем, — поздоровался Герман и, обращаясь к Карлу, сказал:

— Карл, я знаю, что меня отстранили от работ по дому Адлесона, но хочу попросить, чтобы мне хотя бы позволили исправить то, что я напортачил. Не нужно никаких денег. Просто я знаю, что подвел тебя, а мне бы очень этого не хотелось. Увидишь, я все исправлю наилучшим образом. И очень быстро.

— Герман, извини, но я не могу... — начал было Карл, но Хенкельман перебил его.

— Послушай, — сказал он, — никто, кроме меня, не сможет до конца разобраться в этой путанице. Всю прошлую неделю я ужасно себя чувствовал, но не хотел тебе говорить. Боялся, что ты решишь, что это начинаются старческие болячки, и отстранишь меня от работы. Но это был всего лишь грипп — от него никто не застрахован. Зато теперь я в прекрасной форме и справлюсь с работой лучше кого бы то ни было. Возможно, новый электрик и думает, что во всем разобрался, но ведь он может ошибаться. Мне бы не хотелось, чтобы какая-нибудь неполадка выплыла после того, как Адлесоны въедут в новый дом. Ведь тогда придется разбирать стены. Карл, ты же не хуже меня знаешь, что менять электриков в процессе строительства — значит, напрашиваться на неизбежные неприятности.

Увидев, что Карл колеблется, Джулия и Тед тактично оставили его наедине с Германом и направились к «блейзеру», который Карл отдавал Джулии для ее поездки в Амарилло.

— С севера надвигается сильный циклон, — сказал Тед, дрожа от холода а легкой куртке. — Если пойдет снег, то эта машина сослужит тебе хорошую службу. Жаль только, что Карлу пришлось перенести телефон в пикап. Я бы чувствовал себя гораздо спокойнее, если бы он оставил его в

«блейзере».

— Не волнуйся, со мной все будет в порядке, — пообещала Джулия, целуя его в щеку.

Засунув руки в карманы, Тед еще некоторое время постоял на тротуаре, глядя вслед удаляющейся машине. В зеркало заднего обзора Джулия видела его высокую стройную фигуру. Она с грустью отметила застывшее на красивом лице брата отчужденное и замкнутое выражение, которое появилось после его развода с Кэтрин Кахилл. Кэтрин всегда была лучшей подругой Джулии и осталась ею по сей день, несмотря на то, что переехала в Даллас. Ни Кэтрин, ни Тед не сочли нужным объяснить Джулии причины своего разрыва, а сама она ничего не могла понять и отказывалась мириться с фактом, что двое столь любимых ею людей не могут любить друг друга. Отогнав эти грустные мысли, Джулия попыталась сосредоточиться на предстоящей поездке в Амарилло. Лишь бы не было снегопада.

— Эй, Зак, послушай, а что ты будешь делать, если послезавтра пойдет снег? — свесившись с верхней койки, Доминик Сардини обращался к человеку, лежавшему внизу, неподвижно уставившись в потолок. — Ты слышишь меня? Зак! — Не дождавшись ответа, Доминик немного повысил голос.

Отвлечшись от непрестанно одолевавших его мыслей о скором побеге и сопряженном с ним риске, Зак перевел взгляд на гибкого, оливково-смуглого тридцатилетнего итальянца, который был его соседом по камере в амариллской городской тюрьме и принимал непосредственное участие в предстоящей операции. Дело заключалось в том, что дядя Доминика, который в соответствии с тюремной картотекой являлся всего лишь отошедшим от дел букмекером, на самом деле был не кем иным, как одним из донов лас-вегасской мафии. Зак заплатил Энрико Сандини целое состояние за организацию своего побега. Но несмотря на все уверения Доминика в том, что его дядя — «уважаемый человек», Зак до сих пор сомневался в надежности слова мафиози и в том, что огромная сумма, переведенная Мэттом Фарвелом на счет Энрико Сандини, действительно купит ему свободу.

— Думаю, что со снегопадом я уж как-нибудь управлюсь, — отрезал он.

— Чудно. Но когда «управишься», не забудь, что должен мне десять баксов. Мы поспорили на них еще во время прошлогодней игры «Бээрз», а ты мне их до сих пор не отдал. Помнишь?

— Отдам, как только выберусь отсюда, — ответил Зак и, на тот случай, если их кто-нибудь подслушивал, добавил:

— когда-нибудь.

Заговорщицки ухмыльнувшись, Сандини снова улегся на свою койку, скрестил ноги и, распечатав пришедшее из дома письмо, углубился в чтение.

Десять паршивых долларов... Еще больше помрачнев, Зак вспомнил, с какой легкостью в свое время он разбрасывался десятидолларовыми чаевыми. А в том аду, где он провел последние пять лет, за десять долларов могли и убить. Заветные десять долларов делали доступными любые «радости», скрашивающие однообразное существование заключенных, — сигареты с марихуаной, таблетки и журналы на любой, самый извращенный вкус. За деньги здесь можно было купить и многое другое.

Зак давно взял за правило не вспоминать прежней жизни. Подобные воспоминания делали его новую обитель — пятиметровую камеру с раковиной, парашей и двухэтажными нарами — еще более невыносимой. Но сегодня, когда он твердо решил бежать или умереть, Зак сознательно пробуждал в себе полузабытые воспоминания, и вместе с возвращающейся памятью в нем крепла решимость бежать во что бы то ни стало, как бы ни был велик риск. Он хотел вспомнить и бессильную ярость, овладевшую им, когда за его спиной захлопнулась дверь тюрьмы, и то, что произошло на следующий день, когда во время прогулки в тюремном дворе его окружила толпа ублюдков.

— А вот и наша звезда, — подзуживали они, — ну-ка, давай, покажи нам, как тебя научили драться в Голливуде.

Когда Зак бросился на самого здорового из этих подонков, им владела не только безрассудная злость. Было и еще кое-что — подсознательное желание как можно скорее покончить счеты с жизнью, но перед смертью все же успеть причинить боль своим мучителям. Что касается последнего, то это ему удалось. Зак был в прекрасной форме, да и бесчисленные трюковые драки в фильмах, где он играл «крутых парней», многому его научили. Драка закончилась для Зака тремя сломанными ребрами и отбитой почкой, но по меньшей мере двое из его противников выглядели гораздо хуже.

Эта победа стоила ему недели карцера, но зато больше никто и никогда не пытался задирать его. По тюрьме распространился слух, что он опасный маньяк, и даже самые свирепые бандиты обходили его стороной. Определенное уважение в здешних кругах вызывало также то, что он был не каким-нибудь мелким жуликом, а осужденным убийцей. Шло время, и

тюремная жизнь многому научила Зака. Через три года он понял, что единственный способ хоть как-то облегчить свое существование — это попасть в категорию расконвоированных. А для этого нужно было стать паинькой и играть по здешним правилам. Поставив перед собой такую цель, Зак вскоре достиг ее. У него даже сложились товарищеские отношения с некоторыми из заключенных. Но ни одной минуты покоя за все эти пять лет. Успокоиться — значило смириться со своей судьбой, а Зак был не в состоянии сделать это. Он ни на мгновение не мог последовать советам товарищей по несчастью и принять свое заключение как неизбежное зло. Он пытался играть и делал вид, что «приспособился», но это не имело ничего общего с его истинными намерениями. Мысли о чудовищной несправедливости всего происшедшего с ним начинали одолевать его с момента пробуждения и не прекращались до тех пор, пока он не засыпал. Ему было необходимо бежать как можно скорее, пока они не свели его с ума. План побега был разработан до мельчайших деталей. Каждую среду Уорден Хадли, хозяйничавший в тюрьме, как в своей личной вотчине, отправлялся в Амарилло на заседание правления округа. Зак выполнял при нем функции водителя, а Сандини — посыльного. Сегодня была среда, но накануне Хадли сообщил, что заседание переносится на пятницу. Таким образом, запланированный побег откладывался на два дня. Зак до боли стиснул зубы. Если бы не эта идиотская задержка, он бы уже был на свободе. Или в морге. А теперь впереди еще два долгих дня, и Зак не знал, как ему удастся перенести это ожидание.

Закрыв глаза, он снова и снова прокручивал про себя план побега. Обо всем, что касается денег, средств передвижения и поддельных документов, позаботится Энрико Сандини. Остальное зависело от Зака. И его больше всего беспокоили непредсказуемые факторы, такие, как погода и возможные полицейские кордоны. Как бы тщательно ни было все спланировано, всегда остается вероятность какого-то непредвиденного прокола, от которого весь план может рухнуть, как карточный домик. Конечно, риск огромен, но для Зака это уже не имело никакого значения. У него не было выбора — либо оставаться в этом кошмарном месте до тех пор, пока он окончательно не сойдет с ума, либо рисковать быть застреленным при попытке к бегству. Для Зака второй путь был гораздо предпочтительнее первого.

Он прекрасно осознавал и то, что даже если побег пройдет удачно, за ним никогда не перестанут охотиться. В течение всей своей оставшейся жизни — может быть, очень короткой жизни — он будет обречен скрываться. Он никогда не сможет расслабиться и всегда будет с опаской

оглядываться по сторонам независимо от того, как далеко забросит его судьба. И все равно это было лучше, чем оставаться здесь.

— Черт побери! — громкий возглас Сандини вырвал Зака из состояния глубокой задумчивости. — Джина выходит замуж! — оживленно размахивая письмом, Доминик говорил все громче и громче:

— Зак, ты слышал, что я сказал? Моя сестра Джина через две недели выходит замуж! За Гвидо Дорелли.

— Мне кажется, ее выбор вполне закономерен, — сухо ответил Зак, — ведь если я не ошибаюсь, забеременела она именно от него.

— Да, это так, но я же говорил тебе, что мама не хотела, чтобы она за него вышла.

— Потому что он ростовщик, — предположил Зак, пытаясь вспомнить, что ему известно о Гвидо Дорелли.

— Да нет же, черт побери. Должен же человек как-то зарабатывать. Мама это понимает. Гвидо просто одалживает деньги тем, кто в них нуждается.

— А если их вовремя не отдадут, то он ломает этим нуждающимся ноги.

Увидев вытянувшееся лицо Доминика, Зак тотчас же пожалел о своем сарказме. Несмотря на то, что за свои двадцать восемь лет Сандини угнал двадцать шесть автомобилей и шестнадцать раз был арестован, в этом маленьком костлявом итальянце сохранилась какая-то умилительная детскость, которая располагала к нему всех, кто его знал. Так же, как и Зак, Доминик был расконвоированным, но срок его заключения истек уже через четыре недели. Сандини был невероятно задирист и постоянно лез в драку. Он обожал фильмы Зака и был безгранично предан ему самому. Он принадлежал к многочисленному колоритному семейству, которое регулярно навещало его в тюрьме. Когда темпераментные итальянские родственники Доминика узнали, кто является его соседом по камере, они поначалу испугались. Но потом, обнаружив, что Зака никто никогда не навещает, тотчас же забыли о том, кто он, и начали относиться к нему как к близкому родственнику. Зак, стремившийся лишь к тому, чтобы его все оставили в покое, изо всех сил игнорировал всякие попытки сближения. Но тщетно. Чем усерднее он избегал родственников Доминика, тем настойчивее окружало его это веселое, любвеобильное семейство. И не успел он оглянуться, как необъятная мама Сандини, а также многочисленные сестры и кузины сжимали его в объятиях, черноволосые карапузы с леденцами на палочках, липкими руками и белозубыми улыбками ползали у него на коленях, в то время как их оливково-смуглые

мамаши непрерывно стрекотали о последних событиях в жизни своих многочисленных родственников. Зак же тщетно пытался одновременно уследить за всеми перипетиями жизни семейства Сандини и за тем, чтобы на этот раз в его волосах запуталось как можно меньше леденцов. Сидя на скамейке в битком набитом людьми тюремном дворе, Зак видел, как смуглый пухлощекий бутуз делает свои первые неуверенные шаги, как он протягивает к нему ручки в ожидании помощи и поддержки.

Сандини окружили его теплом и заботой. Они дважды в месяц присылали ему домашнее печенье и завернутую в промасленную коричневую бумагу салями. Точно так же, как и Доминику. И хотя Зак прекрасно знал, что для него это чревато несварением желудка, он всегда съедал немного салями и все печенье. Он безропотно удовлетворял просьбы женской половины семейства Сандини об автографах. Он вообще делал много такого, что раньше ему бы и в голову не пришло. Мама Сандини посылала ему поздравительные открытки и сокрушалась по поводу его худобы. И теми редкими минутами веселья, которые случались за долгие пять лет его заключения, Зак неизменно был обязан семейству Сандини. Как ни парадоксально, но эта шумная итальянская семья была ему гораздо ближе, чем когда-либо его собственная.

Пытаясь загладить свою грубость в отношении будущего родственника Доминика, Зак сказал со всей возможной серьезностью:

— Хотя, если подумать, банки ничем не лучше. Им ничего не стоит выгнать на улицу вдов и сирот, если те не могут заплатить.

— Точно! — энергично закивал Сандини, вновь обретя веселое расположение духа.

Поняв, что бесконечные размышления о возможных роковых случайностях, которые могут угрожать его побегу, до добра не доведут, Зак попытался сосредоточиться на семейных проблемах клана Сандини. . — Но если твоя мама ничего не имеет ни против профессии Гвидо, ни против его тюремного прошлого, то почему она не хочет, чтобы Джина вышла за него замуж?

— Я уже говорил тебе, Зак, — хмуро ответил Доминик, — Гвидо уже был женат... церковным браком. Теперь он разведен, а значит — отлучен от церкви.

— Понятно. — Зак из последних сил старался сохранить серьезное выражение лица. — Извини, я просто забыл об этом.

Сандини снова вернулся к своему письму.

— Джина передает тебе привет. И мама тоже. Она говорит, что ты мало ей пишешь и мало ешь.

Зак посмотрел на пластиковые часы, которые ему разрешили носить, и поднялся на ноги.

— Ладно, Сандини, хватит. Отрывай лучше поскорее свою задницу от койки. Скоро вечерняя поверка.

Глава 13

Ближайшие соседи Джулии, пожилые сестры-близнецы по фамилии Эддридж, сидели на веранде своего дома, с которой было видно все, что происходит у соседей по Элм-стрит. В данный момент две старые девы наблюдали за Джулией, собирающейся в дорогу.

— Доброе утро, Джулия, — окликнула ее Флосси Эддридж. Девушка вздрогнула от неожиданности. Судя по всему, она никак не ожидала увидеть двух седовласых дам, чинно восседающих на веранде в шесть часов утра.

— Доброе утро, мисс Флосси, — немного придя в себя, Джулия ласково улыбнулась и направилась по влажной траве к соседнему дому, чтобы засвидетельствовать свое почтение. — Доброе утро, мисс Ада.

Несмотря на то, что сестрам было уже за семьдесят, они казались очень похожими. Может быть, это объяснялось тем, что в старости, как, впрочем, и в течение всей жизни, они одевались совершенно одинаково. На этом, пожалуй, их сходство и заканчивалось, так как Флосси Эддридж была пухленькой, добродушной и жизнерадостной, а ее сестра — худой, угрюмой, властной и пронырливой. Говорили, что в молодости Флосси и Герман Хенкельман были влюблены друг в друга, но мисс Ада приложила все усилия, чтобы расстроить их матримониальные планы, убедив свою легко поддающуюся внушению сестру в том, что Германа, который был на несколько лет младше, интересуют только ее сбережения (надо отметить, довольно скромные), которые он тотчас же пропьет, сделав Флосси посмешищем для всего города.

— Сегодня прекрасное утро, — добавила мисс Флосси, поплотнее закутываясь в шаль от холодного январского воздуха. — Как хорошо, что иногда бывают такие чудесные деньки. Благодаря им и зима кажется короче, правда?

Но мисс Ада не дала Джулии возможности ответить и без обиняков перешла к тому, что интересовало ее больше всего:

— Снова куда-то уезжаешь, Джулия? Ты же совсем недавно вернулась.

— Меня не будет всего два дня.

— Деловая поездка или на этот раз что-то для души? — настаивала Ада Эддридж.

— Скорее деловая, — увидев удивленно приподнятые брови мисс Ады, которая явно ждала продолжения, Джулия, чтобы не показаться

грубой, решила удовлетворить любопытство старой девы. — Я еду в Амарилло, чтобы договориться с одним человеком насчет денег на новую образовательную программу.

Ада кивнула, переваривая полученную информацию, и переключилась на другую тему:

— Я слышала, что у твоего брата возникли проблемы со строительством дома мэра Адлесона. Ему бы следовало сто раз подумать, прежде чем нанимать на работу Германа Хенкельмана. С этим человеком не наживешь ничего, кроме неприятностей.

Стараясь не смотреть на мисс Флосси, которой наверняка были неприятны слова сестры, Джулия сказала, обращаясь к мисс Аде:

— Карл — лучший строитель по эту сторону от Далласа. Поэтому архитектор мэра Адлесона и выбрал именно его. Все будет сделано в полном соответствии с заказом. Просто на это необходимы время и терпение.

Поняв, что подобный допрос может продолжаться до бесконечности, Джулия посмотрела на часы и добавила:

— Мне, пожалуй, следует поторопиться. До Амарилло путь неблизкий. До свидания, мисс Флосси. До свидания, мисс Ада.

— Будь осторожна, — предостерегла ее мисс Флосси. — Я слышала, что завтра или послезавтра в район Амарилло переместится холодный фронт из Пэнхедла. Там, говорят, были сильные снегопады, так что постарайся выбраться до метели.

— Не волнуйтесь, — Джулия ласково улыбнулась пухленькой пожилой леди, — во-первых, я еду на машине Карла, а во-вторых, синоптики говорят, что вероятность сильного снегопада не так уж и велика.

Проводив взглядом синюю машину, мисс Флосси грустно вздохнула.

— Мисс Джулия ведет такую интересную жизнь. Прошлым летом она с другими учителями ездила аж во Францию, в Париж. А еще раньше — к Великому Каньону. Она все время путешествует.

— Бродяги тоже все время путешествуют, — ледяным тоном оборвала сестру мисс Ада. — Если хочешь знать мое мнение, то ей следует сидеть дома и выйти замуж за этого славного молодого священника, пока у нее еще есть такая возможность.

Не желая вступать в бесполезный спор, Флосси сделала то, что всегда делала в подобных ситуациях, — она просто сменила тему:

— Преподобный Мэтисон и его жена, наверное, очень гордятся своими детьми.

— Наверное, они бы этого не делали, если бы знали, что их любимый

Тед полночи проводит у своей нынешней девицы. Ирма Баудер рассказывала, что две ночи назад его машина стояла под ее окнами до четырех утра!

В глазах Флосси появилось мечтательное выражение.

— Но, Ада, им, наверное, о стольком нужно поговорить. Они же так молоды и любят друг друга.

— Любят! — презрительно фыркнула мисс Ада. — Ты такая же романтическая дура, какой была твоя мамаша. Папа всегда ее так называл.

— Она и твоя мать тоже, — осторожно заметила Флосси.

— Да, но у меня нет с ней ничего общего. Я пошла в отца.

— Мама умерла, когда мы были совсем маленькими, так что ты не можешь знать наверняка.

— Могу, потому что папа всегда так говорил. Он говорил, что ты такая же дура, как она, а я такая же сильная, как он. Как ты думаешь, почему он завещал именно мне контроль за всем имуществом? Потому что знал, что ты не можешь сама позаботиться о себе, а поэтому я должна заботиться о нас обеих.

Флосси, кусая губы, попыталась еще раз сменить тему:

— Говорят, что дом мэра Адлесона будет настоящим чудом. Я слышала, там будет даже лифт.

Свирепо раскачивая скрипящее кресло-качалку. Ада Элдридж изрекла злобно и презрительно:

— Учитывая, что там похозяйничал Герман Хенкельман, мэру крупно повезет, если его лифт не окажется подключенным к унитазу! Этот человек — полнейшее ничтожество, точно так же, как и его отец. И отец его отца. Я тебе всегда об этом говорила.

Флосси молчала. Она сидела неподвижно, опустив глаза на маленькие пухлые руки, сложенные на коленях.

Глава 14

Зак стоял в душевой, уставившись невидящим взглядом в маленькое зеркало для бритья, и в который раз пытался убедить сам себя, что сегодня Хадли точно не изменит своих планов. Его размышления прервало бурное появление Сандини, который влетел в душевую, с трудом скрывая ликование. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, он подошел к Заку и сбивчивым, возбужденным шепотом сообщил:

— Хадли приказал подать машину к трем часам! Наконец-то!

Итак, развязка была близка. Но напряжение и нетерпение, ставшие в последнее время постоянными спутниками Зака, мешали ему полностью осознать этот факт. Два долгих года он делал вид, что смирился и стал образцовым заключенным. Два долгих года он наступал себе на горло, чтобы добиться главного — стать расконвоированным, со всеми сопутствующими этому свободами. Два долгих года он планировал и до мельчайших деталей продумывал свой побег. И вот наконец этот долгожданный день наступил. Через несколько часов, если, конечно, непредвиденная отсрочка уже не испортила все дело, он будет сидеть за рулем взятого напрокат автомобиля и следовать по отработанному до мелочей маршруту. А новые документы и билеты на самолет помогут окончательно сбить с толку погоню.

Сандини, стоявший у соседней раковины, мечтательно проговорил:

— Господи, как хочется бежать вместе с тобой! Тогда бы я смог побывать на свадьбе Джины.

Зак уловил возбужденные нотки в голосе Доминика, и ему это не понравилось. Похоже, его приятелю не мешало вправить мозги.

— Не смей даже думать об этом! — резко сказал он. — Надеюсь, ты не забыл, что твой срок заканчивается всего через четыре недели.

— Да. Ты, конечно, прав, — вздохнул Доминик и протянул товарищу какую-то бумажку.

— Что это? — поинтересовался Зак, опуская полотенце.

— Адрес и телефон мамы. Если вдруг возникнут какие-то накладки, позвони ей, и она свяжет тебя с дядей. Он очень влиятельный человек. И не думай, что я хвастаюсь. Через пару часов ты сам сможешь в этом убедиться. Не сомневайся — в Амарилло все подготовлено так, как вы договаривались. — Сандини немного помолчал и гордо добавил:

— Мой дядя слов на ветер не бросает.

Пытаясь застегнуть манжеты грубой хлопчатобумажной тюремной рубы, Зак увидел, что его руки сильно дрожат. Усилием воли он заставил себя немного успокоиться и продолжить разговор.

— Послушай, Дом, я давно хотел тебя спросить, — осторожно начал он, — если твой дядя действительно такой «влиятельный человек», то какого же черта ты здесь делаешь?

— А-а, это. Просто я совершил одну ошибку, и дядя Энрико решил, что небольшой урок пойдет мне на пользу.

Смущенные нотки в голосе Доминика привлекли внимание Зака.

— И какую же именно ошибку ты совершил? — поинтересовался он.

— Последняя машина, которую я угнал, принадлежала дяде.

— Тогда тебе крупно повезло, что ты еще жив.

— Он сказал то же самое.

Несмотря на страшное напряжение, Зак с трудом сдержал смех.

— Он наверняка будет на свадьбе Джины. Эх, если бы я освобождался на две недели раньше! — Еще немного посокрушавшись по этому поводу, Доминик сменил тему. — Тебе, кстати, крупно повезло со стрижкой. Хорошо, что этой сволочи Хадли нравится, когда все узнают, кто сидит за рулем его машины. Если бы тебя обкорнали, как всех остальных, ты бы выглядел гораздо более подозрительно. А так...

Сандини резко оборвал фразу и, проследив за его взглядом, Зак увидел еще одного расконвоированного, входящего в душевую.

— Пошевеливайся, Сандини, — гаркнул тот, рывком распахивая дверь, — и ты тоже, Бенедикт. Хадли хочет, чтобы его машина была готова через пять минут.

Глава 15

— Доброе утро, Бенедикт, — язвительно поздоровался Хадли, когда Зак постучал в дверь пристройки, расположенной почти вплотную к воротам в тюремной ограде. — Ты, я вижу, как всегда мрачен и угрюм? Значит, все в порядке. До того, как мы поедем, — добавил он, — выведи Гитлера на прогулку.

С этими словами Хадли протянул Заку поводок, прикрепленный к ошейнику огромного добермана.

— Я вам в лакеи не нанимался, — отрезал Зак, и тотчас же на гладком лице Хадли расплылась блаженная улыбка.

— Тебе, я вижу, надоело пользоваться моим расположением, а заодно и всеми свободами расконвоированного? Или, может быть, тебе не терпится поближе познакомиться с моей комнатой для особых совещаний?

Мысленно проклиная себя за несдержанность, причем именно в тот момент, когда ему было что терять, Зак взял поводок. Как и многие маленькие мужчины, Хадли обладал гипертрофированным самомнением. А за его изысканными манерами скрывался изощренный, злобный и жестокий психопат с ярко выраженными садистскими наклонностями. Слава об этом шла далеко за пределами тюрьмы. И только в Комитете надзора за исправительными учреждениями либо ничего не знали, либо не придавали никакого значения высокой смертности, списываемой на «драки между заключенными» и «попытки к бегству». «Комнатой для особых совещаний» в тюрьме называли звуконепроницаемую комнату, примыкавшую к кабинету Хадли. Узники, имевшие несчастье вызвать неудовольствие начальника, покидали ее в нетранспортабельном состоянии и попадали либо в карцер, либо в изолятор, либо прямо в морг. Хадли умел заставить людей страдать и пресмыкаться. Фактически Зак стал расконвоированным не столько благодаря безупречному поведению, сколько благодаря неукротимому тщеславию своего начальника. Этот мелочный деспот получал ни с чем не сравнимое удовлетворение оттого, что роль его шофера и посыльного выполнял именно Захарий Бенедикт — бывшая звезда и всеобщий любимчик. Как ни парадоксально, но именно тщеславие Хадли сыграло роковую роль в тщательно спланированном побеге Зака.

Таща на поводке упирающегося добермана, Зак услышал, как вдогонку ему несло:

— Да, Бенедикт. Не забудь убрать за Гитлером. Зак достал из чулана лопатку и поднял голову. Серое, свинцовое небо обещало обильный снегопад.

Глава 16

Усевшись на заднее сиденье, Уэйн Хадли запихнул в кейс наброски своего будущего доклада, расслабил галстук, вытянул ноги и, глядя на двоих расконвоированных на переднем сиденье, удовлетворенно вздохнул. Сандини был просто мелким мошенником, грязным итальяшкой, полным ничтожеством. Его и расконвоировали-то лишь потому, что один из его крутых родственников имел влияние на какую-то важную шишку в системе и Хадли просто получил негласное указание. А так от Сандини не было никакого толку. Да и какое удовольствие можно получить от травли обычного жалкого прохвоста?

Совсем другое дело — Захарий Бенедикт. Этот был кинозвездой, секс-символом, богачом. Из тех, у которых свои самолеты, роскошные лимузины с шоферами и тому подобное. А теперь эта мировая знаменитость выполняет все, что ему прикажет он, Уэйн Хадли. Нет, все-таки есть в мире справедливость. Настоящая справедливость. Да, этого Бенедикта нелегко пронять, вывести из себя, но иногда Хадли все же донимал и его. Вряд ли тому было приятно, когда Хадли заставлял его смотреть по видео последние фильмы и церемонию вручения «Оскаров». Хотя с этим толстокожим гордецом нельзя было быть ни в чем уверенным. Вот и сейчас мозг Хадли усиленно работал в поисках самой больной и неприятной темы. А что, если попробовать секс?

Когда машина затормозила у светофора, неподалеку от места назначения, Хадли немного наклонился вперед и, придав своему лицу выражение невинного любопытства, поинтересовался:

— Бьюсь об заклад, что раньше бабы так и лезли в постель к такому богатому и знаменитому парню, как ты. А, Бенедикт? Ты, наверное, и сейчас иногда думаешь о женщинах? О том, как они пахнут, какой вкус у их губ, какое на ощупь тело, правда? Хотя, может быть, ты на самом деле не такой уж и секс-гигант. Если бы это было так, то та светловолосая сучка, твоя жена, вряд ли бы спуталась с этим парнем. Как его бишь? Остин, кажется. Или я не прав?

Напряженно всматриваясь в зеркало обзора, Хадли с удовлетворением отметил, как напряглось лицо Бенедикта, но он ошибался, подумав, что причиной тому был разговор о сексе, а не имя Тони Остина.

— Даже если тебя когда-нибудь и освободят досрочно — в чем я лично сильно сомневаюсь, — то все равно можешь особенно не рассчитывать на

бурную половую жизнь. Хотя все бабы — шлюхи, но даже у шлюх есть свои принципы, и они не особенно жалуют всяких разных подонков вроде тебя.

Несмотря на то что Хадли обычно прилагал максимум усилий, чтобы сохранить хотя бы внешнюю невозмутимость, это ему не всегда удавалось. Вот и сейчас, несмотря на все потуги, злобная, неумная агрессивность начальника все же вырвалась наружу:

— Отвечай на мои вопросы! Слышишь, ты, сукин сын? А не то следующий месяц проведешь в карцере! — Хадли с трудом овладел собой и продолжал почти любезно:

— Наверное, в добрые старые времена у тебя был личный шофер? Полагаю, что да. А теперь посмотри на себя. Кто ты? Значит, на свете все-таки есть Бог. И он все видит!

Машина подъехала к знакомому зданию, и Хадли, выпрямляясь и затягивая галстук, решил добавить последний штрих:

— Кстати, ты никогда не задумывался над тем, что произошло с твоими деньгами? Если, конечно, от них что-то осталось после уплаты адвокатам.

В ответ Бенедикт резко нажал на тормоз, и машина со скрежетом остановилась у входа. Хадли вполголоса выругался, собрал вывалившиеся из раскрывшегося кейса бумаги и стал ждать, пока Зак поможет ему выйти. Но строптивый шофер продолжал невозмутимо оставаться на своем месте, и Хадли прорвало:

— Слышишь, ты, наглый кретин! Не знаю, какой бес сегодня в тебя вселился, но когда мы вернемся обратно, я постараюсь это выяснить. А теперь вытряхивай свою задницу из машины и открой мне дверь!

Не замечая ледящего ветра, который рвал с плеч тоненькую хлопчатобумажную куртку, Зак выбрался наружу. Единственное, что его заботило по-настоящему, — это снегопад, который, похоже, зарядил надолго. Через пять минут он станет беглым преступником. С шутовским поклоном распахнув заднюю дверь, он склонился еще ниже и откровенно издевательским тоном поинтересовался:

— Вы в состоянии выйти сами? Или, может, мне вас вынести?

Выйдя из машины, Хадли рывком вытащил кейс и, пытаясь сдержать клокотавшую ярость, прошипел:

— Боюсь, что ты нуждаешься в паре-другой уроков хорошего тона, Бенедикт! — Взглянув на Сандини, с деланным равнодушием рассматривающего витрину, он заговорил ровнее, постепенно овладевая собой:

— У тебя есть список поручений. Выполни их и возвращайся. А что касается тебя, скотина, — при этих словах выдержка чуть было снова не изменила Хадли, — то тебе придется отнести свою царственную задницу в ближайший магазин и купить мне хорошего импортного сыра и немного свежих фруктов. После этого оставайся в машине. Я освобожусь через полтора часа. Да, и не забудь хорошенько прогреть мотор!

Не дожидаясь ответа, Хадли направился к входной двери. Две пары глаз сопровождали начальственную спину до тех пор, пока она не скрылась за дверью.

— Ублюдок, — процедил Сандини сквозь зубы и, повернувшись к Заку, вздохнул:

— Ну вот, кажется, пора. Удачи тебе, дружище. — Взглянув на низкое, покрытое свинцовыми тучами небо, он добавил:

— Похоже на то, что надвигается настоящая пурга.

Нетерпеливо махнув рукой, Зак заговорил быстро и по-деловому:

— Ты знаешь, что делать. Не вздумай отклоняться от плана и. Бога ради, ничего не меняй в нашей легенде. Если ты все сделаешь правильно, то никому не удастся изобразить тебя сообщником. Наоборот, ты предстанешь перед всеми настоящим героем.

Но в ленивой усмешке Сандини было что-то настолько настораживающее, что Зак никак не мог решиться уйти. Его беспокоила и необычная нервозность маленького итальянца.

Поэтому он быстро и четко еще раз изложил план, о котором до сих пор они могли лишь перешептываться.

— Дом, помни, ты должен все делать в точности так, как мы условились. «Забудь» список Хадли на полу машины. За час выполни все поручения, а потом скажи кому-нибудь из продавщиц, что забыл список в машине и не уверен в том, что все купил. Скажи ей, что только сбегаешь за ним и тотчас же вернешься. Машина, естественно, окажется закрытой. — С этими словами Зак вырвал у Сандини листок, бросил его на пол, захлопнул дверцу и запер машину. Затем с напускным спокойствием твердо взял Сандини за локоть и вместе с ним направился к перекрестку.

Глядя на набирающие скорость автомобили, они терпеливо подождали, пока не загорится зеленый свет. Потом неторопливо перешли через дорогу. Со стороны они могли бы показаться двумя обычными техасцами, обсуждающими нынешнее состояние экономики или последний футбольный матч. Если бы не белые хлопчатобумажные брюки и черные трафаретные буквы на спинах, которые сообщали всем и каждому, что перед ними расконвоированные заключенные местной тюрьмы. Зак

продолжал вполголоса инструктировать Сандини.

— Когда ты обнаружишь, что машина заперта, ступай в тот гастроном, что через дорогу. Там немного постой и пооглядывайся по сторонам, после чего спроси продавцов, не видели ли они кого-нибудь, похожего на меня. После того, как тебе ответят, что не видели, отправляйся в аптеку и книжный магазин и порасспрашивай всех там. Когда ничего не добьешься и в них, смело возвращайся к машине, входи в здание и начинай открывать по очереди все двери, спрашивая всех подряд, где проходит совещание начальников тюрем. При этом не забывай сообщать, что, возможно, речь идет о побеге. Все продавцы позднее подтвердят твою версию, а так как ты поднимешь тревогу на полчаса раньше назначенного Хадли срока, то есть прежде, чем он мог бы сам обнаружить твое отсутствие, то и ему не придется в голову сомневаться в том, что ты невинен как дитя. Может быть, он даже отпустит тебя пораньше, и тогда ты сможешь побывать на свадьбе Джини.

Последний аргумент вызвал на худом лице итальянца широкую ухмылку. Он хотел было пожать на прощание руку Зака, но спохватился, что это могло бы выглядеть подозрительно.

— Не волнуйся за меня и действуй, — легонько подтолкнул он товарища. Зак кивнул и двинулся было вперед, но в последнюю секунду вернулся обратно.

— Что случилось, Зак? — спросил Сандини, увидев непривычно торжественное выражение спокойного и надменного лица.

— Мне будет неоставать тебя, Дом.

— Я знаю.

— Передавай маме самый горячий привет. А сестрам скажи, что они для меня всегда будут дороже любых киногероинь. — После этих слов Зак резко повернулся и быстро пошел прочь.

Гастроном располагался на углу и имел два выхода. Кроме основного, который хорошо просматривался из здания, где находился Хадли, был еще один — на боковую улицу. Сдерживаясь из последних сил, чтобы не поторопиться и ни в чем не отклониться от плана, Зак вошел в центральную дверь. Если его любимый начальник вдруг решит понаблюдать из окна, как выполняются его приказы, то останется доволен. Стараясь не привлекать ничьего внимания, Бенедикт сосчитал до тридцати.

Пятью минутами позже он уже находился в нескольких кварталах от гастронома и направлялся к первой ключевой точке своего побега — мужскому туалету на заправочной станции на Корт-стрит. Сердце бешено колотилось в груди. Начинало сказываться и напряжение, усиливаемое страхом неизвестности. Пройгнорировав светофор, Зак втиснулся между

такси и тягачом, перешел на другую сторону и повернул направо. И за углом он наконец увидел то, что искал. В полуквартале от него был припаркован неприметный черный двухместный автомобиль с иллинойскими номерами. Несмотря на двухдневную задержку, машина, слава Богу, была на месте.

Изо всех сил сдерживая шаг, Зак обогнул красную «корветту», стоящую на заправке, прошел мимо здания станции и направился прямо к туалету, который находился чуть сбоку. Добравшись до заветной двери, Зак схватился за ручку и резко дернул. Закрыто! С трудом подавляя желание рвануть проклятую дверь, он вновь яростно задергал ручку. Изнутри раздался сердитый мужской голос:

— Кто это там такой нетерпеливый? Что, нельзя минутку подождать?

Обладатель сердитого голоса появился лишь через несколько минут. Рывком распахнув дверь, он огляделся по сторонам и направился к красной «корветте». Выждав минуту, Зак покинул свое убежище и заперся в кабинке. Все его внимание было приковано к переполненному мусорному ящику. Если за последние дни здесь делали уборку, то его побег окажется под угрозой.

Зак начал судорожно вытряхивать мусор. На пол полетели бумажные полотенца и груда пивных банок, за ними последовал нескончаемый поток всякой дряни. И наконец, на самом дне, он нашел то, что искал, — два нейлоновых вещевых мешка. Трясущимися руками Зак развязал веревку. В мешке оказалась пара джинсов его размера, неприметный черный свитер, обычная джинсовая куртка, пара ботинок и зеркальные солнцезащитные очки типа тех, что носят летчики. В другом мешке находились карта штата Колорадо с отмеченным маршрутом, письменные инструкции, два толстых коричневых конверта, автоматический пистолет сорок пятого калибра, коробка патронов, финка, ключи от черного двухместного автомобиля, стоявшего напротив. Весь этот набор должен был помочь ему достичь конечной цели — уединенного дома, затерянного высоко в горах Колорадо. Правда, финка немного озадачила Зака. Но, очевидно, Сандини считал, что подобный предмет должен быть у каждого уважающего себя беглого преступника.

Мысленно отсчитывая драгоценные секунды, Зак в мгновение ока избавился от старой одежды и облачился в новую. Запихав тюремное шмотье в один из мешков, он начал заталкивать отбросы, валяющиеся на полу, обратно в мусорный бак. Для его будущей безопасности было чрезвычайно важно не оставить никакого ключа к тому, как ему удалось бежать. И, естественно, никаких следов.

Вскрыв коричневые конверты, Зак быстро просмотрел их содержимое. В первом было 25 тысяч долларов в двадцатидолларовых купюрах и паспорт на имя Алана Олдрича. Во втором — целый набор оплаченных авиабилетов со свободной датой в разные концы страны. Некоторые из них были выписаны на имя Алана Олдрича, остальные — на другие фамилии, которые он смог бы использовать, если полиция раскроет имя, под которым он скрывается. Правда, пока он и думать не мог о том, чтобы засветиться в аэропорту. Под каким бы то ни было именем. Надо было переждать, пока страсти вокруг его побега немного улягутся.

Зак возлагал большие надежды на придуманный и разработанный им же самим план, осуществление которого стало возможно благодаря дорогостоящей помощи Сандини. В настоящее время в детройтской гостинице находился его двойник. Как только Зак даст ему знать, что он уже на свободе, этот человек наймет машину на имя Бенедикта Джонса и сегодня же вечером отправится в Виндзор, где и пересечет канадскую границу.

Если полиция проглотит эту утку, то охота за ним развернется на севере, а не здесь. И Зак сможет относительно спокойно переправиться в Мексику, а позднее, когда шум немного поутихнет, и в Южную Америку.

Зак, правда, сомневался в том, что эта мистификация продлится долго. Если честно, то он сомневался даже в том, что доберется живым до первого пристанища. Но сейчас это для него не имело ни малейшего значения. Главное — он вновь обрел свободу, какой бы короткой она ни была. Граница Техас — Оклахома находилась совсем недалеко, в каких-нибудь девяноста милях. Если до тех пор его не хватятся, то останется проехать всего тридцать пять миль по территории Оклахомы. А дальше уже начнется Колорадо. Именно там, в Колорадо, где-то в горах, находилось его первое пристанище — затерявшийся в лесу дом, который, как его уверили, он может использовать в качестве убежища, когда ему будет угодно.

Но дорога туда будет долгой и нелегкой. Ему предстоит незамеченным пересечь границы двух штатов, а затем, если это все-таки удастся, набраться терпения и выждать. Не исключено, что пройдет много времени, прежде чем он сможет приступить ко второй стадии своего плана.

Взяв пистолет, Зак зарядил полную обойму, проверил предохранитель и засунул оружие в карман куртки вместе с пачкой двадцатидолларовых купюр.

Обогнув угол станции, он направился к своей машине и... застыл как вкопанный, не в силах верить собственным глазам. Тягач, который повстречался ему по дороге к станции, снова был здесь. Но теперь он

двигался в обратном направлении, увозя с собой неприметную черную двухместную машину с иллинойсскими номерами.

В течение нескольких секунд Зак стоял совершенно парализованный происшедшим. Из ступора его вывели голоса работников станции.

— Я же говорил тебе, что машину бросили. Она торчит здесь уже три дня.

Вернувшись к реальности, Зак понял, что теперь у него только два выхода. Можно было вернуться в туалет, переодеться в тюремное, как можно дальше запрятать те вещи, что сейчас были при нем, и перенести вторую попытку на неопределенный срок. Можно было попытаться что-нибудь сымпровизировать прямо сейчас. Хотя, если разобраться, настоящего выбора у него не было. Зак уже давно внутренне для себя решил, что ни за что не вернется в тюрьму. Уж лучше умереть.

Он бросился за угол, по дороге лихорадочно придумывая хоть что-нибудь, что помогло бы выбраться из города. Навстречу ему двигался автобус. Зак выхватил из урны кем-то выброшенную газету и принялся отчаянно размахивать ею. Автобус затормозил и принял пассажира. Закрывшись газетой как щитом и делая вид, что очень увлечен какой-то статьей, Зак пробрался сквозь болтливую кучку студентов в конец автобуса. В течение двадцати мучительных минут автобус как черепаха полз по запруженным автомобилями улочкам, останавливаясь на каждом углу и высаживая очередную порцию пассажиров. Затем он свернул направо и подъехал к конечной остановке. К этому времени в салоне осталось человек пять шумливых студентов, да и те направились к выходу, завидев, очевидно, свою любимую забегаловку.

У Зака не было выбора. Выйдя вместе со студентами через задние двери, он направился к перекрестку, который, как ему было известно, должен был находиться где-то в километре впереди и от которого одна из дорог вела на автостраду. Ему оставалось надеяться только на попутку. Да и с ней надо спешить. Через полчаса его будут искать все полицейские в радиусе пятидесяти миль. А голосующие на дорогах, естественно, привлекут их самое пристальное внимание.

Снег падал на волосы и лип к ногам. Похоже, началась настоящая метель. Нагнув голову, Зак брел вдоль шоссе. Мимо проезжали легковушки и грузовики, но их владельцы игнорировали голосующего, и у Зака возникло гнетущее предчувствие надвигающейся катастрофы. Да, машин было много, но все водители торопились успеть домой до того, как разразится пурга, и не собирались останавливаться ни по какому поводу. Неподалеку от перекрестка находилась старомодная закусовая с

заправочной станцией, но на большой стоянке сейчас были только две машины — синий «блейзер» и коричневый фургон. Зак подошел к зданию и сквозь большое окно внимательно рассмотрел посетителей кафе. Их было всего четверо — одинокая женщина и мать с двумя маленькими детьми. Зак невольно выругался. Обе машины принадлежали женщинам, а те наверняка ни за что не возьмут попутчика. Не замедляя шага, он дошел до припаркованных машин. Вдруг у одной из них ключи окажутся в замке зажигания? Хотя Зак прекрасно понимал, что угонять машину было бы чистейшим безумием, — чтобы выехать со стоянки, ему пришлось бы проехать прямо под окном кафе. Дальнейший ход событий нетрудно предугадать. Хозяйка машины немедленно позвонит в полицию и сообщит о случившемся. К тому же из кафе будет прекрасно видно, в какую сторону он направится. Но, может быть, ему удастся уговорить одну из женщин подвезти его за деньги?.

И если ее не убедят деньги, то наверняка убедит пистолет. Господи! Неужели нет никакого другого выхода?

С двух сторон от него с ревом проносились грузовики, вздымая клубы снежной пыли. Зак посмотрел на часы. С тех пор как Хадли ушел на свое совещание, прошел почти час. Теперь ему нельзя даже думать о том, чтобы голосовать на автостраде. Если Сандини точно выполнит все его указания, то уже через пять-десять минут будет объявлена всеобщая тревога. Не успел Зак подумать об этом, как на эстакаде показалась машина местного шерифа. Замедлив ход, она свернула к стоянке у кафе, направляясь прямо к Заку.

Зак инстинктивно присел, сделав вид, что рассматривает колесо «блейзера», и тут его осенило. Выхватив из вещмешка финку, он вонзил ее в одну из шин, слегка повернув вбок, чтобы воздух вырывался с меньшей силой. Углом глаза Зак видел, что патрульная машина остановилась прямо позади него. Но местный шериф, вместо того чтобы поинтересоваться, чего это ради какой-то тип с вещмешком сшивается около кафе, всего лишь опустил стекло и сделал весьма глубокомысленное замечание.

— Похоже, что у вас спустило колесо...

— Да уж, так спустило, что дальше некуда, — согласился Зак, похлопывая по крышке и стараясь не оглядываться назад. — Жена пыталась предупредить меня, что эта проклятая...

Дальше он мог не продолжать. Все равно его голос потонул бы в истошных воплях полицейского радио. Тотчас же патрульная машина резко развернулась, набрала скорость и умчалась со стоянки с включенной сиреной. А несколько мгновений спустя звуки сирен уже доносились до

Зака со всех сторон, и патрульные машины одна за другой пронеслись по эстакаде, сверкая мигалками.

Ну вот и все. Побег раскрыт. Начинается охота.

А тем временем в кафе Джулия допила кофе и рылась к сумке в поисках кошелька. Ее визит к мистеру Вернону оказался даже более удачным, чем она ожидала. И хотя сейчас ей предстояла четырехчасовая поездка через пургу, Джулия была настолько возбуждена удачной поездкой и более чем внушительным чеком, лежащим в ее сумочке, что никакие предстоящие трудности ее не пугали. Взглянув на часы, девушка поднялась и, захватив наполненный кофе термос, направилась к выходу.

Тяжелая дверь захлопнулась, оставляя за собой теплый уют кафе, и Джулия поежилась под порывом холодного ветра. Визжа шинами, патрульная машина сделала какой-то невероятный разворот и пулей вылетела со стоянки, взметая по пути тучи снега. Вопли сирены разносились по всей округе. Удивленная Джулия едва не споткнулась о темноволосого мужчину, который сидел на корточках у одного из задних колес и резко встал при ее приближении. Джулия испуганно отпрянула. Человек был на голову выше ее. Пытаясь унять дрожь в голосе, она подозрительно спросила у нависающего над ней собственного отражения в зеркальных стеклах очков:

— Что вы здесь делаете?

В ответ Заку даже удалось изобразить на лице подобие улыбки. Теперь он знал, как именно нужно себя вести в этой ситуации. Богатое воображение и способность к импровизации всегда были его отличительными свойствами. Именно им он во многом обязан своими успехами в кино. Кивнув на явно спущенное колесо, он сказал:

— Я бы мог помочь вас заменить колесо, если у вас есть домкрат.

Джулия облегченно вздохнула.

— Извините, что я так резко с вами разговаривала, но вы меня ужасно напугали. И еще отсюда с таким шумом сорвалась патрульная машина — Это был Джо Лумис, местный констебль, — продолжал врать Зак, стараясь ненавязчиво создать впечатление, что этот полицейский — его друг. — Он только что получил экстренный вызов, а не то обязательно помог бы мне сменить вам колесо.

Все страхи Джулии улетучились окончательно, и она улыбнулась своему добровольному помощнику.

— Это так любезно с вашей стороны, — сказала она, открывая багажник в поисках домкрата, — вообще-то это машина моего брата. Здесь должно быть все необходимое, но я точно не знаю, где именно.

— Да вот же он, — быстро нашел искомое Зак, — замена займет всего несколько минут, — добавил он.

Время поджимало, но панический ужас, который он испытывал еще совсем недавно, постепенно отступал. Ему удалось убедить эту женщину, что он находится в приятельских отношениях с местным шерифом, а следовательно — вполне благонадежен. Теперь, когда он заменит ей колесо, она просто обязана будет предложить подвезти его. И тогда на дороге полиция не обратит на них ни малейшего внимания, потому что будет искать мужчину, путешествующего в одиночку. Даже уже сейчас со стороны он выглядел как муж, меняющий колесо, пока его жена наблюдает за работой.

— И куда вы направляетесь? — завязал разговор Зак, устанавливая домкрат.

— На восток, в сторону Далласа, довольно далеко, а потом на юг, — ответила Джулия, невольно восхищаясь ловкостью, с которой он обращался с громоздкой машиной. Кроме того, ее случайный знакомый обладал необыкновенно красивым голосом, низким и глубоким. Темно-каштановые волосы были очень густыми, но плохо подстриженными, и Джулия поймала себя на том, что ей бы очень хотелось увидеть и то, что скрывается за непроницаемыми зеркальными очками. Мужчина, несомненно, был очень красив, но дело заключалось не только в этом. Было и еще что-то. Непонятно почему ей показалось, что она уже где-то видела это лицо. Правда, вскоре Джулия отбросила эту мысль и, взяв термос поудобнее, продолжила беседу.

— Вы работаете где-то поблизости?

— Работал. Завтра я уже должен быть на новом месте. Правда, если не успею к семи утра, то они, скорее всего, возьмут кого-нибудь другого, — закончив устанавливать домкрат, Зак начал отвинчивать крепежные болты. Не прекращая работы, он кивнул в сторону нейлоновых вещевых мешков, которые Джулия не заметила раньше только потому, что они каким-то образом сдвинулись и оказались под машиной. — Один приятель обещал меня забрать отсюда два часа назад, — продолжал тем временем Зак, — но, наверное, что-то случилось, и он не смог подъехать.

— Так вы здесь уже два часа? — воскликнула Джулия. — Вы же, наверное, промерзли до костей!

Он по-прежнему возился с колесом спиной к ней, и Джулия с трудом подавила необъяснимое желание нагнуться и, получше рассмотреть его лицо.

— Хотите выпить кофе?

— С удовольствием.

Чтобы не тратить преждевременно кофе из термоса, Джулия решила вернуться в кафе.

— Сейчас принесу. Вы какой пьете?

— Черный, — ответил Зак, с трудом скрывая досаду. Девушка ехала на юго-восток от Амарилло, а ему предстояло преодолеть почти четыреста миль к северо-западу. Украдкой взглянув на часы, он постарался работать еще быстрее. Прошло уже полтора часа с тех пор, как он отошел от машины Хадли, и риск быть схваченным возрастал с каждой секундой. Независимо от того, куда едет эта девушка, ему придется ехать с ней. Сейчас главное — оказаться подальше от Амарилло. Он мог бы проехать с ней где-то около часа, а потом двинуться в обратном направлении кружным путем.

Готового кофе не было, и Джулии пришлось подождать, пока его сварят. Поэтому, когда она вернулась к машине с бумажным стаканчиком в руке, ее спаситель уже практически закончил менять колесо. Снега уже навалило по щиколотку, и он все продолжал падать. Глаза слезились от пронизывающего ледяного ветра. Увидев, как ее явно промерзший знакомый потирает озябшие руки, Джулия подумала о новой работе, которую он получит завтра... если сумеет добраться вовремя. Она прекрасно знала, как сложно найти новое место в Техасе, особенно рабочим. А судя по тому, что у этого человека даже не было машины, он отчаянно нуждался в деньгах. Подумав об этом, она впервые заметила, что на нем совершенно новые джинсы — об этом говорила предательская продольная складка на обеих штанинах. Наверное, решила Джулия, купил их специально для того, чтобы произвести хорошее впечатление на нового хозяина. Эта деталь показалась ей настолько трогательной, что ее симпатия к этому человеку многократно возросла.

Раньше Джулия, следуя собственному негласному правилу, никогда не брала попутчиков. Уж слишком велик был риск. Но на этот раз дело обстояло совсем по-другому. И не только потому, что этот человек помог ей сменить колесо. Вес решила обычная пара джинсов. Новеньких, без единого пятнышка, явно купленных безработным человеком в надежде на лучшее будущее. Надежде, которой не суждено было сбыться, если кто-нибудь не подвезет его хотя бы часть пути.

— Кажется, вы уже закончили, — сказала она, подходя к Заку и протягивая стаканчик, от которого шел пар. Передавая кофе, Джулия заметила, как покраснели от холода руки ее спасителя. Несмотря на очевидную бедность, в этом человеке чувствовалось нечто, мешающее ей

предложить ему деньги. Но на всякий случай она все-таки решила это сделать.

— Позвольте мне заплатить вам, — начала было Джулия, но тотчас поняла, что продолжать не стоит, — или, если вам по пути, я бы могла вас немного подвезти.

— Был бы вам очень признателен, — улыбнувшись, ответил Зак и наклонился за своим вещмешком.

Когда они сели в машину, Зак представился Аланом Олдричем. Джулия назвала свои имя и фамилию, но желая подчеркнуть, что предлагает себя только в качестве временного шофера, и ни в каком ином, обращаясь к попутчику, подчеркнуто называла его мистером Олдричем. Зак принял правила игры и стал обращаться к девушке «мисс Мэтисон».

После этого Джулия окончательно расслабилась. Такое официальное обращение позволяло сохранить определенную дистанцию. Но время шло, и Джулия начинала думать, не перегнула ли она палку. Ее попутчик был очень молчалив и держался как-то слишком отчужденно. Может быть, он решил, что она тем самым просто хотела лишний раз подчеркнуть разницу в их положении? Показать, кто есть кто? Это было бы очень обидно. Джулия совсем не собиралась оскорбить этого милого человека, который к тому же так помог ей.

Глава 17

Прошло целых десять минут, прежде чем Зак почувствовал, как страшное напряжение, сдавливающее грудь, начинает постепенно ослабевать. Теперь он наконец смог глубоко вздохнуть. Впервые за последние несколько часов. Хотя нет. Правильнее было бы сказать, несколько месяцев. Лет. Безысходность и беспомощность были его постоянными спутниками так долго, что без них он начинал испытывать даже легкое головокружение.

Мимо промчалась красная машина, заходя на поворот, но, очевидно, что-то случилось со сцеплением, и она завертелась волчком, чудом разминувшись с «блейзером». Впрочем, помогло не чудо, а то поразительное мастерство, с которым сидящая рядом девушка справлялась с управлением своей мощной и маневренной машины. Правда, на его взгляд, она ехала слишком быстро, с какой-то отчаянной, типично техасской бесшабашностью.

Он бы с радостью сам сел за руль, и уже совсем было собрался предложить свои услуги, как вдруг услышал спокойный, немного насмешливый голос:

— Можете расслабиться, я же снизила скорость. Мне совсем не хотелось напугать вас.

— А кто вам сказал, что я испугался? — вырвалось у Зака немного резче, чем ему бы хотелось.

Джулия искоса взглянула на него и улыбнулась:

— Вы вцепились в приборную доску обеими руками. Зак усмехнулся и подумал о том, что годы тюрьмы не прошли бесследно и он практически разучился разговаривать с людьми по-человечески. И о том, что у Джулии Мэтисон потрясающая улыбка. Она начиналась с глаз и постепенно освещала все лицо, превращая его из просто хорошенького в совершенно очаровательное. А так как разглядывать прелестную соседку было гораздо приятнее, чем изводить себя мыслями о событиях, на которые он все равно никак не мог повлиять, то Зак этим и занялся.

Не считая бледной помады, абсолютно чистое, не тронутое косметикой лицо. Роскошные, блестящие каштановые волосы уложены просто и незатейливо. Но главное — в ней ощущалась какая-то неподдельная свежесть. На вид этой девушке никак нельзя было дать больше двадцати. Но в то же время для двадцатилетней девчушки она явно была слишком

рассудительна и уверена в себе.

— Сколько вам лет? — спросил он, прежде чем успел подумать, каким идиотским и бестактным может показаться его вопрос. Судя по всему, если его не схватят и не отправят обратно в тюрьму, ему придется заново учиться очень многим вещам. Таким, например, как элементарная вежливость и умение соблюдать определенные правила этикета в беседах с женщинами.

Но его соседка, как ни странно, не только не обиделась, но и послала ему еще одну из своих гипнотизирующих улыбок. Казалось даже, что его вопрос ее позабавил.

— Мне двадцать шесть.

— О Боже! — Это дурацкое восклицание вырвалось у Зака прежде, чем он успел сообразить, что по-прежнему ведет себя, как последний кретин. — То есть, я хочу сказать, — неуклюже попытался он исправить положение, — что вы не выглядите на свой возраст.

Джулия наверняка почувствовала его замешательство, потому что она негромко рассмеялась и сказала:

— &го, наверное, потому, что двадцать шесть лет мне всего несколько недель.

Теперь Зак уже не доверял себе и, прежде чем что-то сказать, тщательно взвешивал и продумывал свои слова, наблюдая за тем, как дворники без усталости рисуют полумесяцы на лобовом стекле.

— А кем вы работаете? — спросил он, сочтя, что такой нейтральный вопрос уж точно не покажется бестактным.

— Учительницей в школе.

— Вы совершенно не похожи на учительницу. Заметив, что его соседка явно с трудом сдерживает смех, Зак почувствовал полную растерянность. Ее непредсказуемые реакции начинали его раздражать, а поэтому следующий вопрос прозвучал немного резковато:

— Разве я сказал что-нибудь смешное?

— Нет, что вы, — покачала головой Джулия, — просто так говорят все пожилые люди.

Зак так и не понял, означает ли это, что он действительно казался ей старой развалиной, или это была небольшая шутливая месть за его дурацкие замечания о ее возрасте и внешности. Он настолько растерялся, что ее встречный вопрос застал его врасплох, и он ляпнул первое, что взбрело ему в голову, стараясь не противоречить сказанному ранее.

— Я занимаюсь строительством.

— Правда? Мой брат тоже строитель. Он главный подрядчик. А чем

именно вы занимаетесь?

Зак, который понятия не имел, с какого конца братья за молоток, от всей души пожалел, что не придумал какой-нибудь менее распространенной профессии. А еще лучше было бы вообще помолчать.

— Стенами, — неопределенно ответил он, — я занимаюсь стенами.

Увидев, что его собеседница оторвала глаза от дороги, Зак испугался, но когда она еще и пристально посмотрела на него, он испугался еще больше.

— Стенами? — Джулия не скрывала своего недоумения. — Нет, — пояснила она, подумав, что он ее не так понял, — я хотела спросить, какая у вас специальность.

— Я же вам уже ответил. Стены, — отрезал Зак, начиная злиться на самого себя за то, что завел этот дурацкий разговор. — Это и есть моя специальность. Я делаю стены.

Джулия поняла, что в первый раз просто не правильно истолковала слова своего собеседника.

— Облицовку! — воскликнула она, огорченная тем, что так долго не могла сообразить такой простой вещи. — Значит, вы облицовщик?

— Да.

— В таком случае странно, что у вас трудности с работой. Хороших облицовщиков обычно не хватает.

— Значит, я плохой облицовщик, — бесстрастно сказал Зак, ясно давая понять, что не желает продолжать беседу.

И сам ответ, и особенно тон, каким он был произнесен, показались Джулии настолько неожиданными, что она с трудом подавила нервный смех. Попутчик ей попался весьма своеобразный. Теперь она не смогла бы уже сказать, приятно ей его общество... или нет. Кроме всего прочего, она также никак не могла избавиться от странного чувства, что он ей кого-то напоминает. И почему он ни разу не снял своих непроницаемых очков? Ей бы очень хотелось рассмотреть его без них. Город остался позади. Погода испортилась, по небу неслись тяжелые, свинцово-серые тучи. Следующие полчаса они ехали в полном молчании. Густой снег продолжал падать на лобовое стекло и собираться в маленькие сугробики над без устали работающими дворниками. Зак взглянул в наружное зеркало заднего обзора, и кровь застыла у него в жилах. В полумиле за ними показалась полицейская машина с включенной мигалкой. Она стремительно приближалась.

Секундой позже послышался вой сирены.

Джулия тоже слышала его и, взглянув в зеркало, сбросила скорость и

прижалась к обочине. Зак засунул руку в карман куртки и нащупал рукоятку пистолета, хотя он не имел ни малейшего представления, что будет делать, если полицейские решат проверить их машину. Теперь патруль был совсем близко. Зак разглядел на переднем сиденье двоих. Полицейские обогнули «блейзер»...

И поехали дальше.

— Наверное, где-то впереди авария, — сказала Джулия, когда они поднялись на гребень холма и остановились. Машина уперлась в многокилометровую пробку. А несколькими мгновениями позже с ними поравнялись две машины «скорой помощи».

Зак явно исчерпал почти весь свой запас адреналина. Человеческий организм не может продолжать эмоционально реагировать на такое безумное количество переживаний. Последние два дня Зак только и делал, что снова и снова прокручивал в уме всевозможные варианты своего тщательно спланированного бегства. Его план просто обязан был удался хотя бы из-за своей гениальной простоты. И он бы непременно удался, если бы Хадли не перенес свою поездку в Амарилло на два дня. Все последующие неприятности явились лишь следствием этого. Теперь Зак даже не был уверен в том, что его двойник по-прежнему ждет условленного звонка в детройтской гостинице. Он боялся рисковать и просить остановить машину, чтобы позвонить, до тех пор пока они не отъедут подальше. Более того, Колорадо находился всего в 130 милях от Амарилло, но чтобы пересечь узенький кусочек Оклахомы и добраться туда, Заку необходимо было ехать на северо-запад. Вместо этого он двигался в прямо противоположном направлении. Он вспомнил о карте, заботливо засунутой в вещмешок, и решил изучить ее повнимательней в поисках возможного нового маршрута. Развернувшись на сиденье, он сказал:

— Взгляну-ка я, пожалуй, на карту. Джулия, решившая, что он собирается искать по карте то место, где ему придется работать, поинтересовалась:

— А как называется город, где находится ваша стройка?

— Эллертон, — ответил Зак, потянувшись за одним из нейлоновых мешков, которые лежали за задним сиденьем. Он слегка улыбнулся и добавил во избежание дальнейших расспросов о мифическом Эллертоне:

— Собеседование я проходил в Амарилло, поэтому на самой стройке еще не был ни разу.

— Кажется, я никогда даже не слышала об Эллертоне, — сказала Джулия, когда Зак начал снова аккуратно сворачивать карту с прикрепленным сверху машинописным листком. — Вы нашли его?

— Нет, — ответил Зак и, чтобы избавиться от необходимости отвечать на вопросы о расположении несуществующего города, добавил, засовывая карту вместе с листком обратно в мешок, — но я найду его обязательно. У меня есть листок с подробным описанием дороги.

Джулия кивнула, но ее мысли явно были заняты чем-то другим. Она внимательно рассматривала окрестности:

— Наверное, нам имеет смысл съехать с автострады и обогнуть этот затор по боковой дороге.

— Хорошая мысль, — похвалил Зак. Съезд с автострады оказался обыкновенной проселочной дорогой, которая сначала шла почти параллельно основной, а потом отклонилась вправо.

— Может быть, не такая уж она и хорошая, — сказала Джулия несколько минут спустя, когда стало понятно, что узкая, извилистая дорога уводит их все дальше и дальше от автострады.

Зак не ответил. Он пристально смотрел вперед, на заброшенную заправочную станцию, рядом с которой, неподалеку от пустой стоянки, находилась открытая телефонная будка.

— Вы не могли бы остановиться вон у того телефона? Мне необходимо позвонить. Это займет не более пары минут.

— Конечно. — Джулия остановила «блейзер» под фонарем, неподалеку от телефонной будки. Глядя вслед своему попутчику, она подумала о том, что сегодня стемнело раньше обычного, что метель не утихает и ветер необычайно сильный даже для этого, славящегося своими бурями края. Решив сменить громоздкое пальто на вязаный свитер, чтобы было удобнее вести машину, Джулия включила радио в надежде услышать прогноз погоды и, выбравшись из машины, открыла багажник.

Диктор амариллского радио на все лады расхваливал новую машину, купленную в фирме Уилсона «Форд».

— Боб Уилсон всегда и везде оправдывает потраченные деньги... — ликовал он.

Продолжая прислушиваться к радио в ожидании прогноза, Джулия достала из дорожной сумки светло-коричневый свитер, сняла пальто и в это время заметила карту, высывающуюся из вещевого мешка, лежавшего на заднем сиденье. Так как своей карты у нее не было, она решила уточнить маршрут по этой. Джулия взглянула в сторону телефонной будки, собираясь знаками попросить разрешения, но попутчик стоял к ней спиной и, очевидно, был поглощен беседой. Решив, что он не стал бы возражать, Джулия достала карту и развернула ее. Из-за темноты и ледяного ветра, вырывающего бумагу из рук, она не сразу поняла, что перед ней карта не

Техаса, а Колорадо. Переведя озадаченный взгляд на аккуратно напечатанные инструкции, она прочитала:

«После Стэнтонна следует проехать ровно 26, 4 мили. Там будет перекресток, которого нет на карте. После него следует внимательно смотреть вправо, чтобы не пропустить узенькую грунтовую дорогу, ведущую в лес, начинающийся примерно в пятнадцати метрах от автостреды. Дом находится в конце этой дороги, примерно в пяти милях, и его не видно ни с автостреды, ни с горы».

Теперь Джулия была совершенно сбита с толку. Значит, он направлялся не на работу в неизвестный городок где-то в Техасе, а в дом где-то в горах Колорадо?

В это время диктор закончил рекламу и сказал:

— Через несколько минут вы прослушаете последний прогноз синоптиков о надвигающейся на нас снежной буре, но перед этим — срочное сообщение из отдела шерифа...

Но теперь Джулия почти не слушала его болтовни. Глядя на высокую фигуру мужчины, разговаривающего по телефону, она вдруг ощутила, как по телу пополз странный, неприятный холодок... она начинала узнавать. Человек по-прежнему стоял вполоборота, но зато снял очки и держал их в руке. Словно почувствовав ее пристальный взгляд, он резко обернулся и увидел развернутую карту в руках у Джулии. Но зато и Джулия впервые смогла разглядеть его лицо, ярко освещенное и не скрытое солнцезащитными очками.

— Сегодня днем, приблизительно в четыре часа, — говорил голос по радио, — тюремные власти обнаружили, что заключенный Захарий Бенедикт, осужденный за убийство, бежал из амариллской тюрьмы...

Парализованная страхом, Джулия смотрела на суровое, волевое лицо. Она узнала его.

И в эту секунду человек в будке бросил трубку и побежал к ней.

— Нет! — закричала Джулия и, быстро метнувшись к водительскому месту, нырнула в машину и попыталась защелкнуть дверь с противоположной стороны, но опоздала буквально на долю секунды. Дверь распахнулась, у, сильная рука схватила ее за запястье. С силой, которую мог породить только ни с чем не сравнимый ужас, она ухитрилась вырваться и выброситься из машины через противоположную дверь. Больно ударившись бедром, Джулия все же вскочила на ноги и побежала, скользя по свежавыпавшему снегу и громко крича, надеясь, что кто-нибудь услышит ее мольбы о помощи, и одновременно прекрасно понимая, что поблизости никого нет и быть не может. Она не пробежала и пяти метров,

как он схватил ее и оттащил обратно к машине.

— Стой смирно и прекрати вопить.

— Возьмите машину! — рыдала Джулия. — Возьмите машину и оставьте меня здесь.

Проигнорировав ее просьбу, он оглянулся через плечо на карту Колорадо, которую постепенно относил ветром. Джулии казалось, что все происходит, как в замедленных съемках. Опустив руку в карман, Бенедикт достал блестящий черный предмет, и, направив его на нее, попятился назад и поднял карту, зацепившуюся за ржавый мусорный бак. «Пистолет. О Господи, значит, у него был пистолет!»

Все тело Джулии сотрясала неудержимая дрожь, а голос диктора немного запоздало предупреждал:

— Бенедикт почти наверняка вооружен и очень опасен. Если кто-нибудь узнает о его местонахождении, то пусть немедленно свяжется с полицией города Амарилло. Гражданам ни в коем случае не следует приближаться к нему. Второй беглец, Доминик Сандини, уже задержан и взят под стражу...

Чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, Джулия наблюдала, как этот самый Захарий Бенедикт приближался к ней с пистолетом в одной руке и картой в другой. Метрах в четырехстах от них снежную мглу прорезали фары какой-то машины. Бенедикт спрятал руку с пистолетом в карман.

— Залезай в машину, — приказал он.

Бросив взгляд через плечо, Джулия увидела приближающийся грузовик и стала лихорадочно соображать, как можно было бы увернуться от пули и привлечь внимание водителя машины прежде, чем ее пристрелят.

— Советую даже не пытаться, — предупредил Захарий Бенедикт голосом, который не предвещал ничего хорошего.

Сердце буквально выскакивало из груди, но Джулия не посмела послушаться. Чутье подсказывало ей, что этот участок дороги слишком безлюден для того, чтобы надеяться убежать целой и невредимой.

— Двигайся! — Взяв Джулию за руку, Бенедикт подвел ее к водительскому месту. Вокруг сгущались сумерки, падал снег, а она, Джулия Мэтисон, брела рядом с беглым преступником, осужденным за убийство, всем своим существом ощущая направленное на нее черное дуло пистолета. У нее возникло кошмарное чувство, что она играет эпизод одного из его старых фильмов-боевиков, в которых заложников обычно убивают.

Глава 18

Руг дрожали настолько сильно, что Джулия не сразу смогла включить зажигание. Бенедикт бесстрастно наблюдал за нем с соседнего сиденья.

— Поезжай, — отрывисто бросил он, когда мотор наконец завелся.

Джулии каким-то чудом удалось развернуть машину и направить ее к выезду со стоянки, но, выбравшись на основную дорогу, она снова остановила машину. Мозг был на — , столько ошарашен происходящим, что она просто не могла подобрать слова, чтобы задать элементарный вопрос.

— Я же сказал — поезжай!

— Куда? — воскликнула она, ненавидя себя за жалкие, умоляющие нотки в голосе, но еще больше — это отвратительное животное на соседнем сиденье, которое заставляло ее испытывать жуткий, первобытный страх.

— Обратно.

— Обратно?

— Я, кажется, довольно ясно выразился. Был час пик, и машина ползла в общем потоке, продвигаясь вперед с черепашьей скоростью. Напряжение в салоне становилось просто невыносимым. Отчаянно пытаюсь хоть немного успокоить нервы, чтобы снова обрести способность соображать и придумать хоть какой-то план спасения, Джулия протянула дрожащую руку, чтобы переключить приемник на другую программу, с опаской поглядывая на своего мучителя. Но тот ничего не сказал, и она начала крутить ручку настройки. Жизнерадостный голос диск-жокея представлял новую песенку в стиле кантри, и несколько мгновений спустя в машине зазвучала веселенькая мелодия «Все, кого я любил, живут в Техасе».

Пока Джордж Стрейт пел, Джулия рассматривала пассажиров соседних машин, направляющихся по домам после долгого рабочего дня. Мужчина, сидевший за рулем соседнего «эксплорера», слушал, очевидно, ту же самую радиостанцию и отбивал пальцами ритм. Он взглянул в ее сторону, встретился с ней взглядом, вежливо кивнул и снова устался на дорогу. Джулия знала, что, глядя на нее, человек со стороны никогда бы не заподозрил ничего необычного. Джордж Стрейт продолжал петь, и усталые автомобилисты возвращались к вечеру домой, и снег все падал... Все было как всегда. Кроме одного.

Рядом находился беглый преступник-убийца и угрожал ей пистолетом. И именно этот невероятный контраст между внешним благополучием и тем, что происходило с ней, вывел Джулию из ступора. Теперь она была готова действовать. Решение пришло неожиданно. По дороге им попало несколько машин, оказавшихся в кювете. Если ей удастся резко свернуть к правому кювету, а потом резко повернуть руль налево, то дверь с его стороны окажется намертво заблокированной, а она сама сможет благополучно ускользнуть. Провернуть такой трюк на ее малолитражке не составило бы никакого труда, но она понятия не имела, как будет вести себя такая маневренная машина, как «блейзер».

Сидя рядом с ней, Зак не мог не обратить внимания на ее напряженный взгляд, постоянно устремленный на обочину дороги. Он физически ощущал ее панический страх и понимал, что в любую секунду отчаяние может достигнуть предела, и это, скорее всего, приведет к непредсказуемым последствиям.

— Расслабьтесь! — приказал он. Джулия внезапно почувствовала, как ее безумный страх начинает перерастать в столь же сильную ярость.

— Расслабьтесь?! — взорвалась она, резко поворачиваясь и глядя прямо ему в глаза. — И это говорите вы?! Как, черт побери, я могу расслабиться, если вы сидите здесь, наставив на меня свою дурацкую пушку?

Она, конечно, была права. Зак это понимал, а потому решил, насколько возможно, ослабить напряжение, прежде чем его перепуганная соседка наделает каких-нибудь глупостей.

— Тогда просто постарайтесь немного успокоиться, — сказал он.

Вцепившись в руль, Джулия не отрываясь смотрела на дорогу. Постепенно поток машин немного поредел и стало возможным слегка увеличить скорость. А что, если врезаться в несколько ближайших машин и спровоцировать небольшую аварию? Тогда сюда обязательно приедет полиция. А это было как раз то, что нужно.

Но тогда, скорее всего, и она сама, и еще Бог знает сколько ни в чем не повинных людей попадут под пули Захария Бенедикта.

А этого Джулия не хотела.

Спокойный, снисходительный голос прервал лихорадочный бег ее мыслей. Таким обычно взрослые разговаривают с раскапризничавшимися детьми.

— Джулия, я не собираюсь причинять вам зла. Просто мне необходимо добраться до границы штата, а у вас есть машина, вот и все. Не станете же вы рисковать жизнью ради того, чтобы выставить меня из нее. Если

полиция засечет нас, то начнется перестрелка, и вы окажетесь в самом ее центре. А поэтому ведите себя разумно и постарайтесь расслабиться, чтобы не привлекать ненужного внимания. Тогда все будет хорошо.

— Если вы так хотите, чтобы я расслабилась, — отпарировала она, окончательно расвирепев от этого снисходительного тона, — то отдайте пистолет мне. А потом и поговорим!

Зак нахмурился, но ничего не ответил, и Джулия постепенно начинала верить в то, что он действительно не собирается причинять ей зла. По крайней мере до тех пор, пока она не будет мешать ему. Как ни странно, но это оказало на нее обратное действие. Вместо того чтобы успокоиться, она дала выход своей бессильной ярости.

— И кроме того, — гневно выплевывала слова Джулия, — прекратите обращаться со мной как с ребенком и не смейте называть меня Джулией! Я была для вас мисс Мэтнсон даже тогда, когда думала, что вы милый, честный работяга, который купил эти п-проклятые д-джинсы, чтобы произвести впечатление на своего нового хозяина. Если бы не эти дрянные джинсы, я бы не влипла, как последняя идиотка, в такую историю и... — К своему великому ужасу, Джулия почувствовала, что вот-вот расплачется, а потому метнула на своего мучителя взгляд, в который, как она надеялась, вложила все свое презрение, и снова не мигая уставилась в лобовое стекло.

Удивленно приподняв брови, Зак внимательно поглядел на Джулию: на него не могло не произвести впечатления мужество этой девушки. Поток машин поредел, хотя снегопад не прекратился, а даже усилился. Еще пару часов назад эта погода казалась ему настоящим проклятием, а на поверку оказалось, что снег сослужил добрую службу. Он на несколько часов отвлек внимание полиции, которая, вместо того чтобы гоняться за ним по всему штату, вынуждена была разбираться с бесконечными пробками. Кроме того, ему повезло еще в одном. Вместо маленькой двухместной машины, увезенной тягачом на его глазах, он оказался в мощном, маневренном «блейзере», который легко проберется сквозь снежные заносы в горах Колорадо и не забуксует где-нибудь на полдороге. Как ни странно, но все задержки и осложнения последних часов обернулись для него настоящими подарками судьбы. Он все-таки доберется до Колорадо. Благодаря Джулии Мэтисон. Мисс Мэтнсон, поправил он себя с усмешкой и, расслабившись, откинулся на сиденье. Но вспыхнувший было лучик надежды тут же погас. Он вспомнил еще кое-что из сообщения, которое услышал по радио. Тогда он не придал этому значения. Но теперь... Доминика Сандини называли «вторым беглецом», который «был задержан и взят под стражу». Но ведь если Сандини придерживался их версии, то тогда Хадли уже кричал бы на

всех углах о лояльности одного из расконвоированных, а не называл его задержанным беглецом.

Зак попытался убедить сам себя, что журналисты просто, как всегда, перепутали и дали неверную информацию насчет Сандини. У него и без того было о чем беспокоиться — хотя бы о разъяренной молодой учительнице, которая сидела рядом. Несмотря на то, что в данный момент он отчаянно нуждался и в ней самой, и в ее машине, она тем не менее была серьезным осложнением. Она видела карту и наверняка поняла, куда он направляется. Если он оставит ее на границе Оклахомы или даже немного севернее, на границе Колорадо, она самым подробным образом опишет властям и машину, и его примерный маршрут. В данный момент его лицо уже наверняка заполонило экраны всех телевизоров, а потому не оставалось никакой надежды на то, что ему удастся взять машину напрокат и не быть тотчас же схваченным полицией. К тому же надо во что бы то ни стало убедить полицию в том, что ему удалось улететь в Детройт и пересечь канадскую границу.

Таким образом, Джулия Мэтисон была одновременно и Божьим даром, и досадным осложнением. Но Зак решил не сетовать на судьбу, а предоставить ей самой предопределять дальнейший ход событий. В настоящее время у него была гораздо более важная задача — постараться разрядить обстановку и, насколько это возможно, помочь Джулии расслабиться. Потянувшись за термосом, он вспомнил ее последние слова и задал показавшийся ему вполне закономерным вопрос.

— А какое отношение ко всему этому имеют мои джинсы? — спросил он небрежно.

— Что?

В голосе Джулии слышалось настолько непритворное изумление, что Зак решил пояснить:

— Вы сказали что-то о моих «проклятых джинсах», которые якобы были единственной причиной того, что вы решились меня подвезти. Вот я и хочу узнать, что с ними не так? — С этими словами он налил себе кофе и отхлебнул глоток.

Джулия с трудом подавила приступ истерического смеха. Ее жизнь была под угрозой, а этот хлыщ беспокоился о своей одежде!

— Так что же? — продолжал настаивать Зак. Джулия уже приготовилась сказать все, что она о нем думает, но тут ей в голову одновременно пришли две мысли. Во-первых, было бы просто безумием намеренно провоцировать вооруженного преступника. А во-вторых, если завязать с ним непринужденную беседу, то, возможно, удастся ослабить его

бдительность и все-таки выбраться из этой переделки целой и невредимой. Сделав глубокий вдох и не отрывая глаз от дороги, она постаралась говорить как можно вежливее и непринужденнее:

— Я просто заметила, что они совершенно новые.

— Но какое это имеет отношение к тому, что вы предложили меня подвезти?

В очередной раз проклиная собственную глупость и доверчивость, Джулия пояснила:

— Когда я увидела, что вы без машины и, как вы сказали, без работы, то, естественно, решила, что у вас проблемы с деньгами. Потом вы сказали, что надеетесь получить новое место, и я заметила складку на ваших джинсах... — На этом месте голос изменил ей. Надо же было быть такой дурой, чтобы принять мультимиллионера и кинозвезду, пусть даже бывшую, за лишенного средств к существованию работягу.

— Продолжайте, — попросил Зак, откровенно недоумевая.

— Господи, неужели непонятно? Я сделала единственно логичный вывод! Я решила, что вы купили эти джинсы, чтобы произвести благоприятное впечатление на своего нового хозяина, и представила, насколько важна для вас эта работа, как вы надеетесь ее получить и что все ваши усилия могут пойти прахом, если кто-нибудь не согласится подвезти вас. Поэтому я и взяла вас, хотя никогда в жизни не брала попутчиков. Мне так не хотелось, чтобы вы упустили свой шанс.

Сказать, что Зак был тронут, значило ничего не сказать. Он был потрясен. Доброта такого рода, которая требовала не просто каких-то жертв, но и личного риска, казалась ему чем-то абсолютно невероятным. Он никогда не сталкивался ни с чем подобным. Стараясь скрыть растерянность, он отогнал прочь всякие сентиментальные соображения и, сардонически улыбаясь, сказал:

— Вы напридумывали все это, исходя из одной-единственной складки на джинсах? В таком случае вашему воображению можно только позавидовать.

— Но зато нельзя позавидовать моему умению разбираться в людях, — резко ответила Джулия. Краем глаза она увидела тянущуюся к ней руку и чуть не закричала от ужаса. Но это была всего лишь чашка кофе.

— Выпейте, Это вам сейчас необходимо. Голос Бенедикта был спокойным и даже вроде немного извиняющимся, как если бы он просил прощения за то, что напугал ее.

— Если вы боитесь, что я засну за рулем, то мне это не грозит. Благодаря вам.

— И все же выпейте. Хоть немного, — попросил Зак, твердо решив успокоить ее, хотя прекрасно понимал, что, пока он рядом, это вряд ли возможно.

— Это... — Он запнулся, с трудом подыскивая подходящие слова. — Может быть, это поможет немного разрядить обстановку.

Джулия резко повернулась к нему, и выражение ее лица лучше любых слов сказало Заку, что она думает о нем самом и о его заботливости. Гневные слова уже готовы были сорваться у нее с языка, но мысль о пистолете вовремя напомнила ей, что не стоит играть с огнем. Поэтому Джулия дрожащей рукой взяла чашку, продолжая вести машину вперед по заснеженной дороге.

Зак увидел, как предательски задрожала ее рука, и ему почти захотелось извиниться. Изучая лицо Джулии в свете приборного щитка, он подумал о том, что у нее прелестный профиль. Сочетание маленького носика, упрямо вздернутого подбородка и высоких скул приятно радовало глаз. Кроме того, в те редкие мгновения, когда она бросала на него разъяренные взгляды, Зак не мог не обратить внимания на ее глаза. Удивительные глаза. Необыкновенно красивые. Его не отпускало чувство вины за то, что он до смерти напугал эту наивную девушку, пытавшуюся сыграть роль доброй самаритянки. А при мысли о том, что ему придется и дальше мучить ее, Зак чувствовал себя последним подонком. Чтобы хоть немного избавиться от угрызений совести, он решил поддержать разговор, что помогло бы Джулии поскорее адаптироваться к создавшейся ситуации.

Еще раньше он заметил отсутствие обручального кольца. Это значило, что она не замужем. Зак пытался вспомнить, что обычно люди — цивилизованные люди — говорят, чтобы завязать беседу с незамужней женщиной. Так ничего и не придумав, он наконец спросил:

— Вам нравится работать в школе? Пара широко открытых фантастических глаз в упор уставилась на него. Джулия явно не верила своим ушам.

— Уж не собираетесь ли вы вести со мной светские, беседы?

— Да! — рывкнул Зак, чертыхаясь про себя. — Собираюсь. Отвечайте!

— Да, мне нравится работать в школе, — послушно ответила Джулия, проклиная себя за трусость и все сильнее ненавидя этого человека, который смог так легко запугать ее. В это время впереди показался знак, сообщающий, что до границы с Оклахомой осталось двадцать километров.

— Докуда я должна буду везти вас? — задала она встречный вопрос.

— До Оклахомы, — солгал Зак.

Глава 19

— Вот мы и в Оклахоме, — сказала Джулия, как только они проехали знак, отмечающий границу штата.

— Вижу, — ответил Зак с какой-то угрюмой веселостью.

— Ну и?.. Где вы собираетесь выйти?

— Езжайте дальше.

— Дальше? — Джулия была в такой ярости, что ее голос сорвался на крик. — Послушайте, вы что, думаете, что я повезу вас до самого Колорадо? Я не собираюсь этого делать!

Итак, Зак получил подтверждение своим догадкам — она знала, куда он направляется.

— Я не поеду дальше! — истерически выкрикивала Джулия, не подозревая о том, что только что сама подписала себе приговор. — Я не могу этого сделать!

— Можете, мисс Мэтисон. И вы это сделаете. Его олимпийское спокойствие было последней каплей, переполнившей чашу терпения Джулии.

— Идите к черту! — закричала она и резко повернула руль вправо, но Зак все-таки ухитрился нажать на тормоза, прежде чем они перевернулись. — Возьмите машину и оставьте меня в покое. Я никому не скажу, что видела вас. Никому не расскажу, куда вы едете. Честное слово.

Необходимо было как-то успокоить ее, а заодно и успокоиться самому.

— В кино, — сказал Зак шутливо, оглядываясь через плечо на пролетающие мимо машины, — люди тоже обычно говорят именно так. Вы знаете, чем это заканчивается. Верить такому обещанию по меньшей мере глупо.

— Но мы же не в кино!

— Значит, вы все-таки согласны с тем, что такое обещание нелепо? — улыбнулся Зак. — Ведь согласны же? Признайтесь, Джулия.

Потрясенная тем, что этот человек, судя по всему, собирался поддразнивать ее, как если бы они были друзьями, Джулия смогла только метнуть на него разъяренный взгляд. Она, конечно, понимала, что он прав, но отказывалась это признать.

— Не думаете же вы, будто я поверю, — продолжал тем временем Зак, немного смягчив тон, — что вы будете так благодарны мне за то, что я похитил вас и украл вашу машину, что действительно сдержите обещание,

данное под давлением обстоятельств. Для этого мне надо быть сумасшедшим.

— А вы рассчитываете, что я буду спокойно вести с вами философские беседы, в то время как моя жизнь поставлена на карту?! — взорвалась Джулия.

— Я понимаю, что вы напуганы, но вы ошибаетесь. Вам абсолютно ничего не угрожает, если, конечно, не будете сами нарываться на неприятности.

Джулия не знала, что подействовало на нее больше — крайнее нервное истощение или низкий тембр его мягкого голоса, но она поймала себя на том, что почти поверила ему.

— Я не хочу причинить вам вред, — продолжал Зак, — и вы в полной безопасности до тех пор, пока не будете делать ничего такого, что привлечет ко мне ненужное внимание или насторожит полицию.

— Если же я это сделаю, — перебила его Джулия, стряхивая с себя временное наваждение, — то вы мне вышибете мозги из своего пистолета. Благодарю вас, мистер Бенедикт. Вы меня очень успокоили.

Зак, из последних сил стараясь не раздражаться, терпеливо пояснил:

— Если полицейские выйдут на мой след, то им придется убить меня, потому что живым я не сдамся. А зная, как работает наша полиция, можно почти наверняка утверждать, что вас ранят или даже убьют в перестрелке. Мне бы этого не хотелось. Это вам понятно?

Разозлившись на себя за то, что поневоле доверяет пустым словам безжалостного убийцы» Джулия отвернулась от Зака и уставилась в окно.

— Вы что, в самом деле надеетесь убедить меня в том, что вы благородный сэр Галхард, а вовсе не порочное чудовище?

— Теперь уже нет, — раздраженно ответил Зак и, поняв, что разговор окончен и его упрямая собеседница больше не собирается смотреть на него, сухо добавил:

— Прекратите дуться и поезжайте вперед. Мне необходимо доехать до ближайшего телефона.

Уловив перемену в его голосе, Джулия поняла, как глупо с ее стороны было игнорировать его попытки к примирению. Слишком поздно она сообразила, что единственным верным решением для нее было бы заставить его поверить, будто она согласилась помочь ему. Глядя на снежинки, танцующие в свете фар, она постепенно начала успокаиваться. Теперь она думала только о том, как же ей все-таки выбраться из этой передраги. Судя по всему, Бенедикт не собирался ее отпускать и на границе с Колорадо. Расстроить его планы и сбежать, несмотря ни на что, стало

теперь для Джулии не только необходимостью, но и своеобразным вызовом. А для того чтобы это сделать, нужно в первую очередь вновь обрести ясность ума и полностью избавиться от страха и гнева. Она должна взять себя в руки! В конце концов, ее никак нельзя было назвать тепличным растением. Первые одиннадцать лет своей жизни она провела на улицах Чикаго и совсем неплохо себя там чувствовала.

Закусив нижнюю губу, она попыталась рассмотреть сложившуюся ситуацию отстраненно, как будто это происходило в одном из детективных романов, которые она так любила читать. Кстати, ей всегда казалось, что героини большинства из них вели себя крайне глупо. Например, как она сама несколько минут назад, намеренно раздражая вооруженного преступника. Умная героиня поступила бы совсем по-другому. Она бы хитростью заставила Бенедикта расслабиться и потерять бдительность. Если бы ей это удалось, то удалось бы и сбежать. А это чудовище вернулось бы туда, где ему положено находиться, — в тюрьму. Чтобы достигнуть этой цели, нужно сделать вид, что весь этот кошмар — всего лишь интересное приключение. Может быть, даже убедить Бенедикта, что она на его стороне. Конечно, сыграть такую роль будет очень непросто, но игра стоит свеч...

Несмотря на некоторые сомнения по поводу своих актерских способностей, Джулия внезапно почувствовала спокойную уверенность в собственных силах. Все страхи улетучились; мозг работал ясно и четко. Выждав несколько секунд, чтобы ее капитуляция не показалась подозрительной, она сделала глубокий вдох и заговорила, стараясь, чтобы в голосе звучали нотки искреннего раскаяния.

— Мистер Бенедикт, — начала Джулия, на мгновение отрывая взгляд от дороги и изобразив некое подобие улыбки, — поверьте, я благодарна вам за то, что вы беспокоитесь о моей безопасности. Я совсем не хотела оскорблять вас. Просто я была очень напугана, вот и все.

— А теперь вы не напуганы? — насмешливо спросил Зак.

— Нет-нет, — поспешила заверить его Джулия, — конечно, напугана. Но уже не так сильно.

— Могу я поинтересоваться причинами столь внезапной метаморфозы?. О чем вы размышляли все это время, пока сидели молча?

— О книге, — ответила она, остановившись на наиболее безопасном и надежном варианте. — О детективном романе.

— О том, который вы когда-то читали? Или о том, который собираетесь написать?

Джулия сообразила, какое мощное оружие он ей дал, сам того не

подозревая, и начала отчаянно импровизировать.

— Да, я всегда мечтала когда-нибудь написать детективный роман и подумала, что то, что происходит, могло бы послужить прекрасным исходным материалом.

— Понятно.

Джулия искоса взглянула на своего соседа и была потрясена его улыбкой. Этот дьявол мог заворовать кого угодно. Она вспомнила те дни, когда точно такая же улыбка светила с киноэкранов, поднимая температуру у всей женской аудитории.

— Вы необыкновенно смелая девушка, Джулия. Подавив раздражение, Джулия не стала требовать, чтобы ее называли мисс Мэтисон, а вместо этого сказала:

— Честно говоря, я ужасная трусиха, мистер...

— Меня зовут Зак, — перебил ее он, и в бесстрастном тоне Джулии почудилась вновь ожившая подозрительность.

— Зак, — поспешно согласилась она, — вы совершенно правы. Раз уж мы все равно путешествуем вместе, то нам лучше обращаться друг к другу по имени. Кстати, мы будем ехать вместе до?..

— Столько, сколько нужно, — сказал он, и Джулия с трудом подавила новую вспышку гнева, которую вызвал у нее этот уклончивый ответ.

— Сколько нужно, — согласилась она, стараясь ничем не выдать своих истинных чувств. — Судя по всему, у нас будет достаточно времени для того, чтобы вы помогли мне сделать кое-какие предварительные наброски.

Она на минуту замолчала, усиленно размышляя над тем, о чем именно лучше его спросить.

— Может быть, вы могли бы мне немного рассказать о том, какова тюремная жизнь изнутри? Это бы очень помогло мне в работе над романом.

— Неужели?

Он сводил ее с ума постоянными, едва уловимыми изменениями тембра голоса. До сих пор Джулия ни разу не встречала человека, который бы мог столько выразить одними речевыми модуляциями. Правда, такого красивого голоса она тоже никогда не слышала. Насыщенный, бархатистый баритон мог быть вежливым и насмешливым и тут же, в какую-то долю секунды, стать ледяным и даже зловещим. Уловив насмешливый скепсис в последнем вопросе Зака, Джулия энергично закивала, решив подавить его собственным темпераментным напором.

— Конечно! — воскликнула она и внезапно подумала, что сейчас как раз удобный момент, чтобы убедить его в том, что она на его стороне. — Я слышала, что очень часто в тюрьму попадают невинные люди. А как было с

вами?

— Любой осужденный утверждает, что он невиновен.

— Понятно, и все же? — настаивала Джулия, мечтая о том, чтобы он поскорее сказал о своей невинности. Тогда она могла бы сделать вид, что поверила ему.

— Присяжные сочли меня виновным.

— Известны случаи, когда присяжные ошибались.

— Двенадцать честных, законопослушных граждан, — продолжал настаивать на своем Зак, и в его голосе сквозило явное отвращение, — решили, что я виновен.

— Я уверена, что они старались быть объективными.

— Чушь собачья! — выкрикнул он с такой яростью, что руки Джулии непроизвольно крепче сжали руль. Ее снова охватывал панический страх. — Они осудили меня за то, что я был богат и знаменит! — продолжал неистовствовать Зак. — Я внимательно наблюдал за их лицами во время суда. И чем больше этот провинциальный прокурор расписывал мою роскошную жизнь и развращенные нравы Голливуда, тем сильнее присяжные хотели моей крови! Ведь все эти богобоязненные ханжи знали, что имелись «веские сомнения» по поводу моей причастности к убийству. Именно поэтому они и не вынесли мне смертный приговор. Ведь они же все насмотрелись фильмов про Перри Мейсона, а потому, наверное, решили, что если я не убивал, то смогу найти того, кто это сделал.

В голосе Зака звучала такая неприкрытая ненависть, что Джулия почувствовала, как ее ладони покрываются потом. После этой вспышки она еще яснее осознала жизненную необходимость убедить его в том, что она на его стороне.

— Но ведь вы же были невиновны, правда? Вы просто не смогли найти настоящего убийцу, правда? — продолжала она упорно гнуть свою линию, стараясь сдержать дрожь в голосе.

— А какое это имеет значение? — огрызнулся Зак.

— М-может быть, это имеет значение для меня. Несколько мгновений он внимательно изучал ее, а потом гнетущее молчание нарушил его неотразимый, ставший мягким голос:

— Если это действительно имеет для вас какое-то значение, то тогда я отвечу на ваш вопрос. Нет, я не убивал свою жену.

Конечно же, он лгал. Иначе просто быть не могло.

— Я верю вам, — сказала Джулия и, чтобы еще больше расположить его к себе, поспешила добавить:

— А раз вы действительно невиновны, то, конечно, имели полное

право бежать из тюрьмы.

После этого в машине наступило длительное молчание. Джулия чувствовала, как он пристально изучает ее. Наконец он отрывисто приказал:

— Здесь должна быть телефонная будка. Когда увидите ее, остановитесь.

— Хорошо.

Телефон был немного в стороне, и Джулии пришлось свернуть с дороги. Она с надеждой смотрела в зеркало заднего обзора, рассчитывая увидеть какой-нибудь приближающийся грузовик, которому бы она могла просигнализировать. Но на заснеженной дороге почти не было машин. Голос Зака резко вернул ее к действительности.

— Надеюсь, вы не подумаете, — насмешливо сказал он, доставая ключи из замка зажигания, — будто я сомневаюсь в ваших словах о том, что вы верите в мою невиновность и хотите помочь мне бежать. Я забираю эти ключи по одной-единственной причине — я очень осторожный человек.

Джулия сама удивилась той легкости, с какой ей давалась новая роль. Покачивая головой, она убежденно сказала:

— Я не виню вас.

Слегка улыбнувшись, он выбрался из машины, продолжая держать руку в кармане, как бы ненавязчиво напоминая ей о наличии револьвера. Кроме того, дверь с его стороны осталась открытой, чтобы, разговаривая по телефону, он мог видеть все происходящее в салоне. Не желая угодить под пулю, Джулия на этот раз не стала предпринимать никаких попыток. Но ничто не мешало ей сделать некоторые приготовления на будущее. Со всей возможной кротостью она спросила:

— Вы не будете возражать, если я достану из сумки ручку и бумагу? Мне бы хотелось сделать кое-какие наброски, пока вы звоните по телефону. Ну, всякие мелочи для моей будущей книги. — И прежде чем он успел отказать ей, что, судя по всему, он и собирался сделать, Джулия потянулась за сумкой, лежащей на заднем сиденье, попутно приводя доводы в пользу своей просьбы:

— Это меня всегда очень успокаивает. Кроме того, вы можете обыскать мою сумочку, если хотите. Чтобы убедиться, что у меня нет ни оружия, ни лишней пары ключей. — С этими словами она протянула ему открытую сумочку. Он так странно взглянул на нее, что Джулии вдруг показалось, что он ни на йоту не верит в ее историю о написании романа, а лишь подыгрывает ей, чтобы удержать в подчинении.

— Пишите, если хотите, — сказал Зак, возвращая ей сумочку.

Как только он отвернулся, Джулия достала маленький блокнот и ручку. Не сводя глаз с его спины, она быстро-быстро написала на трех листках бумаги три одинаковые записки: «ПОЗВОНИТЕ В ПОЛИЦИЮ. МЕНЯ ПОХИТИЛИ».

Краем глаза Джулия видела, как Зак немного отвернулся, чтобы поговорить по телефону, и, быстро вырвав три исписанные странички, засунула их во внешний карман сумочки. После этого она вновь уставилась в блокнот, лихорадочно раздумывая, как еще она сможет сообщить людям о том, что с ней произошло, и попросить о помощи. И тут ее осенило. Быстро достав из кошелька десятидолларовую банкноту, она завернула в нее одну из записок.

Теперь, когда ее план приобрел реальные очертания и она приступила к его осуществлению, Джулия окончательно избавилась от терзающего ее страха. Правда, это вновь обретенное спокойствие подкреплялось еще одним — по непонятным причинам она была инстинктивно убеждена в том, что по крайней мере в одном Захарий Бенедикт не солгал. Он действительно не хотел причинять ей зла. А значит, не станет хладнокровно убивать ее, если она попытается убежать. Во всяком случае до тех пор, пока она не попытается остановить проезжающую машину. Но так как машин на дороге не было, а Бенедикт скорее всего бежал быстрее ее, то не было никакого смысла бежать сейчас. Это привело бы лишь к тому, что он насторожится и она просто не сможет предпринять следующую попытку. В данный момент лучше делать вид, что она готова ему помочь, и усыпить его бдительность настолько, насколько это возможно. И пусть Захарий Бенедикт — беглый преступник. Она тоже совсем не такая легковверная дурочка и трусиха, какой могла показаться ему на первый взгляд. Когда-то ей помогли выжить только ловкость и сообразительность. В то время когда он был киноидолом для всех подростков и женщин, ей приходилось лгать и воровать! И если она не будет забывать об этом, то обязательно победит в их поединке! В этом Джулия была абсолютно уверена! Или почти уверена. Главное — не терять голову. Она вновь вернулась к блокноту и начала делать какие-то дурацкие, слащавые записи по поводу своего похищения, на случай, если ему захочется прочитать то, что она написала. Закончив, она решила сама просмотреть написанное: «Захарий Бенедикт бежал из тюрьмы, где отбывал наказание по несправедливому приговору, вынесенному пристрастными присяжными. Он производит впечатление доброго, образованного, сердечного человека. Он всего лишь жертва обстоятельств. Я верю в него».

Прочитав эту ахинею, она поморщилась, подумав о том, что жанр фантастики ей не особенно удастся. Поглощенная собственным творчеством, она невольно вздрогнула, когда Зак вернулся в машину. Быстро захлопнув блокнот, она засунула его в сумочку и вежливо спросила:

— Вы дозвонились?

Глядя на его сузившиеся глаза, Джулия подумала, что немного переиграла с «дружелюбием». Но ответил он совершенно спокойно и невозмутимо:

— Нет. Он там, но в комнате его нет. Попробую перезвонить через полчаса.

Пока Джулия переваривала это совершенно загадочное сообщение, Бенедикт потянулся за ее сумочкой.

— Это не более чем простая предосторожность, — сардонически ухмыльнулся он, открывая блокнот, — надеюсь, вы меня понимаете?

— Конечно, понимаю, — заверила Джулия, с трудом подавляя истерический смех при виде его отвисшей челюсти, когда он прочитал ее записи.

— Ну как? — спросила она, пытаясь придать своему лицу выражение притворного невинного любопытства. — Что вы думаете?

Закрыв блокнот, он запихнул его обратно в сумку.

— Я думаю, что если вы верите во всю эту чушь, то вас нельзя никуда отпускать без присмотра.

— Да, я очень доверчива, — поспешила подтвердить Джулия, включая зажигание и выезжая на автостраду. Если он будет считать ее наивной дурочкой, то о таком подарке судьбы она не могла даже мечтать.

Глава 20

Следующие полчаса они ехали в почти полном молчании, лишь изредка обмениваясь замечаниями о плохой погоде и заносах на дороге, но все это время Джулия не переставая высматривала рекламный щит, который бы помог ей осуществить задуманный план. Для этого подошел бы любой придорожный ресторан. Когда наконец Джулия увидела то, что искала, ее сердце учащенно забилося.

— Я понимаю, что вы не захотите заходить в ресторан, — сказала она, осторожно нащупывая почву для последующей просьбы, — но дело в том, что я умираю от голода. Вот указатель «Макдональдса». Мы могли бы купить там чего-нибудь и поесть в машине.

Он посмотрел на часы, и Джулия поняла, что сейчас последует отказ, а потому поспешно добавила:

— Мне обязательно нужно есть каждые три часа, потому что, — она немного поколебалась, подыскивая, чем бы объяснить столь странную необходимость, — потому что у меня гипогликемия! Если я не поем хоть что-нибудь, то начинаю чувствовать головокружение, тошноту и...

— Хорошо, мы остановимся там.

Джулия чуть не закричала от радости, когда впереди появились золотые арки «Макдональдса». Рядом с рестораном были две обширные стоянки для машин и детская площадка.

— Мы остановились как раз вовремя, — сказала она, — у меня уже начинается головокружение, и вряд ли я бы смогла вести машину дальше.

Проигнорировав скептическое выражение лица своего соседа, Джулия свернула к стоянке. Несмотря на ужасную погоду, там было несколько машин, и она увидела, что в ресторане ужинают несколько семей. Следуя за указателем, она подъехала к окошечку, через которое водители, не желающие останавливаться и заходить внутрь, получали пакетики с едой.

— Что вы будете? — спросила она у Зака. До тюрьмы Зак ни за что бы не остановился у подобной забегаловки, даже если бы умирал от голода. Но теперь при одной мысли о гамбургере и французском жарком у него начиналось активное слюновыделение. Это все свобода, подумал он, отвечая на вопрос Джулии. Благодаря свободе воздух казался чище, а еда — вкуснее. Но эта же самая свобода делала человека более настороженным и подозрительным. В безмятежной улыбке его узницы сквозило нечто такое, что ему сильно не нравилось. Она, конечно, выглядела очень

искренней и дружелюбной, но уж слишком быстро произошло это превращение из запуганной заложницы в добровольного союзника.

Джулия повторила заказ в микрофон — два чизбургера, два жарких, две коки.

— С вас пять долларов девять центов, — сообщил динамик, — пожалуйста, подъезжайте к первому окошку.

Зак полез в карман за деньгами, но Джулия упрямо покачала головой и потянулась за своей сумочкой.

— На этот раз платить буду я, — сказала она, стараясь не отводить взгляда, — я угощаю и настаиваю на этом.

Немного поколебавшись, Зак все же достал руку из кармана, но его темные брови сошлись на переносице, выражая явное недоумение:

— Это очень щедро с вашей стороны.

— А я вообще такая. Все говорят, что я очень щедрая, — лепетала Джулия первое, что взбрело ей в голову, доставал десятидолларовый банкнот с завернутой в него запиской. С трудом выдерживая пристальный, нервирующий взгляд Бенедикта, она сосредоточила свое внимание на девочке-подростке, которая появилась в проеме окна. Девочке явно не терпелось поскорее уйти спать. Карточка на ее костюме сообщала, что ее зовут Тиффани.

— С вас пять долларов девять центов.

Джулия протянула банкнот, не сводя с девочки умоляющего взгляда. От этого сонного подростка с вьющимися волосами, собранными в хвостик, зависела ее жизнь. Джулии казалось, что все происходит, как в замедленной съемке. Вот девочка развернула банкнот... Небольшой кусочек белой бумаги спланировал на пол... Тиффани нагнулась и подняла его... Выпрямилась... Посмотрела на Джулию...

— Это ваше? — спросила она, протягивая записку к машине, не удосужившись прочитать, что там написано.

— Не знаю, — ответила Джулия, пытаясь все-таки заставить девочку прочитать слова, — может быть. А что там написано? — начала было она, но осеклась, едва не вскрикнув от боли и испуга. Пальцы Бенедикта железным кольцом сжались на ее руке, а в бок уперся ствол пистолета.

— Не слушай ее, Тиффани, — вкрадчиво сказал Зак, перегибаясь через Джулию и протягивая руку, — это моя записка. Я просто хотел пошутить.

Девочка мельком взглянула на записку, но было невозможно определить, успела она что-нибудь прочитать или нет.

— Возьмите, сэр, — сказала она, перегибаясь через Джулию и отдавая записку Бенедикту. Скрипя зубами от досады, Джулия наблюдала, как тот

одарил девочку одной из своих фальшивых улыбок и Тиффани зарделась от удовольствия.

— Вот ваш заказ, — сказала она, отсчитав сдачу. Джулия автоматически потянулась за двумя белыми пакетами, но ее испуганное лицо и молящий взгляд продолжали упрашивать девочку, позвонить в полицию, или менеджеру, или хоть кому-нибудь! Стараясь не смотреть на Бенедикта, Джулия передала ему еду. Руки дрожали так сильно, что она чуть не выронила кока-колу.

Джулия ожидала каких-то последствий своей неудавшейся попытки к бегству, но все равно оказалась неподготовленной к той Дикой ярости, которая звучала в голосе Бенедикта:

— Маленькая кретинка! Ты что, пытаешься сделать все, чтобы тебя застрелили? Поезжай на стоянку и поставь машину так, чтобы она могла нас хорошо видеть. Она наблюдает.

Джулия послушно выполнила приказ, чувствуя, что не может глубоко вдохнуть. От страха дыхание было частым, неглубоким и неровным.

— Ешь, — продолжал приказывать Бенедикт, тыча чизбургером ей в лицо, — и улыбайся. Улыбайся, тебе говорят, а не то я за себя не отвечаю...

И снова Джулия подчинилась. Она послушно жевала, совершенно не чувствуя вкуса и изо всех сил пытаясь успокоиться, чтобы снова обрести способность думать. Просто для того, чтобы нарушить тягостную тишину, она спросила:

— М-можно м-мне взять мою к-кока-колу? Но когда она попыталась нагнуться за одним из белых пакетов, его рука со страшной силой сжала ее запястье, угрожая в любую секунду сломать хрупкие косточки.

— Вы делаете мне больно! — закричала Джулия, чувствуя, как на нее снова волной накатывает страх. Рука Бенедикта сжалась еще сильнее, и только после этого он выпустил ее кисть. Откинувшись на сиденье и закрыв глаза, Джулия потирала руку, пытаясь унять пульсирующую боль, и судорожно сглатывала невыплаканные слезы. Еще несколько мгновений назад, до того, как он намеренно причинил ей боль, она пыталась успокоить себя мыслями о том, что перед ней не жестокий, расчетливый убийца, а обычный человек, который убил свою неверную жену, ослепленный безумной ревностью. Ну почему, упрекала себя Джулия, она вдруг поверила в то, что он не способен убить заложницу или ни в чем не повинного подростка, если они поднимут тревогу?

Наверное, дело заключалось в том, что ее подвели и одурачили воспоминания — воспоминания о романтических статьях в журналах, о неисчислимых часах, проведенных в кинотеатрах с братьями и друзьями.

Все они восторгались им. Он был их кумиром. Когда ей было одиннадцать лет, она не могла понять, что все в нем находят, но немного позднее поняла это очень хорошо. Захарий Бенедикт был необыкновенно красив, недостижим, сексуален, циничен, остроумен и ни на кого не похож. А так как во время знаменитого суда Джулия была в Европе, то все грязные подробности, которые могли бы омрачить полюбившийся экранный образ, прошли мимо нее. Постыдная правда заключалась в том, что она почти поверила его словам о собственной невиновности, потому что тогда его побег обретал в ее глазах смысл. Оказавшись на свободе, он бы мог найти настоящего убийцу. И по какой-то необъяснимой причине она до сих пор не отвергала такую возможность. Вероятно, потому, что это помогало хоть немного контролировать свой страх, ничуть не уменьшая, впрочем, отчаянного желания бежать. Даже если он был невиновен в том преступлении, за которое попал в тюрьму, это отнюдь не значило, что он не станет убийцей для того, чтобы не попасть туда снова. Если он невиновен. Вероятность чего была ничтожно мала.

Нервы Джулии были на таком пределе, что она подпрыгнула, когда внезапно зашелестел пакет с кока-колой.

— Возьми, — резко бросил Бенедикт, передавая ей пакет.

По-прежнему избегая его взгляда, Джулия протянула руку и взяла пакет. Сосредоточенно глядя перед собой, она продолжала напряженно думать и поняла, что единственной возможностью выбраться из этой переделки живой, не подвергая опасности окружающих, было позволить ему уехать на ее машине, а не оставить его без средств передвижения, но с пистолетом, из которого он, возможно, начнет стрелять во всех подряд. А это значило, что ей непременно надо было выбраться из машины, причем в присутствии как можно большего количества народа. Так как ее первая попытка провалилась, то он теперь был начеку. Ждал. Внимательно наблюдал. Поэтому во второй попытке ей нельзя допустить ни малейшей ошибки. Джулия инстинктивно чувствовала, что третьего шанса ей не представится. По крайней мере больше не нужно было прикидываться дурачком и делать вид, что она на его стороне.

— Поехали дальше, — раздался отрывистый приказ. Не говоря ни слова, Джулия включила зажигание и выехала со стоянки.

Четверть» часа спустя он приказал ей остановиться у очередной телефонной будки и пошел звонить. Кроме отрывистых распоряжений Бенедикт не произносил ни слова, и Джулия заподозрила, что он это делает сознательно. Тягостное молчание действовало на нее так сильно, как не подействовали бы никакие запугивания. На этот раз во время разговора по

телефону он не спускал с нее глаз. Когда Бенедикт закончил звонить и вернулся к машине, Джулия почувствовала, что просто не в состоянии больше выдерживать молчание. С вызовом взглянув на него и кивнув в сторону телефонной будки, она язвительно спросила:

— Надеюсь, у вас плохие новости?

Зак с трудом подавил улыбку, которую у него вызвало это упрямое бунтарство. За хорошеньким личиком этой девушки скрывались отчаянная смелость и острый ум, благодаря которому она постоянно ухитрялась заставить его врасплох. Вместо того чтобы ответить, что новости очень хорошие, он лишь пожал плечами. Зак заметил, что молчание сводит ее с ума.

— Поезжай, — отрывисто приказал он, откидываясь на спинку сиденья и вытягивая ноги. Изящные пальчики судорожно сжали руль.

Всего через несколько часов из Детройта через Виндзорский туннель в Канаду выедет человек, очень похожий на Захария Бенедикта. На границе он устроит небольшое представление, позаботившись о том, чтобы таможенники хорошо его запомнили. Через пару дней, если Зака до тех пор не поймают, таможенники спохватятся и сообщат властям, что беглый заключенный, скорее всего, находится в Канаде. И тогда через неделю охота переместится в Канаду, а он сможет спокойно приступить ко второй части своего плана. А пока, в ближайшие несколько дней, он может просто расслабиться и наслаждаться вновь обретенной свободой. Все было бы просто чудесно, если бы не его строптивая заложница. Она была тем осложнением, которое мешало ему расслабиться. И очень большим осложнением, потому что, судя по всему, ее не так легко запугать, как он подумал поначалу. Вот и сейчас она ехала невыносимо медленно, изредка бросая на него злобные взгляды.

— Что случилось? — поинтересовался он.

— Случилось то, что мне нужно в туалет.

— Позже!

— Но... — увидев выражение его лица, Джулия осеклась и поняла, что спорить бесполезно.

Через час они пересекли границу Колорадо, и Зак впервые заговорил:

— Там впереди есть стоянка грузовиков. При подъезде к ней сбрось скорость. Если не будет ничего подозрительного, то мы остановимся там.

Но на стоянке было слишком много машин, и прошло еще полчаса, прежде чем они поравнялись с заправочной станцией, которая удовлетворила Зака с точки зрения безопасности. Туалеты находились снаружи, а будка служителя была расположена таким образом, чтобы он

мог получать плату, не выходя из нее.

— Пошли, — сказал Зак, — не так быстро, — добавил он, когда Джулия вышла из машины и направилась в сторону туалетов. Крепко сжав ее локоть, он пошел рядом, делая вид, что помогает ей пробираться по снегу. Когда они подошли к месту назначения, он и не подумал отпустить ее руку, и Джулия взорвалась:

— Вы что, собираетесь идти со мной? — разъяренно выкрикнула она.

Не обращая на эту вспышку ни малейшего внимания, Зак открыл дверь и тщательно осмотрел крохотное, облицованное кафелем помещение в поисках окна. Не обнаружив такового, он наконец отпустил ее руку:

— Постарайся управиться побыстрее, Джулия. И не делай глупостей.

— Каких, например? — язвительно спросила она. — Или вы боитесь, что я удавлюсь туалетной бумагой? Пустите же меня, черт вас побери. — Окончательно высвободив руку, Джулия вошла внутрь, и тут ее осенило — она просто запрет дверь изнутри и откажется выходить. С трудом сдерживая ликование, она повернула ручку и одновременно захлопнула дверь, изо всех сил навалившись на нее плечом. Раздался глухой металлический щелчок, но замок не защелкнулся, и у Джулии возникло неприятное чувство, что Бенедикт предусмотрел такую возможность и держит ручку с противоположной стороны.

В эту минуту ручка слегка повернулась в ее руке, и из-за двери раздался насмешливый голос, подтверждающий ее опасения:

— У тебя ровно полторы минуты, Джулия. Потом я открою дверь.

Прекрасно. Значит, он еще и извращенец, подумала Джулия и постаралась как можно скорее справиться с тем, зачем она сюда, собственно, пришла. Она успела сполоснуть руки ледяной водой, до того как дверь открылась и снова раздался насмешливый голос:

— Время истекло.

Вместо того чтобы сразу сесть в машину, он продолжал стоять за ее спиной. Рука с пистолетом лежала в кармане.

— Залей в бак бензин, — приказал он, облокотившись на машину и пристально наблюдая за ней. — Заплати, — раздался очередной приказ.

Ну вот, она же еще должна платить! Безграничное возмущение взяло верх над страхом и разочарованием. Гневные слова уже вертелись на языке, но тут Джулия заметила, что Бенедикт протягивает ей две двадцатидолларовые купюры. Ее негодование многократно усиливалось тем, что при этом он едва сдерживает улыбку.

— Кажется, вам это начинает нравиться! — съязвила она, вырывая деньги из его руки.

Глядя на напряженную спину девушки, Зак напомнил себе о том, что было бы гораздо лучше и безопаснее попытаться хотя бы частично преодолеть ее враждебность. А еще лучше, вернуть ей хорошее настроение. Поэтому он слегка улыбнулся и сказал:

— Ты совершенно права. Мне действительно это начинает нравиться.

— Мерзавец.

Рассвет окрасил серое небо в розовые тона, и Джулии показалось, что Бенедикт, судя по всему, заснул. Он заставлял ее ехать по боковым дорогам, избегая автострад, и поэтому машина с трудом пробиралась по глубокому снегу со скоростью примерно тридцать миль в час. Трижды они застревали в пробках, но тем не менее продолжали медленно продвигаться вперед. Всю ночь по радио передавали сообщения о его побеге, но чем дальше они углублялись на территорию Колорадо, тем меньше внимания уделялось его исчезновению. Наверняка никто не ожидал, что он направится на север. Туда, где не было ни аэропортов, ни важных железнодорожных магистралей, ни автобусов. Недавно они проехали знак, сообщающий, что впереди находится площадка для отдыха, и Джулия молилась, чтобы на ней, так же как и на предыдущей, было хотя бы несколько грузовиков с водителями, отдыхающими в кабинах. На протяжении всей изнурительной ночной поездки она не прекращала продумывать возможные варианты побега и остановилась на одном, который казался ей наиболее вероятным. Как только они подъедут к площадке, она резко нажмет на тормоза и выскочит из машины, крича достаточно громко, чтобы разбудить спящих водителей. Тогда, если все получится так, как ей мечталось, несколько мускулистых шоферов — желательно вооруженных пистолетами и кастетами, проснутся, выпрыгнут из машин и бросятся ей на помощь. Они повалят Захария Бенедикта на землю и разоружат его, а потом позвонят в полицию по одному из своих радиотелефонов.

Джулия понимала, как глупо рассчитывать на то, что все получится именно так, но даже если удастся хотя бы ничтожно малая частичка ее плана, например, если один водитель проснется и поинтересуется причиной ее криков, то, скорее всего, и тогда ей удастся избавиться от Захария Бенедикта. Потому что если она выскочит и начнет кричать, ему не останется ничего иного, как забрать ее машину и уехать. Он ничего не выиграет, если пристрелит ее, а потом будет ходить от одного грузовика к другому и убивать водителей, не говоря уже о том, что первый же выстрел привлечет всеобщее внимание. Любая попытка повторить финальную сцену из его боевика «Перестрелка в Оклахоме» была бы большой

глупостью. А Захарий Бенедикт был кем угодно, но только не дураком.

И она решила рискнуть.

Джулия бросила испытующий взгляд на Бенедикта, чтобы убедиться, что он спит. Скрестив руки на груди и вытянув длинные ноги, он сидел, прислонившись головой к боковому окну. Дыхание было ровным и спокойным.

Приободрившись, Джулия слегка отпустила акселератор и наблюдала за тем, как стрелка спидометра постепенно сползает с сорока пяти до сорока двух, а потом и до сорока. Для того, чтобы незаметно для своего пассажира съехать с дороги на площадку для отдыха, необходима скорость, не превышающая тридцати километров в час, иначе любой толчок мог бы разбудить его. Целую минуту Джулия ехала с неизменной скоростью, а потом еще больше ослабила нажим на акселератор, стараясь делать это как можно более плавно. Нога дрожала от напряжения, но теперь скорость не превышала 35 километров в час. Джулии показалось, что в салоне стало тише, и чтобы компенсировать это, она сделала радио немного громче.

До площадки было еще около четырехсот метров, и высокие сосны скрывали ее из виду, но Джулия уже начала постепенно сбрасывать скорость до тридцати и потихонечку поворачивать руль, отклоняясь с автостреды. Сворачивая с дороги, она горячо молилась о том, чтобы там оказалось хоть несколько грузовиков, и, выехав на площадку, облегченно вздохнула. Неподалеку от небольшого здания, в котором размещались туалеты, были припаркованы три грузовика, и хотя в такой ранний час никого не было видно, Джулии показалось, что она слышит шум работающих дизелей. Сердце выскакивало из груди, и она с трудом подавила желание выпрыгнуть прямо сейчас. Для того чтобы увеличить свои шансы, ей нужно было сделать это как можно ближе к грузовикам, дабы успеть добежать до ближайшего из них, прежде чем Бенедикт успеет ее догнать.

В пяти метрах от первого грузовика Джулия явственно услышала шум работающего мотора и нажала на тормоз. Все ее внимание было сосредоточено на кабине грузовика, поэтому когда Захарий Бенедикт, проснувшись, резко выпрямился, она испуганно вскрикнула.

— Какого черта... — начал было он, но Джулия не дала ему возможности закончить. Резко остановив машину, она схватилась за дверную ручку и выбросилась из еще двигающейся по инерции машины, сильно ударившись бедром о мерзлую землю. От резкой боли на глаза навернулись слезы, и сквозь их пелену Джулия с ужасом увидела, что заднее колесо «блейзера» проехало в нескольких сантиметрах от ее руки.

— ПОМОГИТЕ! — закричала она, становясь на колени. Ноги скользили по слякоти и слипшемуся снегу, мешая ей встать. — ПОМОГИТЕ!

Ей уже удалось подняться на ноги и устремиться к ближайшему грузовику, когда Захарий Бенедикт пулей вылетел из машины и бросился ей наперерез. Джулия попыталась обойти его и побежала к туалетам, надеясь добраться до них раньше Бенедикта и запереться изнутри.

— ПОЖАЛУЙСТА, КТО-НИБУДЬ, — продолжала кричать она на бегу. Краем глаза Джулия увидела, как по левую руку от нее открылась дверца одного из грузовиков и из нее выбрался водитель, сонно и непонимающе глядя на происходящее. Прямо за спиной раздавались тяжелые шаги Бенедикта.

— ПОМОГИТЕ! — оглянувшись через плечо, она увидела, как ее преследователь ненадолго остановился, чтобы набрать пригоршню снега.

— ОСТАНОВИТЕ ЕГО! ОН... — Джулия не смогла закончить, потому что в эту секунду увесистый снежок сильно ударил ее по плечу, а веселый смех Бенедикта заглушил ее дальнейшие слова:

— ПРЕКРАТИ, ДЖУЛИЯ, — весело и звонко выкрикнул он, настигая ее и опрокидывая на землю. — ТЫ ЖЕ ВСЕХ РАЗБУДИШЬ!

Яростно сопротивляясь, Джулия пыталась набрать в грудь воздух и закричать снова, но тяжелое тело придавило ее, мешая дышать, а всего в нескольких сантиметрах от своего лица она увидела разъяренное лицо Бенедикта. Его губы искривились в фальшивой улыбке, призванной обмануть водителя грузовика. Тяжело дыша, Джулия отвернула голову немного в сторону, пытаясь еще раз закричать, но на этот раз ее рот залепил мокрый снег, который Бенедикт бросил ей в лицо. Задышающаяся и ослепленная, она почувствовала, как сильные руки мертвой хваткой сжали ее запястья, и услышала разъяренный шепот:

— Я убью его, если он подойдет ближе. Черт побери, ты этого добиваешься? Того, чтобы кто-нибудь погиб из-за тебя?

Всхлипывая, Джулия отрицательно замотала головой, не в силах издать ни звука, и закрыла глаза. Она не могла больше видеть своего мучителя, но еще нестерпимее была мысль о том, что от свободы ее отделяло всего несколько метров, но и их она не смогла преодолеть. Чего она добилась? Того, что лежала в мокром грязном снегу, придавленная невыносимой тяжестью, а ее бедро нестерпимо болело после неудачного прыжка из «блейзера»?

— Он идет сюда, — звучал настойчивый шепот. — Поцелуй меня и постарайся, чтобы это выглядело убедительно, иначе этот человек умрет!

Прежде чем она успела хоть как-то отреагировать, его губы впились в ее. Джулия широко открыла глаза и увидела приближающегося водителя, который настороженно всматривался в их лица.

— Черт бы тебя побрал, обними меня!

Его рот по-прежнему накрывал ее губы, пистолет больно упирался в живот, но руки теперь были свободны. Она могла бороться, и тогда бы этот водитель с жизнерадостным лицом и именем «ПИТ» на черной кепке заподозрил что-то неладное и пришел бы ей на помощь.

И погиб.

Бенедикт приказал обнять его и постараться, «чтобы это выглядело убедительно». Как марионетка, которую дернули за ниточки, Джулия безвольно подняла онемевшие от холода руки и уронила их ему на спину. Но на что-нибудь большее она была просто неспособна.

Зак тщетно пытался разжать ее плотно стиснутые губы и чувствовал, как все сильнее напрягается хрупкое тело, придавленное его массой. Он был уверен, что она набирается сил перед очередной попыткой освободиться, но на этот раз с помощью троих водителей грузовиков. Тогда наступит конец его короткой свободе и одновременно конец всей жизни. Краем глаза Зак видел, что водитель замедлил шаг, но не остановился. По мере приближения к ним выражение его лица становилось все более настороженным и скептическим. Вихрь мыслей и чувств захлестнул Зака в те короткие мгновения, которые они лежали на снегу и так неубедительно и жалко пытались изобразить поцелуй.

В последней, отчаянной попытке предотвратить неизбежное Зак оторвался от ледяных губ и прошептал одно-единственное слово, которое он не употреблял уже очень много лет:

— Пожалуйста! — Покрепче обняв неподвижное тело женщины, он почти простонал:

— Пожалуйста, Джулия, я умоляю тебя...

Джулии показалось, что мир сходит с ума. Бенедикт умолял ее о помощи! И в его голосе звучала такая щемящая боль, что от нее сжималось сердце. Перед тем как вновь приникнуть к ее губам, он прошептал:

— Я никого не убивал, клянусь тебе!

Мольба и отчаяние, которые она услышала в его голосе и почувствовала в поцелуе, сделали то, чего не смогли сделать никакие угрозы, — Джулия заколебалась. Ей показалось, что только что этот человек сказал правду.

Спутанные обрывки мыслей проносились в мозгу, но Джулия уже приняла решение. Она не имела права рисковать жизнью водителя. Но

кроме нежелания подвергать опасности чужую жизнь, ею двигало и еще что-то — не вполне осознанное и совершенно необъяснимое. Джулия сглотнула бесполезные слезы, неуверенно обвила руками Захария Бенедикта и уступила его поцелую. Он в ту же секунду почувствовал, что она сдалась, и по его телу пробежала дрожь облегчения, а поцелуй стал более мягким и нежным. Джулия больше не слышала приближающихся шагов, она ощущала только то, как разжимаются ее губы, уступая более настойчивым и опытным, а пальцы зарываются в густые и мягкие волосы. Робко вернув поцелуй, Джулия услышала судорожный вздох, и внезапно все изменилось. Теперь он целовал ее по-настоящему, его руки жадно гладили ее плечи, шею, зарывались в намокшие волосы.

Откуда-то сверху раздался озадаченный мужской голос с сильным техасским акцентом:

— Леди, так я не понял, вам нужна помощь или нет?

Джулия слышала вопрос и пыталась отрицательно покачать головой, но чужие горячие, ищущие губы полностью лишили ее способности говорить. Какой-то частью своего существа она понимала, что это всего лишь спектакль. Это было ей так же ясно, как и то, что у нее не было выбора — участвовать или не участвовать в нем. Но почему она не могла даже покачать головой или открыть глаза?

— Думаю, что не нужна, — непристойно хихикнув, продолжал голос. — А как насчет вас, мистер? Может быть, вам нужна помощь? А то я бы с удовольствием...

Зак на мгновение оторвался от ее губ и хрипло сказал:

— Придется тебе поискать другую женщину, парень. А эта моя.

Отбросив водителя, он тотчас же снова коснулся губ Джулии. Обняв ее и тесно прижав к себе, он осторожно попытался языком приоткрыть ее рот. Едва не застонав от неожиданных и совершенно незнакомых ощущений, Джулия полностью отдалась самому страстному, чувственному и настойчивому поцелую в ее жизни.

Метрах в двадцати от них открылась дверь еще одного грузовика, и уже другой мужской голос спросил:

— Эй, Пит, что там за возня в снегу?

— А как по-твоему? Какая-то парочка решила поиграть в маленьких детей.

— Похоже на то, что они получают настоящего ребенка, если будут продолжать в том же духе.

То ли новый голос, то ли ощущение того, что партнер не на шутку возбужден, то ли рев отъезжающего грузовика, то ли все это вместе взятое

резко вернуло Джулию к реальности. Уперевшись руками в плечи Бенедикта, она вяло попыталась оттолкнуть его, но эти жалкие попытки, естественно, оказались совершенно бесплодными. Напуганная собственной необъяснимой апатией, Джулия попробовала высвободиться более энергично.

— Прекрати! — тихо, но настойчиво потребовала она. — Прекрати. Он уже ушел.

Почувствовав, что она вот-вот заплачет, Зак поднял голову и изумленно посмотрел на влажное от снега лицо и нежный рот. Ему с большим трудом удавалось сдерживать сумасшедшее желание. Готовность, с которой она уступила его настойчивым поцелуям, нежные прикосновения ее рук — все это делало мысль о любви прямо здесь, в снегу, не такой уж невероятной. Очень медленно он огляделся по сторонам и поднялся на ноги. Зак так до конца и не понял, почему она вдруг отступила, но какими бы соображениями ни руководствовалась эта неуправляемая девушка, она заслуживала большего, чем изнасилование на снегу. Зак молча протянул ей руку и с трудом сдержал улыбку, когда Джулия, еще несколько мгновений назад такая податливая в его руках, вновь оцетинилась и заняла круговую оборону. Демонстративно проигнорировав его жест, она самостоятельно поднялась на ноги и, тщательно избегая его взгляда, тряхнула волосами.

— Я насквозь промокла, — пробурчала она, — и вся в снегу.

Зак потянулся было, чтобы помочь ей отряхнуться, но Джулия резко отскочила в сторону и, засунув руки в задние карманы джинсов, с вызовом сказала:

— Не думай, что можешь прикасаться ко мне из-за того, что только что произошло!

Но Зак почти не слушал ее. Он с восхищением обозревал результаты их поцелуя — огромные глаза возбужденно сверкали, на красиво очерченных скулах, обтянутых нежной кожей, горел легкий румянец. Такая Джулия Мэтисон была абсолютно сногшибательна. Кроме этого, девушка, несомненно, была очень добра. Как упорно и мужественно она противостояла его угрозам и жестокости, но сразу уступила отчаянной мольбе.

— Я позволила тебе поцеловать себя только потому, что поняла, что ты действительно прав. Никто не должен погибнуть из-за меня. А теперь давай трогаться дальше. Чем скорее это все закончится, тем лучше. Зак вздохнул:

— По вашему кислому тону, мисс Мэтисон, я понял, что мы снова враги?

— Естественно, — отпарировала Джулия, — и давай договоримся — я

без всяких фокусов довезу тебя туда, куда тебе нужно. Но как только мы туда доберемся, ты сразу отпустишь меня, договорились?

— Договорились, — солгал Зак.

— Тогда поехали.

Отряхивая снег с рукавов куртки, Зак пошел следом за ней, с удовольствием разглядывая развевающуюся по ветру гриву блестящих волос и изящно покачивающиеся при ходьбе стройные бедра. Судя по гордо поднятой голове и твердой походке, она была настроена очень решительно и не собиралась допускать никаких романтических поползновений с его стороны.

Но и здесь, как, впрочем, и во всем остальном, Зак преследовал прямо противоположную цель. Он попробовал ее губы и почувствовал, как они отвечали на его поцелуй. Его тело, изголодавшееся за долгие годы, требовало и всего остального.

Одна часть его мозга предостерегала, что вступать в связь с заложницей ни в коем случае нельзя. Что это чистой воды безумие. Это только окончательно все запутает и усложнит, а у него и без того хватало проблем.

Но эти здравые рассуждения полностью заглушались другими, диктуемыми его возбужденным телом. В конце концов, добровольно помогающие заложники становятся почти соучастниками. Не говоря уже о том, что с ними гораздо приятнее коротать время.

Зак решил во что бы то ни стало соблазнить Джулию. Но это вовсе не значило, что она его сильно привлекала или он испытывал к ней какую-то особую нежность и симпатию.

Нет, Зак решил соблазнить Джулию Мэтисон, потому что это было целесообразно. И, конечно, чрезвычайно приятно.

С галантностью, которую Джулия сочла абсолютно нелепой и неуместной, а при нынешних изменившихся обстоятельствах даже настораживающей, он препроводил ее на водительское место. Правда, дверь ему открывать не пришлось. Она и без того была открыта после ее неудачной попытки к бегству. Зак скользнул на свое место, но вдруг заметил, как Джулия вздрогнула и поморщилась от боли.

— Что случилось?

— Я поранила бедро, когда выпрыгивала из машины, и еще потом, когда ты повалил меня на землю, — резко ответила она, продолжая злиться на себя за то, что не могла забыть вкус его поцелуя. — Только не пытайся меня убедить, что это наполняет тебя раскаянием.

— Но это действительно так, — спокойно возразил Зак. Джулия резко

отвернулась, чтобы не видеть его улыбки. Она не могла поверить в такую чудовищную ложь. Да и не желала этого. Перед ней был преступник, осужденный за убийство, и об этом нельзя было забывать ни на секунду.

— Я голодна, — объявила она только потому, что это были первые слова, которые взбрели ей в голову. И тут же поняла, что ничего более неудачного придумать не могла. Его пристальный взгляд сосредоточился на ее губах.

— Я тоже.

Гордо и независимо вздернув подбородок, Джулия включила зажигание.

На губах Зака заиграла легкая улыбка.

Глава 21

— Куда, черт побери, она могла надеваться? — Карл Мэтисон нервно расхаживал по небольшому кабинету Теда в китонском полицейском управлении. Наконец он остановился и сердито посмотрел на серебристый полицейский значок брата. — Ты же у нас, кажется, полицейский, а она — пропавший человек. Так сделай же что-нибудь, черт возьми.

— Ты же знаешь, что мы не можем объявить розыск раньше, чем через двадцать четыре часа ее отсутствия, — ответил Тед, но в его голубых глазах сквозила озабоченность и тревога. — До тех пор я ничего не могу сделать по официальным каналам.

— Но ведь тебе прекрасно известно, — сердито ответил Карл, — что Джулия не тот человек, который станет внезапно менять свои планы. Ты же знаешь, какая она пунктуальная. А даже если бы ей вдруг срочно понадобилось куда-то поехать или где-то задержаться, то она бы обязательно позвонила. Кроме того, она знает, что сегодня утром мне понадобится машина.

— Конечно, ты прав, — Тед подошел к окну. Положив руку на кобуру с десятимиллиметровым полуавтоматическим пистолетом, он невидящим взглядом смотрел на машины, припаркованные на городской площади. Их владельцы, очевидно, делали покупки в местных магазинах. После некоторого колебания Тед снова заговорил:

— Вчера из городской тюрьмы Амарилло бежал Захарий Бенедикт. Он был расконвоированным и удрал, после того как отвез своего начальника на совещание в город.

— Да, я уже слышал это в новостях. Ну и что?

— Бенедикта или по крайней мере человека, соответствующего его описанию, видели возле ресторана неподалеку от основной автострады.

Карл медленно отложил пресс-папье, которое вертел в руках, и внимательно посмотрел на младшего брата:

— Тед, на что ты намекаешь?

— Бенедикта видели рядом с машиной, которая по описанию сильно походит на твой «блейзер». Кассирше кажется, что она видела, как этот человек садился в машину вместе с девушкой, которая перед этим заказывала в ресторане сэндвичи и кофе. — Тед отвернулся от окна и посмотрел прямо в глаза брату. — Я разговаривал с этой кассиршей — неофициально, разумеется, — пять минут назад. Она описала мне девушку,

которая уехала вместе с Бенедиктом. Судя по описанию, это Джулия.

— О Боже!

Седая женщина среднего возраста, сидящая за конторкой, ухитрилась одновременно делать три дела — прислушиваться к разговору Мэтисонов, заполнять ордер на арест и наблюдать за приближающейся к зданию черно-белой патрульной машиной. Вдруг ее злобное бульдожье лицо оживилось, все внимание переключилось на сверкающий красный «БМВ», который выехал на площадь и остановился прямо перед окнами, рядом с автомобилем Теда. Из машины вышла красивая блондинка лет двадцати четырех. Ритины глаза сузились и превратились в две щелочки. Резко повернувшись на стуле, она обратилась к Мэтисонам:

— Одна беда идет и другую ведет, — загадочно сообщила она и, кивнув в сторону окна, пояснила:

— Вы только посмотрите, кто к нам пожаловал, — мисс Богачка собственной персоной.

Несмотря на все старания Теда сделать вид, что появление бывшей жены ему совершенно безразлично, и Карл, и Рита заметили, как посуровело его лицо.

— Наверное, в Европе в это время года становится скучно, — сказал он, окидывая презрительным взглядом безупречную фигуру блондинки и ее длинные стройные ноги.

Девушка вошла в швейную мастерскую, расположенную на другой стороне площади, и Рита добавила:

— Говорят, что свадебное платье ей будут шить Флосси и Ада Элдридж. Шелк, кружева и всякие другие мелочи доставят из Парижа, на самолете, но мисс Высокомерие захотела, чтобы шили именно близнецы Элдридж, потому что лучших беловшеек не сыскать по всей Америке.

Слишком поздно спохватившись, что Теду, может быть, не очень приятно выслушивать подробности о свадебном туалете своей бывшей жены, которая выходила замуж за другого, дама с бульдожьим лицом осеклась и вернулась к своим бумагам.

— Простите, — виновато сказала она, — это было очень глупо с моей стороны.

— Можете не извиняться, Рита. Меня теперь совершенно не интересует эта женщина, — ответил Тед.

И он действительно так думал. Новость о том, что Кэтрин Кахилл собирается вторично замуж за пятидесятилетнего Спенсера Хейурда, занимающего довольно видное общественное положение, оставила его совершенно равнодушным. Да она и не была для него сюрпризом. Он уже

читал о помолвке в газетах вместе с описанием реактивных самолетов Хейуорда, его двадцатидвухкомнатного особняка и слухами о дружбе с президентом. Это не вызвало в нем ни ревности, ни зависти.

— Поехали, поговорим с мамой и отцом, — сказал Тед, надевая куртку и направляясь к двери, — они знают, что Джулия не вернулась вчера вечером, и страшно волнуются. Кроме того, может быть, им известно о ее планах что-то такое, чего не знаем мы.

Когда они перешли на другую сторону площади, двери мастерской сестер Элдридж распахнулись, и на пороге показалась Кэтрин. Неожиданно оказавшись в паре шагов от своего бывшего мужа, она резко остановилась, но Тед всего лишь сухо кивнул ей, как обычно приветствуют почти незнакомых людей, и направился к патрульной машине.

Однако у Кэтрин, судя по всему, были совсем другие представления о том, как должны вести себя при встрече цивилизованные люди, если они впервые встречаются после развода. Упорно не замечая того, что ее игнорируют, Кэтрин сделала шаг вперед, и ее вежливый оклик остановил Теда, который уже собирался сесть в машину. Вежливо улыбнувшись Карлу, Кэтрин подошла почти вплотную к ним и снова обратилась к своему бывшему мужу:

— Тед, ты что, собираешься уехать, даже не поприветовавшись со мной?

— Совершенно верно. Именно это я и собирался сделать, — ответил Тед. Лицо его осталось абсолютно бесстрастным, но про себя он отметил какие-то новые, более мягкие и грустные нотки в ее голосе.

С распущенными по плечам длинными светлыми волосами, в красном шерстяном костюме, подчеркивающим тонкую талию, Кэтрин выглядела просто потрясающе. Она сделала еще шаг вперед и, протянув руку, сказала:

— Ты хорошо выглядишь... — На последнем слове она немного споткнулась, потому что Тед упорно игнорировал ее протянутую руку. Так и не дождавшись ответного жеста, Кэтрин повернулась к Карлу:

— Ты тоже хорошо выглядишь, Карл. Я слышала, что ты женился на Саре Уэйкфилд?

За ее спиной Ада Элдридж жадно прикинула к щели между пластинками жалюзи. А две главные сплетницы города, с бигуди в волосах, стояли у незашторенного окна косметического салона и, не таясь, наблюдали за разворачивающейся сценой. Терпение Теда лопнуло:

— Надеюсь, ты продемонстрировала весь набор хороших манер, которому тебя обучили на занятиях по этикету? Не делай из нас всеобщего посмешища.

Кэтрин метнула быстрый взгляд в сторону косметического салона, но

упорно продолжала, несмотря на то, что Тед намеренно и откровенно ставил ее в унизительное положение:

— Я слышала, что ты закончил юридический колледж. Тед повернулся к ней спиной и распахнул дверцу машины. Гордо вздернув подбородок, Кэтрин сообщила:

— Я выхожу замуж. За Спенсера Хейуорда. Мисс Ада и мисс Флосси шьют мое свадебное платье.

— Уверен, что они рады любому заказу, даже если он исходит от тебя, — отрезал Тед, забираясь в машину.

Кэтрин положила руку на дверцу, не давая ему закрыть ее.

— Ты изменился, — сказала она.

— Зато ты у нас не меняешься.

— Ну почему же?

— Кэтрин, — решительно оборвал разговор Тед, — мне абсолютно наплевать на то, изменилась ты или нет.

Захлопнув дверцу у нее перед носом, он завел машину и уехал. В зеркало заднего обзора он видел, как Кэтрин расправила плечи и с надменным достоинством, которым, как почти все богатые люди, обладала, казалось, от рождения, повернулась и с вызовом посмотрела на лица, маячившие за окном косметического салона.

В прежние времена Тед бы восхитился ее выдержкой. Но сейчас он не почувствовал ничего, даже ревности по поводу ее предстоящего замужества. Только сочувствие человеку, который на ней женится. Кэтрин никогда не была ему настоящей женой — испорченная, избалованная, инфантильная, эгоистичная и тщеславная девочка из богатой семьи.

Ее отцу принадлежали нефтяные скважины и скотоводческие фермы, но он предпочитал большую часть времени проводить в Китоне, где родился, добился успеха и высокого социального положения. Кэтрин с двенадцати лет постоянно пребывала во всевозможных частных школах. Тед впервые увидел ее, когда ей уже было девятнадцать и она приехала в Китон на летние каникулы, после того как закончила второй курс в каком-то шикарном колледже на Восточном побережье. Ее родители уехали на два месяца в Европу, оставив Кэтрин в Китоне в наказание за многочисленные прогулы, из-за которых она чуть не вылетела из колледжа. Крайне раздосадованная, она сделала одну из своих ребяческих выходок, к которым впоследствии пришлось привыкать и Теду. А именно — пригласила человек двадцать пять приятелей по колледжу провести каникулы в ее семейном особняке. Во время одной из их сумасшедших вечеринок слышались выстрелы, и кто-то вызвал полицию.

Приехав с напарником на вызов, чтобы выяснить причину беспокойства, Тед и встретился с Кэтрин. Она сама открыла дверь. Ее глаза были расширены от ужаса, а крохотное бикини практически не скрывало ни единого сантиметра загорелого молодого тела.

— Это я вам звонила, — выпалила она, показывая рукой куда-то в сторону стеклянных дверей, ведущих к бассейну и на террасу, с которой открывался вид на весь Китон. — Там мои друзья, но они немножко перебрали и начали баловаться папиными пистолетами. Я боюсь, что кого-нибудь поранят!

Стараясь не особенно явно пялиться на ее аппетитные округлости, Тед проследовал за ней по персидским коврам мимо великолепных образчиков французского антиквариата. Ее друзья расположились на террасе, некоторые из них были совершенно обнажены. Одурев от спиртного и, травки, одни резвились в бассейне, другие увлеченно палили по воробьям. Утомонить их оказалось проще простого. Стоило кому-то из купальщиков крикнуть: «О Господи, полицейские!» — как безудержное веселье тотчас же притихло. Купальщики начали вылезать из бассейна, а снайперы отложили в сторону свои пушки... за одним-единственным, очень неприятным исключением. Какой-то двадцатилетний юнец, обкурившийся марихуаны, решил поиграть в Рэмбо, избрав Теда в качестве противника. Когда дуло пистолета повернулось в сторону Теда, Кэтрин закричала, а второй полицейский потянулся за служебным оружием. Однако Тед сделал ему знак и спокойно заговорил:

— Мы здесь не для того, чтобы причинить вам неприятности, — попытался утихомирить он разбушевавшегося молодого человека. И, отчаянно импровизируя, добавил:

— Мы с напарником пришли на вашу вечеринку, чтобы развлечься. По приглашению Кэтрин. — Улыбнувшись, Тед повернулся к ней. — Скажи же ему, что ты пригласила нас, Кэйти.

Это изобретенное на ходу уменьшительное имя, судя по всему, спасло ему жизнь, потому что обладатель пистолета явно заколебался и опустил оружие. Кэтрин, которую никто никогда в жизни не называл уменьшительно-ласкательными именами, тем не менее охотно подыграла Теду. Прижавшись к нему, она одной рукой обняла его за талию и заговорила:

— Ну конечно же, Брендон! Это мои гости. Внимательный наблюдатель мог бы уловить в ее голосе легкую дрожь. Не говоря уже о том, что она не сводила глаз с пистолета, который ее одуревший гость по-прежнему держал в руке.

Продолжая игру, Тед, в свою очередь, обнял ее и нагнулся, чтобы что-то сказать. Но то ли Кэтрин действительно не поняла, чего он хочет, то ли сделала вид, но только она привстала на цыпочки и поцеловала его прямо в губы. От изумления рот Теда немного приоткрылся, а рука непроизвольно крепче сжала ее податливое тело, и вот она уже была полностью в его объятиях, горячо и страстно целуя его.

И в ответ на эту неожиданную пылкость Тед почувствовал, как его тело напряглось и в нем вспыхнуло дикое желание. На глазах у двух десятков обкурившихся и пьяненьких юнцов, не говоря уже о Брендоне с его пистолетом, он стоял и продолжал целовать Кэтрин.

— О'кей, о'кей. Теперь я вижу, что ты хороший парень, — радостно воскликнул Брендон. — Так почему бы нам еще немного не пострелять!

Тед наконец выпустил Кэтрин из своих объятий и стал неторопливо приближаться к молодому человеку. На лице его застыла неестественная улыбка.

— Так как, ты сказал, тебя зовут? — поинтересовался Брендон, когда Тед подошел почти вплотную.

— Полицейский Мэтисон, — гаркнул Тед, вырывая пистолет и защелкивая наручники на запястьях незадачливого стрелка. — А тебя?

— Брендон Барристер III, — послышался разъяренный ответ. — Мой отец — сенатор Барристер. — В этом месте голос высокопоставленного чада сорвался на фальцет. — Слышишь, Мэтисон, я предлагаю тебе небольшую сделку. Ты снимаешь с меня эти наручники, а я не рассказываю отцу, как ты сегодня с нами обошелся. Давай забудем это недоразумение раз и навсегда.

— А я тебе предлагаю другую сделку, — невозмутимо ответил Тед, разворачивая Брендона на 180 градусов и подталкивая к дому. — Ты мне говоришь, где прячешь травку, а я даю тебе прекрасную возможность провести спокойный вечерок в местной тюрьме и обещаю не возбуждать дела ни по одной из десятка статей, под которые ты попадаешь. И учти, что каждая из них может очень сильно огорчить твоего папу-сенатора.

— Брендон, — начала умолять его одна из девушек, видя, что он продолжает артачиться, — он не шутит. Он говорит всерьез. Послушай его.

Слегка успокоившись, Тед приказал:

— Это касается и всех остальных. Сходите в дом и принесите в гостиную всю травку и прочую дрянь, которая имеется. — Повернувшись к Кэтрин, которая продолжала рассматривать его со странной полуулыбкой, Тед добавил:

— Вас это тоже касается, мисс Кахилл.

Улыбка Кэтрин потеплела, хотя голос звучал немного застенчиво:

— Мне гораздо больше нравится Кэйти.

Лунный свет заливал это юное, непостижимое существо. Тед сопротивлялся как мог, убеждая себя, что она слишком молода, богата и избалованна для него. Однако бороться с обуревавшими его чувствами становилось все труднее.

Кэтрин Кахилл стала добиваться своей цели с непреклонной решимостью, унаследованной, очевидно, от предков-первопроходцев. Не обращая ни малейшего внимания на его показную холодность, она упорно преследовала его повсюду. Она «случайно» оказывалась у дверей полицейского управления, когда он направлялся домой; она приглашала его в гости; она приходила к нему на работу, чтобы посоветоваться, какую машину лучше купить; а собираясь на обед, он встречал Кэтрин за соседним столиком. Наконец, после трех недель этих бесплодных усилий, она отважилась на последний, кардинальный шаг. Удостоверившись, что Тед на дежурстве, она позвонила в участок около десяти вечера и заявила об ограблении.

Когда Тед приехал по вызову, Кэтрин, одетая в соблазнительно облегающее белое платье, встречала его в дверях с тарелкой чего-то непонятного в одной руке и смешанным для него коктейлем в другой. Тед понял, что ограбление было не чем иным, как детской хитростью, чтобы заманить его сюда, и его натянутые нервы не выдержали. Не улучшило настроения и то, что он не мог воспользоваться тем, что она ему предлагала, как бы сильно он этого ни хотел.

— Какого черта тебе нужно от меня, Кэтрин? — резко и грубо спросил он.

— Я хочу, чтобы ты зашел в дом, присел и попробовал тот замечательный ужин, который я приготовила для тебя. — С этими словами Кэтрин знаком пригласила его в комнату, посередине которой стоял накрытый стол. Хрусталь и серебро сверкали и искрились в неровном пламени свечей.

К своему великому ужасу, Тед почувствовал, что ему действительно очень хочется остаться. Ему хотелось сидеть напротив Кэтрин за этим столом, видеть ее лицо, пить вино, охлажденное в серебряном ведерке; хотелось есть очень медленно, наслаждаясь каждым кусочком, и знать, что на десерт у него будет Кэтрин Кахилл. Ему так нестерпимо хотелось заключить ее в объятия, что мысль о невозможности этого была невыносимо мучительна. Тед заговорил с нарочитой, подчеркнутой грубостью, сознательно ударяя по самому больному месту Кэтрин — ее

юности:

— Прекрати вести себя как капризный, испорченный ребенок! — резко сказал он, стараясь не обращать внимания на какое-то странное, щемящее чувство, появившееся в груди, когда она резко отшатнулась назад, как будто ее ударили. — Я не знаю, чего ты от меня хочешь и чего надеешься этим добиться, но одно мне известно совершенно точно — ты напрасно тратишь свое и мое время.

Его грубая отповедь явно смутила Кэтрин, но она не отвела взгляда. Тед невольно восхищался ее самообладанием и достоинством, с которым она отреагировала на его беспощадно резкие слова.

— Я влюбилась в тебя в первый же вечер, когда ты приехал по моему вызову, — невозмутимо сообщила она.

— Брехня! Люди не влюбляются за несколько минут! Шокированная нарочитой вульгарностью его выражений, Кэтрин все-таки сумела сохранить улыбку и настойчиво продолжала:

— И когда ты поцеловал меня, ты тоже что-то почувствовал... Что-то очень сильное, необычное и...

— То, что я почувствовал, называется одним простым словом — похоть, — перебил ее Тед. — А поэтому выкинь из головы свои девические фантазии и прекрати преследовать меня. Надеюсь, я достаточно ясно выразился? Или мне уточнить?

— Нет, — прошептала Кэтрин, покачав головой. Судя по всему, она решила отступить. — Не нужно уточнять. Все и так ясно.

Тед кивнул ей на прощание и собрался уходить, но она остановила его:

— Судя по тому, что ты сказал, я так понимаю, что это наша последняя встреча?

— Да, последняя, — коротко подтвердил Тед.

— Поцелуй меня на прощание, и тогда я поверю, что ты говорил правду. Обещаю, что больше не буду докучать тебе.

— Господи, это еще зачем? — раздраженно воскликнул Тед, но уступил ее требованиям. Или, точнее, своему собственному желанию. Притянув Кэтрин к себе, он нарочито грубо поцеловал ее в нежные губы, чувствуя, что причиняет боль. Но еще большее было какой-то части его существа, которая корчилась в бессильном протесте против того, что он сейчас делал. Только окончательно оттолкнув Кэтрин, Тед наконец начал понимать, чего он лишался.

Поднеся руку к кровоточащим губам, она с горьким упреком посмотрела на него и сказала:

— Лжец!

После этого дверь захлопнулась у него за спиной.

В течение следующих двух недель Тед постоянно ловил себя на том, что повсюду высматривает Кэтрин. Он все время думал о ней — дома, в патрульной машине, разбирая бумаги в своем кабинете. И после того как ему ни разу не удалось увидеть ни ее саму, ни ее белую «корветту», он почувствовал себя... обманутым. Опустошенным. Наконец он решил, что ей просто наскучил Китон и она отправилась куда-нибудь, куда обычно в летнее время отправляются богатые скучающие барышни. И только на третью неделю Тед понял, насколько одержим мыслями о ней.

В тот день в нескольких милях от дома Кахиллов был замечен какой-то подозрительный человек. Пытаясь убедить себя, что выполняет свои прямые обязанности, Тед подъехал к дому, который стоял на таком высоком и крутом холме, что ни один грабитель, будучи в здравом уме, на него бы не полез. В одном из окон горел свет, и Тед, выбравшись из машины, пошел к дому... медленно, неуверенно, как будто его ноги понимали то, что мозг продолжал упорно отрицать — его приезд сюда, может иметь далеко идущие и, возможно, непоправимые последствия.

Протянув руку к звонку, Тед вдруг резко отдернул ее. Это же настоящее безумие, продолжал убеждать он себя, разворачиваясь, чтобы уходить. Но внезапно парадная дверь распахнулась настежь, и на пороге показалась Кэтрин. Даже в простых белых шортах и розовой маечке она была настолько хороша, что Тед почувствовал легкое головокружение. Но сегодня Кэтрин была совсем другой — серьезной и сосредоточенной. Когда она заговорила, в ее голосе не было и намека на прежние кокетливые интонации:

— Что вам угодно, господин полицейский? Озадаченный и сбитый с толку этой новой, внезапно повзрослевшей Кэтрин, Тед почувствовал себя полным идиотом.

— Неподалеку отсюда было совершено ограбление, — лицемерно начал он, — и я просто заехал проверить...

Тед увидел, что дверь вот-вот захлопнется перед его носом, и, к своему великому изумлению, услышал собственный голос, который говорил:

— Кэтрин! Пожалуйста...

Когда дверь снова открылась, Тед увидел, что выражение ее лица немного смягчилось.

— Так что тебе все-таки нужно? — повторила она, немного склонив голову набок и пристально глядя ему в глаза.

— Господи! Я не знаю...

— Знаешь. Более того, — насмешливо продолжала Кэтрин, — я

никогда бы не подумала, что сын преподобного Мэтисона способен настолько неуклюже лгать насчет своих истинных чувств, ругаться и поминать имя Господа всуе.

— Так, значит, вот в чем дело? — вспыхнул Тед и, как утопающий, хватаящийся за соломинку, предпринял последнюю отчаянную попытку избежать неизбежного. — Значит, тебе просто захотелось переспать с сыном священника? Чтобы узнать, каков он в постели?

— А разве кто-то говорил о постели, господин полицейский?

— Теперь я понял, — насмешливо продолжал Тед, ухватившись за ее последние слова. — Ты помешалась на полицейских. Насмотрелась фильмов с Брюсом Уиллисом и решила проверить, правда ли то, что в постели...

— Опять постель? Неужели это единственное, о чем ты способен думать?

Окончательно запутавшись и злясь на самого себя, Тед засунул руки в карманы и свирепо спросил:

— Если ты думаешь не о сексе, то, может быть, поделишься со мной, о чем же, черт побери? Тогда мы могли бы подумать вместе.

Кэтрин шагнула ему навстречу, и Тед, схватив ее за руки, жадно привлек к себе. Несомненно, она владела собой гораздо лучше, чем он. И когда она заговорила, голос звучал ровно и спокойно:

— Я думала о браке. И, пожалуйста, не нужно ругаться.

— О браке?! — взорвался Тед.

— Кажется, тебя это шокирует, дорогой?

— Ты сошла с ума.

— Да, из-за тебя, — охотно согласилась она и, встав на цыпочки, обвила его шею. Тед почувствовал, что полностью теряет контроль над собой. — У тебя есть возможность извиниться за ту боль, которую ты причинил мне, целуя в последний раз, — продолжал нежный голос. — Тогда мне это совсем не понравилось.

Окончательно переставая отдавать себе отчет в собственных действиях, Тед коснулся ее мягких, податливых губ. Кэтрин застонала, и все окружающее просто перестало существовать. Его руки жадно гладили нежное, послушное каждому прикосновению тело, которое, казалось, было специально создано для него. Прошла целая вечность, прежде чем он наконец смог оторваться от ее губ и заговорить, но голос был хриплым от желания, а руки ни за что не хотели разжать объятия.

— Мы оба сошли с ума.

— Друг из-за друга, — снова согласилась она и добавила:

— Мне кажется, что сентябрь — идеальное время для свадеб, а тебе?

— Нет.

Кэтрин запрокинула голову и пристально посмотрела ему в глаза.

— Мне кажется, что август гораздо лучше, — услышал Тед собственный голос.

— Мы могли бы пожениться и в августе, сразу после моего двадцатилетия, но будет слишком жарко.

— Эта жара — ничто по сравнению с тем, что испытываю сейчас я.

Кэтрин попыталась строго посмотреть на него, но вместо этого рассмеялась и с притворным возмущением сказала:

— Мне, право, странно слышать такие слова от сына священника.

— Я самый обычный человек, Кэтрин, — возразил Тед, хотя совсем не желал, чтобы она так думала. Ему хотелось быть для нее единственным, исключительным — сильным, нежным, ласковым и мудрым. И тем не менее он понимал, что ей понадобится время для того, чтобы до конца понять, что он из себя представляет на самом деле. — И пожениться в сентябре было бы тоже совсем неплохо.

— Хотя и не так уж и хорошо, если подумать, — возразила она и насмешливо добавила:

— Я хочу сказать, что раз твой отец — священник, то он наверняка настаит на том, чтобы мы не делали этого до свадьбы.

— Чего? — невинно поинтересовался Тед, делая вид, что ничего не понимает.

— Не занимались любовью.

— Но ведь я-то не священник.

— Тогда люби меня прямо сейчас.

— Не так быстро! — Несмотря на всю неординарность ситуации (учитывая, что час назад он и не помышлял ни о какой свадьбе), Тед понимал, что им совершенно необходимо оговорить кое-какие очень важные вещи.. — Учти, что я не собираюсь брать ни цента из денег твоего отца. Если ты выйдешь за меня замуж, то станешь женой простого полицейского. По крайней мере до тех пор, пока я не получу ученую степень по юриспруденции.

— Я согласна.

— Кроме того, твои родители отнюдь не будут в восторге от нашего брака.

— Я уговорю их, вот увидишь. И это были не пустые слова. Вскоре Тед имел возможность убедиться, что в том, что касалось умения «уговаривать», Кэтрин не было равных. Все, включая и ее родителей, рано

или поздно уступали мощному волевому натиску. Все, кроме Теда. За первые шесть месяцев брака он так и не смог, да и не захотел приспособиться к жизни в доме, который никогда не убирался, и к питанию, состоящему исключительно из консервов. Но главная сложность заключалась в том, что он упорно отказывался идти на поводу изменчивого настроения своей жены и потакать ее сумасбродным прихотям.

Кэтрин упорно не хотела быть женой в полном смысле этого слова и не имела ни малейшего желания стать матерью. Когда через два года после свадьбы она все-таки забеременела, то не на шутку расстроилась и откровенно радовалась тому, что у нее случился выкидыш. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Теда, и он наконец решился на развод, которым она угрожала ему по всякому поводу и без повода.

Голос Карла вывел Теда из задумчивости:

— Думаю, что пока не стоит говорить родителям о Бенедикте. Если Джулии действительно угрожает опасность, то чем позже они узнают об этом, тем лучше.

— Ты прав, — согласился Тед.

Глава 22

— А я говорю, что мы заблудились! Что это за медвежий угол? Неужели ты думаешь, что кому-то могло прийти в голову построить здесь дом? — нервничала Джулия, напряженно всматриваясь в окружающий ландшафт, частично скрытый снежной пеленой. Они давно свернули с автострады и теперь ехали в гору по узенькой грунтовой дороге, изобилующей такими крутыми поворотами, что даже летом она бы сто раз подумала, прежде чем решиться на такой подъем. А сейчас, когда колеса скользили по обледеневшей земле и из-за снега невозможно было ничего разглядеть в радиусе нескольких метров, это было просто самоубийством. Казалось, что хуже быть не может. Но стоило Джулии об этом подумать, как они свернули на извилистую дорожку, настолько узкую, что мохнатые лапы сосен касались машины с обеих сторон, неохотно пропуская ее вперед.

— Я знаю, что ты очень устала, — сказал ее пассажир, — если бы я мог быть до конца уверенным в том, что ты не попытаешься выскочить из машины на ходу, то обязательно сменил бы тебя за рулем.

Хотя со времени их поцелуя прошло почти двенадцать часов, он продолжал обращаться с ней с пугающей галантностью, и Джулия все больше убеждалась в том, что его планы несколько изменились. По крайней мере в том, что касалось ее. Напуганная неожиданными мыслями, чувствами и ощущениями, Джулия окончательно ошетинилась, вследствие чего чувствовала себя последней хамкой и грубиянкой. Правда, и в этом она продолжала обвинять только Зака.

Проигнорировав его последнюю реплику, она зябко поежилась:

— Судя по карте и письменным указаниям, мы едем правильно, но там ничего не было сказано по поводу того, что нам придется взбираться на почти отвесную гору! Это же всего лишь машина, а не самолет или вездеход!

Зак протянул ей какой-то напиток, который они купили на очередной заправочной станции, где, как и в прошлый раз, он заботливо проводил ее до самого туалета. Как и тогда, он не позволил ей запереть дверь, а после того, как она вышла, убедился в том, что в крохотном помещении не осталось никакого послания, сообщающего о ее похищении. Взяв напиток, Джулия решила больше ничего не говорить. В любой другой ситуации она бы вряд ли смогла удержаться от восторгов по поводу окружающей их

великолепной природы, но при сложившихся обстоятельствах они были просто неуместны. Сейчас главное заставить машину, несмотря на усиливающуюся метель, двигаться в нужном направлении. Когда двадцать минут назад они наконец-то свернули на более-менее приличную дорогу, Джулия поняла, что долгожданная цель их путешествия близка.

— Надеюсь, что люди, которые снабдили тебя этой картой, знали, что делают, — сказала она.

— В самом деле? — раздался в ответ насмешливый голос. — А я-то думал, что ты надеешься на то, что мы заблудились.

Зак откровенно забавлялся, и это окончательно рассердило Джулию.

— Я бы отнюдь не возражала против того, чтобы ты заблудился, но не имею ни малейшего желания заблудиться вместе с тобой! Уже двадцать четыре часа я еду по каким-то совершенно невозможным дорогам! Я устала и... — Она осеклась, не на шутку перепугавшись при виде хлипкого деревянного мостика, через который им предстояло переехать. Два дня назад была оттепель, и то, что раньше было маленьким ручейком, превратилось в довольно бурную речку. — Ты уверен, что по нему можно переправиться? Вода в речке сильно поднялась и...

— Боюсь, что у нас нет выбора. — В голосе Зака сквозила тревога, и Джулия почувствовала, как ею овладевает панический страх. Решительно затормозив, она заявила:

— Я ни за что не поеду через этот проклятый мостик. Зак понимал, что зашел слишком далеко, чтобы идти на попятную. Кроме того, ехать обратно по заснеженному серпантину было еще опаснее, чем продолжать продвигаться вперед. Тем более что подъезды к дому явно недавно расчищали. Может быть, даже сегодня утром. Как будто Мэтт Фаррел догадался, зачем Заку понадобилось подробное описание дороги к горному домику, и принял все меры для того, чтобы облегчить ему проезд. Хотя, несомненно, мостик выглядел более чем подозрительно. По разбухшей речушке проплывали вырванные с корнем деревья, и вполне возможно, что они расшатали и без того не очень надежную конструкцию.

— Вылезай! — внезапно приказал Зак.

— Вылезать? Да я замерзну через пару часов! Или это входило в твои планы? Заставить меня довезти тебя почти до цели, а потом оставить умирать в сугробах?

Эти слова сделали то, что не удавалось всем ее бесконечным язвительным замечаниям, — они наконец вывели Зака из состояния равновесия. С плохо скрываемой яростью ледяным голосом он приказал:

— Вылезай из машины! — И добавил:

— Я переведу машину через речку. Если мостик выдержит, то ты перейдешь пешком и присоединишься ко мне на противоположной стороне.

Джулия не стала дожидаться повторного приглашения. Одернув свитер, она выбралась наружу, но вместо долгожданного облегчения испытала какое-то совершенно непонятное и нелепое в сложившейся ситуации чувство — ей стало стыдно за собственную трусость, и она не на шутку беспокоилась за Бенедикта.

— Если мост не выдержит, постарайся найти брод — сказал он, протягивая ей пальто и два пледа. — На этой горе находится дом, в котором есть телефон, еда и все необходимое. Ты сможешь там переждать пургу и позвать на помощь.

Спокойствие, с которым он произнес «если мост не выдержит», потрясло Джулию. Она поняла, что Захарий Бенедикт ни в грош не ставит собственную жизнь. Ведь если мост рухнет, то он вместе с тяжелой машиной уйдет на дно без малейшей надежды на спасение. Придержав дверцу, она сказала:

— Если что-то подобное случится, то я брошу тебе веревку или какую-нибудь ветку, чтобы помочь выбраться.

Дверь захлопнулась и, судорожно прижав к груди пледы и пальто, Джулия наблюдала за тем, как, немного пробуксовав, «блейзер» двинулся вперед. Затаив дыхание и бормоча какие-то бессвязные молитвы, она шла следом. Бросив испуганный взгляд на бурные свинцовые воды речушки, Джулия попыталась определить ее глубину. Но когда почти трехметровая жердь вырвалась у нее из рук, не достигнув дна, страх перерос в панический ужас.

— погоди! — закричала она, пытаясь заглушить вой ветра. — Мы же можем оставить машину на этом берегу и пойти дальше пешком!

Но если он и услышал ее призыв, то не обратил на него ни малейшего внимания. Натужно ревя мотором, машина продолжала продвигаться вперед. Мост угрожающе заскрипел, и Джулия отчаянно закричала:

— Не нужно! Остановись! Мост не выдержит! Вылезай! Немедленно вылезай из машины...

Но было слишком поздно. Рассекая бампером снег и периодически забуксовывая, «блейзер» уже медленно полз по деревянному настилу. Мощная маневренная машина делала свое дело.

Прижав пледы к груди и не замечая бушующей вокруг метели, Джулия затаив дыхание стояла и наблюдала за тем, чего не могла предотвратить, как никогда чувствуя собственную беспомощность.

Лишь после того, как машина вместе со своим безумным водителем коснулась противоположного берега, она смогла восстановить дыхание. И тотчас же ею овладел новый приступ ярости. Этому человеку снова удалось до смерти напугать ее! Поэтому, когда Джулия благополучно перешла на другой берег и забралась в машину, от ее прежнего настроения не осталось и следа.

— Кажется, удалось, — сказал Зак.

— Ну и что теперь? — ехидно поинтересовалась она, метнув на него убийственный взгляд.

Ответ на свой вопрос Джулия получила несколько минут спустя, после того как они миновали очередной поворот. На обширной поляне, окруженной величественными соснами, стоял великолепный дом, построенный из камня и натурального кедра, с обширными застекленными террасами.

Джулия не смогла сдержать удивленного возгласа:

— Но кто же мог построить здесь это великолепие? Какой-то отшельник-миллионер?

— Человек, который, судя по всему, высоко ценит свое уединение.

— Твой родственник? — подозрительно спросила Джулия.

— Нет.

— А владелец этого дома знает, что ты собираешься использовать его как укрытие?

— Ты задаешь слишком много вопросов, — сказал Зак, подъезжая к дому и вылезая из машины. — Но на последний я могу тебе ответить — нет, не знает. — Открыв дверцу с ее стороны, он протянул руку:

— Выходи.

— Это еще зачем? — вспылила Джулия и глубже вжалась в сиденье. — Ты же обещал, что, как только мы доберемся до места, я смогу быть свободной.

— Я солгал.

— Ты... ты мерзавец! Я ведь поверила тебе! — выкрикнула она, в глубине души понимая, что лукавит. Весь день она пыталась отогнать от себя мысль, которую ей подсказывал элементарный здравый смысл, — он собирается удерживать ее при себе как можно дольше. Потому что чем раньше она окажется на свободе, тем быстрее власти узнают о его укрытии. И не в интересах Бенедикта допускать это..

— Джулия, — терпеливо ответил Зак, — не стоит усложнять и без того сложную ситуацию. Тебе придется провести здесь несколько дней. И поверь, это не самое плохое место на земле. — С этими словами он

выдернул ключи зажигания и направился к дому. Несколько секунд Джулия сидела неподвижно, глотая слезы бессилия, ярости и жалости к самой себе, но потом все же выбралась из машины и направилась следом за ним. Дрожа от холода под ледяными порывами ветра, она пробиралась через сугробы, стараясь попадать в глубокие следы, оставленные Бенедиктом.

Массивная входная дверь была заперта. Зак надавил на ручку посильнее. Дверь не поддавалась.

— Н-ну и чт-т-то теперь? — спросила Джулия, чувствуя, как ее зубы начинают стучать. — Чт-то т-ты с-собн-раешься д-делать?

Насмешливо взглянув на нее, он ответил вопросом на вопрос:

— А ты как думаешь?

И, не дожидаясь ответа, направился к террасе. Джулия, как собачка, трусила следом — промерзшая и сердитая.

— Ты, наверное, собираешься разбить окно? — с отвращением предположила она, глядя на гигантские окна, уходящие вверх как минимум на восемь метров. — Но если ты это сделаешь, то осколки разрежут тебя на части.

— Я бы на твоём месте не очень на это рассчитывал, — не остался в долгу Зак, задумчиво рассматривая несколько больших сугробов, явно что-то скрывающих. Наконец раскопав один из них, он извлек большой цветочный горшок и вместе с ним направился к задней двери.

— А что ты теперь собираешься делать?

— Угадай.

— Откуда мне знать, — огрызнулась Джулия. — Ты же преступник, а не я.

— Совершенно верно, но ты забываешь, что меня осудили за убийство, а не за кражу со взломом.

Джулия изумленно наблюдала за тем, как он роет руками смерзшуюся землю. Наконец, оставив тщетные попытки, он разбил горшок о стену и, присев на корточки, начал шарить среди обломков.

— Ты что, таким образом обычно срываешь плохое настроение? — по-прежнему ничего не понимая, ехидно поинтересовалась она.

— Нет, мисс Мэтисон, — в тон ей ответил Зак, растирая между руками очередной комок земли, — я ищу ключ.

— Ни один нормальный человек, который может себе позволить построить такой дом и проложить к нему дорогу от самого подножия горы, не станет прятать ключ в цветочный горшок! Ты напрасно тратишь время.

— А ты всегда такая зануда? — раздраженно спросил Зак, не прекращая поисков.

— Зануда?! — Джулия задохнулась от возмущения. — Сначала ты крадешь мою машину, делаешь меня заложницей, угрожаешь убить, лжешь на каждом шагу, а потом еще набираешься наглости критиковать мой характер?

Ее гневная тирада была прервана. Зак наконец извлек из очередного комка матово блеснувший предмет, в котором Джулия сразу угадала ключ. Открыв замок, он с преувеличенной любезностью распахнул перед ней дверь и склонился в шутливом поклоне:

— По-моему, мы уже оба согласились с тем, что по отношению к тебе я нарушил все правила этикета, какие только возможно, так что не стоит развивать эту тему. Почему бы тебе вместо этого не войти в дом и немного не осмотреться? А я пока достану из машины наши вещи. Попытайся расслабиться, — добавил он, — отдыхай. Наслаждайся пейзажем. Представь себе, что ты в отпуске.

Ответом ему был очередной свирепый взгляд:

— В отпуске?! Я — заложница, и не надейся, что хоть на минуту забуду об этом!

Проигнорировав гримасу безмерного страдания на лице Зака, Джулия гордо вскинула голову и вошла в дом.

Кажущаяся простота, с которой был обставлен этот горный приют, стоила его владельцу целого состояния. Из огромной центральной комнаты, имеющей форму шестиугольника, три двери выходили в спальни. Высоченный деревянный свод поддерживали балки из грубо отесанного кедра, винтовая лестница вела на антресоль, заставленную книжными шкафами. Через четыре застекленные стены открывался потрясающий вид на горы. Джулия невольно подумала о том, как прекрасно здесь должно быть в ясный, солнечный день.

Напротив окон, перед огромным камином, стояли длинный диван, обитый серебристой кожей, два кресла и оттоманка. Обивка мебели чудесно гармонировала с диванными подушками и резьбой, украшающей камин. Толстый пушистый ковер покрывал паркетный пол, а завершал общую картину большой письменный стол в углу комнаты. В другое время Джулия была бы очарована и заинтригована этим удивительным и необыкновенно красивым домом, подобного которому никогда в своей жизни не видела. Но сейчас она была настолько расстроена и голодна, что только мельком оглядела все это великолепие и отправилась на кухню.

Оборудованная по последнему слову моды и техники, кухня тянулась вдоль задней стены дома и отделялась от гостиной высокой стойкой, вдоль которой стояло шесть высоких кожаных табуретов. Однако внимание

Джулии помимо ее воли приковалось к громадному холодильнику, отделанному дубом. Желудок недовольно заурчал. Она воровато открыла один из шкафчиков и, к своей великой радости, обнаружила целый склад консервов. Решив поскорее сделать себе бутерброд и отправиться в постель, Джулия робко потянулась за банкой тунца, но в это время открылась дверь черного хода и вошел Зак.

— Могу ли я надеяться, — спросил он, отряхиваясь от снега, — что, ко всему прочему, имею дело с хорошей хозяйкой?

— Ты хочешь спросить, умею ли я готовить?

— Совершенно верно.

— Не для тебя. — С этими словами Джулия поставила банку обратно и захлопнула дверцу шкафчика. Желудок возмущенно заурчал.

— Господи, надо же быть такой упрямой! — Потирая озябшие руки, Зак подошел к термостату и включил его на полную мощность, затем направился к холодильнику и открыл морозильную камеру. Украдкой заглянув через его плечо, Джулия увидела горы бифштексов и свиных отбивных, гигантские ростбифы, какие-то непонятные пакеты и многочисленные коробки с овощами. Судя по всему, таким ассортиментом остался бы доволен любой гурман. Когда Зак потянулся за бифштексом толщиной в добрых два пальца, Джулия почувствовала, что у нее началось обильное слюновыделение. Но усталость все-таки оказалась сильнее. Изматывающая дорога и страшное нервное напряжение сделали свое дело. Оказавшись наконец в теплом доме, она поняла, что горячий душ и хороший крепкий сон ей необходимы гораздо больше, чем еда.

— Я очень хочу спать, — устало сказала она, даже не пытаясь больше казаться спокойной и уверенной в себе. — Пожалуйста, где я могу лечь?

Взглянув на ее бледное лицо и усталые глаза, . Зак понял, что она действительно держится из последних сил.

— Спальни там, — кивнул он и двинулся вперед, указывая дорогу.

Огромная спальня с камином и прилегающей ванной из черного мрамора поразила Джулию. Рядом с необъятной кроватью на ночном столике стоял телефон. К сожалению, Зак заметил это «излишество» одновременно с ней.

— Здесь есть ванная, — зачем-то сообщил он совершенно очевидный факт и, подойдя к ночному столику, быстро отсоединил телефон и засунул его под мышку.

— Но зато нет телефона, — горько добавила Джулия и пошла обратно в гостиную за своей дорожной сумкой.

Зак проверил замки на дверях ванной и спальни и только после этого

последовал за ней.

— Послушай, — сказал он, схватив ее за руку, когда она нагнулась за сумкой, — перед тем как ты пойдешь спать, мы должны уточнить кое-что. Сначала еще раз напоминаю тебе — мы находимся в совершенно уединенном доме. На многие километры вокруг он — единственный. Ключи от машины у меня, а поэтому если тебе вздумается отсюда убежать, то только пешком. Боюсь, что если ты все-таки на это решишься, то замерзнешь в каком-нибудь сугробе задолго до того, как доберешься до шоссе. На дверях спальни и ванной комнаты стоят одни из этих маленьких смешных замков, которые легко открываются любой булавкой, а потому я не советую тебе пытаться забаррикадироваться изнутри. Это не приведет ни к чему, кроме совершенно ненужных осложнений. Ты только даром потратишь время. Надеюсь, это понятно?

Джулия безуспешно пыталась вырвать руку, но Зак держал крепко.

— Я не совсем полная идиотка.

— Вот и прекрасно. А значит, ты понимаешь, что совершенно свободно можешь передвигаться по дому...

— Передвигаться? Как хорошо вышколенная легавая?

— Не совсем, — улыбнулся Зак, окинув взглядом гриву вьющихся каштановых волос и изящную, подвижную фигуру. — Скорее как норовистый ирландский сеттер.

Джулия открыла было рот, чтобы сказать очередную колкость, но все слова почему-то вылетели из головы, и вместо этого она с трудом подавила зевок.

Глава 23

Ее глубокий сон был прерван просачивающимся с кухни аппетитным ароматом жарящегося бифштекса. Спросонья Джулия не сразу поняла, где находится. Эта кровать казалась слишком необъятной для того, чтобы быть ее собственной. Незнакомая комната освещалась только узеньким лучиком лунного света, проникающим сквозь неплотно задернутые занавеси. Огромная комната. Лунный свет. На несколько счастливых секунд Джулии показалось, что она каким-то образом оказалась в шикарной, незнакомой гостинице.

Электронные часы на ночном столике показывали 8 20 вечера. В комнате было довольно холодно. Так холодно не бывает ни во Флориде, ни в Калифорнии, а значит, она не в отпуске. Да и в гостиничных номерах никогда не пахнет готовящейся едой. Значит, она не в гостинице... И в соседней комнате кто-то был.

Тяжелые мужские шаги...

Действительность обрушилась на нее внезапно, заставив быстро сесть в кровати и отбросить одеяло. Содержание адреналина в крови резко подскочило. Она еще не окончательно проснулась, а мозг уже бешено работал, продумывая возможные варианты побега. Но стоило ей сделать несколько шагов к окну, как холод вернул ее к действительности. Дрожа в длинной мужской майке, которую она натянула на себя после душа, Джулия вспоминала сказанные ей недавно слова: «Это совершенно уединенный дом... Ключи от машины у меня... Ты замерзнешь в каком-нибудь сугробе задолго до того, как доберешься до шоссе... Замки легко открываются любой булавкой... Ты можешь свободно передвигаться по дому...»

— Расслабься, — сказала она самой себе, но теперь, отдохнувшая и посвежевшая, она снова и снова продумывала возможные варианты побега. К сожалению, все они были абсолютно нереальны. Кроме того, она умирала от голода, а значит, прежде всего необходимо было поесть.

Достав из сумки джинсы, в которых она ехала в Амарилло, Джулия натянула их на себя и, обнаружив, что вся постиранная после душа одежда еще не высохла, открыла платяной шкаф. На полках стопками лежали аккуратно свернутые мужские свитера. Остановив свой выбор на объемистом кремового цвета джемпере, Джулия приложила его к себе и увидела, что он доходил ей почти до колен. Ну и что? В конце концов, ей не для кого здесь наряжаться, а толстый свитер скроет отсутствие лифчика.

Наклонившись вперед, она начала расчесывать вымытые волосы снизу, как привыкла делать всегда, и почему-то это знакомое, рутинное действие странно успокоило ее. Она откинула волосы назад и слегка пригладила их сверху щеткой. Потянувшись за помадой, в последний момент передумала и решила обойтись без косметики. Прихорашиваться для беглого преступника было не только совершенно излишне, но и, учитывая сегодняшний предрассветный поцелуй в снегу, небезопасно.

Этот поцелуй...

Казалось, что с тех пор прошло не несколько часов, а несколько недель, и теперь, когда Джулия выпалась, отдохнула и вновь обрела способность мыслить здраво, она почувствовала почти абсолютную уверенность в том, что интересуется Захария Бенедикта только с точки зрения его собственной безопасности. Не как женщина.

Нет, совершенно точно, не как женщина.

Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она не интересовала его как женщина!

Придирчиво осмотрев себя в зеркало, она окончательно успокоилась. Будучи всегда слишком занятой, чтобы уделять много внимания собственной персоне, Джулия относилась к своей внешности весьма критично. Ей казалось, что черты ее лица совершенно лишены гармонии. Слишком большие глаза, слишком высокие скулы, да еще эта дурацкая ямочка на подбородке... Но в данный момент она осталась полностью удовлетворенной увиденным в зеркале. В джинсах и огромном свитере, совершенно ненакрашенная, с неуложенными волосами, она вряд ли покажется желанной кому бы то ни было, не говоря уже о мужчине, который переспал с сотнями обольстительных и знаменитых красавиц. Теперь Джулия могла быть точно уверена в том, что не возбудит в нем никакого сексуального интереса.

Сделав глубокий вдох, она решительно взялась за дверную ручку. Дверь была открыта. Хотя она совершенно точно помнила, что запирала ее перед тем, как лечь спать.

Джулия смело шагнула вперед и на мгновение замерла, очарованная открывшейся картиной. В камине пылал яркий огонь, и его отсветы плясали на окнах и деревянных балках, поддерживавших высокий потолок. На кофейном столике горели свечи, отражаясь в хрустальных бокалах, рядом с которыми лежали белоснежные полотняные салфетки. Бокалы, свечи, полумрак, негромкая музыка — прекрасный антураж сцены обольщения... Джулия сразу решила круто изменить настрой. Направившись напрямик к Бенедикту, который возился с жаровней и

потому стоял к ней спиной, Джулия оживленно и по-деловому заинтересовалась:

— Мы что, ждем кого-то в гости?

Обернувшись, он неторопливо оглядел ее с головы до пят, и что-то в его ленивой улыбке заставило Джулию насторожиться. У нее возникло совершенно невероятное чувство, что ему понравилось увиденное. Чувство, которое тут же получило подтверждение. Взяв свой бокал, он приподнял его, как будто собираясь произнести тост в ее честь, и сказал:

— Каким-то образом даже в этом бесформенном свитере ты выглядишь совершенно восхитительно.

Слишком поздно сообразив, что после пяти лет вынужденного воздержания в тюрьме любая женщина покажется прелестной, Джулия осторожно отступила назад.

— Меньше всего на свете мне бы хотелось выглядеть восхитительной для тебя. Наверное, мне лучше переодеться в свою одежду, даже если она не совсем чистая. — С этими словами она повернулась и направилась обратно в спальню.

— Джулия! — почти грубо окликнул ее Зак. От его благодушных интонаций не осталось и следа.

Напуганная резкой сменой его настроений, Джулия послушно обернулась, но продолжала осторожно пятиться назад.

— Выпей немного, — приказал Зак, протягивая ей изящный бокал на длинной ножке, наполненный вином. Второй бокал он держал в другой руке. — Выпей, черт бы тебя побрал! — повысил он голос. Но тотчас же, спохватившись, добавил уже гораздо мягче:

— Это поможет тебе расслабиться.

— А чего ради я должна расслабляться? — продолжала упорствовать Джулия.

Несмотря на упрямо вздернутый подбородок и вызывающий тон, в ее слегка дрогнувшем голосе Зак различил нотки страха, и тотчас же его гнев и раздражение куда-то испарились. За последние двадцать четыре часа их противостояния Джулия проявила такое незаурядное мужество, такую несокрушимую силу духа, что он поневоле начал верить в то, что его не очень-то и боятся. Но теперь, повнимательнее взглядевшись в ее лицо, Зак заметил и синеватые круги под глазами, и чрезмерную бледность. Только теперь он до конца осознал, через какие испытания ей пришлось пройти по его милости. И еще он подумал о том, что перед ним совершенно потрясающая девушка. Такое сочетание доброты, мужества и силы воли поистине уникально. Наверное, именно потому, что он испытывал к ней

симпатию... искреннюю симпатию... ему было особенно неприятно, что она продолжает воспринимать его как диковинное и опасное животное. У него возникло сильное желание погладить ее по щеке, немного успокоить, но он благоразумно подавил его. Единственное, чего бы он этим добился, это снова перепугал ее до смерти. Не стал он и извиняться перед ней. Это прозвучало бы по крайней мере лицемерно. И Зак сделал то, чего поклялся себе никогда, не делать. Он захотел убедить ее в своей невиновности.

— Я только что попросил тебя расслабиться... — начал было он, но Джулия решительно перебила его:

— Ты приказал расслабиться, а не попросил. Услышав этот чопорный упрек, Зак невольно улыбнулся:

— Пусть будет так. А теперь я прошу тебя об этом. Окончательно сбитая с толку непонятной нежностью, прозвучавшей в его голосе, Джулия растерянно отпила глоток вина. Скорее для того, чтобы немного оттянуть время и попытаться разобраться в сумятице чувств. Бенедикт стоял всего в полуметре от нее, и его широкие плечи загораживали всю комнату. Джулия неожиданно подумала, что, пока она спала, он наверняка принял душ, побрился и переоделся, и теперь, в черном свитере и таких же брюках, Захарий Бенедикт был гораздо красивее, чем в любом из своих фильмов. Опершись рукой о стену рядом с ее плечом, он снова заговорил, и в его глубоком, бархатистом голосе звучала все та же странная, непонятная нежность:

— По дороге сюда ты спрашивала меня о том, действительно ли я совершил преступление, за которое меня осудили. В первый раз я попытался просто отмахнуться от твоего вопроса, во второй отвечал нехотя и как будто не совсем искренне. Теперь же я по собственному почину говорю тебе истинную правду...

С трудом оторвав взгляд от его лица, Джулия уставилась на рубиново-красное вино в своем бокале. Она уже догадалась, что именно ей предстояло сейчас услышать, и боялась, что в нынешнем непонятно расслабленном состоянии действительно поверит этой лжи.

— Посмотри на меня, Джулия.

Со странной смесью страха и какой-то пугающей надежды Джулия подняла голову и встретила с прямым и твердым взглядом янтарных глаз.

— Я не убивал свою жену. Ни ее, ни кого бы то ни было другого. Меня осудили за преступление, которого я не совершал. Мне бы очень хотелось, чтобы ты поверила хотя бы в вероятность того, что я говорю правду.

Джулия отчаянно сопротивлялась все растущему в ней сомнению в его виновности, но внезапно перед ее мысленным взором всплыла сцена на

мосту. Вместо того чтобы удержать в машине, он не только выпустил ее, но и снабдил теплыми одеялами на тот случай, если мост все-таки не выдержит и рухнет в ледяную бурную горную реку. Она вспомнила отчаянную мольбу в его голосе там, на снегу, когда она согласилась подыграть ему, чтобы не подвергать опасности жизнь ни в чем не повинного человека. Теперь она понимала, что Зак и не собирался использовать свой пистолет, хотя мог бы это сделать. А потом Джулия вспомнила его поцелуй — настойчивый и жесткий сначала, но мягкий, нежный и чувственный в конце. С самого рассвета она усиленно пыталась забыть этот поцелуй, но живые и непонятно будоражащие воспоминания все время возвращались обратно.

Глубокий, красивый, волнующий голос говорил;

— Пойми, для меня это первая нормальная ночь за последние пять лет... а если полиция выйдет на мой след, то, возможно, и последняя в жизни. Мне бы очень хотелось, чтобы ты помогла мне максимально скрасить ее.

И внезапно Джулии захотелось уступить. Во-первых, несмотря на короткий сон, она по-прежнему чувствовала себя очень уставшей и была просто не в состоянии продолжать их непрекращающуюся пикировку. Во-вторых, она умирала от голода. А в-третьих, она устала от постоянного чувства страха и не хотела больше бояться. Но воспоминания о поцелуе не имели к этому решению никакого отношения! Они были здесь совершенно ни при чем! Так же как и внезапная, неведомо откуда взявшаяся убежденность в том, что он действительно говорит правду.

— Я невиновен в этом преступлении, — еще раз повторил Зак, не давая ей отвести взгляд.

Его слова потрясли Джулию, но она все еще продолжала упорно сопротивляться собственным чувствам, стараясь не позволить им взять верх над разумом.

— Если же ты все-таки не можешь поверить в то, что я тебе сказал, — в этом месте голос Зака немного посуровел, — то попытайся по крайней мере сделать вид, что веришь мне, и помоги скрасить эту ночь.

Подавив жгучее желание согласно кивнуть, Джулия осторожно спросила:

— Что ты имеешь в виду под словом «скрасить»?

— Беседу, — последовал неожиданный ответ, — за последние годы я успел забыть о том, какое это удовольствие — непринужденно беседовать с умной женщиной. Правда, я успел забыть и о том, что такое приличная еда, камин, лунный свет, льющийся сквозь незарешеченные окна, хорошая

музыка и хорошенькие женщины, — сказал он и с улыбкой добавил, причем в его голосе появились вкрадчиво-льстивые нотки:

— Если ты согласишься на перемирие, то я соглашусь исполнять роль повара. После того как он недвусмысленно назвал ее хорошенькой женщиной, Джулия немного заколебалась, но потом решила, что это был просто ни к чему не обязывающий, но вполне искренний комплимент. В конце концов ей предлагалось провести вечер в покое, отказавшись от всякого страха, а ее измочаленным нервам это было просто необходимо. Да и что может случиться, если она согласится выполнить его просьбу? По крайней мере вреда это уж точно никому не принесет. Особенно в том случае, если он действительно невиновен.

— Значит, готовить будешь ты? — начала она шутливый торг.

Поняв, что Джулия готова согласиться, Зак кивнул, и его суровое лицо осветилось белозубой улыбкой, от которой с пульсом Джулии стали происходить какие-то непонятные вещи.

— Хорошо, — сказала она и, несмотря на принятое решение сохранять полную отчужденность, в свою очередь, не смогла сдержать улыбку, — но при условии, что убирать со стола и мыть посуду тоже будешь ты.

Зак с трудом подавил смех и с совершенно серьезным видом кивнул еще раз:

— Это, конечно, очень жесткое условие, но я согласен. Присядь где-нибудь, пока я закончу готовить ужин.

Джулия послушно села на один из высоких кожаных табуретов у стойки, которая отделяла кухню от гостиной.

— Расскажи мне о себе, — попросил Зак, доставая из духовки печеную картошку.

Джулия сделала еще глоток вина для храбрости.

— А что ты хочешь узнать?

— Ну, для начала какие-то самые обычные вещи, — ответил он, продолжая заниматься своим делом. — Ты сказала, что не замужем. Ты разведена?

Джулия отрицательно покачала головой:

— Я никогда не была замужем.

— Помолвлена?

— Мм с Грегом обсуждали такую возможность.

— , А что здесь обсуждать?

Поперхнувшись вином, Джулия подавила нервный смешок и сказала:

— Мне кажется, что этот вопрос вряд ли относится к разряду «самых общих проблем».

— Возможно, ты права, — широко улыбнулся Зак. — Так что же задерживает вашу помолвку?

К своему великому удивлению, Джулия почувствовала, что краснеет. Ее смущение явно забавляло Зака. Но ответила она совершенно спокойно и рассудительно:

— Мы хотим окончательно убедиться в том, что подходим друг другу. В том, что наши цели и взгляды на жизнь совпадают.

— Судя по всему, вы просто тянете время. Ты живешь с ним?

— Конечно, нет, — возмущенно ответила Джулия и увидела, как ее собеседник слегка приподнял брови, как будто услышав что-то очень забавное.

— Ты живешь с какой-то подругой?

— Нет, я живу одна.

— Ни мужа, ни соседок по квартире, — констатировал Зак, подливая ей вина, — значит, тебя никто не ищет, никто не беспокоится о том, что ты задерживаешься?

— Я уверена, что ищут и беспокоятся, причем очень многие.

— Ну кто, например?

— Например, мои родители. К этому времени они уже наверняка сходят с ума и обзванивают всех, кого только можно, расспрашивая обо мне. Причем первый человек, которому они позвонят, будет мой брат Тед. Кроме того, меня ищет Карл. Ведь я уехала на его машине. Можешь не сомневаться, что сейчас уже все поставлены на ноги.

— Твой брат Тед — это тот, который строитель?

— Нет, — насмешливо ответила Джулия. Теперь пришла ее пора забавляться. — Это тот, который шериф. Его бурная реакция была приятна Джулии.

— Шериф?! — Зак сделал большой глоток вина и саркастически поинтересовался:

— А твой отец, я полагаю, судья?

— Нет, он священник.

— О Господи!

— Ты обращаешься по адресу. Именно Господь — его непосредственный начальник.

— Из всех женщин Техаса, — с мрачным юмором продолжал развивать эту тему Зак, — я умудрился похитить сестру шерифа я дочь священника. Представляю, какую шумиху поднимут газеты и телевидение, когда узнают, кто ты такая.

Приятное чувство того, что теперь и ему придется немного

поволноваться, пьянило больше, чем вино. Кивнув, она радостно подхватила;

— Все законопослушные граждане будут охотиться за тобой с ружьями и собаками, а богобоязненные — молиться о том, чтобы тебя побыстрее поймали.

Потянувшись за бутылкой, Зак долил себе остатки вина и залпом выпил.

— Это очень обнадеживает, — мрачно сказал он. Но чувство собственного триумфа очень быстро прошло, вытесненное сожалением об исчезновении той веселой легкости, с которой начинался их разговор. И Джулия судорожно пыталась придумать что-то, что могло бы ее вернуть, но не придумала ничего лучшего, как спросить:

— А что у нас на ужин?

Этот вопрос прервал не очень радостные раздумья Зака, и он снова повернулся к плите.

— Ничего особенного, — ответил он Джулии. — Кулинар из меня никудышный.

Чтобы хоть чем-то занять себя, пока он заканчивал приготовление ужина, она стала рассматривать его широкие плечи и спину, обтянутые черным свитером. Они были удивительно мускулистыми, как будто он специально накачивал их на индивидуальных тренажерах. Тюрьма. Джулия где-то читала о том, что в нее действительно попадает очень много невинных людей, и она внезапно почувствовала, что ей очень хочется, чтобы Захарий Бенедикт действительно оказался одним из них. Не поворачиваясь, он сказал:

— Садись на диван. Я принесу все туда.

Джулия кивнула и слезла с табурета, отметив, что второй бокал вина явно подействовал на нее и она слишком расслабилась. Зак шел за ней с тарелками в руках. Она села на диван, и Зак поставил на кофейный столик две тарелки, на одной из которых был сочный, аппетитный бифштекс и румяная печеная картофелина.

Однако на тарелке, которую он поставил перед ней, красовалась лишь небрежно вываленная из консервной банки кучка тунца. И все. Ни овощей, ни зелени.

После всех гастрономических ожиданий неаппетитная горка ничем не приправленного тунца казалась просто прямым оскорблением. Это застало Джулию врасплох, и она недоверчиво посмотрела на Зака. На ее лице были написаны сердитое изумление и обида.

— Разве ты не этого хотела? — невинно поинтересовался он. — Или,

может быть, предпочтешь бифштекс? Я на всякий случай приготовил два.

Эта мальчишеская выходка, заразительная улыбка и смеющиеся глаза заставили Джулию весело расхохотаться, хотя подобная реакция в ее ситуации выглядела по меньшей мере эксцентричной. Когда он вернулся из кухни со вторым бифштексом, ее плечи все еще содрогались от смеха.

— Может быть, это тебе понравится больше? — Ну, знаешь ли, — Джулия старалась говорить как можно серьезнее, несмотря на пляшущие в глазах веселые искорки, — я еще могу простить тебе похищение и запугивание. Но предлагать мне тунца в то время как сам собираешься есть бифштекс, — это уже слишком.

Джулия с аппетитом принялась за бифштекс, однако Зак вскоре нарушил молчание, заметив синяк на ее руке.

— Ударилась, играя в футбол, — объяснила она.

— Что?

— На прошлой неделе я играла в футбол и случайно ударилась.

— О какого-то большого и сильного полузащитника?

— Нет, о маленького мальчика в большой инвалидной коляске.

— Что?

Поняв, что так просто он от нее не отстанет, Джулия решила немного порассуждать на тему о футболе.

— Я сама виновата, — сказала она, невольно улыбаясь при воспоминании о той игре, — честно говоря, я вообще предпочитаю баскетбол. По-моему, наш американский футбол — игра, лишённая всякого смысла.

— Почему ты так считаешь?

— Возьмем хотя бы игроков. Есть защитник, полузащитник и четверть-защитник. А почему пропущены три четверти? Или им не нужен защитник? Да и разметка поля какая-то несимметричная, — начала было она, но веселый смех Зака не дал ей закончить эти рассуждения. — Нет, футбол определенно не моя игра. Правда, это не имеет никакого значения. Главное, чтобы он нравился детям. Один из моих мальчиков, наверное, даже попадет на Олимпиаду для детей-инвалидов.

Зак заметил, как засветились ее глаза и смягчился голос, когда она говорила о «своих мальчиках», и поразился такой исключительной доброте и способности к состраданию. Стараясь во что бы то ни стало не дать ей замолчать, он задал следующий вопрос:

— А что ты делала в Амарилло в тот день, когда мы встретились?

— Я поехала туда к дедушке одного из моих подопечных-инвалидов. Он достаточно богат, и я надеялась получить от него немного денег на свою

программу по ликвидации неграмотности среди взрослых.

— Тебе это удалось?

— Да, чек уже у меня.

— А почему ты, собственно, решила стать учительницей? — настойчиво продолжал расспрашивать Зак. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы она умолкала. Задав последний вопрос, он понял, что наконец нашел удачную тему.

Джулия улыбнулась своей фантастической улыбкой и охотно ответила:

— Я люблю детей, а работа учителя — древняя и уважаемая профессия.

— Уважаемая? — переспросил он, меньше всего ожидая услышать такой эпитет. — Мне казалось, что в наше время люди не очень-то пекутся о респектабельности. Почему для тебя это так важно?

Джулия лишь слегка пожала плечами:

— Я — дочь священника, а Китон — маленький городок, — ответила она.

— Понятно, — сказал Зак, хотя на самом деле абсолютно ничего не понял, — но ведь есть и другие профессии, ничуть не менее респектабельные.

— Да, конечно, но тогда мне не довелось бы работать с людьми типа Джонни Эверетта и Дебби Сью Кэссиди.

При упоминании о Джонни ее лицо даже засветилось изнутри, и Зак невольно заинтересовался, кто же такой этот Джонни, который, судя по всему, значил для нее даже больше, чем почти жених.

— А кто такой Джонни Эверетт?

— Он один из моих учеников, точнее, один из моих самых любимых учеников. У него полностью парализована нижняя часть тела. Когда я только начала работать в китонской школе, у него были такие проблемы с учебой и дисциплиной, что мистер Дункан уже собирался отправлять его в спецшколу для умственно отсталых детей. Его мать утверждала, что он прекрасно умеет разговаривать, но, кроме нее, никто никогда этого не слышал. А так как она никогда не позволяла ему играть с другими детьми, то у всех создалось впечатление, что она просто добивается того, чтобы ее сын казался... ну, более нормальным, что ли, чем он был на самом деле. В классе он вел себя просто чудовищно — швырялся учебниками, перегораживал дверной проход во время перемены и тому подобное. Мелочи, конечно, но так как он их делал постоянно, то мистер Дункан решил отправить его в спецшколу.

— А кто такой мистер Дункан? Зак невольно улыбнулся, увидев, как

презрительно сморщился ее маленький носик при упоминании этого имени.

— Это наш директор.

— Кажется, ты его не особенно жалуешь?

— Он неплохой человек, но уж слишком чопорный и консервативный. Такие взгляды, как у него, были бы вполне уместны лет сто назад, когда ученика, осмелившегося заговорить без разрешения учителя, наказывали розгами.

— И Джонни боялся его, да?

Джулия весело рассмеялась и отрицательно покачала головой:

— Нет, с ним скорее все было как раз наоборот. Совершенно случайно я обнаружила, что из небезызвестных кнута и пряника Джонни был необходим именно кнут. Он просто мечтал о том, чтобы с ним перестали миндальничать и наказали, как любого другого нормального ребенка.

— И как же тебе удалось обнаружить это?

— Однажды вечером, после уроков, я была в кабинете Дункана, получая очередную головомойку.

— У тебя были проблемы с директором?

— Постоянно, — весело подтвердила Джулия, снова сверкнув своей ослепительной улыбкой, — но именно в тот день Джонни задержался в школе, дожидаясь, пока мама заберет его, и случайно услышал то, что происходило в кабинете директора. Когда я наконец вышла, он сидел в своем инвалидном кресле почти под самой дверью и смотрел на меня так, как будто я совершила какой-то подвиг. Потом он открыл рот и сказал:

— Вас что, наказали, мисс Мэтисон? Теперь вы будете оставаться после уроков?

— Сначала я была настолько потрясена тем, что он заговорил, что чуть не выронила охапку книг, которую держала в руках. Но когда я вновь обрела дар речи и сказала ему, что никто не собирается оставлять меня после уроков, то увидела, что он явно разочарован. Сразу утратив ко мне всякий интерес, он сказал, что так и думал, что девчонок никогда не оставляют после уроков. Только мальчишек. Нормальных мальчишек. И тогда я все поняла! — Глядя на озадаченное лицо Зака, Джулия поспешила объяснить:

— Дело в том, что мать всегда настолько опекала его, что он невольно стал мечтать о школе, где к нему бы относились так же, как ко всем нормальным детям. А ведь до сих пор и учителя, и одноклассники явно выделяли его, не хотели воспринимать на равных со всеми остальными.

— И что же ты сделала, после того как обнаружила это? Поджав под

себя ноги, она поуютнее устроилась на диване и сказала:

— Я сделала единственно разумную и правильную в такой ситуации вещь — пристально наблюдала за ним в течение всего следующего дня, и когда он швырнул карандашом в маленькую девочку, сидевшую перед ним, набросилась на него, как будто он совершил государственное преступление. Я сказала, что он заслуживает того, чтобы его целый месяц оставляли после уроков и что с сегодняшнего дня он может не рассчитывать ни на какие поблажки. А потом добавила, что он наказан и должен будет остаться после уроков. Причем не один, а целых два дня!

Откинувшись на спинку дивана, она еще раз ласково улыбнулась Заку и продолжала:

— В этот день я задержалась подольше, чтобы понаблюдать за тем, как он будет себя вести. Он спокойно сидел в комнате для наказаний вместе с другими маленькими проказниками и казался довольным жизнью. Конечно, я не могла быть уверенной в этом до конца, но впечатление было именно такое. В тот же вечер мне позвонила его мать и устроила скандал. Она обозвала меня злобной, бессердечной и прочими нелестными эпитетами. Я пыталась хоть что-то объяснить ей, но она не стала слушать и бросила трубку. Она была в ярости. На следующий день Джонни не пришел в школу.

Джулия замолчала, и Зак мягко спросил:

— И что же ты сделала?

— После уроков я отправилась к нему домой, чтобы увидеться с ним самим и поговорить с его матерью. Кроме того, мне пришло в голову взять с собой другого своего ученика — Вилли Дженкинса. Вилли — совершенно потрясающий маленький мужчина. Этаким будущий герой-любовник, Главный заводила в классе и кумир всех третьеклассниц. Он обязательно должен быть первым во всем — от футбола и бейсбола до умения ругаться. И надо признать, что это ему удастся. По крайней мере, почти во всем, кроме, — не смогла сдержать улыбки Джулия, — пения. Когда Вилли говорит, то сразу вспоминается лягушка-бык. А уж если он пытается петь, то издает такие звуки, что все начинают смеяться. Как бы там ни было, но, отправляясь к Джонни, я решила взять Вилли с собой. Джонни сидел в инвалидном кресле на заднем дворе. Вилли захватил свой футбольный мяч, с которым, по-моему, не расстанется даже во сне. Когда я входила в дом, то увидела, что он бросил этот мяч Джонни, но тот даже не попытался поймать его. Он лишь искоса взглянул на мать и продолжал совершенно неподвижно сидеть в своем кресле. Я разговаривала с миссис Эверетт почти полчаса. Я прямо сказала ей, что она сама препятствует

счастью своего ребенка, обращаясь с ним так, как будто он годен лишь на то, чтобы сидеть в инвалидной коляске. Я попыталась объяснить ей, почему с Джонни необходимо обращаться как с совершенно нормальным ребенком. По-моему, тогда мне так и не удалось убедить ее, но вдруг раздался какой-то грохот, крики, и мы обе выбежали во двор. Вилли, — продолжала Джулия, и глаза ее засияли при воспоминании о той сцене, — лежал на груди опрокинутых мусорных бачков, крепко сжимая в руках футбольный мяч и улыбаясь до ушей. И он нам гордо сообщил, что хотя Джонни еще не очень хорошо ловит мяч, пас правой у него не хуже, чем у Джона Элвиса! Джонни сиял, а Вилли убеждал его, что ему нужно только немного потренироваться ловить мяч, и тогда он, Вилли, мог бы взять его в свою команду.

Джулия опять замолчала, и тогда Зак полувопросительно-полуутвердительно сказал:

— И они начали тренироваться.

Джулия кивнула, и ее выразительное лицо красноречиво говорило о том, сколько радости ей доставляют даже просто воспоминания об этом.

— Они стали тренироваться каждый день, вместе с остальными членами команды Вилли. А потом они стали приходить к Джонни домой, и Джонни помогал Вилли делать домашние задания. Оказалось, что хотя до этого Джонни не проявлял на уроках ни малейшей активности, он на самом деле впитывал все как губка. И теперь, когда лед тронулся, его незаурядные способности проявились в полной мере. Кроме того, он такой мужественный, такой целеустремленный! — Внезапно Джулия осеклась, как бы устыдившись проявленных эмоций, и окончательно замолчала, полностью сосредоточившись на еде.

Глава 24

Зак откинулся на спинку дивана, положил ногу на ногу и, глядя на языки пламени, пляшущие в камине, замолчал, давая Джулии возможность спокойно закончить обед. Он попытался было сосредоточиться и обдумать следующий этап своего путешествия, но сытость и расслабляющее тепло располагали скорее к философским размышлениям о капризах судьбы, следствием которых и было появление в его жизни сидящей напротив Джулии Мэтисон. Много недель подряд он до мельчайших деталей разрабатывал план своего побега. Лежа на тюремных нарах, он долгими бессонными ночами мечтал о первой ночи, которую проведет в этом доме. Но ни разу ему в голову не приходила мысль о том, что он будет здесь не один. Конечно, по целой тысяче причин было бы гораздо лучше, если бы он действительно был один. Но теперь, раз уж девушка оказалась в этом доме, невозможно делать вид, что ее здесь нет. Правда, теперь, после этой застольной беседы, Заку очень захотелось поступить именно так. Джулия Мэтисон заставляла его задумываться о вещах, которых в его жизни никогда не было и, судя по всему, уже никогда и не будет. К концу недели он снова отправится в путь, и там, куда он в конце концов попадет, не будет роскошных уединенных домов в горах с уютно потрескивающими каминами; там не будет трогательных бесед о детях-инвалидах с юными учительницами младших классов, у которых к тому же глаза ангела и улыбка, способная расплавить камень. Он никогда в жизни не мог себе представить, что женское лицо может так светиться изнутри, как лицо Джулии, когда она говорила об этих детях! Зак неоднократно видел, как сияли глаза честолобивых женщин, когда они получали от него ведущую роль или дорогие украшения. Он видел, как лучшие актрисы на сцене и в жизни, в постели и вне ее талантливо и убедительно играли нежность, любовь и заботу о ближнем, но до сегодняшнего дня он не представлял, что такое возможно на самом деле.

Очень давно, когда ему было всего восемнадцать и он сидел в кабине грузовика, направлявшегося в Лос-Анджелес, Зак поклялся себе никогда не оглядываться назад и не думать о том, «что бы было, если бы». И вот сейчас, когда ему уже тридцать пять и он прошел огонь, воду и медные трубы, глядя на Джулию, Зак почувствовал, что поддается соблазну эту клятву нарушить. Вдыхая аромат дорогого коньяка, он наблюдал за тем, как в камине уютно потрескивали поленья, и думал, как сложилась бы его

жизнь, если бы он встретил в молодости такую вот Джулию Мэтисон. Смогла бы она спасти его от него самого, научить прощать, смягчить сердце и заполнить пустоту, образовавшуюся после того, как он покинул родительский дом? Смогла бы она привнести в его жизнь какие-то иные цели, кроме тех, которые всегда определяли его существование, — больших денег, власти и всеобщего признания? Смогла бы женщина, подобная Джулии, дать ему в постели нечто более глубокое и продолжительное, чем чисто физиологическое удовлетворение?

Но Зак быстро спохватился и, осознав всю беспочвенность подобных размышлений, разозлился на собственную глупость. Ведь было совершенно понятно, что ему просто негде было встретить такую девушку. Вплоть до восемнадцати лет он был окружен родственниками и слугами, одно присутствие которых служило напоминанием о его безусловном социальном превосходстве. Дочь провинциального священника никоим образом не могла попасть в круг его общения.

Они не могли встретиться и в Голливуде. Но если бы даже такое чудо произошло, что тогда? Сосредоточившись, Зак попытался представить себе такую ситуацию. Если бы ей даже каким-то образом удалось уцелеть в том развращенном мире абсолютной беспринципности, ничем не сдерживаемого потворства своим желаниям и необузданного честолюбия, каковым являлся Голливуд, то обратил ли бы он на нее внимание? Или ее бы полностью заслонили более красивые, броские и искушенные женщины? Если бы в один прекрасный день она появилась в его конторе на Беверли Драйв и попросила о кинопробе, заметил ли бы он ее изящно очерченное лицо, фантастические глаза, гибкую фигуру? Или он бы проглядел все это потому, что ее красота не была эффектной, а фигура не напоминала переполненные песочные часы? Если бы даже ей удалось побеседовать с ним в течение часа, как сегодня, то смог бы он тогда оценить ее ум, тонкое чувство юмора и искренность? Или он бы просто выпроводил ее, потому что она не говорила «о деле» и не намекала на то, что не прочь лечь с ним в постель? А ведь в то время это были практически единственные две вещи, которые его интересовали.

Продолжая вертеть в руках бокал с коньяком, Зак обдумывал ответы на эти риторические вопросы, стараясь быть беспощадно честным с самим собой. В конце концов он пришел к выводу, что все-таки заметил бы изящные черты, нежную кожу и потрясающие глаза Джулии Мэтисон. Он совершенно заслуженно считался тонким ценителем женской красоты и не проглядел бы интересную женщину, какой бы неординарной ни была ее внешность. Он обязательно бы заметил ее прямоту и искренность. Он, так

же как и сегодня, был бы тронут ее добротой и способностью к состраданию. И все же, несмотря на все это, он не стал бы проводить кинопробы. Равно как и не стал бы советовать ей обратиться к хорошему фотографу, который, Зак был в этом абсолютно уверен, мог уловить в ней тот особый шарм, что превратил бы ее в супермодель первой величины.

Вместо этого он бы наверняка выпроводил ее из своего кабинета, посоветовав вернуться домой к своему почти жениху, выйти за него замуж, завести детей и стать добропорядочной матерью семейства. Потому что, несмотря на всю свою пресыщенность и бессердечие, он бы ни за что не простил себе растления такого чистого и неиспорченного создания, как Джулия Мэтисон.

Но если бы она все-таки решила остаться в Голливуде, несмотря на все его советы? Стал бы он спать с ней? Нет.

Захотелось бы ему это сделать? Нет!

Хотел бы он, чтобы она жила с ним? Хотел бы видеть ее за обедом, ужином, ходить с ней в гости?

О Господи, конечно же, нет!

А почему?

Зак уже совершенно точно знал ответ, но все-таки решил еще раз взглянуть на нее, чтобы удостовериться в собственной правоте. Поджав под себя ноги, Джулия уютно расположилась на диване, и отсветы пламени плясали на ее блестящих волосах. Рассматривая красивый пейзаж, висящий над камином, она сидела немного боком и казалась такой же спокойной, безмятежной и невинной, как девочка, поющая в церковном хоре во время рождественской службы. Именно поэтому он бы никогда не связался с подобной женщиной до того, как попал в тюрьму, и именно поэтому он бы не хотел, чтобы она сейчас была рядом.

У них была не такая уж большая разница в возрасте — всего девять лет, однако разница в их жизненном опыте была неизмеримо больше. Причем большая часть из пережитого им вряд ли бы вызвала у Джулии восторг или восхищение. На фоне ее юношеского оптимизма и идеализма Зак чувствовал себя очень старым и циничным.

Глядя на нее, такую прелестную и желанную даже в этом бесформенном свитере, он все сильнее хотел ее, и от этого казался себе еще более отвратительным. Впервые в жизни он думал о себе как о старом, грязном развратнике.

С другой стороны, ей удалось рассмешить его, и Зак был очень благодарен ей за это. Допив коньяк, он слегка нагнулся вперед и, продолжая перекатывать в ладонях уже пустой бокал, улыбался

собственным мыслям. Вряд ли он теперь сможет слушать футбольный репортаж и не вспоминать Джулию Мэтисон.

Внезапно Зак подумал о том, что она ни разу не поинтересовалась его прошлой жизнью и работой в кино. Он еще никогда не встречал человека, который сразу же после знакомства, пусть даже и не всегда искренне, не объявлял бы его своим любимым актером, а после не засыпал бы его сугубо личными вопросами о его собственной жизни и жизни других звезд. Даже самые жестокие и кровожадные подонки, которые окружали его в тюрьме, считали своим долгом сообщить, какие именно из его фильмов они любят больше всего. Подобное любопытство всегда раздражало его, но сейчас ему почему-то стало очень досадно оттого, что Джулия Мэтисон, похоже, никогда даже не слышала его имени. Наверное, в ее забытом Богом городишке не было кинотеатра. И за всю свою недолгую тепличную жизнь она не видела ни одного кинофильма.

А может быть... Ну да, конечно!.. Она ходила только на стерильные, целомудренные фильмы категории G. Его-то собственные картины относились к другой категории — PG, либо R — за нецензурную брань, насилие и обилие эротики. Зак вдруг с удивлением почувствовал, что испытывает нечто вроде стыда. Окончательно раздосадованный, он подумал, что это лишний раз подтверждает то, что он никогда бы не смог жить с подобной женщиной.

Он настолько погрузился в собственные мысли, что чуть не подпрыгнул, когда Джулия, нерешительно улыбнувшись, нарушила молчание:

— Ты не похож на человека, который получает удовольствие от своего первого праздничного ужина на свободе.

— Я просто подумал, что нужно обязательно посмотреть новости, — неопределенно ответил Зак.

Джулия тотчас же ухватила за возможность отвлечься от собственных размышлений о том, кто перед ней — убийца или невинно осужденный, а также о том, собирается ли он еще раз поцеловать ее, до тех пор как вечер подойдет к концу.

— Хорошая мысль, — сказала она, поднимаясь и забирая со стола свою тарелку. — Почему бы тебе не поискать нужную программу, пока я буду мыть посуду?

— Чтобы ты потом обвинила меня в том, что я не сдержал своего обещания? Ни в коем случае. Посуду буду мыть я.

С этими словами он собрал со стола посуду и направился на кухню. Джулия смотрела ему вслед.

В течение последнего часа, когда Зак перестал задавать ей вопросы, ее начали все сильнее одолевать сомнения по поводу его виновности. Она вспомнила, с какой яростью он говорил о присяжных, которые отправили его в тюрьму. Вспомнила дикое отчаяние, с которым он умолял ее ответить на его поцелуй, чтобы обмануть водителя грузовика: «Пожалуйста! Я никого не убивал, клянусь тебе!»

Наверное, именно в тот момент к ней в душу впервые закралось сомнение, а теперь, семнадцать часов спустя, оно продолжало расти и крепнуть, подпитываемое ужасом, который овладевал ею при мысли, что невиновный человек вынужден был пять лет провести в тюрьме. К этим чувствам примешивались и другие, незнакомые и непонятные, которые она была бессильна контролировать. Их пробуждали воспоминания о его жадном поцелуе, о дрожи, которая пробежала по его телу, когда она все-таки решила уступить, о сдержанности, которую он, несмотря ни на что, проявил по отношению к ней. Фактически большую часть времени, проведенную вместе, он обходился с ней очень сдержанно и даже галантно.

В двадцатый раз за последний час Джулия пыталась убедить себя в том, что настоящий убийца не стал бы заботиться о своей заложнице.

Ее разум пытался спорить, говоря, что надо быть последней душой, чтобы поверить в ошибку присяжных, но стоило Джулии посмотреть на Бенедикта, как все ее чувства начинали дружно кричать о том, что он невиновен. А если это так, то мысль о том, через что ему пришлось пройти за последние пять лет, становилась просто нестерпимой.

Зак вернулся в гостиную, включил телевизор и сел на диван наискосок от нее, вытянув длинные ноги.

— После новостей посмотрим все, что ты захочешь, — сказал он и обратил все свое внимание на гигантский экран телевизора.

— Хорошо, — ответила Джулия, продолжая украдкой рассматривать его. Красивое лицо несло на себе отпечаток гордости, непреклонности, упрямства и высокомерия. Каждая черта говорила о незаурядном уме и большой внутренней силе. Когда-то давно она читала десятки статей о нем, написанных как сентиментальными репортерами, так и вполне уважаемыми кинокритиками. Очень часто они пытались сравнивать его с другими суперзвездами — его предшественниками. Особенно Джулию потряс один телевизионный критик, заявивший, что Захарий Бенедикт обладает животным магнетизмом молодого Шона Коннери, талантом Ньюмена, харизмой Костнера, сексуальностью молодого Иствуда, утонченностью Уоррена Битти, разносторонностью Майкла Дугласа и суровым обаянием Гаррисона Форда.

Но теперь, после довольно близкого общения с ним в течение почти двух суток, Джулия понимала, что ни одна из газетных статей, прочитанных ею, не соответствовала истине. Так же как и камера далеко не полностью передавала подлинное обаяние этого человека. В реальной жизни ему были присущи сила и обаяние, не имеющие ничего общего с широкими плечами, мощной мускулатурой и знаменитой насмешливой улыбкой, так хорошо знакомой зрителям. Было в нем и еще что-то. Каждый раз, когда Джулия смотрела на Захария Бенедикта, у нее возникало странное чувство, что даже если не принимать в расчет его пятилетнее заключение, этот человек успел познать в жизни все или почти все. Но вынесенные впечатления прятались за непроницаемой стеной светской учтивости, ленивой улыбки и пронзительных золотистых глаз. Там, куда бы не смогла проникнуть ни одна женщина.

Джулия внезапно поняла, что именно в этом заключается один из секретов неотразимого обаяния Захария Бенедикта — в вызове. Несмотря на все то, что произошло с ней по его милости за последние два дня, ей захотелось непременно пробиться сквозь этот барьер. Обнаружить то, что скрывается под маской высокомерия и отчужденности. Разглядеть того маленького мальчика, каким он был когда-то, и научить мужчину, которым он стал, нежности, любви и умению радоваться. А впрочем, то же самое, наверное, произошло бы с любой другой женщиной, оказавшейся на ее месте.

Спохватившись, Джулия попыталась снова взять себя в руки. Хватит размышлять о всякой ерунде! Единственное, что сейчас имело значение, это его виновность или невиновность. Еще раз украдкой взглянув на суровый профиль, Джулия почувствовала, как сильнее забилося сердце.

Он невиновен. Она знала. Чувствовала это. И мысль о том, что такой умный, талантливый и красивый человек в течение целых пяти лет был заперт в клетке, как дикий зверь, была совершенно невыносимой. В горле стоял ком, а в мозгу мелькали жуткие и невероятно отчетливые картины... тюремная камера, звук задвигающегося засова, крики охранников, люди, работающие в тюремных прачечных и мастерских, полностью лишенные свободы и уединения. И чувства собственного достоинства.

Голос диктора заставил ее отвлечься от этих тягостных размышлений и посмотреть на экран:

— Позднее вы услышите местные новости и прогноз погоды, включая подробную информацию о надвигающемся буране, но сначала Том Брокоу с сообщением первостепенной важности. — Джулия резко встала, чувствуя, что просто не сможет спокойно сидеть. Нервы были напряжены

до предела.

— Я принесу воды, — сказала она и уже направилась в сторону кухни, но голос Тома Брокоу остановил ее, как магнитом притягивая обратно:

— Добрый вечер, леди и джентльмены. Два дня назад из тюрьмы города Амарилло бежал Захарий Бенедикт — в прошлом голливудская звезда первой величины и один из самых талантливых и известных кинорежиссеров. В 1988 году он был осужден и приговорен к сорока пяти годам тюремного заключения за совершенное с макиавеллиевской изощренностью убийство своей жены, киноактрисы Рейчел Эванс.

Обернувшись, Джулия увидела фотографию Зака в тюремной робе с номером на груди. словно загипнотизированная этим омерзительным зрелищем, она вернулась на прежнее место и услышала, как Брокоу, продолжая свой комментарий, сказал:

— Вполне возможно, что Бенедикт путешествует с этой женщиной...

Увидев на экране собственное лицо, Джулия испуганно вскрикнула. Фотография была сделана год назад. В скромной английской блузке с бантиком на шее она стояла в окружении своих учеников.

— Полиция Техаса сообщает, что Джулию Мэтисон, двадцати шести лет, последний раз видели два дня назад в Амарилло, когда она садилась в синий «шевроле-блейзер» вместе с мужчиной, по описанию похожим на Захария Бенедикта. Поначалу полиция считала, что мисс Мэтисон была взята в заложники против ее воли...

— Поначалу? — изумленно воскликнула Джулия, глядя на Зака, который медленно приподнимался со своего места. — Что они хотят этим сказать?

Ответ последовал тотчас же:

— Версия о взятии заложницы, — продолжал Том Брокоу, — отпала после того, как в полицию обратился водитель грузовика Пит Голаш. Он сообщил, что сегодня на рассвете видел пару, совпадающую по описанию с Захарием Бенедиктом и Джулией Мэтисон, на одной из площадок для отдыха в штате Колорадо...

На экране появилось жизнерадостное лицо Пита Голаша. Каждое его слово казалось Джулии ударом кнута. Ей хотелось плакать от унижения и бессильной ярости:

— Они резвились в снегу, как пара подростков. А когда эта девушка — Джулия Мэтисон, я в этом уверен на сто процентов — упала, Бенедикт упал сверху. Не требовалось большой наблюдательности, чтобы понять, чем они занимаются. Они целовались. И она совсем не была похожа на заложницу! Уж можете мне поверить!

К горлу подступала тошнота. Омерзительная, чудовищная реальность вторглась в уютную атмосферу горного дома и заставила почувствовать всю ее неестественность. Взглянув на человека, который насильно затащил ее сюда, Джулия увидела его именно таким, каким он незадолго до этого предстал на экране — осужденным убийцей в тюремной робе с номером на груди. Но прежде чем горькие слова сорвались с ее губ, на экране возникла новая картинка, еще более мучительная.

— Наш корреспондент Фил Морроу отправился в Китон, штат Техас, где Джулия Мэтисон жила и работала учительницей младших классов в местной начальной школе. Ему удалось взять небольшое интервью у родителей девушки — преподобного Джеймса Мэтисона и его жены...

— Нет! — закричала Джулия, увидев серьезное, благородное лицо своего отца. Мягким, ровным голосом, ни на секунду не теряя чувства собственного достоинства, он пытался убедить всех телезрителей в ее невиновности.

— Если Джулия действительно находится вместе с Бенедиктом, то наверняка против своей воли. Выступавший передо мной водитель ошибается. Он либо не очень хорошо рассмотрел ту пару, либо не правильно истолковал происходящее. — Бросив суровый и неодобрительный взгляд на толпящихся вокруг репортеров, Джеймс Мэтисон добавил:

— Больше мне нечего сказать.

Сквозь слезы стыда и унижения Джулия увидела, что Бенедикт направляется к ней.

— Мерзавец! Подонок! — глухо выкрикивала она, с трудом сдерживая рыдания и пятясь назад.

— Послушай, Джулия, — взяв ее за плечи, Зак безуспешно пытался хоть как-то успокоить бьющуюся в истерике девушку.

— Не притрагивайся ко мне! — судорожно вырывалась Джулия, бессвязно выкрикивая в перерывах между всхлипами:

— Мой отец священник! Он уважаемый человек! А теперь все думают, что его дочь — грязная потаскуха! Я — учитель! Я учу маленьких детей! Как я теперь смогу смотреть им в глаза после того, что произошло? После того, как я, как последняя шлюха, валялась в снегу с беглым убийцей?

Зак понимал, что она права, и каждое ее слово полосовало натянутые нервы, как удар кнута.

— Джулия...

— Я так старалась целых пятнадцать лет! — всхлипывала Джулия, продолжая вырываться. — Я так хотела достичь совершенства! И мне это

почти удалось! — Мучительная боль, звучащая в ее голосе, передавалась Заку, хотя он и не мог до конца понять ее источника. — И все попусту! Все мои старания были напрасны! Все пошло прахом!

Внезапно, как будто утратив всякую волю к сопротивлению, Джулия обмякла в его руках. Только плечи все еще продолжали сотрясаться от рыданий.

— Я так старалась, — глотая слезы, говорила она, — я стала учительницей для того, чтобы они могли мною гордиться. Я... я ходила в церковь и преподавала в воскресной школе. Теперь мне не позволят этого делать...

Чувство вины, и без того мучительное, от такого глубокого и искреннего горя стало просто невыносимым.

— Пожалуйста, перестань, — умолял Зак, обнимая ее и прижимая к своей груди, тщетно пытаясь хоть как-то успокоить. — Я все понимаю, и мне действительно очень жаль. Когда это все закончится, я постараюсь сделать так, чтобы они узнали правду.

— Ты понимаешь! — горько воскликнула Джулия, поднимая к нему несчастное, залитое слезами лицо. — Как можешь ты понимать, что я сейчас чувствую?! — Животное, грязное животное. Да как он смеет говорить ей такое?

— Да, я понимаю! — крикнул Зак, трясая ее за плечи до тех пор, пока она не посмотрела ему в глаза. — Я очень хорошо понимаю, как чувствует себя человек, которого обвиняют в том, чего он не совершал!

Джулия хотела возмутиться, закричать, что он делает ей больно, но осеклась. Страшная душевная мука, написанная на его лице, не могла быть притворной.

— Я никого не убивал! Слышишь? Не убивал! Скажи, что веришь мне! Пусть даже это будет ложь! Умоляю, скажи! Я хочу, чтобы кто-нибудь сказал мне это!

Джулия внутренне содрогнулась при одной мысли об этом. Сглотнув ком, застрявший в горле, она посмотрела на осунувшееся, но по-прежнему красивое лицо, склонившееся над ней, и прошептала:

— Я верю тебе! — Долго сдерживаемые слезы хлынули по щекам. — Я действительно верю тебе.

Непритворное сочувствие и искреннее сострадание сделали свое дело. Непроступная стена льда, которую Зак в течение долгих лет упорно воздвигал вокруг своего сердца, дала трещину и начала таять.

— Пожалуйста, не плачь, — хрипло шептал он, вытирая горячие слезы с нежных щек.

— Я верю тебе! — повторила Джулия, и страстность, с которой были сказаны эти слова, нанесла последний и сокрушительный удар по самообладанию Зака. Горло сжалось от совершенно незнакомых эмоций, и несколько секунд он даже не мог пошевелиться, потрясенный услышанным и увиденным. Широко распахнутые, влажные от слез глаза Джулии походили на умытые дождем анютины глазки, и хотя она до боли закусывала нижнюю губу, та все равно продолжала предательски дрожать.

— Пожалуйста, не надо плакать, — шептал Зак, принося к нежным, распухшим от рыданий губам. — Пожалуйста, не надо, прошу тебя...

Тело Джулии напряглось, как струна, но Зак не мог понять, чем это было вызвано — испугом или неожиданностью. Да в тот момент ему было совершенно все равно. Только бы сжимать в объятиях хрупкое тело этой девушки, наслаждаться той необыкновенной нежностью, которую она в нем вызывала. Нежность. Чувство, о котором он забыл много лет назад.

Зак вновь и вновь напоминал себе, что не должен торопиться, не должен ни к чему понуждать ее. Но мягкость и податливость ее солоноватых от слез губ сводили с ума и заставляли забыть о данных самому себе обещаниях.

— Поцелуй меня, — умоляюще шептал он, в то время как часть его сознания удивленно фиксировала новую, незнакомую интонацию собственного голоса. В нем слышались нотки странной, беспомощной, непривычной нежности. — Поцелуй меня, — настойчиво повторял он, пытаясь приоткрыть язы — , ком губы Джулии, — пожалуйста.

И когда она наконец расслабилась в его объятиях, уступая поцелую, Зак едва не застонал от наслаждения. Разум отступил перед натиском нестерпимо сильного желания, и дальше тело действовало само по себе, повинувшись только примитивному, первобытному инстинкту. Руки, жадно проникнув под свитер, гладили нежную, атласную кожу спины и узкую талию, а язык и губы делали поцелуй все более страстным и возбуждающим. Пальцы, продолжая непрерывно ласкать обнаженное, податливое тело, продвигались все выше и выше и наконец коснулись груди. Джулия застонала, еще крепче прижавшись к нему, и тогда Зак почувствовал, что окончательно теряет контроль над собой. Все его тело пульсировало от сумасшедшего желания, которое требовало удовлетворения во что бы то ни стало. Теперь он уже был просто не в силах оторваться от ее губ и приник к ним с жадностью, с которой умирающий от жажды припадает к наконец обретенному источнику.

Неожиданно для самой себя Джулия оказалась в обволакивающем коконе непонятной, опасной, пугающей чувственности. Это было какое-то

наваждение, полностью лишаящее ее контроля над собой. Казалось, ее грудь и губы жили своей, отдельной жизнью, жадно отвечая на все более настойчивые ласки Зака, в то время как она сама, движимая какой-то новой, незнакомой, но невероятно сильной и жгучей потребностью, все крепче прижималась к его сильному, жаждущему телу.

Почувствовав на затылке нежные прикосновения пальцев, Зак с трудом прервал поцелуй и хрипло зашептал:

— Девочка моя, ты даже не представляешь, какая ты красивая. Малышка, ты...

Джулия так и не поняла, что именно нарушило то сладостное оцепенение, в котором она до сих пор пребывала. То ли ей показалось, что все эти нежные слова она уже слышала в каком-то фильме. То ли слух резанул совершенно нелепый применительно к ней эпитет «красивая». Но в какой-то момент Джулия вдруг осознала, что наблюдала десятки подобных сцен между ним и действительно роскошными, сексуальными, восхитительными женщинами. А ведь на этот раз его столь опытные руки со знанием дела ласкали ее обнаженное тело, и это было отнюдь не в кино.

— Прекрати! — выкрикнула она и, резко вырвавшись из сводивших ее с ума объятий, начала судорожно одергивать свитер. Совершенно ошарашенный подобным поворотом, Зак на несколько секунд потерял дар речи. По-прежнему тяжело дыша, он обалдело смотрел на стоящую перед ним девушку. На щеках Джулии все еще горел румянец, а глаза были затуманены желанием, но теперь, казалось, она мечтала только об одном — сбежать от него как можно дальше. Абсолютно ничего не понимая, Зак мягко, будто строптивому ребенку, сказал:

— Малышка, что случилось?..

— Я же сказала — прекрати! Немедленно! И я совсем не «твоя девочка». Ты меня путаешь с кем-то другим. Я не желаю, чтобы меня называли «малышкой». Или говорили, что я красивая.

Зак был настолько сбит с толку, что не сразу заметил учащенное дыхание Джулии и ее настороженный взгляд. Неужели она боится, что он в любую секунду может наброситься на нее, сорвать одежду и изнасиловать? Очень спокойно и осторожно Зак спросил:

— Ты боишься меня?

— Конечно, нет! — возмутилась было Джулия и осеклась, поняв, что солгала. Первый поцелуй, как она инстинктивно почувствовала, был для него своего рода самоочищением, и она охотно ответила ему. Но теперь, когда ей захотелось дать много, много больше, она по-настоящему испугалась. Испугалась в первую очередь собственных желаний. Ей

нестерпимо хотелось чувствовать его руки, отдаться ему полностью.

Они молчали, и настроение Зака стало постепенно меняться. По мере того как страсть отпускала, им все сильнее овладевал гнев. Теперь его голос больше не был ни добрым, ни нежным.

— Если ты меня не боишься, то тогда в чем же дело? — резко спросил он. — Или, может быть, ты ничего не имеешь против того, чтобы уделить беглому преступнику немного женской ласки и тепла, но подпускать его ближе считаешь недопустимым и недостойным себя?

Джулии хотелось топтать ногами от злости на собственное бессилие и глупость. Как она могла допустить, чтобы дело зашло так далеко? Но вместо этого она постаралась взять себя в руки и сказала:

— Я не испытываю к тебе отвращения, если ты это имеешь в виду.

— Тогда в чем же дело? — голос Зака звучал совершенно невыразительно, но в нем появились какие-то новые, незнакомые нотки. — Или, может быть, я не достоин об этом спрашивать?

Нервным движением откинув волосы со лба, Джулия беспомощно оглядывалась по сторонам. Сейчас, когда все вокруг, казалось, стало с ног на голову и полностью вышло из-под контроля, ей просто необходимо было заняться каким-нибудь пустяковым делом. К своей радости, она обнаружила, что картина рядом с ней висит немного косо, и повернулась, чтобы поправить ее.

— Дело в том, — начала она, — что я не животное...

— Значит, ты полагаешь, что я — животное? Так? Загнанная в угол прямым вопросом Зака, Джулия продолжала оглядываться в поисках какого-нибудь беспорядка, который можно было бы исправить. Обнаружив упавшую на пол диванную подушку, она направилась к ней, чтобы водворить на место.

— Я полагаю, что ты человек, который в течение пяти долгих лет вообще не видел женщин.

— Тогда ты полагаешь совершенно правильно. И что же из этого следует?

Установив подушку строго вертикально, Джулия почувствовала себя несколько более уверенно.

— Из этого следует, — объяснила она, наконец овладев собой настолько, что смогла относительно непринужденно улыбнуться, — что я вполне могу понять, что после такого долгого воздержания...

Заметив зловещий огонек, вспыхнувший в янтарных глазах, Джулия осеклась и поспешно начала поправлять остальные подушки, бестолково перекладывая их с места на место, пытаясь разложить более симметрично.

Мысли путались под недобрым, пристальным взглядом Зака, но она заставила себя продолжать:

— ..После долгого пребывания в тюрьме любая женщина должна казаться тебе чем-то... Ну, чем-то вроде пиршества для голодающего. Любая женщина. — Сделав особое ударение на последних словах, Джулия нерешительно добавила:

— Я не хочу, конечно, сказать, что мне было неприятно, когда ты целовал меня. Тем более если это принесло тебе какое-то облегчение.

При мысли о том, что она считает его каким-то изголодавшимся самцом, которому не грех бросить небольшую подачку в виде снисходительного поцелуя, Зак чуть не задохнулся от ярости и унижения.

— Как это благородно с вашей стороны, мисс Мэтисон, — с издевкой произнес он и, не обращая никакого внимания на то, как смертельно побледнела Джулия, продолжал, стараясь подобрать хлесткие и обидные слова:

— Ради меня вы дважды пожертвовали своим драгоценным «я». Но, к сожалению, я вынужден вас несколько разочаровать. Вопреки вашему мнению, даже такое животное, как я, иногда проявляет сдержанность и разборчивость. А потому вполне способно отказаться от такого «пиршества», как вы. Даже после пяти лет воздержания.

Джулии казалось, что она физически ощущает исходящие от него волны гнева, причины которого были ей совершенно непонятны. Нервное возбуждение мешало ей до конца разобраться даже в собственных чувствах. Напуганная такой бурной реакцией на свои слова, она инстинктивно отступила на пару шагов и обхватила себя руками, пытаясь защититься от его ядовитого сарказма.

Но как Джулия ни пыталась скрыть свои истинные чувства и эмоции, выразительные глаза неизбежно выдавали ее. С удовлетворением отметив, что ему удалось достичь своей цели и причинить в отместку за унижение максимально возможную боль, Зак резко развернулся на каблуках, подошел к шкафу у телевизора и, полностью игнорируя собеседницу, начал перебирать видеокассеты, рядами стоящие на полках.

Джулия поняла, что ее просто отбросили в сторону, как использованную салфетку, и ей не остается ничего другого, как молча убраться в свою спальню. Но уязвленная гордость восстала против того, чтобы тотчас же забиться в нору подобно раненому зверьку. Поэтому, стараясь ничем не выдать своего смятения и изо всех сил подавляя желание разрыдаться, она подошла к столу и начала аккуратно складывать разбросанные в беспорядке журналы. От этого занятия ее оторвал резкий

окрик:

— Немедленно ступай в постель! Или ты собираешься до утра изображать примерную домохозяйку?

Боковым зрением Зак наблюдал, как она уходила, гордо расправив плечи и вызывающе вздернув подбородок. Ну что ж, это не первая и, наверное, не последняя потеря в его жизни. А потому, полностью выкинув Джулию Мэтисон из головы, он постарался сосредоточиться на том, что говорил Том Брокоу в новостях, от которых его отвлекла выходка своенравной пленницы. Зак был абсолютно уверен в том, что, пока он пытался ее успокоить, Брокоу что-то говорил о Доминике Сандини. Хотелось бы ему знать, что именно. Где-то через пару часов должен быть еще один, последний выпуск новостей или хотя бы беглый обзор событий дня. Поудобнее устроившись на диване и положив ноги на кофейный столик, он стал ждать. Воспоминания о том, как никогда не унывающим итальянце с его вечной бесшабашной ухмылкой вызвали у Зака невольную улыбку. Из множества людей, с которыми свела его судьба за всю тридцатипятилетнюю жизнь, только двоих он мог без всяких оговорок назвать своими друзьями — Мэтта Фаррела и Доминика Сандини. Эти двое были удивительно не похожи друг на друга — финансовый магнат международного класса и мелкий воришка. Дружба с Мэттом основывалась на десятках общих интересов и глубочайшем взаимоуважении.

С Домиником Сандини у Зака не было, да и не могло быть ничего общего, не говоря уже о том, что Зак не совершил ни единого поступка, которым мог бы завоевать уважение и преданность маленького итальянца. И тем не менее Сандини с удивительным бескорыстием проявлял по отношению к нему и то, и другое. С помощью дурацких, плоских шуток и многочисленных забавных историй о своем колоритном семействе Доминику удалось не только пробиться сквозь ту стену самоизоляции, которую Зак упорно возводил вокруг себя, но и незаметно втянуть того во все радости и проблемы многочисленного клана Сандини. А все эти бесконечные сестры, тетушки, племянники Доминика вели себя так, как будто тюремный двор являлся самым подходящим местом для радостных семейных встреч. Они совали в его неопытные руки пухлых чернявых младенцев и проявляли к нему ту же любовь, теплоту и заботу, что и к Доминику. Теперь, оглядываясь назад, Зак понимал, как много значили для него их теплые письма, печенье... и даже чесночная салями мамы Сандини. Судя по всему, ему будет их не хватать гораздо больше, чем он предполагал поначалу. Эти светлые воспоминания настолько улучшили его настроение, что Зак позволил себе откинуться на спинку дивана, закрыть

глаза и немного помечтать о подарке, который он купит Джине к свадьбе. Серебряный обеденный сервиз. И он обязательно подыщет какой-нибудь подарок Доминику. Что-нибудь необычное. Размышляя над тем, что именно он может купить, чтобы доставить радость неугомонному итальянцу, Зак чуть не расхохотался. Единственная полезная для Доминика вещь, которая приходила ему в голову, — это магазин по продаже подержанных автомобилей!

Незадолго до полуночи, как Зак и предполагал, повторили видеосюжет и комментарий Тома Брокоу. Наблюдая за тем, как Доминика обыскивают и в наручниках запихивают на заднее сиденье полицейской машины, Зак почувствовал беспокойство, а слова диктора заставили его насторожиться еще больше.

— Второй беглец, тридцатилетний Доминик Сандини, был благополучно задержан и взят под стражу после небольшой стычки с полицией. Для допроса его отправили в городскую тюрьму Амарилло, где до побега он делил камеру с Захарием Бенедиктом, до сих пор не пойманным. Начальник тюрьмы Уэйн Хадли охарактеризовал Сандини как чрезвычайно опасного преступника.

Зак напряженно всматривался в экран, но, к своему большому облегчению, не заметил на Доминике следов грубого обращения со стороны полицейских. И тем не менее то, что говорил диктор, не имело никакого смысла. Теоретически и телевидение, и Хадли должны были бы всячески превозносить Сандини, демонстрируя тем самым, что хотя бы один из расконвоированных сохранил лояльность и поднял тревогу, как только обнаружил побег своего сокамерника. Вчера, когда в новостях Доминика охарактеризовали как «второго беглого заключенного», Зак подумал, что журналисты просто еще не успели проинтервьюировать Хадли. Но теперь, когда уже прошло столько времени, это объяснение не годилось. Более того, Хадли охарактеризовал Сандини как чрезвычайно опасного преступника, что было Заку совершенно непонятно. Казалось бы, начальник тюрьмы должен быть в первую очередь заинтересован в том, чтобы хотя бы один из его подопечных повел себя как честный и сознательный гражданин.

Первое, что приходило в голову, — Хадли не купился на рассказ Доминика. Но это было совершенно невероятно. Зак позаботился о том, чтобы алиби друга выглядело непробиваемым. А значит, оставался только один возможный ответ — Хадли поверил Доминику, но был слишком разъярен, чтобы позволить тому остаться безнаказанным. Такого варианта Зак не учел. Он был уверен, что при столь пристальном внимании со

стороны средств массовой информации элементарное благоразумие заставит Хадли всячески расхваливать Доминика. Но очевидно, злобная и мстительная натура начальника тюрьмы брала верх надо всем. И над здравым смыслом в том числе. А если это действительно так, то при одной мысли о методах, к которым может прибегнуть Хадли, чтобы отыграться на Доминике за его побег, Зака пробивал холодный пот. По тюрьме непрестанно циркулировали жуткие слухи о том, что происходило в пресловутой «комнате для совещаний». И многие из этих «совещаний», которые Хадли проводил с помощью нескольких своих любимчиков из тюремной охраны, для неугодного заключенного заканчивались весьма трагически. В тюремном лазарете и морге уже давно привыкли к жертвам, изувеченным «в результате мер, к которым вынуждены прибегнуть охранники во время задержания при попытке к бегству».

Беспокойство и тревога Зака сменились самой настоящей паникой, когда местный обозреватель колорадского телевидения добавил:

— Мы только что получили очередное сообщение, касающееся побега Бенедикта — Сандини. Час назад начальник тюрьмы города Амарило сделал заявление журналистам, в котором сообщил, что во время допроса по поводу сообщничества в побеге Бенедикта Доминик Сандини предпринял повторную попытку к бегству. На этот раз тюремным охранникам удалось предотвратить побег и задержать преступника, но при этом трое из них получили ранения. Сам Сандини в настоящее время находится в тюремной больнице в критическом состоянии. Никаких дополнительных сведений о характере и тяжести полученных им ранений пока не поступало.

Зак почувствовал, как что-то внутри оборвалось, а к горлу подступила горькая тошнота. Закрыв глаза, он пытался взять себя в руки, но стоило ему вспомнить улыбчивое, жизнерадостное лицо Доминика, как все его усилия шли прахом.

Диктор еще продолжал что-то говорить, но его слова доносились до Зака, как сквозь вату. Он их почти не фиксировал.

— Подтвердились также слухи о бунте заключенных в городской тюрьме Амарило. Губернатор штата Техас Энн Ричарде готова, в случае необходимости, послать на его подавление специальные подразделения Национальной гвардии. Очевидно, заключенные решили максимально использовать шумиху, поднятую вокруг побега Захария Бенедикта и Доминика Сандини. Они возмущаются неоправданно жестоким обращением со стороны тюремного начальства и некоторых надзирателей, переполненными камерами и плохим питанием.

Программа давно кончилась, а Зак все сидел, неподвижно уставившись в погасший экран. Глухое отчаяние и угрызения совести, казалось, придавливали его к земле и не давали подняться. Твердая решимость сбежать из тюрьмы и уцелеть во что бы то ни стало, которая помогала ему выжить в течение последних пяти лет, начала постепенно ослабевать. Зачем жиг., на свете человеку, который повсюду несет с собой смерть? Сначала погибли его родители, потом брат, потом дедушка и, наконец, его жена. Не слишком ли много смертей вокруг него одного? И если Сандини умрет, то виноват в этом будет только он. Поздней ночью, сидя в полумраке гостиной, Зак действительно готов был поверить в то, что над ним тяготеет какое-то злое проклятие, которое обрекает на смерть тех, кто близок и дорог. Правда, несмотря на безысходное отчаяние, Зак понимал, что такие мысли опасны, почти безумны. Но в сложившейся ситуации сохранять остатки здравомыслия становилось все труднее и труднее.

Глава 25

Забрав из сушилки свои вещи, Джулия босиком прокралась через безмолвную гостиную обратно в спальню, где она провела почти бессонную ночь. Было уже одиннадцать часов утра, но, судя по звуку льющейся воды, доносившемуся из-за стены, Зак тоже встал поздно и теперь принимал душ.

Морщась от тупой, пульсирующей головной боли, Джулия приступила к ежеутреннему ритуалу высушивания и расчесывания волос, но делала это вяло и чисто автоматически. Ею двигала не воля, а скорее многолетняя прочно укоренившаяся привычка. Закончив приводить в порядок волосы, Джулия натянула на себя джинсы и свитер, который был на ней три дня назад, когда она отправилась в Амарилло. Казалось, что с того утра прошла целая вечность, потому что это было утро последнего в ее жизни нормального дня. С тех пор окружающий мир как будто перевернулся. Все стало с ног на голову. И в первую очередь это касалось того, что происходило в ее душе. Да, ее захватил заложницей сбежавший из тюрьмы убийца. Событие, конечно, неприятное, но ведь самое страшное заключалось не в этом. Любая другая порядочная законопослушная двадцатилетняя женщина возненавидела бы преступника. Любая другая уважающая себя женщина сделала бы все, чтобы убежать, сорвать планы Захария Бенедикта и сдать его в руки полиции. Преступник должен сидеть в тюрьме! Но для этого нужно было быть честной, порядочной и богобоязненной.

Судя по всему, с отвращением подумала Джулия, она к таковым не относилась. Вместо того чтобы последовать голосу разума, она позволила Бенедикту ласкать и целовать себя. Более того, она еще и получала от этого немалое удовольствие. И если вечером Джулия еще могла заниматься самообманом и убеждать себя, что она просто утешает несчастного человека, проявляя тем самым христианское милосердие, которому ее всегда учили, то сегодня, в беспощадном свете дня, все выглядело совершенно по-иному. Если бы Захарий Бенедикт был старым и уродливым, она вряд ли бросилась бы ему на шею и пыталась утешить его поцелуями. Равно как вряд ли бы стала так горячо убеждать себя в его невиновности.

Так почему бы не посмотреть правде в глаза и не признаться самой себе, что она поверила его нелепым заверениям только потому, что очень

хотела в них поверить. Что ее так называемые «утешения» были не чем иным, как потаканием собственным постыдным желаниям. Вместо того чтобы вчера утром на площадке для отдыха довести начатое до конца и сдать Бенедикта полиции, она валялась в снегу и охотно отвечала на его поцелуи, умышленно игнорируя крайне высокую вероятность того, что в возможной борьбе водитель грузовика по имени Пит скорее всего вообще не пострадает.

В Китоне она отвергала настойчивые ухаживания хороших, порядочных парней и лицемерно гордилась высокими моральными устоями, которые якобы переняла у своих приемных родителей. Но теперь горькая правда предстала перед ней во всей своей неприглядности — ее просто абсолютно не привлекали хорошие и порядочные парни. И происходило это по одной простой причине — каждого человека тянет к себе подобным, и ее тянуло к социальным изгоям типа Захария Бенедикта. Приличная и респектабельная жизнь не могла удовлетворить человека, для которого родной стихией, судя по всему, были насилие, опасность и запретные страсти.

Суровая правда заключалась в том, что сколько бы Джулия Мэтисон ни пыталась изображать из себя добропорядочную, законопослушную гражданку, в глубине души она все равно оставалась Джулией Смит — подкидышем, уличной девчонкой, промышляющей воровством в трущобах Чикаго. Тогда для нее не существовало никаких моральных норм; судя по всему, они не существуют для нее и сейчас. Миссис Боровская, сотрудница Ла-Салльского детского дома, была права. Вспомнив кислый голос и искривленные в вечной презрительной гримасе губы воспитательницы, Джулия так яростно дернула щетку, что чуть не вырвала себе клочок волос. В памяти всплывали обидные и жестокие слова, которые она так и не смогла забыть: «Горбатого могила исправит, Джулия Смит. Недаром говорят, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит. Ты можешь обмануть этих всезнаек-психологов, но меня тебе обмануть не удастся. Кривое дерево не разогнется... И из тебя никогда не выйдет ничего путного, попомни мои слова... Черного кобеля не отмоешь добела. Он все равно останется черным, а масть к масти подбирается. Поэтому ты и шляешься по улицам в компании таких же, как ты сама. И ни один из вас никогда не станет нормальным, порядочным человеком. НИКОГДА!»

Джулия крепко зажмурила глаза, пытаясь отогнать прочь эти мучительные воспоминания. И память услужливо подсказала совсем другие слова. Слова, принадлежащие замечательному, доброму, мягкому человеку, который удочерил ее. «Ты очень хорошая девочка, Джулия, —

услышала она ласковый голос преподобного Мэтисона, — добрая, любящая. А когда вырастешь, то станешь такой же замечательной девушкой, встретишь хорошего, верующего человека и выйдешь за него замуж. Ты — прекрасная дочь и когда-нибудь будешь такой же прекрасной матерью и женой».

Сознание того, что она обманула ожидания своих родителей, острой болью отозвалось в сердце.

— Ты ошибся... — шептала она, судорожно вцепившись в край туалетного столика и склонив голову. — Ты ошибся во мне...

Теперь истина предстала перед ней во всем своем уродстве — ее абсолютно не привлекали хорошие, порядочные, верующие мужчины, такие, как Грег Хаули. В отличие от Захария Бенедикта, который очаровал ее с той самой минуты, когда она впервые увидела его на заснеженной автомобильной стоянке. Отвратительная правда заключалась в том, что вчера вечером она больше всего на свете хотела принадлежать ему, и Бенедикт это прекрасно понял. Масть к масти подбирается, и он сразу безошибочно признал в ней свою. Именно поэтому он так разъярился, когда она оттолкнула его, — он просто презирал ее за трусость.

Черного кобеля не отмоешь добела. Миссис Боровская была права. Но ведь отец был несогласен с этим, внезапно вспомнила Джулия. Когда она повторила ему эту любимую пословицу воспитательницы Ла-Салля, преподобный Мэтисон мягко, но твердо отчитал ее:

— Животные действительно не могут меняться. Но ведь ты — человек! И Господь наделил тебя разумом и волей. А потому, если хочешь стать порядочным человеком, то тебе достаточно стремиться к этому, несмотря ни на что! Поверь в себя, и тогда, с Божьей помощью, ты достигнешь того, к чему стремишься!

Поверь в себя, Джулия...

Медленно подняв голову, Джулия пристально посмотрела на свое отражение в зеркале, чувствуя, как с каждой секундой в ней растут душевные силы. Пока она еще не совершила ничего непоправимого. Пока.

А значит, прежде чем она сделает нечто такое, в чем потом будет всю жизнь раскаиваться, ей необходимо вырваться отсюда. И как можно скорее! Бежать! Куда угодно, хоть к черту на рога, но только немедленно! Сегодня! Ей необходимо бежать именно сегодня, прежде чем ее слабая воля и сомнительной крепости мораль окончательно рухнут под натиском дьявольского обаяния Бенедикта. Если она задержится хотя бы на день, то действительно станет его сообщницей, а значит, падет в пропасть, из которой уже не будет возврата к нормальной жизни среди честных,

порядочных людей. От апатии не осталось и следа — она сменилась слегка истеричным возбуждением, и Джулия приняла твердое решение бежать именно сегодня. Бежать во что бы то ни стало.

Подойдя к окну, она слегка раздвинула портьеры, и в комнату проник мутный, сероватый свет мрачного зимнего утра. Все небо было затянуто тяжелыми тучами, готовыми в любую минуту просыпаться снегом, а ледяной ветер зловеще завывал между соснами и заставлял дребезжать оконные стекла.

Пока Джулия стояла, задумчиво разглядывая заснеженные окрестности и пытаясь мысленно проделать тот путь, которым они сюда приехали, в воздухе снова закружились снежинки — предвестники очередного снегопада. Джулия досадливо поморщилась — за последние два дня она видела столько снега, что ей, похоже, не захочется его больше видеть до конца своих дней. Большой круглый термометр на веранде показывал два градуса мороза. Но если принять в расчет ледяной ветер, то эти два превратятся во все двадцать.

От размышлений ее отвлекли громкие звуки радио. Судя по всему, виновник всех ее несчастий уже оделся и вышел в гостиную, чтобы прослушать последние новости.

На какую-то долю секунды ей захотелось наглухо забаррикадироваться в этой теплой, уютной комнате и сидеть здесь до тех пор, пока Бенедикт не решит убраться отсюда куда-нибудь подальше. Но Джулия тотчас же отбросила эту мысль как утопическую и совершенно неприменимую на практике. Во-первых, ей нужно будет что-то есть и пить, а во-вторых, даже если она и забаррикадирует дверь, то все равно ничего не сможет сделать с окном. Кроме того, с каждым новым днем ее пребывания здесь будет все сложнее убедить власти и жителей Китона в том, что она не была ни сообщницей, ни любовницей сбежавшего из тюрьмы преступника, осужденного за убийство.

А следовательно, как это ни грустно, единственный путь к «свободе» и незапятнанной репутации пролегал через эти заснеженные и совершенно незнакомые горы. Путь, который ей предстоит преодолеть в одиночку на «блейзере», если удастся вспомнить былое и завести машину без ключа зажигания. Или пешком. И так как второй вариант казался гораздо более вероятным, то она решила в первую очередь позаботиться о теплой одежде.

Оторвавшись от окна, Джулия направилась к огромному стенному шкафу, рассчитывая оттуда «позаимствовать» что-нибудь. Недолгие поиски очень быстро увенчались успехом — у самой задней стенки шкафа она обнаружила два утепленных лыжных комбинезона одинаковой расцветки

— ярко-синие, с бело-красной отделкой. На ее счастье, один из них был маленького размера, и приложив его к себе, Джулия поняла, что он придется ей как раз впору. Прихватив комбинезон, она направилась к бельевому шкафу и начала перебирать его содержимое. Через пару минут ее ждал еще один приятный сюрприз — в одном из ящиков лежало несколько комплектов теплого шерстяного белья.

Правда, белье оказалось немного великоватым и настолько плотным, что, с трудом натянув джинсы, Джулия уже не смогла согнуть ноги в коленях. Однако на такие мелочи не стоило даже обращать внимания. Все ее помыслы были направлены на то, чтобы обмануть Зака, усыпить его бдительность и получить достаточную фору в том случае, если ей придется уходить пешком. Из этих же соображений она решила до поры до времени не надевать теплый комбинезон. На данном этапе самым важным было убедить Бенедикта в том, что она хочет просто немного подышать свежим воздухом и не собирается оставаться на улице.

Понимая, что из-за шерстяного белья ее ноги стали похожи на толстые, туго набитые сардельки, Джулия пониже натянула свитер, постаралась придать своему лицу выражение вежливой, безличной доброжелательности и, открыв дверь, вышла в гостиную.

Зак стоял у громадного окна и, засунув руки глубоко в карманы брюк, смотрел на падающий снег. Джулия не стала окликать его, оттягивая тот момент, когда ей придется снова оказаться с ним лицом к лицу. Зак вынул руку из кармана и задумчиво потер затылок. Внезапно в памяти всплыли вчерашние события. Джулия отчетливо вспомнила, как накануне вечером эти длинные, чуткие пальцы ласкали ее грудь и какое острое наслаждение она при этом испытывала. Только сейчас она смогла оценить то самообладание, сдержанность и даже благородство, которые Зак проявил вчера. Ведь он был возбужден не меньше, чем она, уж в этом у нее не было никаких сомнений. Джулия будто вновь ощутила рядом это сильное, охваченное желанием мужское тело, и кровь прилила к ее щекам.

Она раздрадила его, а потом безжалостно оттолкнула, оскорбила и унизила. И все же, несмотря на все это, Зак даже не попытался прибегнуть к насилию...

Теперь он стоял вполоборота к ней, и Джулия не могла оторвать взгляд от надменного, резко очерченного профиля, от подвижного рта, который целовал ее вчера с такой всепоглощающей страстью. Разве может человек, способный на такую нежность и сдержанность даже в порыве страсти, даже после пятилетнего воздержания, быть убийцей? Никак не может...

Ну нет! На этот раз Джулия не поддастся очередному наваждению!

Она опять ведет себя как последняя дура — стоит здесь и идеализирует своего похитителя, беглого преступника, только потому, что он высок, красив и невероятно сексуален. Она — просто бесхребетная идиотка, не умеющая совладать с обычным животным влечением.

— Я прошу прощения, — звонко выпалила Джулия, стараясь перекричать громко работающее радио.

Зак резко повернулся, и его цепкий взгляд тотчас же отметил ее наряд, явно не рассчитанный на пребывание в теплой гостиной.

— Могу я поинтересоваться, куда это ты собралась? — недобро прищурившись, спросил он.

— Ты сказал, — ответила Джулия, пытаясь придать своим словам шутливый оттенок, — что я могу свободно передвигаться по дому, и я подумала, что это распространяется и на близлежащее пространство. Если я еще немного посижу взаперти, то у меня начнется клаустрофобия. Мне просто жизненно необходим глоток свежего воздуха.

— Там слишком холодно.

Почувствовав, что если она немедленно не придумает что-нибудь, то получит отказ, Джулия решила изменить тактику и обратиться к его логике:

— Ведь ты же сам говорил, что если я попытаюсь бежать, то умру от переохлаждения. Я просто хочу немного побыть на свежем воздухе, обследовать двор и... — Джулия на мгновение замялась, но тут на нее снизошло вдохновение, и она продолжала, пытаясь придать своему голосу хотя бы подобие ребяческого задора:

— ..Я хочу слепить снеговика! Пожалуйста, не отказывай мне в этом! — Теперь она откровенно упрашивала его. — Я не видела такого количества снега с тех пор, как маленькой девочкой приехала в Техас.

Судя по всему, ее притворная восторженность не произвела на Зака должного впечатления. Потому что когда он заговорил, в его голосе не было и намека на дружелюбие или умиление.

— Делай, что хочешь, но оставайся при этом в поле зрения. Так, чтобы я мог видеть тебя из окна.

— Слушаюсь, господин надзиратель! — огрызнулась Джулия. Конечно, не стоило лишний раз раздражать его, но это самодурство уже начинало действовать ей на нервы. — Может быть, вы мне все-таки позволите изредка отходить в сторонку — собирать ветки и всякие прочие мелочи, которые мне могут понадобиться?

Вместо ответа Зак лишь надменно приподнял брови и молча уставился на нее, как на какое-то диковинное животное.

Джулия прекрасно понимала, что в данном случае это молчание можно

расценить как угодно, но только не как знак согласия, и тем не менее решила сделать вид, что восприняла его именно так. У нее появилась цель. И ради ее достижения она была готова на что угодно, в том числе на любое притворство.

— Раньше я всегда делала им морковные носы, — невозмутимо сообщила Джулия, сама удивляясь внезапно открывшимся в ней актерским способностям, которых она до сих пор за собой не замечала. Ей даже удалось изобразить не слишком фальшивую улыбку.

— Пойду поищу в холодильнике.

Вчера в шкафчике рядом с холодильником она заметила кучу разных ключей и сейчас хотела взглянуть на них повнимательней. Открыв холодильник левой рукой, правой Джулия осторожно выдвинула ящик и начала ощупывать его содержимое.

— К сожалению, ни одной морковки, — обернувшись, жизнерадостно сообщила она, но на этот раз улыбка получилась несколько неестественной.

Ключи валялись в беспорядке по всему ящику среди различной кухонной утвари. С большим трудом Джулии удалось подцепить два ключа — мешали длинные ногти, да и руки дрожали немилосердно. Третий ключ был почти у нее в руках, когда, испуганно обернувшись на звук шагов, она обнаружила, что Зак стоит прямо за ее спиной. Джулия задвинула ящик. Два ключа жгли ладонь, и ее последующие слова прозвучали слишком резко и нелепо:

— Что тебе нужно?

— Что-нибудь съедобное, а в чем дело?

— Ни в чем, я просто поинтересовалась. — пролепетала Джулия, стремительно ретируясь в гостиную. Зак проводил ее пристальным взглядом.

— Что у тебя с ногами?

Джулия почувствовала, как в горле пересохло, а язык буквально прилип к небу.

— Ничего. То есть я хочу сказать... Я просто нашла пару теплых рейтуз и решила пододеть их под джинсы, чтобы не замерзнуть.

— Не отходи далеко от дома, — предостерег ее Зак, — не заставляй меня отправляться на твои поиски.

— Не буду, — с готовностью соврала Джулия, открывая дверцу стенного шкафа, находящегося в прихожей. Вчера она успела заметить там довольно большой выбор вязаных шапочек и перчаток, принадлежащих хозяевам дома. — Как ты думаешь, — невинно поинтересовалась она, проигрывая в уме возможные варианты побега, — что лучше всего

подойдет для глаз и носа? — Джулия справедливо рассудила, что лучший способ притупить бдительность Зака — это надоесть ему дурацкими вопросами.

— Я понятия не имею, из чего обычно делаются глаза и носы снеговиков. Кроме того, мне на это абсолютно наплевать.

Стараясь казаться максимально простодушной, Джулия с энтузиазмом пустилась в рассуждения, не забывая при этом тщательно ощупывать каждую пару из имевшейся в ее распоряжении обуви, подыскивая ту, которая бы наилучшим образом соответствовала ее целям.

— Между прочим, в культурах некоторых народов снеговики занимают довольно важное место, — сообщила она, переходя на привычный учительский тон, которым обычно разговаривала со своими учениками-третьеклассниками. — Разве ты этого не знал?

— Нет.

— Слепить хорошего снеговика — это целое искусство, — добавила она.

Еще некоторое время Зак продолжал, ни слова не говоря, рассматривать ее как какую-то диковинную зверушку. Но потом ему это надоело, и он просто по-хамски повернулся к ней спиной и направился обратно в кухню.

Джулия и сама бы с радостью отказалась от всяких дальнейших попыток завязать разговор, но ей необходимо было отвлечь внимание Зака, а потому она продолжала нести околесицу.

— Я хочу сказать, что в странах, где скульптуры из снега и льда рассматриваются наравне со всеми остальными произведениями искусства, снеговик также является чем-то большим, чем просто три кома снега, установленные один на Другой. Там люди создают вокруг каждого снеговика особую, неповторимую обстановку и используют для этого ветки, ягоды, камни и прочие подсобные материалы. — С этими словами она наконец извлекла пару теплых, водонепроницаемых перчаток подходящего размера и обернулась к Заку, сияя лучезарной улыбкой. — Разве это не интересно?

— Не то слово. Просто завораживающе, — Зак достал кухонный нож и открыл один из шкафчиков с припасами, явно намереваясь подыскать себе что-нибудь на завтрак.

— Но ты ведешь себя так, как будто тебя это совершенно не интересует. — Джулия чувствовала, что немного перегибает палку, но твердо решила довести своего тюремщика до белого каления — чтобы он приказал ей убираться на улицу и оставить его в покое. — Я хочу сказать,

что ты мог бы хоть как-то помочь мне. Подсказать что-нибудь интересное. Какую-нибудь оригинальную идею. Ты только представь себе, как будет здорово...

Зак с таким грохотом захлопнул дверцу шкафчика, что Джулия чуть не подпрыгнула. Только теперь она к своему великому ужасу увидела нож, который он держал в руке.

— Джулия! Немедленно замолчи, или я за себя не отвечаю! Этой неожиданной и бурной вспышки с его стороны оказалось достаточно, чтобы напомнить Джулии, кто перед ней. Тем более что сейчас, с ножом в руке и недобрым огоньком в глазах, Захарий Бенедикт производил впечатление человека, вполне способного на хладнокровное убийство.

Заметив, как она смертельно побледнела, Зак проследил за направлением ее взгляда и сразу все понял.

— Совершенно верно, — насмешливо сказал он, стараясь ничем не выдать душившую его ярость. — Я был осужден за убийство. Как же ты могла об этом забыть?

— Н-но т-ты же ск-казал мне, что не делал этого, — заикаясь, лепетала Джулия, прилагая титанические, но тщетные усилия к тому, чтобы ее голос звучал спокойно и рассудительно.

— Да, я действительно так сказал, — охотно подтвердил Зак, явно забавляясь ее испугом. От его вкрадчивого голоса Джулии становилось еще страшнее, чем от крика. — Но ведь ты же знаешь лучше. Правда, Джулия?

С трудом сглотив застрявший в горле ком. Джулия начала пятиться к выходу, — М-можно мне выйти на улицу? — помертвевшим голосом спросила она и, не дожидаясь ответа, вслепую нашарила ручку и открыла входную дверь.

Оставшись один, Зак попытался успокоиться и выбросить из памяти выражение панического ужаса на ее лице. Снова и снова он убеждал себя в том, что Джулия Мэтисон может думать о нем все, что угодно. Ему это совершенно безразлично. И его не волнует та трогательная наивность, с которой она рассуждала о своем дурацком снеговике. И то, что она настолько чиста, добра и безыскусна, что по сравнению с ней он действительно кажется самому себе мерзким и бесчувственным чудовищем.

От этих малоприятных размышлений его отвлек выпуск новостей, который начался через несколько минут. Информация, сообщенная диктором, значительно улучшила его настроение. Согласно последним сведениям, состояние Сандини хотя и не улучшилось, но и не стало хуже. Немного покрутив ручку настройки, Зак наконец услышал еще одну

долгожданную новость:

— Канадские власти сообщили, что человек, по описанию похожий на сбежавшего из тюрьмы Захария Бенедикта, судя по всему, два дня назад пересек американо-канадскую границу в районе Виндзора.

Глава 26

К счастью, «блейзер» был припаркован за домом и находился вне поля зрения Зака. Однако все попытки Джулии завести машину оканчивались неудачей. С того дня, когда она получила свой первый и единственный урок по угону, прошло уже более пятнадцати лет, и то ли за это время системы зажигания существенно изменились, то ли она была не слишком прилежной ученицей, потому что понятия не имела, что делать с той кучей проводов, которую извлекла из-под приборной панели.

Нагнувшись, Джулия подняла с земли охапку сосновых сучьев и быстро направилась к углу дома, сгибаясь под порывами встречного ветра. Ее непрерывно била мелкая дрожь, но не только холод был тому причиной. Все те пятнадцать минут, которые она была на улице, Зак, неподвижный и бесстрастный, как сфинкс, наблюдал за ней, стоя у панорамного окна гостиной. Под предлогом сбора необходимого «реквизита» Джулия могла периодически исчезать из его поля зрения, но отсутствовать слишком долго боялась — это могло вызвать совсем ненужные подозрения. Она уже успела сделать три ходки к «блейзеру», каждый следующий раз позволяя себе отсутствовать немного дольше, чем предыдущий. Таская никому не нужный хворост, Джулия изо всех сил пыталась убедить Зака в том, что действительно впала в детство и всерьез собирается лепить снеговика на этом сумасшедшем морозе. Она рассчитывала, что такое явное проявление идиотизма окончательно усыпит его бдительность и он не будет торчать у окна, как каменный часовой. Но ее надеждам не суждено было сбыться.

Натянув вязаную лыжную шапочку, позаимствованную из шкафа в прихожей, на замерзшие уши, Джулия начала скатывать нижний шар снеговика, напряженно размышляя над тем, что же ей делать. Она не смогла завести «блейзер», а значит, вариант побега на машине отпадал, но для того чтобы решиться бежать пешком в такую жуткую погоду, нужно быть самоубийцей. Даже если ей очень сильно повезет и она каким-то чудом не заблудится, то все равно замерзнет задолго до того, как доберется до основной дороги. Не говоря уже о том, что эта основная дорога была настолько «оживленной», что ей скорее светила смерть от переохлаждения, чем какая-нибудь попутка. По дороге сюда они за два с лишним часа не встретили ни одной машины. Вероятность того, что ей удастся найти место, куда он спрятал ключи от «блейзера», и вовсе равнялась нулю.

— Но ведь должен же быть какой-то выход! — вслух убеждала себя

Джулия, подталкивая громоздкий снежный ком к сваленным в кучу сосновым веткам.

За домом, там где был припаркован «блейзер», находился гараж. Зак сказал ей, что его используют в качестве склада, а потому машину туда поставить нельзя. Может быть, он лгал? Или просто не знал наверняка? По крайней мере один из ключей, которые ей удалось стащить на кухне, похоже, подойдет к огромному висячему замку на гараже. Правда, даже если владелец дома вдруг оставил в запертом гараже машину, ей это мало чем может помочь — «блейзер» блокировал выезд.

А значит, оставался только один выход. Не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться, что в гараже она обязательно найдет по крайней мере одну необходимую ей вещь: лыжи.

В стенном шкафу спальни она заметила лыжные ботинки, но самих лыж в доме нигде не было. А это могло значить только одно — они в гараже.

Правда, она ни разу в жизни не стояла на лыжах.

Не беда, всему можно научиться. Судя по тому, что она видела в кино и по телевизору, это не особенно сложно. Ведь дети могут кататься на лыжах? Значит, сможет и она.

А Захарий Бенедикт? Джулия с ужасом вспомнила один из детективов с его участием. Дело происходило на горнолыжном курорте в Швейцарии, и он играл довольно опытного и умелого лыжника. Оставалось надеяться, что тогда за него работал каскадер.

Установив огромный снежный ком, Джулия разбросала вокруг сосновые ветки и, изображая напряженный творческий процесс, начала критически оглядывать «произведение», при этом ни на минуту не забывая следить за окнами гостиной. Ситуация не менялась — Зак стоял на прежнем месте, неподвижный и бесстрастный.

И тем не менее необходимо было попытаться проникнуть в запертый гараж.

Онемевшими руками Джулия попробовала вставить в тяжелый замок первый ключ. Никакого результата. У нее оставался еще один, последний, шанс. Второй ключ легко вошел в замочную скважину и... о чудо! Огромный замок моментально распался на две части. Оглянувшись на дверь черного хода и убедившись в том, что у ее тюремщика не возникло случайное желание прогуляться, Джулия переступила через сугроб и вошла в гараж, прикрыв за собой дверь.

Наткнувшись в темноте на какой-то непонятный предмет с огромными колесами и споткнувшись о лопату, она наконец нащарила на стене

выключатель. Под потолком вспыхнуло сразу несколько мощных прожекторов, на мгновение ослепив ее. Но вскоре Джулия уже смогла различать очертания окружающих предметов, и ее сердце забилося чаще от радостного предчувствия. Аккуратно упакованные в чехлы, лыжи стояли у стены. Однако все ее внимание было приковано к огромному трактору с каким-то хитроумным приспособлением, предназначенным, судя по всему, специально для преодоления снежных завалов. На несколько секунд Джулия позволила себе помечтать о том, как удобно было бы пробираться по незнакомым, засыпанным снегом горным дорогам за рулем этой гигантской машины. Но она тотчас же отбросила эту идею как совершенно безумную. Даже если у нее хватит храбрости сесть за руль этого монстра, то грохот его дизеля наверняка переполошит все живое в радиусе нескольких километров, не говоря уже о Бенедикте, который находился в самой непосредственной близости. Да и двигается эта махина, конечно, настолько медленно, что Зак сможет ее догнать, не прилагая к этому особых усилий.

Джулия внимательно огляделась вокруг. Гараж был заполнен запчастями для трактора, запасными шинами, коробками и еще каким-то оборудованием, скрытым под водонепроницаемым черным брезентом..

Лыжи. Итак, ей предстояло проделать весь путь до шоссе на лыжах, и это совсем не радовало. Во-первых, даже если ей удастся избежать смерти от переохлаждения, то она наверняка сломает себе шею, что ничуть не лучше. Кроме того, за последние полчаса ветер усилился, и теперь на дворе бушевала самая настоящая пурга. А это значило, что по меньшей мере до завтрашнего дня о побеге не могло быть и речи. Начиная отчаиваться, Джулия скорее из чистого любопытства приподняла краешек брезентового полога... И не поверила собственным глазам.

Ее изумленному взгляду предстали два сверкающих темно-синих снегохода.

Дрожащими руками Джулия сунула ключ в замок зажигания. Мотор завелся! С трудом сдерживая ликование, Джулия выбежала из гаража, тщательно прикрыв за собой боковую дверь. Даже погода, которая еще несколько минут назад казалась непреодолимым препятствием, теперь превратилась всего лишь в досадную помеху. Ведь через каких-нибудь полчаса, а может быть, и раньше, она уже будет на пути к свободе. Оставалось только переодеться в комбинезон и как можно незаметнее выскользнуть из дома. Правда, она ни разу в жизни не водила снегоход, но не сомневалась, что сможет справиться с его управлением гораздо лучше, чем с лыжами. Вовремя сообразив, что сейчас, когда все наконец начало

складываться для нее наилучшим образом, не стоит лишний раз рисковать, Джулия собрала еще несколько веток и положила их рядом со снеговиком. Захарий Бенедикт оставался на своем посту, и Джулия, перед тем как зайти в дом, немного помедлила, обдумывая, что еще предстоит сделать, чтобы на этот раз наверняка избежать осечки. В первую очередь необходимо сменить мокрые перчатки и надеть комбинезон, а главное — забрать ключ от второго снегохода, чтобы Бенедикт не смог преследовать ее.

Пришло время перейти к решительным действиям. И на этот раз ни снег, ни вооруженный преступник не смогут ее остановить.

Стоя у окна, Зак наблюдал за тем, как его строптивая пленница натянула на уши вязаную шапочку и скрылась за углом дома. Гнев и обида бесследно испарились. Может, благодаря сообщению о том, что Сандина жив. К тому же невозможно было без улыбки смотреть на Джулию Мэтисон за «работой». Он давно заметил, что тесные джинсы значительно осложняют процесс «творчества», и с невольным интересом наблюдал за тем, как ей удастся найти выход из этого затруднительного положения. Решение оказалось довольно оригинальным и не менее забавным. Когда снежный ком достаточно вырос, Джулия повернулась и продолжала работать, упираясь в него спиной и сильно отталкиваясь ногами. Зак с трудом поборол искушение выйти и предложить свои услуги, вовремя сообразив, что ничем, кроме гневной отповеди, его благие намерения не увенчаются. Кроме того, это лишит его удовольствия наблюдать за ней. До сегодняшнего дня он и не подозревал о том, что можно получать удовольствие, просто наблюдая за женщиной, лепящей снеговика. Правда, до сегодняшнего дня ему никогда и не встречалась взрослая женщина, которая бы вдруг решила снизить до столь бесхитростного и бесполезного занятия.

Ожидая ее очередного появления из-за угла, Зак подумал о том, что, несмотря ни на что, Джулия оставалась для него совершеннейшей загадкой. Казалось, что она состоит из сплошных контрастов. Да, она, несомненно, была очень добра, умна и всегда готова отнестись к своему ближнему с сочувствием и пониманием. Но в то же время ее никак нельзя было назвать кротким ягненком. Все это интриговало и вызывало сильное желание познать и понять феномен, который носил имя Джулия Мэтисон. Но больше всего его влекло к ней другое — какая-то удивительная и неподдельная чистота и невинность. Сначала Зак подумал, что ему просто померещилось и он выдает желаемое за действительное, но вчера он сам имел возможность убедиться в том, что она даже не умеет толком целоваться. Ему поневоле стало интересно, что же за мужики живут в

богоспасаемом городе Китоне, штат Техас. И в первую очередь это касалось ее так называемого жениха. Каким же остолопом надо было быть, чтобы его невеста даже не имела понятия о том, что существует какая-то прелюдия к примитивному половому акту? Зак вспомнил, что Джулия подпрыгнула, как испуганный зайчишка, когда он коснулся ее груди. Если бы дело происходило несколько десятков лет назад, то он бы подумал, что она никогда не знала мужчины.

Последняя мысль, показавшаяся Заку абсолютно нелепой, вернула его к действительности. И как раз вовремя.

Потому что в эту минуту открылась дверь черного хода и в комнату вошла Джулия.

— Я... Мне нужно взять кое-какую одежду для снеговика, — лучезарно улыбаясь, сообщила она.

— Может быть, лучше подождать до завтра? — предложил Зак, и ее улыбка тотчас же померкла.

— Но мне... Но я как раз дошла до самого интересного, — отчаянно запротестовала Джулия. — Неужели тебе доставляет удовольствие лишать меня такой радости?

— Только не надо делать из меня чудовище! — рявкнул Зак, чувствуя, что им снова овладевает гнев, — страх и недоверие в ее глазах ранили большее любого оружия.

— Тогда позволь мне закончить...

— А я тебе этого и не запрещаю, — раздраженно ответил Зак.

Подвижное лицо Джулии снова осветилось фантастической улыбкой:

— Спасибо!

Против этой улыбки Зак не мог устоять.

— Не за что, — ответил он и с раздражением отметил нежную, сюсюкающую интонацию в собственном голосе. К счастью для него, в это время радиокомментатор сообщил, что после очередного блока рекламы последует новейшая информация, касающаяся недавнего побега из тюрьмы, и Зак, вежливо кивнув Джулии, которая тотчас же с готовностью устремилась в спальню, направился к радиоточке и почти до отказа повернул регулятор звука.

Бесстрастный голос диктора сообщал:

— Десять минут назад анонимный информатор позвонил в редакцию и сообщил, что Доминик Карло Сандини, который два дня назад пытался бежать из городской тюрьмы Амарилло вместе со своим сокамерником, скончался сегодня утром, в 11.15, по дороге в больницу св. Марка. Покойный был племянником Энрико Сандини, который считается видной

фигурой в преступном мире. Причиной смерти стали увечья, полученные при предпринятой им вчера попытке к бегству, во время которой он нанес ранения двоим охранникам и...

Выходя из спальни, Джулия слышала последние слова диктора, но ее мысли были настолько поглощены тем, как бы ей понезаметнее пронести объемистый лыжный комбинезон, что она не сразу смогла установить связь между сводкой новостей и криком ярости и боли, вырвавшимся из груди Зака. Затем последовал звук бьющегося стекла — это разлетелась на мелкие куски кофейная чашка, которую он с силой швырнул о кафельный пол кухни.

Находясь в поле зрения Бенедикта, Джулия с ужасом наблюдала, как он с яростью швыряет об пол и стены все, что попадает под руку, выкрикивая страшные ругательства и свирепые угрозы. Тостер, ударившись о кафельный пол, развалился на части. За ним последовали миксер и кофеварка. После этого Зак одним махом смел все, что находилось на стояке, и на полу выросла бесформенная груда битого стекла и фарфора. Но эта сумасшедшая вспышка ярости закончилась так же внезапно, как и началась. Бессильно уронив руки на спеку, он низко склонил голову и закрыл глаза.

Парализованная страхом Джулия начала постепенно приходить в себя, но от мысли взять ключ ко второму снегоходу пришлось отказаться. Ни за что на свете она не рискнула бы сейчас приблизиться к этому сумасшедшему, который стоял прямо рядом с интересующим ее ящиком. Держась как можно ближе к стене, Джулия начала пробираться к входной двери. У самого выхода ее догнал мучительный, протяжный стон:

— Дом... Прости меня, Дом. Прости!

Глава 27

Не обращая внимания на бушующую кругом метель, Джулия пробиралась к гаражу. Перед глазами снова и снова возникала жуткая сцена, невольной свидетельницей которой она стала. Дрожа от нетерпения, она поспешно натянула на себя комбинезон, шлем, перчатки и, побоявшись включить мотор из опасения привлечь к себе преждевременное внимание, начала потихоньку подталкивать один из снегоходов к дверям. Только выведя машину из гаража, она решила наконец сесть за руль и повернуть ключ в замке зажигания. Мотор ожил и, оказалось, работал гораздо тише, чем предполагала Джулия. Судорожно пытаясь удержать равновесие и молясь о том, чтобы шум не был слышен в доме, она направила брыкающуюся, как необъезженный мустанг, машину к сплошной стене деревьев, окаймляющей двор.

Дрожа от страха и непонятно откуда взявшегося радостного возбуждения, Джулия маневрировала между деревьями и припорошенными снегом холмиками, под которыми могло скрываться все, что угодно. Как только она окажется достаточно далеко от дома и убедится, что ее никто не преследует, нужно будет свернуть на извилистую дорогу, ведущую к шоссе. Но пока Джулию вполне устраивала езда под надежным прикрытием огромных сосен. Потому что на открытом пространстве в данный момент неистово завывал ветер и бушевала самая настоящая пурга.

С каждой минутой вера Джулии в то, что ей все-таки удастся вырваться из плена, крепла и придавала все новые и новые силы. Но радость от столь долгожданной свободы почему-то омрачали воспоминания о безысходной тоске и непритворном отчаянии человека, от которого она так стремилась убежать. Мысль о том, что хладнокровный убийца никогда бы не смог испытывать такое сильное горе от гибели своего сокамерника, отравляла радость от вновь обретаемой свободы.

Джулия оглянулась, чтобы еще раз удостовериться, что ее не преследуют, и чуть не врезалась в дерево. Резко повернув руль и едва не опрокинув снегоход, она устремилась вперед.

Немного придя в себя, Зак огляделся по сторонам и увидел на полу кучу покореженных приборов и битой посуды. Вяло чертыхнувшись, он потянулся за графином с бренди. Он залпом проглотил обжигающую жидкость, пытаясь хоть немного притупить ноющую боль в груди. В ушах

стоял жизнерадостный голос Доминика, читающего последнее письмо от матери: «Эй, Зак, Джина выходит замуж! Как бы мне хотелось быть на ее свадьбе!» Вспомнил Зак и оригинальные советы Сандины, его искреннее желание помочь: «Послушай меня, если тебе нужен фальшивый паспорт, то ни в коем случае не следует обращаться к некоему парню по имени Рубин Шварц, о котором никто никогда и слыхом не слыхивал. Тебе достаточно обратиться ко мне, а уж я сведу тебя с Уолли по кличке Ласка. В этой стране он — лучший в своем деле. Боюсь, Зак, что тебе никуда не деться. Придется все-таки позволить мне помогать тебе...»

Зак позволил, и вот теперь Доминик мертв. «Эй, Зак, хочешь еще немного маминой салями?» Стоя у окна и прихлебывая бренди, он, казалось, физически ощущал вокруг себя ту атмосферу жизнелюбия и бесхитростной веселости, которую повсюду нес с собой Доминик. Он умел находить радость в самых неожиданных и незначительных вещах. Сейчас он наверняка был бы там, на улице, и помогал Джулии лепить ее снеговика...

Рука с бокалом бренди замерла в воздухе, и Зак почувствовал, как все внутри похолодело. Его напряженно ищущий взгляд тщетно обшаривал двор.

— Джулия! — крикнул он, наконец добравшись до двери черного хода и распахивая ее. В лицо ударил резкий порыв ветра. Снег слепил глаза. — Джулия! Немедленно возвращайся в дом, пока не отморозила... — Завывания ветра почта полностью заглушали его крики, но теперь, похоже, это уже не имело никакого значения. Взгляд Зака уперся в длинную цепочку глубоких следов, ведущих к гаражу.

— Джулия. — еще раз крикнул Зак, распахивая дверь гаража, — какого черта ты здесь делаешь? Что...

Запнувшись на полуслове, он умолк, не в силах поверить собственным глазам. Черный брезентовый полог был откинут, и из-под него выглядывал темно-синий нос снегохода. А прямо от порога начинался след, в происхождении которого невозможно было ошибиться. Он вел в лес.

Еще несколько минут назад Зак готов был поклясться, что после смерти Дома уже ничто не сможет потрясти его, но та ярость и предчувствие беды, которые он испытывал сейчас, заглушили даже боль от смерти товарища.

Стоило Джулии выехать из-под защиты деревьев и направить снегоход вниз по крутой, узкой дороге, по которой они ехали сюда на «блейзере», как ее пронизал невыносимо сильный, пробирающий до костей холод. Снег

слепил глаза, выступавшие слезы тотчас превращались в ледышки; губы, руки, ноги одеревенели и перестали слушаться. Снегоход перелетел через старую колею и скользнул вбок; Джулия попыталась снизить скорость, но обнаружила, что тело совершенно вышло из-под контроля и отказывается подчиниться отчаянным приказам мозга.

И только против страха холод оказался бессилён. Страх, что Зак догонит ее и очередная попытка бегства закончится полным крахом. А если не догонит? Скорее всего тогда она заблудится в этой пурге и окончит свои дни под одним из глубоких сугробов. В мозгу Джулии внезапно возникла пугающе отчетливая картина того, как по весне поисковая партия извлечет из-под тающего снега ее хорошо сохранившиеся останки. В шикарном темно-синем защитном комбинезоне и шлеме, идеально подходящем по цвету к лежащему рядом снегоходу. Это будет блестящим концом для девчонки из трущоб Чикаго, которой так хотелось достичь совершенства, с мрачным юмором подумала Джулия.

Далеко внизу, сквозь спутанные голые ветви деревьев, она уже могла разглядеть спасительное шоссе, но чтобы добраться до него, предстояло преодолеть почти отвесный спуск, который становился еще более опасным из-за деревьев и многочисленных валунов, предательски скрытых под снегом. Поэтому если она решит ехать напрямик, то, может быть, и сэкономит несколько минут, но вряд ли доберется до шоссе живой. Кроме того, для начала ей еще предстояло перебраться через хорошо знакомый мостик над разбушевавшейся горной речкой, а потом уже можно будет всерьез задуматься над выбором места для спуска. Джулия попыталась вспомнить, где именно находится мост. Ей казалось, что он должен быть за следующим крутым поворотом, хотя из-за сугробов, до неузнаваемости изменивших дорогу и превративших ее в узкую тропинку, нельзя было быть ни в чем уверенной до конца.

Чувствуя, что окончательно замерзает, Джулия подумала в том, что было бы неплохо ненадолго остановиться и немного добежать, чтобы согреться. Но с другой стороны, она боялась потерять драгоценное время.

До сих пор Джулия ни разу не оглянулась, боясь ото рвать взгляд от дороги и снова потерять контроль над совершенно незнакомым ей средством передвижения, но сейчас она не смогла удержаться от искушения. Бросив быстрый взгляд через плечо, Джулия невольно вскрикнула от испуга. Напрямик через лес к дороге стремительно приближался второй снегоход. Его водитель, низко склонившись к рулю, с пугающим мастерством и легкостью маневрировал между деревьями и валунами.

Панический страх овладел Джулией настолько, что она на время забыла даже о мучительном холоде. Казалось, что организм израсходовал весь запас адреналина.

Оставалось надеяться только на то, что он еще не успел ее заметить из-за густых деревьев, окаймляющих узкую дорогу. Лихорадочно оглядываясь по сторонам, Джулия искала место, куда можно было бы свернуть и переждать, пока он не проедет мимо. Немного впереди, там, где дорога круто уходила вниз, она разглядела небольшой пятачок над обрывом, но в этом месте по краям дороги было установлено своеобразное ограждение из валунов. Очевидно, это был один из самых опасных участков. Итак, ей предстояло каким-то образом протиснуться между валунами, снизить скорость, прежде чем она достигнет края плато, и быстро найти укромное место среди деревьев. Может быть, этот план и не был вполне надежным, но у Джулии просто не оставалось времени, чтобы придумать другой, а потому она направила снегоход в узкую щель между двумя валунами и резко нажала на тормоза.

Плато оказалось гораздо уже, чем она думала поначалу, а потому на несколько жутких мгновений снегоход завис в воздухе, а затем, резко нырнув носом вперед, превратился в совершенно неуправляемую темно-синюю ракету, стремительно несущуюся на сплошную стену деревьев, за которыми начиналась река. Джулия почувствовала, как снегоход, повинаясь закону земного притяжения, выскальзывается из-под нее, и, вскрикнув от страха и неожиданности, угодила прямо в объятия огромной разлапистой сосны, краем глаза успев заметить, как ее снегоход перелетел через очередной пригорок, перевернулся и, по инерции скользя по льду частично замерзшей реки, завалился набок, зацепившись лыжами за ветки полузатопленной осины. Его руль погрузился в бушующую ледяную воду.

Немного оглушенная внезапным падением, Джулия несколько мгновений лежала неподвижно, пытаясь сориентироваться, но мысль о преследовании быстро привела ее в чувство, заставив двигаться онемевшее от холода тело. Ценой невероятных усилий ей удалось перевернуться на живот, встать на колени и отползти за дерево, спрятавшись за его мощным стволом. И как раз вовремя. В воздухе над ее головой мелькнули лыжи второго снегохода, и Джулия отползла подальше, туда, где густые ветви сосны создавали более надежное укрытие. Но она могла не беспокоиться, потому что Зак даже не взглянул в ее сторону. Все его внимание было приковано к перевернутому снегоходу, который уже начинало относить стремительным течением.

Не до конца веря своему необыкновенному везению и не вполне

понимая, что происходит, Джулия увидела, как Бенедикт на ходу выпрыгнул из снегохода и стремительно рванул к реке.

— Джулия!

Он снова и снова повторял ее имя, стараясь перекричать завывания ветра. Не дождавшись ответа, он ступил на тонкий лед. Джулия удивленно наблюдала за ним. Неужели он бросится спасать ее в ледяную воду? Зачем? Ведь в случае ее гибели он избавится от такой досадной помехи.

А может, он просто хочет вытащить на берег медленно погружающуюся в воду машину? Джулия перевела взгляд на второй снегоход, брошенный Заком, и вдруг поняла, что в данный момент он находится гораздо ближе к ней, чем к нему, и ей не составит особого труда завладеть им. Не отрывая взгляда от спины своего преследователя, Джулия выползла из-за дерева, встала на ноги и крадучись направилась к брошенной машине.

— Джулия, откликнись, ради всего святого! — кричал Зак, торопливо расстегивая куртку. Тонкий лед затрещал, и через несколько мгновений машина накренилась еще сильнее и ушла под воду. То, что произошло дальше, было настолько невероятным, что Джулия не поверила собственным глазам. Вместо того, чтобы вернуться на берег, Зак ухватился за ветки сломанной осины и начал погружаться в ледяную реку.

Увидев, что его голова и плечи скрылись под водой, Джулия метнулась под покрытие следующего дерева. Вынырнув за очередной порцией воздуха, Зак снова выкрикнул ее имя. Теперь только одна перебежка отделяла ее от спасительного снегохода и полной свободы, всего каких-нибудь три метра, но вместо того, чтобы воспользоваться счастливой возможностью, она стояла, будучи не в силах пошевелиться, и зачарованно смотрела на бурные воды реки, поглотившей Зака. Ее разум кричал, что Захарий Бенедикт — беглый преступник, который усугубил свою вину захватом заложницы, и что чем скорее она убежит и бросит его здесь, тем лучше. Но другая часть ее существа, еще более настойчивая, заглушала крики разума. Ведь если она сейчас убежит, то он наверняка замерзнет и умрет только потому, что пытался спасти ее.

Внезапно рядом с полузатопленным стволом дерева из-под воды показались темноволосая голова и широкие плечи Зака. Джулия облегченно вздохнула. Он выбрался на берег и, шатаясь, направился к брошенной куртке. Но вместо того, чтобы натянуть ее на себя и попытаться хоть как-то согреться, Зак безвольно опустился на землю, прислонившись к засыпанному снегом валуну.

Внутренняя борьба между разумом и сердцем Джулии достигла

критической точки. Он не утонул. В данный момент он был в полной безопасности. А значит, чем скорее она уедет, тем лучше. Потому что в любую минуту он может поднять голову и увидеть ее.

Раздираемая внутренними противоречиями, Джулия с облегчением увидела, как его рука потянулась к куртке. Но мимолетное облегчение сменилось паническим страхом после того, как он сделал нечто совершенно необъяснимое и противоречащее всякому здравому смыслу. Решительно отшвырнув куртку, Зак начал медленно расстегивать пуговицы рубашки. Сняв и ее, он прислонился к запорошенному снегом валуну и закрыл глаза. Снежинки кружились вокруг него, липли к мокрым волосам, покрывали ледяным одеялом лицо и тело. И внезапно Джулию осенила страшная догадка — он и не собирается добираться до дома! Очевидно, подумал, что она погибла, и вынес себе смертный приговор, не подлежащий обжалованию.

Она вспомнила, как вчера вечером он умолял ее поверить в его невиновность, и внезапно поняла, что человек, который желает собственной смерти лишь потому, что стал причиной ее гибели, не может быть убийцей. А значит, все обстоит именно так, как он и утверждает, — его осудили несправедливо.

Не успев до конца осознать, что именно она делает, Джулия устремилась вниз по почти отвесному склону. Когда же она увидела выражение неподдельного отчаяния и горя на его красивом лице, ей захотелось упасть на колени и разрыдаться от переполняющей ее нежности и запоздалого раскаяния.

Позабыв о холоде, сковывающем движения, Джулия схватила валяющуюся куртку и протянула ее Заку:

— Ты победил. А теперь пошли домой. Не дождавшись ответа, она попыталась сама натянуть куртку на безвольно обмякшее тело.

— Зак, вставай! — впадая в отчаяние, закричала Джулия. Тщетно пытаясь подавить рыдания, она судорожно прижала его голову к груди, раскачиваясь взад-вперед, пытаясь вдохнуть хоть немного тепла в безжизненное тело.

— Пожалуйста! — продолжала умолять она, чувствуя, что не может бороться с подступающей истерикой. — Пожалуйста! Тебе придется помочь мне. Зак, прошу тебя! Помнишь, ты говорил, что хочешь, чтобы хоть кто-нибудь поверил в твою невиновность? Я не совсем поверила тебе тогда, но зато я верю сейчас! Клянусь. Слышишь?! Я знаю, что ты никого не убивал! Я верю всему, что ты мне сказал! Вставай же! Пожалуйста, умоляю тебя, вставай!

На какое-то мгновение Джулии показалось, что тело Зака обмякло и отяжелело, как тело человека, потерявшего сознание, и она почувствовала панический страх:

— Зак! Умоляю тебя, не засыпай! — почти кричала она, продолжая упорно засовывать вялую руку в рукав куртки. — Мы сейчас пойдем домой. И ляжем в постель. Мы ляжем в постель вместе. Мне очень хотелось этого вчера вечером, но я боялась. Я просто испугалась. Так помоги же мне сейчас, Зак, — умоляла она. — Мы будем заниматься любовью перед камином. Тебе ведь хочется этого, правда?!

Наконец ей с грехом пополам удалось натянуть на него куртку, но все усилия поднять его на ноги оказались тщетными. Скользя по предательски податливому насту, Джулия подтащила снегоход поближе к Заку, и, собрав остатки мужества, изо всех сил ударила его по лицу, пытаясь привести в себя.

— Зак! — умоляла она, стараясь не обращать внимания на боль в обмороженных руках. — Я же не смогу добраться домой без твоей помощи! Если ты мне не поможешь, то мы вместе погибнем в этих сугробах. Неужели это именно то, чего ты добиваешься? Зак, пожалуйста, помоги мне! Не дай мне умереть!

Прошло еще несколько бесконечных секунд, и Джулия почувствовала, что безвольно обмякшее на ее руках тело вдруг обрело собственную жизнь.

— Слава Богу! — закричала она, изо всех сил пытаясь встать на ноги. — Вставай! И помоги мне добраться до дома, где я наконец согреюсь!

Все движения Зака были невероятно замедленными, в глазах застыло пугающе бессмысленное выражение, но Джулии тем не менее удалось приподнять его и перекинуть безжизненно обвисшее тело в снегоход.

— Постарайся хоть как-нибудь удерживать равновесие, — продолжала умолять Джулия, пытаясь усадить его более-менее вертикально и сама устраиваясь сзади. Оглянувшись, она поняла, что ни за что на свете не поднимется по той же дороге, по которой спускалась. Джулия низко склонилась над своим пассажиром, чтобы хоть немного защитить его от ледяного ветра, и направила снегоход по извилистой тропинке вдоль ручья. Полностью забыв о своем страхе перед незнакомой машиной, Джулия думала только об одном — как поскорее добраться до безопасного места.

— Зак, — как заклинание повторяла она, прячась от слепящего снега за лобовым стеклом, — ты все время дрожишь. Это хорошо. Это очень хорошо. Значит, температура тела не пала ниже критической точки. Я где-то читала об этом. — С такими оптимистичными словами Джулия развернула снегоход и направила его вверх по единственной дороге,

которая оказалась достаточно пологой для того, чтобы по ней можно было доехать до дома.

Глава 28

В холле Зак дважды полностью отключался, но Джулия упорно тащила его в свою спальню, где камин был полон дров и оставалось только разжечь его. Задыхаясь от непосильного напряжения, она наконец дотащила его до кровати и начала снимать обледеневшую, заскорузлую одежду. Когда дело дошло до брюк, Зак наконец слабо пробормотал первые, более-менее членораздельные слова:

— Душ. Горячий душ.

— Нет, — решительно ответила Джулия, пытаясь казаться как можно более деловой и бесстрастной, хотя это было довольно затруднительно, учитывая, что в данный момент она стягивала с него обледеневшее нижнее белье. — Еще не время. Пациентов, страдающих от гипотермии, следует согревать постепенно и ни в коем случае не подвергать воздействию прямого тепла. Мы учили это в колледже, на курсах оказания первой медицинской помощи. И не нужно стесняться того, что я тебя раздеваю. Я ведь учительница, а ты для меня сейчас — всего лишь маленький мальчик. — Последняя фраза прозвучала настолько фальшиво и неубедительно, что Джулия даже запнулась. — А ведь учительница — это почти как медсестра, понимаешь?

Напуганная тем состоянием полной апатии и неподвижности, в которое снова впал Зак, Джулия повысила голос и почти прокричала:

— Не смей засыпать! Слушай, что я тебе говорю! — Стягивая плавки, Джулия невольно взглянула на него, и по ее обычно бледным щекам разлился яркий румянец. Распростертое перед ней великолепное мужское тело напоминало цветной вкладыш из журнала «Плейгерл», который она однажды видела во время учебы в колледже. Но только именно это, совершенно реальное тело в настоящий момент посинело от холода, и его бил непрекращающийся озноб.

Джулия растерла онемевшую от холода кожу и укрыла Зака горой одеял. Потом подумала, подбежала к стенному шкафу, схватила еще несколько пледов и положила их сверху. Оставшись довольна результатом собственных усилий, Джулия направилась к камину. И лишь когда в нем весело запылало пламя, она решила заняться собой, но так боялась хоть на несколько минут оставить Зака одного, что начала расстегивать лыжный комбинезон прямо здесь, у изголовья его кровати, настороженно прислушиваясь к неровному, прерывистому дыханию.

— Зак! Ты слышишь меня? — Не дождавшись ответа, Джулия начала говорить какие-то бессвязные, обрывистые фразы. Просто так. Чтобы не молчать и вдохнуть в Зака хоть, немного мужества, желания выздороветь, а заодно подкрепить и собственные, уже начавшие угасать силы и надежду. — Ты очень сильный, Зак. Я заметила это, еще когда ты менял мне колесо. И потом, когда ты выбирался из ручья. И ты очень смелый. У меня в классе есть один маленький мальчик те имени Джонни Эверетт. Так вот, он больше всего на свете хочет быть сильным. Но он инвалид, и у меня сердце кровью обливается, когда я смотрю на него, но при этом он никогда, слышишь, никогда не сдаётся. Помнишь, я рассказывала тебе о йен вчера вечером? — Джулия сама не заметила, как при упоминании о Джонни из ее голоса полностью исчезли дидактические нотки и он наполнился теплотой и нежностью. — Он тоже очень смелый, совсем как ты. А знаешь, когда мои братья были подростками, они собирали твои фотографии. Разве я тебе этого не рассказывала? Зак! — приходя в отчаяние, воскликнула Джулия. — Знаешь, я столько всего еще не успела тебе рассказать. Но я обязательно это сделаю, если ты только предоставишь мне такую возможность. Пожалуйста, не умирай! И я расскажу тебе все, что ты захочешь узнать.

Несмотря на все усилия, Джулией постепенно овладевал страх. Что еще она может сделать, чтобы согреть его и не дать заснуть? А если он умрет только из-за ее невежества? Поспешно натянув первый попавшийся под руку махровый халат, Джулия присела на краешек кровати и дрожащими руками нащупала едва слышный пульс на шее Зака. Потом она расправила одеяла, поплотнее укрывая ими широкие плечи и сильное тело Зака, и продолжила свой бессвязный монолог:

— Кстати, о вчерашнем вечере. Я хочу, чтобы ты знал — мне очень нравилось, когда ты целовал меня. Я не хотела, чтобы это заканчивалось, и именно поэтому начала вырываться, понимаешь? И не подумай, что это как-то связано с тем, что ты... что ты сидел в тюрьме. Просто я почувствовала, что теряю контроль над собой, понимаешь? Со мной такого никогда раньше не случалось.

Джулия была почти уверена в том, что он не слышит ни слова из ее бессвязной речи, а потому чувствовала себя гораздо более раскованно, чем обычно в его присутствии, но сейчас же осеклась, увидев, что по телу Зака пробежала мощная судорога и его стали сотрясать сильные приступы озноба.

— Озноб — это хорошо. Это очень хорошо, — как заклинание повторяла она, напряженно пытаясь придумать еще что-нибудь, что могло

бы помочь ему. Вспомнив встречавшиеся ей раньше фотографии сенбернартов, спасающих людей, погребенных под снежными лавинами, и миниатюрные фляжки, прикрепленные к их ошейникам, Джулия чуть не подпрыгнула от радости и, вскочив на ноги, устремилась на кухню. Через несколько минут она вернулась, крепко зажав в руке стакан с бренди и сгорая от нетерпения поделиться хорошими новостями.

— Зак, — радостно сообщила она, приподнимая его голову и поднося к губам бокал с бренди. — Постарайся выпить немного этого и понять то, что я сейчас собираюсь тебе сказать. Я только что слышала по радио, что твой друг — Доминик Сандини — он совсем не умер. Он сейчас находится в одной из больниц Амарилло. И ему становится все лучше и лучше! Ты понял, что я тебе сказала? Он не умер! Он сейчас в полном сознании. Очевидно, источник информации либо ошибался, либо намеренно дал не правильную информацию, чтобы спровоцировать волнения среди заключенных, что, собственно, и произошло... Зак?

За несколько минут ей удалось влить через сжатые зубы не больше столовой ложки, и Джулия перестала предпринимать дальнейшие попытки. Можно было поискать телефон, спрятанный Заком, и вызвать врача, но ведь врач узнает его и вызовет полицию. А ведь он говорил ей, что предпочитает смерть тюрьме.

Борясь с подступающими рыданиями, Джулия наконец прибегла к единственному утешению, которое ей осталось.

— Пожалуйста, помоги мне, Господи, — молилась она, — я не знаю, что мне делать. И не понимаю, зачем Ты свел нас. Я также не понимаю, зачем Ты заставляешь меня испытывать те чувства, которые я испытываю, и не даешь мне уйти от него. Всего этого я не знаю, но уверена в том, что на все была Твоя воля... Я не могу бросить его, потому... Потому та» только раз в жизни я испытывала то же самое ощущение — будто ты стоишь рядом, положив руку мне на плечо... В тот раз ты подарил мне Мэтисонов. — Судорожно вздохнув и вытерев слезы, упорно скапливающиеся в уголках глаз, Джулия все же нашла в себе силы закончить эту необычную молитву:

— А поэтому я уповаю только на Тебя, Господи! Позаботься о нас, прошу Тебя!

Закончив молиться, Джулия перевела взгляд на Зака и с облегчением увидела, что он продолжает дрожать, зарываясь в одеяла. Уверенная, что он спит глубоким сном, Джулия наклонилась и с нежностью поцеловала его в лоб.

— Все будет в порядке, — нежно прошептала она. — Озноб — это

очень хорошо.

Не заметив взгляда внезапно открывшихся и пристально наблюдавших за ней янтарных глаз, Джулия встала и направилась в ванную, чтобы принять горячий душ.

Глава 29

Джулия убедилась, что Зак заснул, поплотнее закуталась в халат и впервые подумала, что надо попытаться найти спрятанный телефон и позвонить родителям. Необходимо успокоить их, дать знать, что она в безопасности. Девушка прислушалась к ровному дыханию Зака, облегченно вздохнула, подошла к камину и разворошила раскаленные угли. Убедившись, что в тепле недостатка не будет, она направилась на поиски телефона. Закономерно предположив, что поиски рациональнее всего начать с его собственной спальни, Джулия распахнула дверь... и застыла, очарованная увиденным. До сих пор ей казалось, что ее спальня с мраморным камином, зеркальными дверями и огромной ванной-бассейном была верхом роскоши, но та мечта сибарита, которая предстала перед ней сейчас, превосходила самое смелое воображение. Левая стена являла собой одно сплошное зеркало, в котором отражались необъятная кровать и гигантский, выложенный мрамором камин. Высокие окна на задней стене расходились широким полукругом и создавали своеобразный альков вокруг белого мраморного бассейна с горячей водой. Около камина и вокруг бассейна стояли кресла и оттоманки, обитые шелком дивных пастельных тонов. Огромное стеганое покрывало, выдержанное в той же цветовой гамме, лежало на кровати.

Джулия сделала несколько нерешительных шагов вперед, и ноги ее по щиколотку утонули в бледно-зеленом пушистом ковре. Заметив на зеркальных панелях слева от себя две медные ручки, она осторожно взялась за них, толкнула и... на несколько мгновений потеряла дар речи. Перед ней была огромная, облицованная мрамором ванная комната, прямо посередине которой находились две продолговатые мраморные стойки с отдельными умывальниками. Стойки были отделены друг от друга зеркальной стенкой высотой в человеческий рост. На каждой половине этой роскошной ванной находилась собственная душевая кабина, в которой с успехом можно было помыть слона.

Спальня резко отличалась от остальных комнат этого дома. В ней ощущался налет неординарной женской индивидуальности. Оказавшись в такой комнате, мужчина, несомненно, сразу чувствовал себя допущенным в святая святых дома — женский будуар. В каком-то из дорогих журналов Джулия читала, что настоящие мужчины редко возражают против желания собственных жен обставить спальню по своему, женскому вкусу. Более

того, они якобы даже получают удовольствие от ежедневного «незаконного» вторжения на запретную территорию. До сих пор это утверждение казалось Джулии весьма сомнительным, но теперь, увидев все своими глазами и оценив дразнящий уют подобного женского святилища, она додумала, что даже в статьях модных журналов иногда присутствует доля истины.

Джулия начала поиски телефона с гигантского стенного шкафа в ванной, затем тщательнейшим образом обшарила все многочисленные шкафчики и выдвижные ящики в спальне. Она не устояла перед искушением и позаимствовала в одном из них шикарное, расшитое золотом алое шелковое кимоно. Отчасти потому, что оно идеально подходило ей по размеру, но, главное, она испытывала непреодолимое желание выглядеть как можно более привлекательной на тот случай, если Зак проснется еще сегодня. Завязывая пояс, Джулия вдруг вспомнила о небольшом шкафчике в холле — единственном, который был все время заперт. Ключ от него она нашла именно там, где и ожидала, — в кармане насквозь промокших брюк Зака.

В запертом шкафчике оказался огромный запас вина и прочей выпивки, а также целых четыре телефонных аппарата, запрятанных за ящиком с шампанским «Дом Периньон».

Джулия включила аппарат в одну из розеток в гостиной и, подобрав под себя ноги, поудобнее устроилась на диване с телефоном на коленях. Она уже набрала почти половину длинного междугородного номера, когда внезапно сообразила, какую страшную ошибку чуть было не совершила, и поспешно нажала на рычаг. Похищение человека — федеральное преступление, а Зак, кроме того, еще и сбежавший из тюрьмы «убийца», поэтому в квартире ее родителей наверняка постоянно дежурит кто-то из ФБР. После ее звонка они легко определяют место, где она находится. По крайней мере именно так обычно происходило в фильмах с аналогичным сюжетом. А так как Джулия уже приняла окончательное решение остаться здесь, с Заком, и предоставить Богу заботу о своей дальнейшей судьбе, то выдавать таким образом свое местонахождение отнюдь не входило в ее планы. Но, с другой стороны, необходимо позвонить родителям и успокоить их. Задумчиво водя пальцем по вышитому на подоле кимоно золотому павлину, Джулия размышляла над тем, как ей поступить.

Итак, члены семьи совершенно исключались. Нужно позвонить кому-нибудь другому. Человеку, на которого она могла бы полностью положиться и который не был бы шокирован той весьма деликатной просьбой, с которой она собиралась к нему обратиться.

Своих коллег Джулия сразу вычеркнула из списка возможных кандидатов. Они, конечно, замечательные женщины, но ни одна из них не решилась бы на то, о чем собиралась попросить Джулия. Для этого необходим какой-то особый кураж, на который они просто не были способны. Кураж... Джулия радостно улыбнулась и потянулась за маленькой записной книжкой, которую всегда носила в сумочке. Открыв ее на букве К, она нашла телефон дома Кахиллов, в котором Кэтрин жила еще до того, как стала миссис Тед Мэтисон. Пару недель назад Кэтрин написала ей, что собирается на ток неделе приехать в Китон. Невольно улыбнувшись, Джулия подумала о том, как разозлится Тед. Ведь своим звонком она снова впутывает Кэтрин в семейные дела Мэтисонов. Теперь он при всем желании не сможет продолжать игнорировать бывшую жену... Кэтрин же будет ей за это только благодарна, уж в этом Джулия была уверена.

— Катрин? — спросила она, как только на другом конце провода послышался женский голос, — это Джулия. Пожалуйста, ничего не отвечай, если ты не одна.

— Джулия! Слава Богу! Не волнуйся, я одна. Я... мои родители сейчас на Багамах. Откуда ты звонишь? С тобой все в порядке?

— — У меня все нормально. Не волнуйся, я в полной безопасности. Клянусь тебе, — сделав небольшую паузу, чтобы немного успокоиться, Джулия продолжала:

— Ты не знаешь, В доме родителей нет посторонних? Ну, ты понимаешь, я имею в виду людей из ФБР или полиции...

— Они есть не только в доме твоих родителей, но и шастают по всему городу.

— Послушай, я хочу попросить тебя об одном огромном Одолжении. Это ничем не грозит, но ты должна пообещать еще, что ничего не расскажешь им о моем звонке.

Теперь голос Кэтрин звучал очень тихо и непривычно серьезно:

— Джулия, я сделаю для тебя все, что угодно. Я... я польщена и счастлива, что ты позвонила именно мне. Может быть, я смогу хоть как-то отплатить тебе за все, что ты для меня сделала. И когда пыталась предотвратить наш с Тедом развод, и... — Джулия уже собиралась перебить подругу, но та вдруг сама осеклась на полуслове и резко сменила тему:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Пожалуйста, сходи к моим родителям и передай, что я хочу поговорить с ними. Я перезвоню тебе через час. Кэтрин, пожалуйста, будь

очень осторожна. Постарайся ни в коем случае не вызвать подозрения фэбээровцев. Веди себя как можно естественней и постарайся, чтобы ваш разговор не услышал никто из посторонних. Ведь тебя не испугает встреча с людьми из ФБР, правда?

Кэтрин тихо рассмеялась, но смех звучал немного грустно:

— Как метко подметил в свое время Тед, я всего лишь избалованная принцесса, которую воспитали в полной уверенности в том, что она может поступать, как ей заблагорассудится. А потому, — продолжила она с веселой бесшабашностью, в которой угадывалась прежняя Кэтрин, — несколько паршивых фэбээровцев никоим образом не смогут запугать такую принцессу, как я. Пусть даже и бывшую. А если они вдруг попытаются это сделать, то я просто попрошу папу позвонить сенатору Уилкинсу.

— Вот и замечательно, — Джулия улыбнулась столь знакомому сумасбродству подруги, но тотчас же снова перешла на серьезный тон. Ей необходимо было быть уверенной в том, что ни Кэтрин, ни ее родители не решат вдруг из самых лучших побуждений поднять на ноги ФБР и полицию. Лишняя предосторожность не повредит. — И еще одно. Пожалуйста, позаботься о том, чтобы мои родители поняли одну вещь — сейчас я в полной безопасности, но если кто-нибудь узнает об этом звонке, то все изменится. И тогда мне будет угрожать самая настоящая опасность. Я... я не могу сейчас объяснить... у меня нет времени и потом... даже если бы я попыталась...

— А ничего и не нужно объяснять. Я по твоему голосу слышу, что с тобой все в порядке, а это — единственное, что меня по-настоящему волнует. Что же касается того, где ты... И с кем... Я просто знаю тебя и знаю, что ты никогда не сделаешь ничего дурного. Ты — самый лучший человек, которого я когда-либо встречала, Джулия. А теперь мне пора. Перезвони через час.

Время тянулось невыносимо медленно. Казалось, стрелки часов застыли на циферблате. Джулия разожгла камин и, не в Силах заняться каким-либо делом, нервно выхаживала.

Ко второму разговору она оказалась совсем не готова. Спокойствие и невозмутимость Кэтрин во время их первой беседа) сослужили плохую службу. Отец, которого она даже представить себе не могла во взвинченном, неуравновешенном состоянии, схватил трубку сразу же после первого гудка.

— Алло? Кто это?

— Это Джулия, папа, — отвечала она, покрепче сжимая трубку. — Со

мной все в порядке. Я в безопасности...

— Слава Богу! — охрипшим от волнения голосом воскликнул преподобный Мэтисон, — Мэри, это Джулия, с ней все в порядке. Тед, Карл, ваша сестра в безопасности. Джулия, мы все сделали так, как ты просила, и ничего не сказали ФБР.

Джулия слышала, как где-то далеко, за тысячу миль, мать и братья схватили трубки параллельных телефонов и, перебивая друг друга, засыпали ее радостными возгласами и сумбурными вопросами. Правда, очень скоро сквозь этот нестройный хор пробился спокойный, уравновешенный голос Теда:

— Помолчите немного, — приказал он остальным, — Джулия, ты одна? Ты можешь говорить? — И, прежде чем ев» успела ответить, быстро добавил:

— Этот твой ученик, который разговаривает басом — Джо Боб Артис, кажется, — он ужасно беспокоится о тебе.

Какую-то долю секунды Джулия была совершенно озадачена столь неожиданным поворотом разговора, а также упоминанием имени, которого она никогда в жизни не слышала, но тотчас же сообразила, что Тед это сделал совершенно сознательно, и с трудом подавила нервный смех:

— Ты, наверное, имеешь в виду Вилли, — поправила она брата, — и я действительно совершенно одна. По крайней мере сейчас.

— Слава Богу! Так где ты находишься?

Джулия помолчала, собираясь с духом. Ведь сейчас придется солгать, то есть сделать именно то, что она пообещала не делать никогда и действительно не делала за все те годы, которые жила в семье Мэтисонов. Солгать. Несмотря на более чем солидную причину, Джулия боялась и стыдилась того, что ей предстояло сделать.

— Я точно не знаю, — выдавила из себя она, но ее смущение и неловкость наверняка были гораздо красноречивее слов, — хотя... хотя здесь очень холодно.

— В каком ты штате? Или, может быть, ты в Канаде?

— Я... я не могу сказать.

— Значит, Бенедикт все-таки где-то рядом, да? — Гнев, который Тед до сих пор с трудом подавлял, прорвался наружу. — Вот почему ты не можешь сказать, где находишься! Джулия, ты слышишь меня? Немедленно дай мне поговорить с этим мерзавцем.

— Я не могу этого сделать! Но я хочу, чтобы вы все поняли одну вещь — я в полной безопасности, и меня никто ни к чему не принуждает. Тед, — обратилась она непосредственно к брату как к единственному человеку,

который знаком с законом, и, соответственно, должен понимать, что судебные ошибки — не такая уж редкая вещь, — поверь мне. Он никого не убивал. Я в этом уверена. Присяжные ошиблись, а следовательно, ты не можешь... точнее, мы не можем осуждать его за то, что он попытался убежать.

— Ошиблись! Как же! — взорвался Тед. — Джулия, умоляю тебя, не верь в эту чушь! Он был осужден за убийство, а теперь, кроме того, совершил федеральное преступление, захватив тебя как заложницу.

— Не правда! Он не собирался делать ничего подобного, — сбивчиво пыталась объяснить Джулия. — Ему просто нужна была машина, чтобы уехать из Амарилло, а у меня спустилось колесо, и он помог заменить его. Я, естественно, предложила его подвезти. Он бы с радостью отпустил меня, но ведь я видела карту и...

— Какую карту, Джулия? Карту чего? Какого места?

— — Мне пора идти, — тихо ответила Джулия.

— Джулия! — вмешался в разговор преподобный Мэтисон. — Когда ты вернешься домой?

— Как только он позволит мне... нет... скорее, как только смогу. Я... Мне нужно идти. Пообещайте, что никому не расскажете об этом звонке.

— Обещаем. И помни, что мы очень любим тебя, — добавил Джеймс Мэтисон, в который раз выражая ей свое полное и безоговорочное доверие. — Весь город молится о твоей безопасности.

— Папа, — проговорила Джулия, будучи не в силах сдержать этот порыв. — Может быть, ты попросишь своих прихожан помолиться и о его безопасности тоже?

— Ты что, окончательно рехнулась?! — взорвался Тед. — Этот человек — убийца, и он... — Джулия не стала дослушивать до конца жестокие слова брата. Она медленно положила трубку на рычаг и сглотнула подступающие слезы. Попросив своих родных молиться о Захарии Бенедикте, она совершенно однозначно, хотя и косвенно, признала, что является его любовницей или сообщницей, что было абсолютно несовместимо со всем, во что они верили и чем жили. К сожалению, это было несовместимо и с их верой в нее.

Усилием воли Джулия справилась с охватившим ее отчаянием, в очередной раз напомнив себе о главном — Захарии Бенедикт действительно невиновен, и это — единственное, что может иметь значение в данный момент. Помочь невинному человеку остаться на свободе не было ни безнравственно, ни незаконно. И это было совместимо с тем доверием, которое ей всегда оказывали Мэтисоны.

Поднявшись с дивана, Джулия подбросила в камин немного дров, спрятала телефон в шкафчик и отправилась на кухню, чтобы приготовить что-нибудь к тому времени, когда ее «пациент» проснется. Например, домашнее рагу. Занятая чисткой и резкой овощей, Джулия немного успокоилась и теперь могла трезво обдумать ситуацию. Если Зак узнает о звонке, то ей будет очень трудно, а то и вовсе невозможно убедить его в том, что на ее родителей, братьев и бывшую невестку вполне можно положиться и что если они пообещали, то действительно ничего не сообщат властям. А так как у Зака было и без того достаточно поводов для беспокойства, Джулия решила ничего не говорить ему о своем разговоре с домом.

Она закончила кухарить и снова переместилась в гостиную, оставив радио включенным на тот случай, чтобы не пропустить какие-нибудь новости, связанные с Заком.

Вытянувшись на диване и задумчиво глядя в потолок, Джулия невесело улыбнулась, подумав о том, какую злую шутку может в любой момент сыграть с человеком судьба. Стоило долгие годы изображать из себя Мэри. Поплине и никогда ни в чем не отклоняться от прямой дорожки, чтобы в один прекрасный день оказаться здесь, в горах Колорадо, с человеком, которого все считают безжалостным убийцей.

В старших классах у нее было много приятелей-мальчиков, но она никогда не позволяла им стать чем-то большим. И они, как правило, охотно принимали условия игры — водили ее на футбольные матчи, подвозили домой и с радостью включали в свои веселые компании. Когда она оканчивала школу, Роб Кифер, пользующийся заслуженной славой школьного сердцееда, поставил ее в ужасно затруднительное положение, пригласив пойти на выпускной бал вместе с ним. Отказ дался ей совсем нелегко. Дело в том, что она уже долгое время была неравнодушна к Робу. Но тем не менее не могла себе позволить пойти на выпускной бал с парнем, о котором говорили, что он способен раздеть девушку гораздо быстрее, чем Мэри Костлер своих манекенов в витрине фирменного магазина Костлеров.

Джулия была почти уверена в том, что Роб не станет предпринимать ничего подобного по отношению к ней. Во-первых, положение дочери местного священника служило своего рода «иммунитетом» против таких поползновений. И тем не менее она все равно не могла пойти на выпускной бал с Робом, несмотря на собственное огромное желание и его горячие заверения в том, что он будет вести себя подобающим образом. Она не могла себе позволить рисковать собственной безупречной репутацией. Ведь что бы там ни произошло, вся школа, да и весь город будут уверены в том,

что дочь преподобного Мэтисона пополнила обширный список любовных побед Роба Кифера.

А поэтому Джулия отправилась на бал с порядочным и скромным Биллом Свенсеном, чей папа руководил школьным оркестром. Роб сопровождал Денизу Поттер — хохотушку и душу любой компании. В тот вечер Роб был провозглашен королем бала, и Джулия, пытаясь скрыть горечь под маской высокомерного безразличия, с завистью наблюдала за тем, как он целует свою королеву, Денизу Поттер.

В ту ночь Дениза забеременела. И вместо того чтобы отправиться на учебу в колледж, им пришлось пожениться и поселиться в жалкой, обшарпанной однокомнатной квартирке. Весь город знал, чем были вызваны столь внезапные перемены в судьбах двоих молодых людей. Некоторые жалели Девизу, но большинство считали, что она сама виновата во всех своих бедах. Незачем было связываться с Робом Кифером.

Как ни странно, Джулия чувствовала себя отчасти виноватой в том, что произошло. Но этот случай также усилил и ее решимость любой ценой избегать потенциальных неприятностей и скандалов. Так, в колледже она настойчиво отвергала ухаживания Стива Бакстера, несмотря на то, что он ей очень нравился. Но для Джулии было гораздо важнее то, что красавец-футболист славился своими любовными похождениями не меньше, если не больше, чем победами на футбольном поле. Причем Стив, по какой-то непонятной ей причине, в течение двух лет упорно продолжал свои бесплодные ухаживания. Он постоянно оказывался рядом в самый нужный момент. Он обязательно появлялся на всех мероприятиях, где бывала Джулия, хотя в другой ситуации они вряд ли могли привлечь красавца, спортсмена и донжуана. Таким образом, он всеми силами пытался убедить Джулию в своих самых лучших намерениях. Они могли часами болтать на разные темы, но только в компании, только в окружении людей. В том, что касалось свиданий наедине, Джулия была непреклонна.

И сейчас, вспоминая прошлое и сравнивая его с безумным настоящим и неопределенным будущим, Джулия не знала — смеяться ей или плакать. Все эти годы она не делала ничего, что могло бросить хотя бы малейшую тень на ее незапятнанную репутацию. И вот теперь, когда она все-таки решилась сойти с проложенной ею самой идеально прямой дорожки, то не стала размениваться на мелочи, которые бы могли вызвать легкие пересуды китонских обывателей. Нет, это не для нее, язвительно подумала Джулия. Ей недостаточно жалких нарушений нравственных устоев и Божьих заповедей. Она собирается, ни больше ни меньше, нарушить законы Соединенных Штатов Америки и позволить средствам массовой

информации склонять ее имя в масштабах всей страны. Что они, собственно, уже и делают!

Вспышка мрачной самоиронии миновала, и, окончательно посерьезнев, Джулия подумала о тех «жертвах», которые совершенно сознательно приносила с тех пор, как стала жить с Мэтисонами. К таковым, в частности, относилось и решение стать учительницей, хотя она могла себе выбрать другую, гораздо более многообещающую карьеру. Но всякий раз получалось так, что за все маленькие и большие жертвы ей воздавалось сторицей, и она в любом случае получала гораздо больше, чем отдавала.

Теперь же у нее было такое ощущение, что жизнь решила наконец потребовать оплаты всех старых счетов, компенсации за те многочисленные подарки судьбы, которых она пока ничем не заслужила. Захарий Бенедикт способен на хладнокровное убийство не больше, чем она сама. В этом Джулия была абсолютно уверена. Так же как и в другом — она обязана помочь невинно осужденному человеку.

Перевернувшись на бок, Джулия облокотилась на пухлые диванные подушки и стала наблюдать за языками пламени, весело пляшущими в камине. До тех пор пока не будет найден настоящий убийца, никто, включая ее родителей, никогда не поймет и не одобрит того, что она сейчас делала. Конечно, как только ее родители поймут, что Зак действительно невиновен, они полностью одобрят и то, что она уже сделала, и то, что еще собирается сделать. Хотя нет. Конечно, не полностью. Они наверняка бы не одобрили того, что она так быстро влюбилась в совершенно незнакомого человека; если то, что она испытывает по отношению к нему, и есть любовь. И они совершенно точно не одобрили бы ее намерения лечь с ним в постель. А именно это она и собиралась сделать. Теперь, когда отпала необходимость обманывать саму себя, Джулия понимала и принимала этот факт. Если с предыдущей ночи желания Зака коренным образом не изменились, то она обязательно будет принадлежать ему. Хотя Джулии очень бы хотелось оттянуть этот момент хотя бы на несколько дней, чтобы лучше узнать его.

Единственное, что было в ее силах, — это постараться максимально оградить себя от ненужных переживаний. А для этого надо быть очень сдержанной — не совершать и не говорить ничего такого, что сделало бы ее еще более уязвимой. В конце концов, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понимать, что до того, как Захарий Бенедикт попал в тюрьму, он вращался в мире, весьма отличном от ее собственного. Этот мир был населен богатыми, талантливыми, искушенными людьми, которые, кроме того, славились своей распушенностью и полным пренебрежением к каким

бы то ни было моральным и этическим нормам. В свое время она прочитала достаточно статей о нем в иллюстрированных журналах и понимала, что человек, с которым ее свела судьба в уединенном доме, затерянном в горах, в свое время владел собственными роскошными особняками и виллами. Что он устраивал приемы, на которых присутствовали не только знаменитые кинозвезды, но и богатейшие финансовые магнаты со всего мира, члены европейских королевских семей и даже президент Соединенных Штатов.

Захарий Бенедикт не имел ничего общего со скромным, добропорядочным помощником священника маленького провинциального городка.

По сравнению с ним Джулия была наивной и неискушенной, как новорожденный младенец.

Глава 30

Когда Джулия проснулась, было уже начало одиннадцатого вечера. Краем глаза заметив какое-то легкое движение слева от дивана, она испуганно встрепенулась.

— Медсестра, которая покидает своего пациента и засыпает на дежурстве, не получает полной платы за свои услуги, — сообщил низкий мужской голос.

«Пациент» Джулии стоял, небрежно оперевшись на каминную полку, и, скрестив руки на груди, наблюдал за ней с ленивой улыбкой. С влажными после душа волосами, в кремовой замшевой рубашке, небрежно расстегнутой на груди и заправленной в желтовато-коричневые брюки, он казался необыкновенно красивым и совсем здоровым. К тому же его дано что-то очень забавляло.

Чувствуя, что ее сердце вот-вот выпрыгнет из груди, и окончательно теряясь от этой завораживающей, манящей улыбки, Джулия поспешно села.

— Твой друг — Доминик Сандини, — торопливо заговорила она, пытаясь выиграть время и хоть немного прийти в себя, — он не умер. Передавали, что ему лучше и он наверняка поправится. — Я уже слышал об этом.

— Да? — настороженно переспросила Джулия. Оставалось надеяться, что он услышал сообщение по радио, когда одевался. Если же он узнал об этом от нее, значит, более чем вероятно, слышал и все остальное — все те глупые слова, которые вырвались у нее в минуты отчаяния и страха за его жизнь и которые были совершенно не предназначены для его ушей. Она выждала немного, надеясь, что Зак все же сойдется на радио, но он продолжал молча наблюдать за ней с той же загадочной улыбкой, которая приводила ее во все большее замешательство.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Джулия, торопливо поднимаясь с дивана.

— Уже лучше. Когда я проснулся, то чувствовал себя картофелиной, запеченной в собственной коже.

— Что? А, ты хочешь сказать, что в спальне было слишком жарко?

Зак серьезно кивнул:

— Мне снилось, что я умер и оказался в аду. А когда открыл глаза и увидел вокруг языки пламени, то окончательно поверил в это.

— Извини, я не хотела, — невпопад ответила Джулия, напряженно всматриваясь в него.

— Тебе не нужно извиняться. Тем более что я очень быстро понял, что место, где я нахожусь, никак не может быть адом.

Поддавшись его легкомысленному и насмешливому настроению, Джулия расслабилась. Чисто автоматически приложив тыльную сторону ладони ко лбу Зака, чтобы проверить, нет ли температуры, она спросила:

— А почему ты решил, что не можешь находиться в аду?

— Потому что, — совершенно серьезно ответил он, — периодически надо мной парил самый настоящий ангел.

— Наверное, это была галлюцинация, — попыталась отшутиться Джулия.

— В самом деле?

На этот раз его вопрос прозвучал отнюдь не насмешливо, а в голосе появился совершенно новый, слегка хрипловатый оттенок. Джулия быстро отдернула руку, но вот отвести взгляд оказалось гораздо сложнее.

— Я в этом абсолютно уверена.

Краем глаза Джулия заметила, что небольшая фарфоровая уточка, стоящая на каминной полке рядом с плечом Зака, сдвинулась в сторону, и потянулась, чтобы поправить ее, по дороге переставив еще две статуэтки.

— Джулия, — при звуке глубокого, бархатистого голоса с ее пульсом стали происходить какие-то странные вещи, — посмотри на меня.

Когда она все-таки заставила себя повернуться и посмотреть на него, Зак очень серьезно, почти торжественно, произнес:

— Благодарю тебя за то, что спасла мне жизнь.

Его слова и взгляд гипнотизировали Джулию, и ей пришлось прочистить горло, чтобы унять дрожь в голосе:

— Это тебе спасибо за то, что пытался спасти меня. В бездонной глубине его глаз шевельнулось что-то такое, от чего сердце Джулии забилось втрое быстрее, хотя Зак не предпринимал никаких попыток дотронуться до нее. Решив, что переключение на какую-то другую, чисто бытовую тему поможет ей вновь обрести почву под ногами, она произнесла:

— Ты голоден?

Но Зак не ответил, упорно продолжая гнуть свою линию:

— Почему ты не уехала?

Поняв, что попытки сменить тему ни к чему не приведут, до тех пор пока он не получит ответы на все интересующие его вопросы, Джулия снова присела на диван и, стараясь всячески избегать проницательного

взгляда янтарных глаз, попыталась сосредоточиться на вазе, стоящей в центре стола.

— Не могла же я оставить тебя умирать на морозе после ТОГО, как ты рисковал жизнью, отлавливая меня в ледяной воде, — сбивчиво начала объяснять Джулия, наклоняясь к вазе, чтобы поправить две шелковые магнолии, которые, как ей показалось, нарушали гармонию букета.

— Тогда почему ты не уехала после того, как дотащила меня до дома и уложила в постель?

Джулия постепенно начинала понимать, что чувствует человек, пробирающийся по минному полю. Даже если бы она вдруг набралась смелости и рассказала Заку правду о тех чувствах, которые испытывает по отношению к нему, результат был бы совершенно непредсказуемым. А вдруг он рассмеется ей в лицо?

— Честно говоря, даже не подумала о такой возможности, — неуверенно начала она, но внезапно оживилась, радостно ухватившись за только что пришедшую ей в голову мысль, — и кроме того, я не знала, где находятся ключи!

— Они были в кармане брюк — тех брюк, которые ты с меня снимала.

— Но... Но дело в том, что мне в голову не пришло искать их там. Наверное, я была слишком взволнованна, чтобы мыслить логически.

— А тебе не кажется это странным, учитывая те обстоятельства, которые привели тебя сюда?

Взяв журнал с края стола, Джулия аккуратно положила его рядом с остальными. Лихорадочно высматривая, что бы еще можно было поправить, она заметила, что хрустальная ваза с шелковыми цветами стоит не по центру, и сдвинула ее на пару сантиметров влево.

— За последние несколько дней произошло вообще много странного, — осторожно начала она, — поэтому мне довольно сложно определить, какое именно поведение следует считать нормальным в сложившихся обстоятельствах.

На столе теперь царил идеальный порядок, и Джулия, встав, начала поправлять диванные подушки.

— Кажется, у тебя есть привычка наводить порядок именно в те моменты, когда тебя что-то беспокоит, — насмешливо заметил он.

— Не думаю. Я вообще очень аккуратный человек. — Выпрямившись, Джулия наконец подняла глаза и чуть не рассмеялась при виде его насмешливо-изумленно приподнятых бровей. — Ладно. Признаюсь. У меня действительно есть такая привычка.

Водрузив на место упавшую подушку, Джулия невольно улыбнулась

собственным воспоминаниям:

— Однажды, когда я провалилась на экзамене, я сделала полную перестановку на чердаке и расположила все стереозаписи братьев и мамы рецепты в алфавитном порядке.

Несмотря на то, что в глазах Зака после ее рассказа заплясали веселые искорки, его вопрос прозвучал совершенно серьезно:

— Неужели я делаю что-то такое, что заставляет тебя нервничать?

Джулия с трудом подавила очередной приступ смеха и, тщетно пытаясь сохранить хотя бы видимость суровости, отпарировала:

— Ты уже целых три дня постоянно делаешь нечто такое, что заставляет меня чрезвычайно нервничать!

Показная строгость тона не обманула Зака, и, глядя на Джулию, он вдруг почувствовал такую мучительную нежность, что у него защемило в груди. На ее прелестном, выразительном лице теперь не осталось и следа прежней подозрительности, отвращения и ненависти. Он даже не мог вспомнить, когда на него последний раз смотрели подобным образом. В свое время даже его собственные адвокаты до конца не верили в его невиновность. А Джулия верила. Теперь он это знал. Достаточно было вспомнить те слова, которые она Говорила ему у речки. То, как дрожал и срывался ее голос, когда она уговаривала его подняться: «Помнишь, ты говорил, что хочешь, чтобы хоть кто-нибудь поверил в твою невиновность? Я не совсем поверила тебе тогда, но зато я верю сейчас! Клянусь. Слышишь?! Я знаю, что ты никого не убивал! Я верю всему, что ты мне сказал!»

Она могла бы оставить его умирать там, на берегу. А если такой поступок был несовместим с моральными устоями дочери священника, то могла бы довести его до дома, уложить в постель, забрать машину и позвонить в полицию из ближайшего телефона-автомата. Но она этого не сделала. Потому что верила, действительно верила в его невиновность. Заку захотелось сжать ее в объятиях и рассказать, как много его значит для него. Ему хотелось снова и снова видеть ее теплую улыбку и слышать непритворно веселый, заразительный смех. Но больше всего хотелось снова почувствовать теплоту и податливость ее губ, целовать и ласкать ее до тех пор, пока они оба полностью не утратят контроль над собой, и тогда он сможет отблагодарить ее за доверие тем единственным, что у него осталось, — своим телом.

Зак понимал, что Джулия, так же как и он, почувствовала необратимую перемену, происшедшую в их отношениях. Но по каким-то совершенно непонятным для него причинам это заставляло ее нервничать

сильнее, чем когда она сидела под дулом его пистолета. В этом он был совершенно уверен, так же как и в том, что сегодня вечером они будут заниматься любовью и она хочет этого не меньше, чем он.

Джулия ожидала, что он рассмеется над ее шуткой или по крайней мере хоть что-то ответит. Но Зак промолчал. Она отступила к спасительной кухне и еще раз спросила:

— Ты голоден?

— Я умираю от голода, — медленно кивнул Зак, и Джулия застыла от того интимного смысла, который, несомненно, прослеживался в его словах и в том, как они были сказаны.

Джулия пыталась убедить себя, что в его словах не было никакого подтекста, и как можно более невинным и вежливым голосом поинтересовалась:

— А чего бы тебе хотелось?

— А что ты предлагаешь? — отпарировал Зак, с такой легкостью и непринужденностью играя в эти словесные шахматы, что Джулия даже заподозрила: какая бы то ни было двусмысленность в его словах ей только померещилась.

— Ужин, естественно.

— Естественно, — торжественно согласился Зак, но при этом в его глазах прыгали веселые чертики.

— А если быть более точной, то я предлагаю домашнее рагу.

— Это очень важно — вовремя уточнить то, что имеешь в виду.

Джулия решила не продолжать эту своеобразную словесную дуэль и предприняла стратегическое отступление за кухонную стойку.

— Думаю, мы поужинаем прямо здесь. Сейчас я все приготовлю.

— Давай лучше поедим у камина, — попросил Зак. Звук его голоса оказывал на Джулию не меньшее воздействие, чем нежные прикосновения его рук и губ, — это гораздо уютнее.

Уютнее... Джулия почувствовала, как у нее пересохло во рту. Она, усиленно хлопотала на кухне, но руки дрожали и плохо слушались — ей с трудом удалось разложить густое рту по глубоким тарелкам. Краем глаза Джулия наблюдала за тем, как Зак подошел к стереопроектору и начал рыться в грудe компакт-дисков. Через несколько минут комнату заполнил живой голос Барбры Стрейзанд. Из всего огромного количества записей, среди которых было практически все — от Элтона Джона до джаза, — он выбрал именно Стрейзанд.

Уютнее.

Это слово неотступно вертелось в мозгу, пока она, стоя спиной к

гостиной, расставляла на подносе приборы и выбирала салфетки. Уютнее. Джулия положила ладони на стойку и попыталась хоть немного успокоиться. Она прекрасно понимала, что хотел сказать Зак этим словом. «Интимнее». «Романтичнее». Она была уверена в этом точно так же, как и в том, что ситуация бесповоротно изменилась с того самого мгновения, как она решила остаться здесь, не бросив Зака умирать у ручья и не сдав его полиции. Она также прекрасно понимала и то, что Зак это почувствовал не хуже ее. За подтверждением своих предположений не нужно далеко ходить. Оно сквозило в его взгляде, в нежности его улыбки, в новых нотках, появившихся в бархатистом голосе. Все это вместе наносило сокрушительный удар по ее самообладанию. Джулия наконец оторвалась от стойки и одновременно решительно отбросила всякие дальнейшие тщетные попытки обмануть саму себя. Пришло время посмотреть правде в глаза.

А правда заключалась в том, что она хотела его. И он хотел ее. И они оба это понимали.

Джулия положила на поднос столовое серебро, метнула быстрый взгляд через плечо, но тотчас же отвернулась. Небрежно закинув ногу на ногу и положив вытянутые руки на спинку дивана, Зак снисходительно наблюдал за ней — невозмутимый и невероятно сексуальный. Он мог себе позволить быть благодушно-терпеливым и не нервничать, ведь ему, несомненно, приходилось тысячи раз заниматься любовью с сотнями женщин, каждая из которых была наверняка красивее и уж, конечно, гораздо опытнее, чем она.

Джулия мужественно подавила непреодолимое желание начать перестановку в кухонных шкафчиках.

Зак наблюдал за тем, как Джулия подошла к дивану и, поставив поднос, начала накрывать на стол. Ее движения были необычайно грациозными и немного неуверенными, как у испуганной газели. Пылающий в камине огонь бросал отсветы на гриву густых каштановых волос, на нежную кожу лица, на две полукруглые тени от длинных, черных как смоль ресниц на фарфоровых щеках. Зак впервые обратил внимание на то, что у нее очень красивые руки — с изящными пальцами и длинными, ухоженными ногтями. У него защемило сердце, когда он вспомнил, как эти руки обнимали его там, возле ледяного ручья, как Джулия раскачивалась, прижимая к себе его голову и умоляя подняться. Все, что происходило там, на заснеженном склоне горы, казалось всего лишь сном, в котором ему была отведена роль безучастного зрителя. Но позднее, когда Джулии все-таки удалось дотащить его до постели, воспоминания становились гораздо

более четкими. Он помнил, как она накрывала его одеялами, помнил отчаяние и тревогу в ее милом голосе... Наблюдая за ней сейчас, Зак в очередной раз поразился той почти осязаемой атмосфере невинности, которая окружала Джулию. Подумав об этом, он вдруг заметил, что по какой-то непонятной причине она избегает встречаться с ним взглядом. Зак озадаченно посмотрел на нее. В течение трех дней эта девушка мужественно и открыто противостояла ему; сегодня ей все-таки удалось перехитрить его, а логом ока спасла ему жизнь. И все же, несмотря на все свое бесстрашие и мужество, теперь, когда их отношения перестали быть враждебными, она стала поразительно застенчива.

— Пойду принесу вина, — сказал он и, прежде чем Джулия успела возразить, поднялся с дивана и вскоре вернулся с бутылкой и двумя бокалами на длинных ножках.

— Оно не отравлено, — заметил он несколько минут спустя, после того как Джулия автоматически потянулась к своему бокалу, но в последнюю секунду отдернула руку.

— Я в этом не сомневаюсь, — натянуто рассмеялась Джулия, взяла бокал и сделала небольшой глоток, но от Зака не укрылось, что ее рука немного дрожит. Он решил, что ее беспокоит мысль о его вынужденном пятилетнем воздержании. Наверное, она боялась, что он запрыгнет на нее, как только они покончат с едой, потеряет всякий контроль над собой, и все закончится, не успев начаться. Непонятно было только одно — почему это должно беспокоить ее? В конце концов это были его проблемы — как сдерживать себя достаточно долго для того, чтобы доставить удовольствие им обоим. Ему и следовало беспокоиться об этом.

Что он и делал.

Чтобы Джулия хоть немного успокоилась, Зак решил завести какой-нибудь легкий, непринужденный разговор. Перебрав в уме несколько возможных тем, он нехотя отбросил такие интересующие его предметы разговора, как ее красивое тело, потрясающие глаза и — неохотнее всего — те слова, которые она шептала ему там, у ледяной речки. Подумав об этом, Зак вспомнил и то, что она говорила ему позднее, в спальне, когда он не мог стряхнуть с себя сонное оцепенение и ответить. Теперь он был почти уверен в том, что все эти слова не предназначались для его ушей. Или же просто ему померещились. После недолгих размышлений Зак решил остановиться на разговоре о школе и учениках — ему нравились истории, которые рассказывала Джулия. Он как раз собирался задать первый вопрос, когда вдруг заметил, что Джулия как-то странно, с любопытством смотрит на него.

— Что ты на меня смотришь?

— Мне просто вдруг стало интересно — в тот день, возле ресторана, у меня действительно спустилось колесо? Зак с трудом подавил виноватую улыбку.

— Ты же видела это собственными глазами.

— То есть ты хочешь сказать, что я наехала на гвоздь или еще на что-нибудь, проколола колесо и даже этого не заметила?

— Не совсем. — Теперь он был уверен, что Джулия заподозрила истину, но при этом ее лицо сохраняло настолько безмятежное выражение, что было невозможно определить, действительно она играет с ним в кошки-мышки или нет.

— Тогда что же, по-твоему, произошло?

— По-моему, твое колесо спустило, скорее всего, оттого, что соприкоснулось с каким-то острым и твердым предметом.

Покончив со своим рагу, Джулия откинулась на спинку дивана и устремила на Зака один из тех ровных, суровых взглядов, которые способны мгновенно устыдить и заставить раскаяться в содеянном даже самого отпетого восьмилетнего сорванца. Теперь Зак мог совершенно точно себе представить, как она выглядит, стоя у доски и распекая малолетнего правонарушителя.

— Острым твердым предметом? — переспросила она, удивленно приподнимая брови. — Типа ножа?

— Типа ножа, — согласился Зак, из последних сил стараясь сохранять серьезность.

— Твоего ножа?

— Моего, — подтвердил он и добавил с озорной мальчишеской улыбкой, стараясь подражать запомнившейся еще со школы монотонной интонации, — простите меня, пожалуйста, мисс Мэтисон.

Джулия тотчас же подхватила предложенный им тон и смешным, «учительским» голосом сказала:

— Я надеюсь, что ты починишь проколотую тобой шину, Зак. Он был готов расхохотаться, но в последнюю секунду смех застрял в горле — настолько сильным оказалось потрясение и радость от того, что она наконец-то назвала его по имени.

— Да, мэм, — ответил Зак и подумал о том, насколько невероятной и парадоксальной была сложившаяся ситуация. В его жизни царил полный хаос, и при этом единственное, что ему хотелось сейчас сделать, — это расхохотаться и сжать эту удивительную девушку в объятиях. — Но ведь мне придется писать трехстраничное сочинение на тему, почему я не

должен был так поступать? — спросил он, заискивающе заглядывая в огромные синие глаза с пляшущими в них веселыми искорками.

— Нет, — ответила Джулия, выразительно посмотрев на тарелку, которую он небрежно отодвинул в сторону, — но зато тебе придется убирать после ужина.

— Так я и знал! — возмущенно воскликнул Зак, но послушно встал и начал убирать со стола. — Это очень жестоко с вашей стороны, мисс Мэтисон!

— И никаких жалоб, пожалуйста, — последовала суровая отповедь.

Тут уж Зак ничего не смог с собой поделать. Весело расхохотавшись, он наклонился и, к великому изумлению Джулии, быстро поцеловал ее в лоб.

— Спасибо, — прошептал он, едва не рассмеявшись при виде ее смущения.

— За что?

Теперь Зак уже не улыбался. Пристально глядя в глаза Джулии, он говорил совершенно серьезно:

— За то, что заставила меня смеяться. За то, что осталась здесь и не выдала меня полиции. За то, что ты очень смелая, очень веселая и невероятно хорошенькая в этом алом кимоно. И, конечно, за то, что ты приготовила чудесный ужин. — С этими словами Зак легонько потрепал ее по подбородку, пытаясь снять напряжение, но, поглубже заглянув в ее сияющие глаза, понял, что в них светилось совсем не замешательство.

— Я помогу тебе, — сказала Джулия, порываясь подняться с дивана.

Но Зак положил ей руку на плечо и усадил обратно:

— Не нужно. Посиди здесь, у камина, допей вино. Отдыхай.

Однако Джулия была слишком возбуждена, чтобы спокойно сидеть и дожидаться того, что произойдет дальше. Нет, не что, а когда это произойдет. Поэтому она все-таки встала и подошла к окну, из которого открывался сказочный вид на заснеженные горные вершины, сверкающие в лунном свете.

Зак повернул регулятор реостата и убавил верхний свет. Гостиная погрузилась в мягкий полумрак.

— Так тебе будет лучше видно, — объяснил он, когда Джулия обернулась и вопросительно посмотрела на него. Но она прекрасно понимала, что дело было не только в этом.

Погруженная в полумрак гостиная с ярко пылающим камином казалась гораздо более уютной. Уютной и романтической. Особенно, когда в дополнение ко всему из динамиков лилась тихая музыка.

Глава 31

Покончив с уборкой, Зак вышел из-за стойки и направился к Джулии. Шея и плечи девушки при его приближении моментально напряглись. Ее непредсказуемые реакции начинали не на шутку беспокоить его. А потому Зак вместо того, чтобы заключить ее в объятия, как любую другую женщину на ее месте, предпочел пуститься на маленькую хитрость. Засунув руки в карманы, он поймал ее взгляд через отражение в оконном стекле, кивнул в сторону стереопроеигрывателя и насмешливо поинтересовался:

— Могу я пригласить вас на следующий танец, мисс Мэтисон?

Джулия обернулась, и ее лицо озарилось удивленной улыбкой. Зак почувствовал, как его сердце забилося чаще. Сейчас он был счастлив только потому, что сумел доставить ей хоть какую-то радость. Поглубже засунув руки в карманы, чтобы не касаться ее, он жалостливо улыбнулся:

— В последний раз, когда я приглашал учительницу на танец, я был одет более подходящим образом — в белую рубашку, бордовый галстук и мой любимый темно-синий костюм. Но она все равно мне отказала.

— Правда? Почему?

— Наверное, решила, что я для нее недостаточно высок. Джулия не смогла сдержать улыбку, потому что рост Зака был никак не меньше 188 сантиметров.

— Неужели ты действительно был ниже ее? Зак серьезно кивнул.

— Да, где-то сантиметров на девяносто. Правда, я тогда не считал это серьезным препятствием, потому что был безумно влюблен в нее.

Улыбка Джулии погасла.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Семь.

Джулия посмотрела на него так, как будто знала, что та давняя обида в свое время больно ранила его, и очень серьезно произнесла:

— Я бы никогда не отказала тебе, Зак.

Интонации ее голоса, нежный взгляд огромных глаз — все это сводило Зака с ума. Никогда в жизни он не испытывал подобных чувств по отношению к женщине. Не отрывая взгляда от ее лица, Зак вынул левую руку из кармана и протянул ее Джулии, в то время как его правая рука обняла тоненькую талию. Из динамиков лился дивный голос Стрейзанд.

Как только Зак ощутил прикосновение ее ног и бедер, а нежная щечка

коснулась его груди, он почувствовал, что его сердце начинает биться слишком сильно. Ведь он даже не поцеловал ее, а жгучее желание уже, казалось, пульсировало в каждой клетке его тела. Чтобы хоть немного отвлечься, Зак судорожно пытался придумать тему разговора, которая бы, с одной стороны, способствовала продвижению к основной цели, а с другой — не заводила его больше, чем он уже был заведен. Вспомнив, какой удачной оказалась шутка про проколотую шину, Зак справедливо рассудил, что для обоих лучше, если они вместе посмеются и над некоторыми другими событиями, которые еще несколько часов назад совсем не казались смешными. Переплетя ее пальцы со своими, он прижал руку Джулии к своей груди и тихо прошептал, склонившись к изящной каштановой головке:

— Кстати, мисс Мэтисон, насчет вашего незапланированного полета на снегоходе...

Джулия тотчас же уловила насмешливые нотки в его голосе, запрокинула голову и посмотрела на Зака такими невинными, широко распахнутыми глазами, что ему пришлось не на шутку потрудиться, чтобы сдержать очередной приступ смеха.

— А в чем дело?

— Куда, черт побери, ты делась после того, как перелетела через гребень горы и бесследно исчезла?

Плечи Джулии тряслись от уже не сдерживаемого смеха:

— Попала в объятия очень большой и красивой сосны.

— Ну что ж, очень умно с твоей стороны, — продолжал поддразнивать Зак, — ты оставалась совершенно сухой и тепло одетой, а я барахтался в ледяной реке, как какой-то ополоумевший лосось.

— А вот это уже совсем не смешно. Я никогда в жизни не видела, чтобы человек вел себя так отважно, как ты сегодня.

Каждое ее слово падало целительным бальзамом на израненную и исполосованную шрамами душу Зака. Но еще сильнее, чем слова, на него действовало другое — неподдельное восхищение в ее глазах, благоговейные нотки в голосе. После всех мытарств, через которые он прошел, можно было потерять голову даже от того, что на тебя просто смотрят как на человека. Мог ли он рассчитывать, что на него будут смотреть еще и как на мужественного, честного, порядочного человека? Такого дара небес Зак не ожидал. Ему хотелось сжать Джулию в объятиях и полностью отдаться ее ласкам; хотелось завернуться в нее как в одеяло и забыться хотя бы на несколько часов; хотелось стать самым лучшим любовником, который у нее когда-либо был, и сделать эту ночь для нее

такой же запоминающейся, какой она, несомненно, станет для него.

От Джулии не укрылось то, что взгляд Зака переместился на ее губы, и она с замиранием сердца, нетерпением и страхом ожидала его поцелуя. Когда же стало ясно, что этого, судя по всему, не будет, она попыталась скрыть разочарование за беспечным тоном и самой жизнерадостной улыбкой, которая имелаась в ее распоряжении:

— Если ты когда-нибудь окажешься в Китоне и встретишься с Тимом Мартином, пожалуйста, не рассказывай ему о том, что танцевал со мной сегодня вечером.

— Почему?

— Потому что, когда я последний раз танцевала с кем-то другим, он устроил драку.

Неожиданно Зак почувствовал довольно ощутимый и первый за всю его взрослую жизнь укол ревности.

— Мартин — это твой приятель? Джулия заметила резкую перемену в настроении Зака и с трудом подавила улыбку:

— Нет, это один из моих учеников. Но он жутко ревнивый тип...

— Ведьма! — с насмешливой укоризной произнес Зак, крепче прижимая к себе ее податливое тело. Стереопроигрыватель заглотнул очередной диск, и из динамиков полилась «Песенка Энни» в исполнении Джона Денвера. — Я очень хорошо понимаю, что должен чувствовать бедный ребенок.

Джулия демонстративно закатила глаза.

— Уж не пытаешься ли ты убедить меня в том, что ревнуешь?

Взгляд Зака жадно поедал ее губы.

— Пять минут назад, — пробормотал он, я был почти уверен в том, что не способен на столь низменные чувства.

— Неужели? — насмешливо спросила Джулия и добавила с беспощадным сарказмом:

— Вы немного переигрываете, мистер Кинозвезда.

Зак почувствовал, как у него внутри все похолодело. Если вы у него был выбор: предстать перед Джулией Мэтисон в качестве беглого преступника или суперкинозвезды, — он без всяких колебаний выбрал бы первое. Потому что даже роль беглого преступника была значительно лучше и естественнее, чем все его ипостаси во время работы в кинобизнесе. Более десяти лет он чувствовал себя чем-то вроде сексуального трофея. Подобно знаменитым футболистам и хоккеистам, он постоянно подвергался нападкам фанаток, которые хотели переспать именно с Захарием Бенедиктом. Но не как с определенным человеком.

Скорее, с выдуманным кинообразом. Сегодняшний вечер был единственным в его жизни, когда женщина хотела его только ради него самого, и он не мог вынести даже мысли о том, что это не так.

— Может быть, — первой начала Джулия, — ты объяснишь мне, почему смотришь на меня так?

— А может быть, ты объяснишь мне, — мгновенно отпарировал он, — почему ты употребила выражение «кинозвезда» именно в данный момент?

— Боюсь, что тебе не очень понравится мой ответ.

— И все-таки, — продолжал настаивать Зак. Тон, которым это было сказано, не предвещал ничего хорошего, и глаза Джулии невольно сузились:

— Ладно. Я сказала это потому, что с детства испытываю отвращение к неискренности.

Темные брови Зака приподнялись в немом вопросе:

— Может быть, ты сможешь пояснить мне это на более конкретных примерах?

— С удовольствием, — ответила Джулия, делая вид, что не замечает в его словах никакого сарказма, — я сказала это, потому что ты сделал вид, что ревнуешь, а потом еще и притворился, будто никогда ранее не испытывал этого чувства. И это при всем при том, оба мы прекрасно понимаем, что я — наименее привлекательная из всех тех женщин, которых ты когда бы то ни было решался удостоить своим вниманием. Более того, раз уж я перестала обращаться с тобой как с беглым каторжником, то надеюсь, что и ты, в свою очередь, не будешь обращаться со мной как с... с какой-то очередной безмозглой поклонницей, которой ты можешь запудрить мозги парой комплиментов.

Джулия слишком поздно сообразила, какое странное и неадекватное воздействие оказывают на него ее слова, а потому попыталась предпринять последнюю, отчаянную попытку спасти положение:

— Полагаю, что мне все же не следовало быть столь прямолинейной. Извини меня. Теперь твоя очередь.

— Моя очередь что?

— Твоя очередь сказать мне, что я была очень грубой и противной.

— С удовольствием. Тем более что это действительно так. — Зак остановился, и Джулии понадобилось некоторое время, чтобы собраться с силами и посмотреть ему в глаза.

— Ты рассердился на меня?

— К сожалению, даже в этом я не могу быть полностью уверенным.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что там, где дело касается тебя, я не могу быть ни в чем уверенным, начиная с полудня сегодняшнего дня. Более того, с каждой минутой эта неуверенность становится все сильнее.

Он говорил так странно... и казался таким растерянным, что Джулия невольно улыбнулась. Ее неожиданная веселость была вызвана мыслью о том, что вряд ли какой-то женщине, даже самой красивой и элегантной, удавалось вызвать в этом непроницаемом человеке такое смещение чувств. Она не понимала, каким образом и почему это удалось именно ей, но испытывала при мысли об этом странную гордость.

— Кажется, — сказала она, — мне это начинает даже нравиться.

— К сожалению, не могу ответить взаимностью, — довольно резко ответил Зак.

— Жаль.

— Честно говоря, мне бы очень хотелось прояснить некоторые детали в наших отношениях. А именно — что происходит между нами и что мы хотим, чтобы между нами происходило. — Зак понимал, что говорит какие-то совершенно глупые и непонятные вещи, но пять лет заключения и недавняя мучительная поездка неумолимо делали свое дело. Судя по всему, он совершенно утратил способность ясно мыслить.

— Итак, ты согласна со мной?

— Я... Да, думаю, что да.

— Прекрасно. Тогда кто первый начнет — ты или я? Джулия судорожно глотнула — ее разрывали совершенно противоречивые чувства:

— Наверное, ты.

— Иногда у меня появляется странное ощущение... Мне кажется, что ты какая-то ненастоящая... Что ты слишком наивна для двадцатилетней женщины. Что ты скорее похожа на ребенка, который пытается изображать из себя взрослую женщину.

Джулия облегченно вздохнула — честно говоря, она ожидала гораздо худшего.

— А что еще тебе кажется?

— А еще мне кажется, что все наоборот. Что ребенок — это я. — Судя по всему, последнее очень понравилось его собеседнице. Зак это мгновенно понял по ее заискрившимся смехом глазам и испытал еще более сильную, чем раньше, потребность тотчас же развеять какие бы то ни было иллюзии, оставшиеся у Джулии, как по поводу его персоны, так и по поводу его дальнейших планов на этот вечер.

— Но что бы ты там ни вообразила после сегодняшнего происшествия у ручья, я отнюдь не кинозвезда и уж, конечно, не наивный, романтический

подросток! Какая бы наивность и идеализм ни были заложены во мне изначально, я утратил их задолго до того, как утратил невинность. Я давно не ребенок, и ты, кстати, тоже. Мы оба — взрослые люди. А потому должны прекрасно понимать, что именно происходит между нами в данный момент и к чему это должно привести.

Зак не отводил пристального взгляда от глаз Джулии, и потому быстро заметил, что из них бесследно исчезла недавняя веселость. Но новое выражение также не имело ничего общего ни со страхом, ни с гневом.

— Или, может быть, ты хочешь, чтобы я окончательно назвал все вещи своими именами? Так, чтобы уже не могло остаться недомолвок и двусмысленностей? — продолжал настаивать Зак, наблюдая за тем, как все более густой румянец заливает обычно бледные щеки Джулии. Как ни странно, но сознание того, что ее улыбку смогла омрачить мысль о необходимости лечь с ним в постель, вызывало лишь еще большее раздражение и желание выговориться. — То, чем я в данный момент руководствуюсь, не имеет ничего общего с благородством. Мои побуждения гораздо более низменны и естественны. Нам не по тринадцать лет, это — не школьная вечеринка, а потому мои мысли весьма далеки от того, позволишь ли ты мне проводить тебя домой и пожелать спокойной ночи. Факт, может быть, и неприятный для тебя, заключается в том, что я хочу тебя. Более того, у меня есть все основания предполагать, что и ты хочешь меня ничуть не меньше. Причем еще до конца сегодняшнего вечера я намереваюсь окончательно убедиться в этом, после чего уже ничто не помешает мне лечь с тобой в постель и заниматься любовью, пытаюсь при этом доставить и тебе, и себе максимум удовольствия, насколько это будет в моих силах. Например, сейчас мне хочется танцевать с тобой, потому что это позволяет мне чувствовать твое тело. И пока мы будем танцевать, я буду представлять себе, что именно и как я буду делать с тобой, когда мы наконец окажемся в постели. Надеюсь, теперь я достаточно ясно высказался? Если мои предложения тебя не устраивают, то тогда, может быть, ты сообщишь мне, что можешь предложить взамен? И мы займемся именно этим. Итак? — спросил он, обращаясь к склоненной кудрявой головке, потому что Джулия упорно продолжала хранить молчание. — Что ты можешь предложить взамен?

Джулия закусила слегка дрожавшую губу и подняла на него глаза, в которых светились ничем не омраченная веселость и желание:

— Как насчет того, чтобы помочь мне сделать небольшую перестановку в кухонных шкафчиках?

— А у тебя нет никакого другого предложения? — недовольно спросил

Зак, и Джулия поняла, что он настолько раздражен, что утратил обычно присущее ему чувство юмора.

— Честно говоря, — сказала она, опуская взгляд и пытаясь сосредоточиться на раскрытом вороте рубашки, — это и было другим предложением.

— В таком случае, какое же первое? И, пожалуйста, не нужно делать вид, что ты сейчас настолько нервничаешь, что готова заняться перестановкой на кухне. Я бы, может быть, тебе и поверил, если бы уже не имел возможности убедиться, что ты способна сохранять полное хладнокровие даже под дулом пистолета!

Джулия мимоходом подумала о том, что вспыльчивость и тупость явно не относятся к тем качествам, которые ей нравятся в мужчинах, но уже ничего не могла с собой поделать, равно как и не могла заставить себя прямо посмотреть в глаза Заку. Поэтому она еще ниже опустила голову и тихо произнесла:

— Ты прав. Мне действительно удавалось сохранять полное хладнокровие под дулом пистолета. Потому что я была абсолютно уверена в том, что ты не причинишь мне никакого вреда. Но зато тебе удалось полностью лишиться меня самообладания с того самого момента, как я проснулась в гостиной сегодня вечером.

— И чем же именно? — продолжал настаивать Зак.

— Хотя бы тем, что заставляешь меня постоянно думать над тем, собираешься ли ты меня наконец поцеловать так же, как вчера вечером... И если да, то почему иногда мне кажется, что тебе этого совершенно не хочется, ведь...

Последнюю фразу она договорить не смогла, потому что страстный поцелуй закрыл ей рот. Жадно зарывшись пальцами в ее волосы, Зак как бы искал подтверждения только что услышанным словам. И он получил его: тонкие руки обвились вокруг его шеи, теплые губы жадно прижались к его губам. Он почувствовал фантастическое наслаждение и радость, такую сильную, что она была почти невыносима.

Пытаясь хоть как-то загладить свою прежнюю грубость, Зак старался быть как можно более нежным. Сначала его губы и язык мягко прошлись по бархатистому виску, щеке, контуру губ, как бы запоминая их очертания, и только потом он наконец начал осторожно приоткрывать языком ее рот. Он напоминал голодающего, который, пытаясь утолить голод, сначала усиливает его. Кроме того, женщина, находившаяся в его объятиях, оказалась на редкость способной и весьма нетерпеливой ученицей. С готовностью откликаясь на ласки, ее тело и губы чутко реагировали на

малейший намек с его стороны.

Лишь несколько минут спустя Зак нашел в себе силы оторваться от этих невыразимо сладостных губ и пристально взглянул в лицо женщины в тщетных поисках предательства и обмана. Но увидел лишь безграничное восхищение, любовь и желание. Он попытался улыбнуться и нежно потереть пальцами атласный затылок, но бездонная глубина глаз невероятного синего цвета манила и не отпускала. Зак снова жадно припал к сводящим его с ума губам, жадно раздвигая их и проникая языком глубоко внутрь. Джулия дрожала в его руках и прижималась к нему с такой страстью и желанием, что ему все сложнее становилось контролировать свои собственные эмоции и чувства. Руки Зака все нетерпеливее гладили нежную кожу плеч, спины, бедер, прижимая это податливое тело все сильнее и сильнее. Он постепенно терял контроль над собой.

Зак приказал себе хоть немного успокоиться и попытаться обуздать свои чувства. Потому что сейчас он действительно начинал походить не на чуткого и неторопливого любовника, каковым пытался представить себя в недавней гневной тираде, а на сексуально озабоченного беглого преступника. Именно это неожиданное и щемящее воспоминание о вчерашней ссоре заставило Зака сдержаться и постараться максимально продлить любовную игру, не допустив того, чтобы все произошло слишком быстро.

Ему наконец удалось с трудом оторвать руки от нежной груди и опустить их ниже, снова обняв тонкую талию, но оторваться от жадно отвечающих на его поцелуи губ было гораздо сложнее. А когда ему все-таки удалось и это, раздался мучительный стон, причем было невозможно определить, кто именно из них застонал от внезапной и невыносимой потери ощущения полного слияния друг с другом. Голова Джулии обессиленно склонилась на его грудь. Закрыв глаза, Зак чувствовал, как сердце бешено бьется о ребра. Сделав глубокий вдох, он предпринял последнюю, но совершенно тщетную попытку хоть немного успокоиться. Ему было необходимо обладать ею — полностью и сию же минуту. Еще раз судорожно вдохнув, он нежно приподнял ее голову. Глаза Джулии были закрыты, длинные черные ресницы отбрасывали длинные тени на шелковистые щеки, а приоткрытые губы искали его губы.

Теперь самоконтроль окончательно изменил Заку. Впившись жадным поцелуем в нежные и податливые губы, он раздвинул их языком, одновременно развязывая шелковые тесемки кимоно и сбрасывая его на пол. Ему хотелось видеть, обонять и ощущать все великолепное тело Джулии.

Не чувствуя ничего, кроме обнимающих ее рук и того безумного, чисто животного наслаждения, которое это ей доставляло, Джулия смутно понимала, что уже не стоит, а лежит на ковре перед камином. Но она так и не смогла стряхнуть с себя странное оцепенение до тех пор, пока Зак не оторвал свои губы от ее. Джулия открыла глаза и увидела, как он неторопливо расстегивает рубашку и сбрасывает брюки. Взглянув на его лицо, она испытала приступ панического страха. В неровном свете камина оно казалось одержимым страстью и совершенно незнакомым. Инстинктивно прикрыв руками грудь, она вздрогнула от резкого оклика:

— Не надо!

Мгновенно осознав, что всякие прелюдии окончены и что через пару секунд, если только ей не удастся его остановить, он войдет в нее, Джулия невольно вздрогнула от страха.

— Зак, — прошептала она, пытаясь одновременно остановить его и при этом не свести полностью на нет то, что уже произошло между ними, — подожди!

Он не разбирал слов, но неподдельный испуг, прозвучавший в ее голосе, тем не менее оказал на него несколько отрезвляющее воздействие. Этот окрик нарушил гармонию того, что происходило между ними, особенно теперь, когда между их обнаженными телами не осталось никаких преград.

— Зак!

Он понимал, что все происходит слишком быстро, что он обманул ее ожидания, и, естественно, подумал, что она возражает именно против этого.

— Мне необходимо кое-что сказать тебе! Приложив титанические усилия, Заку все-таки удалось повернуться на бок и, опустив голову ей на грудь, терпеливо ждать. По крайней мере такую малость он был просто обязан для нее сделать. Джулия, крепко сжав ладонями голову Зака, заставила его посмотреть ей в лицо.

— Пожалуйста! — умоляющим голосом сказала она, заглядывая в янтарную глубину его глаз. Нежно проведя пальцами по напряженному подбородку, Джулия как бы попыталась смягчить его. И ей это отчасти удалось — расслабившиеся губы ласково коснулись ее ладони. Почувствовав внезапный прилив нежности и облегчения одновременно, она произнесла:

— Нам необходимо сперва кое о чем поговорить.

— Давай ты будешь говорить, — хрипловато прошептал Зак, притягивая ее поближе к себе, целуя уголок губ, шеи, нежно водя рукой по

атласной коже груди, — а я послушаю, — солгал он, касаясь гладкого, плоского живота и опуская руку все ниже и ниже.

Но Джулия решительно вывернулась и снова заговорила. Причем тема, которую она выбрала для обсуждения в такой момент, показалась Заку просто потрясающей по своей бессмысленности и несвоевременности:

— Сколько тебе было лет, когда ты в первый раз занимался любовью?

С трудом сдерживая нетерпение, Зак закрыл глаза, и его ответ прозвучал достаточно резко;

— Двенадцать.

— А ты не хочешь знать, сколько было мне?

— Нет, — твердо ответил Зак и наклонился, чтобы поцеловать ее грудь, раз уж она по каким-то неведомым ему причинам не хотела, чтобы он ласкал ее более интимно. Все его тело переполняло неистовое желание, граничащее с физической болью, и он уже перестал понимать, чего добивается эта женщина, ведь он только хотел доставить ей наслаждение.

— Мне было двадцать шесть, — в последней отчаянной попытке прошептала Джулия, потому что губы Зака уже сомкнулись вокруг ее соска.

В ушах у Зака шумела кровь; он слышал слова, но не осознавал их смысла. Целовать и гладить ее восхитительное тело — вот все, чего ему хотелось. Грудь Джулии была небольшой, но великолепно очерченной и необыкновенно женственной, так же как и сама Джулия; и если она будет по-прежнему так восприимчива к его ласкам, то он легко сможет довести ее до оргазма, даже не входя в нее, а потом уж они займутся любовью по всем правилам. За пять лет вынужденного аскетизма в нем накопилось столько нерастратченных сил, что он сможет любить ее всю ночь напролет, без передышки, если, конечно, она позволит ему это, перестанет судорожно сжимать ноги и прекратит наконец рассказывать о том, сколько ей было лет, когда она... в первый раз... занималась любовью...

Джулия сразу поняла, что до него наконец дошел смысл ее слов, потому что он оторвал губы от ее груди и застыл в такой абсолютной неподвижности, что, казалось, даже перестал дышать.

— Для меня это первый раз, — нетвердым голосом добавила она.

— О Боже! — только и смог наконец выдохнуть Зак и, закрыв глаза, уронил голову ей на грудь.

Его реакция была настолько красноречивой, что Джулия тотчас же поняла, что ее последнее откровение отнюдь не обрадовало Зака. Эта уверенность еще больше окрепла, после того как он наконец поднял голову и стал пристально вглядываться в каждую черточку ее лица, как будто

надеялся найти какое-то свидетельство того, что она лжет. У Джулии упало сердце. Ей показалось, что он то ли рассержен, то ли начинает чувствовать по отношению к ней что-то вроде отвращения. Но ведь ей совсем не хотелось остановить его! Она просто хотела, чтобы он действовал немного медленнее и обращался с ее телом бережнее.

Но Зак, естественно, не испытывал никакого отвращения. Он был совершенно ошарашен. И сбит с толку. Он просто не мог себе представить, что еще могут существовать двадцатилетние девственницы, тем более такие красивые, остроумные и сексуальные.

Но пристально взглядевшись в ее прелестное встревоженное лицо, Зак понял, что это действительно так, и постепенно все кусочки головоломки, которую до сих пор представляла для него Джулия с ее непредсказуемыми реакциями, стали на свои места. Он вспомнил ее рыдания прошлым вечером, после программы новостей: «Мой отец — уважаемый человек. Он — священник! Я провела пятнадцать последних лет, пытаясь достичь совершенства».

Вспомнил он и ее ответ на его вопрос о помолвке: «Мы обсуждаем такую возможность».

Очевидно, они очень много говорили, и у них не оставалось времени на занятия любовью. Да и не он ли сам вчера вечером мысленно сравнил ее с девочкой из церковного хора?

Теперь, когда Зак понял прошлое, он был в полном замешательстве относительно настоящего. Джулия оставалась целомудренной, несмотря на то, что рядом был человек, который наверняка любил ее и мог предложить ей респектабельность и будущее. Сегодня же, однако, она была готова с радостью отдаться беглому преступнику, который неспособен любить кого бы то ни было и ничего не может предложить ей взамен. Но совесть, впервые проснувшись за многие годы, упорно напоминала ему о том, что ее почти жених и не предпринимал никаких шагов, чтобы вынудить свою будущую невесту к сожительству. Если бы у Зака остались хоть какие-то моральные устои и принципы, он бы тоже держался подальше от Джулии. Достаточно уже и того, что он похитил ее, угрожал ей, запугивал, а вдобавок еще и сделал предметом всеобщего обсуждения. Если ко всему прочему он еще и лишит ее девственности, то это будет совершенно непростительно.

Но робкие угрызения проснувшейся после долгой спячки совести были слишком слабыми, чтобы заставить его остановиться. Он должен обладать этой женщиной. И он будет обладать ею. Судьба лишила его чести, свободы и будущего, но по какой-то одной ей ведомой причине в эти

короткие дни, возможно, последние в его жизни, она подарила ему Джулию. И ни угрызения совести, ни какие-нибудь другие непредвиденные препятствия не помешают ему принять этот неожиданный подарок судьбы. Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Зака. Он временно утратил чувство реальности, но робкий голос Джулии вернул его к действительности. От ее слов защемило сердце. Совершенно неверно истолковав причину его неожиданного молчания, она сказала;

— Я не думала, что ты будешь сердиться. Тяжело вздохнув, Зак ответил:

— Я сержусь не на тебя, а на себя. Джулия пристально вглядывалась в его лицо:

— Почему?

— Потому что, — хрипло прошептал он, — это меня не остановит. Потому что сейчас для меня не имеет ни малейшего значения, что ты никогда не занималась этим раньше, даже с человеком, который любил тебя и мог остаться с тобой в том случае, если ты забеременеешь. Сейчас для меня ничто не имеет значения, кроме, — с этими словами его губы снова почти коснулись ее, — кроме этого...

Правда, здесь он немного покривил душой. Потому что было еще кое-что, что имело значение. А именно — неопытность Джулии. Поэтому Зак нашел в себе силы вовремя прервать поцелуй и попытаться обуздать свое вожделение.

— Иди сюда, — прошептал он, перекатываясь на бок так, чтобы Джулия снова оказалась лицом к нему. Теперь ее голова лежала у него на плече. Глубоко дыша, он ждал, пока его пульс немного замедлится и приблизится к нормальному, одновременно поглаживая стройную, гладкую спину. Ему было необходимо во что бы то ни стало сделать так, чтобы ей было хорошо, и при этом не умереть от неуголенного желания. А для этого нужно было каким-то образом возбудить ее, но не возбудиться самому еще больше.

Джулия лежала в его объятиях, напуганная такой внезапной переменой в настроении Зака. Ей показалось, что, несмотря на его заверения, ее слова все-таки заставили его вообще отказаться от мысли заняться с ней любовью. Будучи больше не в силах терпеть неопределенность, она заставила себя заговорить, но голос ее немного дрожал, и она так и не смогла посмотреть в глаза Заку:

— Я... я сказала, что ты у меня первый, не потому, что... хотела наложить на тебя какие-то обязательства. И я совсем не хотела остановить тебя, только... немного сдержаться.

Зак прекрасно понимал, с каким трудом дались Джулии эти слова, и снова испытал прилив странной и доселе незнакомой ему нежности. Приподняв ее подбородок, он спокойно и очень серьезно сказал:

— Давай не будем все портить и преуменьшать значение того, что происходит сейчас. Просто дело в том, что я еще никогда не имел чести быть первым любовником женщины. Так что, в какой-то степени, для меня это тоже первый раз.

Приподняв руку, он отвел с нежной щеки растрепавшиеся каштановые волосы, пропустил их сквозь пальцы и с удовольствием наблюдал, как они шелковым водопадом заструились по левому плечу Джулии.

— Наверное, все эти годы ты сводила с ума всех китайских мальчишек, — вслух подумал он.

— Что ты имеешь в виду?

Оторвав взгляд от ее волос, Зак слегка улыбнулся и пристально посмотрел в бездонные синие глаза:

— Я имею в виду то, что начиная со вчерашнего дня я все время мечтал о том, чтобы запустить пальцы в твою роскошную гриву. А до этого я ею просто любовался.

Слова Зака были настолько приятны Джулии, что ее тело моментально расслабилось, и по нему разлилось приятное тепло. Зак тотчас же почувствовал эту неожиданную перемену и с запозданием вспомнил утверждение о том, что слова могут возбудить любую женщину не хуже, чем самые изощренные любовные ласки. Теперь по крайней мере он знал, что ему делать, чтобы окончательно не свести себя с ума, постоянно лаская и целуя ее.

— Знаешь, о чем я думал вчера вечером во время ужина? Джулия отрицательно покачала головой.

— Я думал о том, каковы на вкус твои губы, и о том, действительно ли твоя кожа такая нежная, какой кажется.

Пальцы Зака ласково гладили ее щеку, и Джулия почувствовала, как по телу снова разливается сладостное оцепенение.

— Но на ощупь твоя кожа еще нежнее, чем кажется на первый взгляд, — продолжал он, обводя большим пальцем контур ее губ, — а твой рот... он такой сладостный, что этого просто невозможно себе представить, — вопреки приказам мозга, его рука упорно скользила вниз по стройной шее, атласным плечам и наконец коснулась груди. При этом Джулия почему-то отвела взгляд, уставившись на темные выющиеся волосы на его груди.

— Посмотри на меня, — прошептал Зак, заставляя ее поднять

голову, — у тебя красивая грудь.

По мнению Джулии, эти слова были настолько далеки от истины, что она поневоле усомнилась во всем том, что он говорил раньше. Мгновенно заметив скептическое выражение ее лица, Зак сразу понял причину такой перемены и серьезно сказал:

— Если бы это было не так, то разве бы мне хотелось все время гладить и целовать ее? — С этими словами он начал слегка поглаживать сосок, который моментально затвердел и напрягся. Зак почувствовал, что им снова неумолимо овладевает безумное желание. — Ты же знаешь, что я говорю правду. Ты можешь видеть по моему лицу, как сильно я хочу тебя.

И Джулия действительно видела это.

Умирая от желания поцеловать ее, Зак коснулся языком ее губ, стараясь постоянно помнить о том, что он должен держать себя в руках.

— Ты такая сладкая, — прошептал он, — ты даже не представляешь, какая ты сладкая.

Но если ему еще и удавалось каким-то чудом сдерживать себя, то Джулия этого делать больше не могла. Тихо застонав, она обвила руками его шею и начала целовать со всей страстью, на которую была способна. Плотно прижавшись к нему, она упивалась ощущением сильного, напряженного тела, по которому от ее прикосновений пробежала мучительная судорога. Каким-то шестым чувством, о существовании которого Джулия даже не подозревала, она безошибочно определила, что Зак отчаянно пытается сдерживаться и не делать этот поцелуй слишком страстным, и ощутила безграничную, почти непереносимую нежность. Потершись раскрытыми губами о его рот, она попыталась заставить Зака сделать поцелуй более глубоким. Когда же ей это не удалось, она начала целовать его так, как он это делал раньше. Ее язык коснулся сомкнутых, напряженных губ, и Джулия услышала, как судорожно втянул в себя воздух Зак. Вдохновленная, она начала постепенно, неторопливо приоткрывать языком его губы, пытаясь проникнуть внутрь...

И добила своего.

Остатки самообладания покинули Зака вместе с протяжным стоном. Перевернув Джулию на спину, он начал целовать ее с такой страстностью и ненасытностью, что она почувствовала себя одновременно и очень могущественной, и очень беспомощной. Его руки жадно гладили ее грудь, спину, живот, и когда ему наконец удалось оторваться от ее губ, Джулия испытала такое же нестерпимое желание, как и он.

— Открой глаза, малыш, — прошептал Зак. Джулия подчинилась и увидела перед собой великолепную, мускулистую мужскую грудь,

покрытую густыми темными волосами. Ее сердце забилося чаще. Немного поколебавшись, она перевела взгляд выше, наблюдая за переменами, происшедшими с Заком под влиянием страсти. На напряженном и потемневшем лице ярко горели янтарные глаза. Чувственные губы шевелились, хрипло повторяя два слова:

— Погладь меня. — Это было и приглашение, и приказ, и мольба.

И Джулия тотчас же откликнулась. Приподняв руку, она коснулась смуглой щеки. Не отводя взгляда от ее глаз, Зак слегка повернул голову и нежно коснулся губами ее чувствительной ладони.

— Погладь меня.

Чувствуя, как бешено бьется сердце, Джулия медленно провела кончиками пальцев по его скулам, подбородку, сильным мышцам шеи, широким плечам и наконец коснулась груди. У нее появилось ощущение, что она гладит обтянутый атласом гранит. Когда же она поцеловала эту неожиданно гладкую и упругую кожу, грудные мышцы Зака конвульсивно напряглись. Упиваясь этой новой, недавно обретенной ею властью, Джулия поцеловала его маленькие соски, а потом начала опускаться все ниже и ниже, по направлению к узкой талии и мускулистому животу. Застонав от мучительно сильного наслаждения, Зак резко перевернул ее на спину и, крепко прижимая к ковру, начал целовать с таким неистовством, что жар, разгорающийся у нее внутри, стал совершенно непереносимым. Вырвав руки из объятий Зака, Джулия обвила его шею, возвращая опьяняющие поцелуи и глядя широкие плечи и мускулистую спину. Когда же его губы снова коснулись ее груди, она застонала от наслаждения, даже не почувствовав, что его рука опять скользнула вниз. Лишь когда опытные пальцы начали ласкать низ живота и проникли между ног, Джулия поняла, что происходит. Но на этот раз она не стала сопротивляться, а наоборот — постаралась максимально расслабиться и отдаться тому невыразимому наслаждению, которое он ей доставлял.

Изо всех сил сдерживая сжигающее его желание, Зак наблюдал за прелестным лицом, где, как в зеркале, отражались все те чувства, которые она испытывала от его изощренных ласк. И при каждом стоне, который срывался с ее губ, при каждом беспокойном движении головы, при каждой судороге наслаждения, которая пробегала по ее телу от малейшего прикосновения, его переполняла невыразимая, почти мучительная нежность. Горячая и влажная, она открывалась ему навстречу, но Зак продолжал сдерживаться, позволяя пока только пальцам проникать внутрь. Джулия обвила руками его плечи, и ее тело сотрясала безостановочная дрожь. Это внезапно напомнило Заку о тех словах, которые он смутно

слышал сегодня утром.

— Дрожь — это хорошо, — прошептал он, неторопливо проникая все глубже и глубже. — Дрожь — это очень, очень хорошо.

Плоть под его изучающими пальцами казалась такой непривычно узкой, что Зак на мгновение испугался, что он слишком велик для нее и не сможет войти в нее, не навредив и не причинив боли.

Руки Джулии все смелее гладили его тело и наконец сделали то, чего он давно хотел и ждал. Но в тот момент, когда ее пальцы наконец сомкнулись вокруг его возбужденной плоти, бездонные синие глаза вдруг широко распахнулись и удивленно встретили его взгляд. Если бы ситуация не была настолько необычной, Зак наверняка бы улыбнулся при мысли о том, что на нее явно произвел впечатление его «размер». В неровном свете камина она неотрывно смотрела в его глаза, как будто ожидая какого-то знака, какого-то решения с его стороны, в то время как ее руки возбуждали его до такой степени, что он был готов кончить в любую секунду — прямо сейчас, в ее нежной ладони. И в это мгновение ее вторая рука нежно погладила его скулы и подбородок, как бы пытаясь снять напряжение, а слова, которые сорвались с ее губ, окончательно свели его с ума:

— Вы стоите, того, чтобы вас ждали двадцать шесть лет, мистер Бенедикт.

Зак почувствовал, что совершенно утратил контроль над собственным дыханием. Сжав ладонями разрумянившееся лицо Джулии, он смог лишь хрипло прошептать:

— О Боже...

Кровь бешено пульсировала в висках, и Зак начал неторопливо проникать внутрь ее сладкого, горячего, влажного тела, которое охотно принимало его в себя. Дойдя до хрупкой преграды, он задержал дыхание, приподнял изящные бедра и рывком погрузился еще глубже. Тело Джулии на мгновение напряглось от резкой боли, но уже в следующую секунду она открылась навстречу ему, как цветок, как бы умоляя не останавливаться и двигаться дальше. Чувствуя, что может кончить в любую секунду, Зак продолжал сдерживать себя и двигаться как можно медленнее, но это стало совершенно невозможным, после того как она начала двигаться вместе с ним. Остатки самообладания улетучились вместе с желанием продлить этот акт как можно дольше. Закрыв рот Джулии жадным поцелуем, он начал двигаться все быстрее и быстрее, стараясь довести ее до оргазма скорее, чем это произойдет с ним. На это не потребовалось много времени — вскоре Джулия издала сдавленный крик, впила ногтями в его спину, и по ее телу начали одна за другой пробегать ничем не сдерживаемые волны

дрожи. Еще выше приподняв ее стройные бедра, Зак погрузился в нее как можно глубже — он испытывал непреодолимую потребность зарыться в нее, слиться с ней, когда то же самое произойдет с ним. Оргазм был настолько сильным, что он протяжно застонал и продолжал двигаться и двигаться, как будто это могло избавить его от горечи прошлого и неопределенности будущего. Но наконец, когда каждая его нервная клеточка отозвалась на сильное и давно забытое ощущение, по его телу пробежала последняя судорога, и он почувствовал себя совершенно обессиленным И опустошенным.

Заставив свое ставшее внезапно вялым и непослушным тело откатиться на бок, он тем не менее так и не разъединился с ней окончательно. Пытаясь восстановить дыхание, он гладил ее спину, бедра, стараясь ни о чем не думать и из последних сил цепляясь за неумолимо исчезающую эйфорию. Но через несколько минут это стало совершенно бесполезным. Теперь, когда страсть наконец нашла выход, между его мозгом и совестью больше не осталось никакого барьера. Глядя в огонь камина, он начинал видеть все свои поступки последних трех дней в безжалостном свете правды. А правда заключалась в том, что он сделал своей заложницей совершенно беззащитную женщину. Угрожая пистолетом, он шантажировал ее, обещая отпустить, если она довезет его до Колорадо. Он угрожал ей физическим насилием в случае, если она попытается бежать, а когда она все же не испугалась его угроз и бежала, он заставил ее поцеловать себя при свидетелях, так что теперь вся пресса страны всячески поносит ее, считая его сообщницей. Правда заключалась в том, что он захотел переспать с ней в тот самый день, когда взял своей заложницей, и использовал все уловки, имевшиеся в его распоряжении, чтобы заставить ее сменить гнев на милость. Омерзительная правда заключалась также и в том, что ему таки удалось достичь своей грязной цели — он совратил невинную дочь священника, чистое, одухотворенное существо, которое на всю его подлость и жестокость ответило тем, что спасло его жизнь. Причем «совратил» — это слишком мягкое слово для того, чтобы описать его сегодняшний «подвиг». Испытывая непреодолимое отвращение к самому себе, он перевел взгляд ниже и уткнулся в ковер. Он даже не удосужился донести ее до кровати и взял прямо здесь, на полу, у камина!

Угрызения совести становились почти невыносимыми. И то, что она не сопротивлялась, не кричала, ничем не выказывая того, что он причиняет ей боль, не только не умаляло, а наоборот — усугубляло его вину. Она просто не знала, что достойна гораздо лучшего, чем то, что получила. Но

ведь он знал! В юности он не пропускал ни одной юбки, а когда стал взрослым, то имел гораздо большее количество любовных походов, чем мог сосчитать. Поэтому вся ответственность за то, во что превратилась теперь жизнь Джулии, и за ее первое знакомство с сексом лежала исключительно на нем. И это еще если не учитывать вполне реальной возможности того, что Джулия забеременеет! Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что дочь священника никогда не пойдет на аборт, а значит, ей предстоит испытать все «радости» безмужней беременности, или же переехать в другой город, или же навязать воспитание его ребенка этому ее почти жениху.

Зак прекрасно понимал, что может быть убит в любую минуту, после того как придет время покинуть гостеприимные стены этого дома. Правда, теперь ему бы хотелось, чтобы его убили еще до того, как он сел в ее машину. До тех пор пока он не попал в тюрьму, ему бы и в голову не пришло вмешиваться в свои грязные проблемы ни в чем не повинное человеческое существо, а уж тем более угрожать пистолетом и совращать совершенно невинную девушку. Очевидно, тюрьма таки сделала из него неисправимого социопата, лишенного всяких моральных принципов.

Теперь он понимал, что гибель от пули — слишком мягкое наказание для такого чудовища, которым он стал.

Зак был настолько поглощен собственными мыслями, что не сразу понял, что женщина, лежащая в его объятиях, плачет, и та влага, которую он чувствует на своей груди, — отнюдь не пот, а слезы. Сердце его сжалось от почти непереносимой боли, и он попытался разжать объятия и освободиться, оставив Джулию лежать на ковре, но ее изящная рука продолжала мертвой хваткой цепляться за его плечо, а лицо по-прежнему оставалось крепко прижатым к его груди.

Облокотившись на руку, Зак тщетно пытался успокоить ее, убирая со щек влажные шелковистые пряди, но у него самого в горле стоял комок, и когда он заговорил, его голос казался более хриплым, чем обычно:

— Джулия, если бы я мог повернуть время назад, я бы никогда не допустил того, что только что произошло. Все, что я делал до сегодняшнего дня, объяснялось по крайней мере жизненной необходимостью. Но это... — Он осекся и, судорожно сглотнув, убрал с виска еще один влажный каштановый локон.

Не видя ее лица, он не мог быть полностью уверен в реакции на свои слова, не считая того, что теперь она затихла и даже немного напряглась.

— То, что я только что сделал с тобой, — совершенно непростительно. Конечно, этому могут быть всевозможные объяснения, но не может быть

никаких оправданий. Ты же не настолько наивна, чтобы не понимать, что пять лет в тюрьме... — Он вдруг замолчал, запоздало сообразив, что теперь ко всем своим «подвигам» он добавил еще и оскорбление, поворачивая все так, как будто после долгого воздержания ему бы подошла любая женщина. — Но не подумай, что это было основной причиной того, что произошло сегодня. Основная причина заключается в том, что я хочу тебя с той самой минуты, как... — Отвращение и ненависть к себе оказались настолько сильными, что он не окончил фразы.

В комнате воцарилась тишина. Когда женщина, лежащая в его объятиях, наконец заговорила, голос позвучал неожиданно мягко:

— Продолжай.

Не веря собственным ушам, Зак опустил голову, тщетно пытаясь разглядеть ее почти неразличимые черты.

— Что ты сказала?

Джулия слегка потерлась нежной щекой о его грудь.

— Продолжай. Ты как раз дошел до самого интересного.

— Самого интересного? — тупо переспросил Зак. Джулия наконец подняла голову и взглянула ему прямо в глаза. Ее лицо было все еще влажным от слез, но на нем играла такая восхитительная и манящая улыбка, что сердце Зака снова бешено застучало о ребра.

— Ты очень плохо начал, — укоризненно прошептала она, — сказав, что жалеешь о том, что произошло. Но этого тебе показалось мало, и ты заявил, что после пятилетнего воздержания тебя бы устроила любая женщина...

Зак озадаченно смотрел на нее до тех пор, пока невыразимое облегчение не разлилось по его телу живительным бальзамом. Он не мог поверить в то, насколько легко и спокойно Джулия воспринимает сложившуюся ситуацию, но тем не менее ухватился за ее шутливый и насмешливый тон, как утопающий хватается за соломинку:

— Неужели я такое сказал?

— Можешь в этом даже не сомневаться. Ее улыбка была настолько заразной, что Зак не мог не улыбнуться в ответ.

— Это было весьма негалантно с моей стороны — Совершенно верно, — согласилась Джулия с притворным возмущением.

Минуту назад она ввергла его в пучину черного, безысходного отчаяния; пять минут назад благодаря ей он познал ни с чем не сравнимое наслаждение; а теперь с трудом сдерживал смех. В глубине души Зак понимал, что до сих пор ни одной женщине не удавалось проделывать с ним подобные вещи, но сейчас он был слишком поглощен совсем другими

чувствами, чтобы искать объяснения подобному феномену. В данный момент его больше всего интересовало восхитительное настоящее, и он совсем не хотел задумываться над весьма призрачным будущим.

— А что, по-твоему, — прошептал он, улыбаясь, — я должен был бы сказать и сделать в подобной ситуации?

— Ну-у, как ты понимаешь, у меня не особенно богатый опыт .

— А точнее, никакого опыта вообще, — напомнил он, сам не понимая, почему мысль об этом доставляет ему такое удовольствие.

— Но зато я прочитала сотни любовных сцен во всевозможных романах.

— Это не роман.

— Да, но кое в чем наблюдается совершенно определенное сходство.

— А именно? — поддразнил он, абсолютно сбитый с толку тем, что сейчас она откровенно забавлялась.

К его еще большему изумлению, Джулия внезапно посерьезнела, и в ее глазах появилось какое-то совершенно новое, пока не понятное ему выражение.

— Ну хотя бы, — прошептала она, — что многие женщины в подобные моменты чувствуют именно то, что чувствовала я, когда ты был во мне.

— И как же именно? — спросил он, будучи не в силах сдержаться.

— Я чувствовала себя желанной. — Ее нежный голос слегка дрогнул. — И очень необходимой тебе. Отчаянно необходимой. Я чувствовала себя... совершенной.

Сердце Зака сжалось и защемило от никогда ранее не изведанных эмоций.

— Тогда почему же ты плакала?

— Потому что, — прошептала Джулия, — я иногда плачу от счастья.

Взглянув в ее сияющие глаза, Зак почувствовал, что еще немного — и от тоже заплачет.

— А тебе никто никогда не говорил, — прошептал он в ответ, — что у тебя улыбка микеланджеловской Мадонны?

Джулия собиралась что-то возразить, но он вовремя успел закрыть ей рот поцелуем. Правда, через некоторое время ей все-таки удалось набрать достаточно воздуха и высказаться на этот счет:

— А тебе не кажется, что твои слова звучат несколько святотатственно? Особенно если учесть то, чем мы занимались всего пару минут назад?

Зак с трудом удержался от смеха.

— Нет, не кажется. Но, возможно, я изменю свое мнение после того, чем мы с тобой займемся сейчас.

— И чем же это? — невинно поинтересовалась Джулия. Ее неподдельное веселье и беззаботность были настолько заразительными, что плечи Зака продолжали трястись от смеха даже тогда, когда его губы начали неторопливо опускаться все ниже и ниже.

— Я сейчас покажу тебе.

Джулия выгнулась дугой и тихо застонала. Зак же перестал смеяться, потому что им овладело гораздо более глубокое и сильное чувство.

Глава 32

Облокотившись на кучу пуховых подушек, Джулия восседала на необъятной кровати и смотрела на кипу тарелок, громоздящуюся на низком столике у камина. Они завтракали поздно, прямо в постели, и потом снова занимались любовью. Почти всю ночь Зак не давал ей спать, и она снова и снова погружалась в глубины восхитительных и ранее незнакомых ощущений, которые он сумел пробудить в ней. И каждый раз она засыпала в его объятиях. Теперь уже было далеко за полдень. Джулия чувствовала под боком теплое тело Зака, его рука лениво и сыто ласкала ее плечо. К несчастью, при ярком дневном свете все сложнее и сложнее становилось цепляться за упоительную фантазию о том, что она находится в маленьком, уютном коттедже, а рядом с ней — самый замечательный человек, который к тому же еще и восхитительный любовник. Сейчас, в безжалостном свете дня, ей было совершенно ясно, что тот человек, который с такой нежностью и страстью занимался с ней любовью, который стонал от наслаждения в ее объятиях так, как будто она была первой и единственной женщиной в его жизни, этот самый человек уже занимался тем же самым бесчисленное количество раз со знаменитыми кинозвездами и великосветскими дамами. И эта мысль отнюдь не делала ее счастливой. Ведь раньше это действительно был его мир — мир, населенный богатыми, талантливыми, недоступными и красивыми людьми. К сожалению, этот мир был совершенно чужд ей, Джулии Мэтисон.

Даже если ему удастся, при ее посильной помощи, найти настоящего убийцу и оправдать себя, он вернется к своей прежней жизни, возобновит блестящую карьеру в Голливуде. А тогда он перестанет нуждаться в ней, и она автоматически перейдет в категорию «старых подруг». Джулия прекрасно знала, что не перенесет этого.

Ведь Зак никогда не сможет по-настоящему полюбить ее, да он и не утверждал обратного. Он просто нуждался в ней именно сейчас, когда она по непонятной прихоти судьбы оказалась здесь, рядом с ним. Поэтому ей остается только наслаждаться настоящим и вспоминать его всю оставшуюся жизнь. А это значило, что не следует требовать от него больше, чем он сможет ей дать. Ни к чему открывать ему свои чувства — надо постараться сохранить хотя бы те крохи гордости и самоуважения, которые у нее остались. Итак, выход один — смотреть на вещи как можно легче и беззаботнее. Джулии бы очень хотелось иметь побольше опыта в общении

с мужчинами — это оказало бы ей совершенно неоценимую помощь.

— О чем ты думаешь Э — спросил Зак.

Джулия подняла взгляд и, увидев его озабоченное лицо, постаралась улыбнуться как можно шире и беспечнее. Впрочем, не очень успешно.

— Да так, ни о чем особенном. О жизни.

— Расскажи поподробнее, — потребовал Зак. Всеми силами пытаясь уклониться и от его изучающего взгляда, и от крайне неприятного ей предмета разговора, Джулия осторожно высвободилась из его объятий и, подтянув колени к подбородку, крепко обхватила их руками.

— Право, это совершенно неинтересно.

— А почему бы тебе не позволить мне самому судить об этом?

В глазах Джулии появился нехороший блеск — Ты всегда такой настойчивый?

— Это одна из моих самых непривлекательных черт, — невозмутимо отпарировал Зак. — Итак, о чем же ты думала?

Джулия насмешливо закатила глаза, но, поняв, что он не собирается отступить, решила все-таки рассказать ему хотя бы часть правды.

— Я просто думала о том, какая странная штука жизнь. Все кажется настолько понятным, легко предсказуемым, и вдруг, в какой-то момент, ты заходишь в придорожный ресторанчик, чтобы выпить чашку кофе, и все меняется.

Откинувшись на подушки, Зак закрыл глаза и облегченно вздохнул. Он, честно говоря, думал, что она размышляет о чем-то гораздо более неприятном. Например, о том, что он разрушил ее жизнь.

Краем глаза Джулия заметила его напряженное и изможденное лицо, и ее сердце упало. Разве в глубокомысленных философских рассуждениях о жизни он сейчас нуждался? Ему был необходим смех, легкие и приятные эмоции. В эту секунду Джулия внутренне поклялась, что больше не позволит спровоцировать себя на подобный разговор. Не открывая глаз, Зак глубоко вздохнул и спросил совершенно ровным и невыразительным голосом:

— Ты хочешь остаться здесь, со мной, Джулия?

— А ты мне можешь предложить какой-нибудь выбор? — насмешливо поддразнила она, твердо решив больше не затрагивать никаких серьезных тем. Но как только она произнесла эти слова, его лицо снова напряглось, и Джулия инстинктивно почувствовала, что это совсем не тот ответ, которого он ждал.

— Нет, — ответил Зак после довольно продолжительного молчания. — Боюсь, что не могу предложить тебе ничего другого.

— Неужели ты думаешь, что если отпустишь меня, то я расскажу полиции о твоём укрытии?

— Нет. Если ты пообещаешь мне этого не делать, я поверю тебе.

— Тогда в чём же дело?

— В том, что я не уверен, что ты сможешь пройти через тот пристрастный допрос, который тебе устроят по возвращении. Даже если ты скажешь им, что я все время держал тебя с завязанными глазами, они будут продолжать допрашивать тебя якобы для того, чтобы «помочь» вспомнить что-то чрезвычайно важное. И рано или поздно ты проговоришься, сама того не подозревая.

На сей раз Джулии пришлось приложить максимум усилий, чтобы поддерживать хоть какое-то равновесие между разбирающим её смехом и теми по-настоящему глубокими чувствами, которые она испытывала.

— Ну что ж. Значит, мне придется остаться в этом обшарпанном маленьком коттедже и терпеть общество редчайшего зануды со скверным характером, который к тому же обладает неумным сексуальным аппетитом. Наверное, когда я все-таки смогу уйти отсюда, то не в состоянии буду двигаться без посторонней помощи.

Глаза Зака по-прежнему оставались закрытыми, но губы изогнулись в невольной улыбке.

— Я вовсе не зануда.

— Но, однако, ничего не возражаешь против скверного характера и неумного сексуального аппетита, — насмешливо подзадорила его Джулия, успокаиваясь по мере того, как постепенно начинала все лучше овладевать ситуацией. — Кстати, нам давно пора проветриться. Давай выйдем на свежий воздух.

Теперь улыбка Зака стала еще более широкой, ленивой и довольной.

— Это было бы весьма неразумно. Ты рискуешь отморозить попу.

— Вообще-то я собиралась предварительно одеться, — чопорно отпарировала Джулия, сама удивляясь той легкости, с которой ей удалось отреагировать на это скабрезное замечание. — Свежий воздух и физические упражнения, — торопливо добавила она, заметив, что его плечи снова начали трястись от неудержимого хохота, — излечивают любые недуги.

— Кроме обморожения.

Джулия весело расхохоталась, швырнула в него подушкой, отбросила одеяло и выбралась из постели.

— Скажи, ты всегда должен оставить за собой последнее слово?

— Естественно.

— Тогда тебе придется поддерживать разговор и за себя, и за меня, потому что я твердо решила во что бы то ни стало подышать свежим воздухом, — проинформировала она его, натягивая халат. — Несмотря на все те сибаритские наслаждения, которые я испытываю, лежа с тобой в постели, мне все же жизненно необходимы свежий воздух и солнечный свет. Дома я уже давно бы была на улице вместе со своим классом.

— Сибаритские наслаждения, — повторил Зак, насмешливо смакуя слова. — Хорошее выражение. Мне оно нравится.

— Еще бы, — в тон ему ответила Джулия, направляясь в свою комнату, чтобы принять душ и одеться.

— Воспользуйся этой ванной. Она гораздо лучше, — раздался за ее спиной все тот же насмешливый голос.

Глава 33

Джулия сушила волосы в мягком мерцающем свете роскошных светильников. Зак брился по другую сторону огромного зеркала. Было что-то странное, непривычное и необыкновенно интимное в том, что она разделяла ванную комнату с мужчиной. Даже несмотря на то, что эта ванная была размером с полдома и обеспечивала каждому полное уединение по свою сторону зеркала. Но для звуков не было никакой преграды, и она слышала, как зашумела вода, когда Зак начал бриться. Так же как и он, наверное, мог слышать любые звуки, доносящиеся с ее половины.

Закончив принимать душ, она завернулась в пушистое зеленое полотенце и направилась в спальню за своими джинсами и свитером.

— Надень что-нибудь из того, что висит в этом стенном шкафу, — окликнул ее Зак.

Джулия вздрогнула от неожиданности, потому что он заговорил впервые с тех пор, как они вместе вошли в ванную. Обернувшись, она увидела его у умывальника с намыленным лицом и с таким же, как у нее, полотенцем, обернутым вокруг стройных бедер.

— Нет, — твердо возразила она, — я уже надевала чужие вещи вчера вечером. И мне это совсем не понравилось.

Несмотря на столь категоричный ответ, Джулия чувствовала себя совершенно беспомощной и заворуженно наблюдала за тем, как Зак, насмешливо улыбнувшись, продолжает водить бритвой по шее и подбородку.

— Я почему-то был уверен в том, что ты обязательно станешь возражать.

Джулия самодовольно улынулась.

— Мне очень приятно, хотя бы для разнообразия, суметь оставить последнее слово за собой.

Решительно развернувшись, она направилась в спальню, прямо к тому стулу, на который вчера вечером повесила свою одежду. Но ничего там не обнаружила. Несколько секунд она стояла, тупо уставившись на шелковую ткань обивки, будто ожидая, что ее вещи непонятным образом вдруг материализуются. Потом резко вздернула подбородок и, настроенная весьма воинственно, устремилась обратно в ванную.

— Я не собираюсь надевать ничего из того, что висит в этом шкафу! —

решительно заявила она.

Зак ответил ей с ехидной улыбкой, ни на секунду не прекращая бриться:

— Ну что ж — это тоже неплохая мысль. Для такого ненасытного самца, как я, весьма соблазнительно, чтобы ты целый день бегала по дому в костюме Евы.

Джулия попробовала прибегнуть к своему «учительскому» тону — холодному и строгому. Тону, которым обычно говорят: «Вы заходите слишком далеко, молодой человек».

— Зак, я с трудом сдерживаюсь. Не дразни меня. Зак лишь подавил очередной приступ смеха.

— Зак! — В голосе Джулии появились недобрые нотки. — Я надеюсь, что ты сию же минуту вернешь мои вещи, куда бы ты их ни спрятал.

Плечи Зака снова затряслись от приступа беззвучного хохота. Он неторопливо смыл остатки пены и начал промокать лицо, одновременно продолжая говорить. Его голос звучал через махровое полотенце слегка приглушенно:

— А если я этого не сделаю, мисс Мэтисон? Неужели вы оставите меня после уроков?

Джулия достаточно имела дел с непослушными и взбалмошными детьми, потому ей удалось подавить острый приступ раздражения и сказать все тем же сухим, суровым тоном, подчеркивая каждое слово:

— Я не намерена дискутировать по этому поводу.

Отняв полотенце от лица, Зак повернулся к ней, и широкая белозубая улыбка осветила суровое лицо.

— У тебя просто потрясающий словарный запас, — сказал он с искренним восхищением. — Кстати, а почему у тебя нет техасского акцента?

Но Джулия совершенно не слышала того, что он говорил. Она ошарашенно смотрела на живое воплощение того самого секс-символа американского кинематографа, который до этого ей доводилось видеть лишь на экране и в иллюстрированных журналах. До сих пор, несмотря ни на что, Захарий Бенедикт — человек не ассоциировался у нее с Захарием Бенедиктом — кинозвездой, и поэтому ей было проще не задумываться о его голливудском прошлом. Пять лет, проведенных за решеткой, наложили свой отпечаток на его черты, сделав их более суровыми и резкими. Но теперь, за одну-единственную ночь, это все ушло. Хорошо отдохнувший, побритый и удовлетворенный, он настолько напоминал того, прежнего Бенедикта, что Джулия испуганно отшатнулась от него, как от незнакомца.

— Что случилось? Почему ты смотришь на меня так, как будто у меня из ушей торчат пучки волос?

Она хорошо узнала этот голос. Постаравшись стряхнуть внезапное наваждение, Джулия отбросила прочь бессмысленные фантазии и вернулась к прежней теме. Причем на этот раз она была твердо намерена оставить последнее слово за собой. Скрестив руки на груди, она упрямо повторила:

— Мне нужны мои вещи.

Присев на краешек огромного мраморного туалетного столика, Зак тоже скрестил руки на груди, как бы передразнивая ее. Но в отличие от Джулии его глаза искрились непритворным весельем.

— Боюсь, что это совершенно невозможно, дорогая. Придется тебе все-таки воспользоваться чем-то из этого стенного шкафа.

Его ласковые слова не оказывали на Джулию абсолютно никакого воздействия, потому что теперь они были сказаны кинозвездой и общепризнанным героем-любовником. Она была настолько сердита и раздражена, что ей хотелось затопать ногами.

— Черт побери, я хочу получить обратно свою...

— Пожалуйста, — спокойно перебил он ее, — возьми что-нибудь из этого шкафа. — Заметив, что Джулия готова в очередной раз возразить, он невозмутимо добавил:

— Дело в том, что я бросил твои старые вещи в камин.

Джулия понимала, что он в очередной раз одержал над ней верх, и это вызвало у нее вспышку злости и обиды.

— Может быть, для бывшей кинозвезды они и могли показаться ничемными лохмотьями, но это были мои вещи. Я работала для того, чтобы заплатить за них, я купила их, и они мне нравились!

Резко обернувшись, она направилась к стенному шкафу, даже не подозревая о том, насколько болезненным и метким оказался ее последний удар. Проигнорировав богатый выбор платьев и юбок, открывшийся перед ней, она схватила первые попавшиеся зеленые кашемировые брюки и свитер из мягкой шерсти с разбросанными по основному фону нежными фиалками. Вдев в брюки первый же попавшийся зеленый кожаный пояс, Джулия отвернулась от шкафа и... уткнулась в широкую грудь Зака.

Опершись рукой о косяк, он стоял в дверном проеме и преграждал ей выход.

Не поднимая головы, Джулия попыталась протиснуться мимо. Но не тут-то было. Голос Зака казался столь же непоколебимым, как и его поза:

— По моей вине ты носила эти вещи не снимая в течение последних

трех дней. Я просто хотел, чтобы ты надела что-то другое. Так, чтобы я не чувствовал себя виноватым при каждом взгляде на твои джинсы. — Зак благоразумно опустил свои соображения по поводу того, что ему также хотелось бы видеть ее в чем-то более красивом и изысканном, в чем-то, хоть немного достойном ее лица и фигуры. — Пожалуйста, перестань дуться, посмотри на меня и позволь мне объяснить.

Джулия была достаточно упряма для того, чтобы противостоять его убедительному тону, но недостаточно сердита и бестолкова для того, чтобы не увидеть в его словах определенной логики и не понимать, что было бы чистым идиотизмом глупыми ссорами отравлять то недолгое время, которое им предстояло провести вместе.

— Мне очень не нравится, когда ты не смотришь на меня, а стоишь, уставившись в пол, — продолжал Зак. — Мне тогда начинает казаться, что ты видишь во мне какого-то таракана, которого тебе не терпится раздавить.

Джулия намеревалась с достоинством поднять голову и строго взглянуть на него, но вместо этого зашлась в безудержном смехе, уткнувшись носом в одежду, висящую в шкафу.

— Ты совершенно неисправим, — сказала она, поднимая на него искрящиеся смехом глаза.

— А ты совершенно потрясающая женщина. Зак сказал это настолько серьезно и торжественно, что у нее в груди что-то перевернулось. И тщетно Джулия пыталась напомнить себе, что он в первую очередь актер и что если она начнет воспринимать его небрежные комплименты всерьез, то потом ей еще труднее будет расстаться с теми иллюзиями, которые она уже успела для себя создать.

Не дождавшись ответа, Зак улыбнулся и направился в спальню. Уже на ходу он обернулся и сказал:

— По-моему, если ты все еще хочешь отправиться на свежий воздух, то самое время надеть куртки и выйти во двор.

Джулия изумленно посмотрела на него и широко раскинула руки.

— На улицу? В этой одежде? Ты что, рехнулся? Да ведь эти кашемировые брюки стоят... по меньшей мере две сотни долларов!

Вспомнив некоторые из счетов Рейчел, Зак подумал о том, что цена в шесть сотен была бы гораздо ближе к истине, но не стал разубеждать Джулию. Спеша поскорее закончить этот разговор, он сказал гораздо больше, чем собирался:

— Послушай, малыш, эти вещи принадлежат женщине, которая владеет целой сетью шикарных магазинов, полных роскошной и дорогой одежды. И от нее совершенно не убудет, если ты... — еще не договорив до

конца последнюю фразу, Зак понял, какую непростительную ошибку совершил. Джулия смотрела на него широко распахнутыми, изумленными глазами, и Заку казалось, что он слышит, как напряженно работает ее мозг.

— Ты хочешь сказать, что знаешь людей, которым принадлежит этот дом? Они что, позволили тебе воспользоваться им? Но ведь они страшно рискуют. Я имею в виду, если станет известно, что они укрывали беглого...

— Прекрати! — перебил ее Зак, и это вышло у него гораздо резче, чем ему бы хотелось. — Я не имел в виду ничего подобного!

— Но я всего лишь пытаюсь понять...

— А я, черт побери, совсем не хочу, чтобы ты что-нибудь понимала! — Вовремя спохватившись, Зак обуздал свой гнев и попытался набраться терпения.

— Послушай, я постараюсь объяснить тебе это настолько честно, насколько смогу. А потом я хочу, чтобы мы оставили эту тему раз и навсегда.

Джулия посмотрела на него с таким молчаливым упреком, что он почувствовал себя чудовищем.

Стараясь не тушеваться под ее пристальным взглядом, Зак заговорил:

— Когда ты вернешься домой, ты сразу попадешь в лапы полиции. И они начнут допрашивать тебя. Они будут пытаться выяснить, помогал ли мне кто-нибудь, а также вычислить то место, куда я направляюсь после того, как уйду отсюда. Они будут допрашивать тебя снова и снова, до тех пор, пока ты полностью не утратишь способность ясно мыслить и не забудешь всего, что говорила до сих пор. Они будут делать это в надежде на то, что ты все-таки случайно проговоришься и скажешь что-нибудь такое, что может оказаться очень важным для них. Поэтому до тех пор, пока ты будешь говорить им правду — всю правду, слышишь, всю, — тебе ничто не угрожает. Но как только ты попытаешься что-то скрыть или каким-то другим образом выгородить меня, то рано или поздно начнешь сама себе противоречить. А тогда эта свора уже не отстанет. Они разорвут тебя на части. Объявят моей сообщницей и начнут обращаться с тобой соответствующим образом. Поэтому я прошу тебя солгать лишь в одном, совершенно незначительном факте. Эта маленькая ложь не позволит им поймать тебя на перекрестном допросе и не доставит тебе никаких неприятностей. Кроме этого, я хочу, чтобы ты не лгала ни в чем. Расскажи им все. До сих пор тебе не известно ничего такого, что могло бы причинить вред мне или помогавшим мне людям. Теперь понятно? — требовательно спросил он. — Понятно, почему я прошу не задавать мне больше никаких вопросов? Это ради нас обоих — и тебя, и меня.

Джулия не торопилась соглашаться, и черные брови Зака резко сошлись на переносице. Но ее вопрос успокоил его:

— Ив чем именно ты хочешь, чтобы я солгала.

— Я попрошу сказать полиции, что ты не знаешь, где находится этот дом. Скажи им, что я завязал тебе глаза после того, как ты чуть не сбежала от меня на той площадке для отдыха, положил на заднее сиденье машины, где ты провела всю оставшуюся часть пути. Это будет звучать вполне логично, и они должны купиться. Кроме того, это поможет опровергнуть слова того проклятого водителя, а ведь он — единственная причина, по которой полиция начала подозревать тебя в пособничестве. Поверь, мне очень не хочется заставлять тебя лгать, но, к сожалению, это наилучший, да и, пожалуй, единственный выход.

— А если я откажусь?

Лицо Зака посуровело и стало очень холодным и отчужденным.

— Естественно, принуждать тебя к этому никто не будет, — ледяным, безупречно-вежливым голосом ответил он.

И только в тот момент, когда он подумал, что она обманула его доверие, Джулия поняла, насколько сильно он изменился начиная со вчерашнего дня. Она поняла, что его мягкость, нежность и насмешливое подтрунивание по отношению к ней были не просто способом приятно провести время. Все гораздо глубже. Это открытие настолько поразило Джулию, что она даже не сразу уловила, что он снова обращается к ней.

— А если ты все-таки решишь сообщить полиции, где именно находится этот дом, я был бы тебе очень признателен, если бы ты также сообщила им и то, что я не имел ключа и собирался даже взламывать замок. Если же ты этого не сделаешь, то двое ни в чем не повинных людей окажутся замешанными в преступлении, к которому не имеют ни малейшего отношения. А ты, я думаю, теперь можешь в полной мере понять, как горьки и обидны несправедливые подозрения.

Джулия поняла, что Зак отнюдь не пытается защитить себя. Он изо всех сил старается оградить от неприятностей владельцев этого дома. А это могло значить только одно — они действительно его друзья. Или по крайней мере были ими раньше...

— Если тебе не трудно, пожалуйста, сообщи мне, какое решение ты приняла, — сказал Зак безупречно-вежливым, отчужденным голосом, который она терпеть не могла. — Или, может быть, тебе необходимо некоторое время, чтобы все обдумать?

Когда Джулии было одиннадцать лет, она поклялась никогда не лгать и с тех пор не нарушала эту клятву. Но теперь, взглянув на человека, которого

любила, она мягко сказала:

— Я собираюсь сказать им, что ты завязал мне глаза. Как ты мог подумать, что я способна принять другое решение?

Выражение лица Зака постепенно смягчилось, и Джулия почувствовала огромное облегчение и радость. Но вместо того, чтобы сказать что-нибудь приятное, Зак бросил на нее убийственный взгляд и заявил:

— У тебя есть одно весьма своеобразное качество, Джулия. Ты — единственная женщина, рядом с которой я чувствую себя чем-то вроде чертика на ниточке, привязанной к твоему изящному пальчику. Ты слишком непредсказуема.

Джулия закусила нижнюю губу, чтобы подавить непроизвольную улыбку, — так приятно слышать, что она хоть в чем-то действует на него так, как ни одна другая женщина. Пусть даже Зак от этого «чего-то» совершенно не в восторге.

— Прости меня... я не хотела, — притворно виновато сказала она.

— Черта с два не хотела, — буркнул Зак, но теперь в его голосе уже не было раздражения. Скорее, в нем появилось легкое недоумение:

— Да ты едва сдерживаешься, чтобы не расхохотаться!

При виде его замешательства Джулия с трудом подавила очередной приступ смеха и стала пристально рассматривать свой указательный палец.

— По правде говоря, он мне кажется совершенно обыкновенным пальцем, — насмешливо проговорила она.

— По правде говоря, мисс Мэтисон, в вас нет ничего обыкновенного. Вы — исключительно необыкновенная девушка. И да поможет Бог тому несчастному, который на вас женится. Бедняга наверняка поседеет раньше времени.

От этих слов веселость Джулии улетучилась бесследно, и она спустилась с небес на землю. Зак был так явно уверен в том, что она когда-нибудь выйдет замуж за кого-то, кроме него. Более того, он говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся и даже жалел «беднягу»! Но не она ли сама недавно убеждала себя, что не следует воспринимать их отношения слишком серьезно? Так почему же теперь она ищет в его словах и поступках какой-то тайный подтекст, которого там никогда не было? Ничего, больше этого не будет. Джулия заставила себя улыбнуться, кивнула и перешла на задорный, теннисный жаргон:

— Полагаю, что последний мяч сделал и сет, и всю игру. А потому присуждаю тебе победу в этом словесном поединке, как, впрочем, и во всех остальных.

Несмотря на веселый и беспечный тон, Зак безошибочно почувствовал ее смятение. Но Джулия уже натягивала на себя утепленный комбинезон.

— Я совсем про него забыла. Он очень теплый. Я захватила и второй, для тебя, — добавила Джулия, кивая на точно такой же лыжный комбинезон большего размера, который висел на дверце шкафа.

Облачаясь в него, Зак решил, что их разговор в спальне остался незаконченным и необходимо еще кое-что прояснить.

— Послушай, Джулия, — спокойно и искренне начал он, — мне очень не хочется ни ссориться, ни препираться с тобой. Поверь. Но я также не собираюсь обсуждать с тобой свои планы на будущее и текущие проблемы. Я сам прилагаю максимум усилий, чтобы не думать о них, по крайней мере сейчас, а просто наслаждаться тем кратким мигом, на который судьба подарила мне тебя. Возможно, что дни, проведенные в этом доме, будут последними «нормальными» в моей жизни. Правда, я понятия не имею о том, что обычно подразумевается под словом «нормальный», но мне просто необходима хотя бы иллюзия счастья на эти несколько дней. Необходимо что-то, чтобы было о чем вспоминать впоследствии. Даже если эта идиллия будет недолговечной, я все равно не хочу портить ее мыслями о будущем. Мне достаточно настоящего — здесь и с тобой. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Джулия ощущала такую боль и обиду за него, что ей хотелось плакать, но она скрыла свое сочувствие, которого бы он никогда не принял, и кивнула:

— Я хочу узнать только одно, если это возможно. Как долго мы будем вместе?

— Я... я еще не решил. Но не больше, чем неделю. Джулия постаралась не задумываться над тем, что неделя — это очень мало. Зак был прав. Действительно, не стоило омрачать их пребывание здесь мыслями о будущем. Но она не могла не задать еще один вопрос, который не давал ей покоя с тех самых пор, как она вышла из спальни:

— Перед тем как окончательно забыть обо всем этом, я должна задать тебе еще один вопрос. Точнее, кое-что уточнить.

Зак увидел, как щеки Джулии залил густой румянец и она поспешно наклонила голову, запихивая свои роскошные волосы под синюю вязаную шапочку.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я рассказала полиции всю правду. Но ведь я не могу рассказать им о том, что мы... ну, ты и я...

— Слишком много местоимений, — поддразнил ее Зак, хотя прекрасно понял, что именно она хотела сказать, — может быть, ты подбросишь к ним

еще и глагол?

Джулия уперлась руками в узкие бедра и покачала головой с преувеличенно-комичным неодобрением:

— Вы слишком бесцеремонны, мистер Бенедикт.

— Не могу же я отставать от вас, мисс Мэтисон. Джулия брезгливо сморщила носик и направилась к задней двери в другом конце холла. Зак догнал ее у выхода.

Яркий зимний день ослепил их. На синем небе не было ни облачка, лицо пощипывал легкий морозец. А вся местность вокруг напоминала какую-то сказочную страну — повсюду возвышались белые сугробы, приобретшие после вчерашней метели самые причудливые очертания.

— Я совсем не собирался игнорировать твой последний вопрос, — сказал Зак, закрывая дверь и осторожно ступая на узенькую тропинку среди почти двухметровых сугробов. Обернувшись, Джулия наблюдала за ним, на ходу натягивая перчатки. Увидев ее ярко освещенное солнцем лицо, Зак совершенно забыл о том, что собирался сказать. Даже сейчас, когда все ее волосы были безжалостно заправлены под шапку, а лицо не тронуто никакой косметикой, Джулия Мэтисон была восхитительно, завораживающе красива. На чистом, гладком, как у фарфоровой статуэтки, лице, под красиво очерченными бровями сияли огромные, ярко-синие, сапфировые глаза, обрамленные длинными черными ресницами.

— Когда я говорил о том, что ты должна рассказать все, я не имел в виду нашу близость. В конце концов, это касается только нас двоих. Но с другой стороны, — добавил Зак, постепенно вновь обретая способность связно мыслить, — учитывая тот факт, что я был осужден за убийство, они обязательно предположат, что я так или иначе вынудил тебя к сожительству. А принимая во внимание некоторые особенности мышления наших полицейских, которые обязательно во всем должны выискать грязь, если ты скажешь им, что я тебя ни к чему подобному не принуждал, то они будут мучить тебя беспрестанными допросами, надеясь выяснить, что это ты сама захотела переспать со мной, а я, естественно, пошел тебе навстречу.

— Не смей так говорить! — Сейчас Джулия напоминала чопорную, оскорбленную непорочную девицу. «Каковой, — улыбнулся про себя Зак, — она, собственно говоря, и являлась».

— Я просто пытаюсь объяснить тебе их ход мыслей. Они задают подозреваемому тысячи, казалось бы, совершенно не связанных между собой вопросов. Так, например, они попросят тебя описать дом, якобы для дополнительной информации о его местонахождении. При этом будут обязательно расспрашивать тебя о спальнях. Не знаю, какими еще

способами они будут подбираться к тебе, но как только ты обнаружишь слишком большие познания... или чувства... в том, что касается лично меня, они сразу предположат самое худшее и вцепятся в тебя мертвой хваткой. Когда я заставил тебя приехать сюда, я даже не мог предположить, что у них окажутся столь весомые основания для подозрений. Да их бы и не было, если бы не этот проклятый водитель грузовика. — Зак внезапно замолчал и покачал головой. — Когда тебе тогда удалось выбежать из машины, я не думал ни о чем, кроме того, что тебя необходимо остановить во что бы то ни стало. Я даже не предполагал, что этот водитель нас настолько хорошо рассмотрит и запомнит. Но в любом случае, сделанного не воротишь, и не имеет смысла рассуждать о том, что могло бы быть. Поэтому, когда полицейские спросят тебя об этом эпизоде, расскажи им все именно так, как оно и происходило на самом деле. Тогда они не смогут подумать ничего, кроме того, что ты проявила удивительное мужество. И это действительно так. — Зак положил руки на плечи Джулии, как бы желая особенно подчеркнуть, что он собирался сказать. — А теперь выслушай внимательно то, что я тебе сейчас скажу, и мы оставим эту тему раз и навсегда. Если во время допросов о наших с тобой отношениях ты вдруг случайно проговоришься и полицейские поймут, что мы были близки, я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала.

— Что именно? — спросила Джулия, желая только одного — как можно скорее закончить этот разговор, пока ее настроение не испортилось окончательно.

— Я хочу, чтобы ты пообещала мне сказать им, что я тебя изнасиловал. Джулия была настолько потрясена, что временно утратила дар речи.

— Дело в том, что я уже осужден за убийство, — торопливо добавил Зак, — поэтому дополнительное обвинение в изнасиловании ничем не угрожает моей репутации. А вот твою репутацию оно может спасти, и это самое главное. Понимаешь?

Джулия как-то странно на него посмотрела, но когда она вновь заговорила, ее голос был мягким и очень ласковым.

— Да, Зак, — согласилась она с несвойственной ей кротостью. — Я понимаю. Я понимаю, что ты... сошел... с ума! — Неожиданно она со всей силы толкнула Зака, который, не удержав равновесия, плюхнулся в сугроб.

— Какого черта?! — разозлился он, барахтаясь в глубоком снегу и пытаясь выбраться на тропинку.

— А это тебе за то, — произнесла Джулия с самой ангельской улыбкой, на которую была способна, — что ты посмел даже подумать о том, что я когда-нибудь смогла бы сказать, что ты меня изнасиловал!

Глава 34

Зак наконец выбрался из сугроба, отряхнулся от снега, и внезапно его охватило радостное возбуждение — невозможно было устоять перед очарованием зимнего дня, ярко-синего неба, сказочного заснеженного пейзажа и общества молодой прелестной женщины, находящейся в самом игривом настроении. Он широко ухмыльнулся и неторопливо двинулся в ее сторону, явно намереваясь пошутить.

— Это было очень неразумно с твоей стороны, — вкрадчиво пошутил он Джулию.

Она внимательно наблюдала за его приближением.

— Лучше не пытайся, — сказала она, давась от смеха, — я предупреждаю тебя, что если...

Зак бросился вперед, но Джулия вдруг резко развернулась, обвила ногой его колено и сильно дернула вверх. Он даже не успел ничего сообразить, как в следующую секунду уже падал на спину, отчаянно размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие. Но это ни к чему не привело, и под звонкий смех Джулии, звенящий как серебряные колокольчики, Зак с глухим стуком шлепнулся на землю.

— А это, — радостно сообщила ему Джулия, — тебе хотя бы частичная месть за то, что ты бросил мне снег в лицо там, на площадке для отдыха.

Все происходящее явно доставляло ей массу удовольствия, чего, судя по всему, никак нельзя было сказать о Зake. Не предприняв никаких попыток подняться, он продолжал лежать, задумчиво глядя на ясное небо над головой.

— А ты не собираешься вставать? — весело поинтересовалась Джулия через минуту.

Зак медленно перевел взгляд на нее:

— А зачем?

— Но ведь я тебя не поранила? — осторожно спросила Джулия.

— Моей гордости нанесена смертельная рана. В мозгу Джулии вихрем пронеслись сцены из его старых боевиков, и она внезапно поняла причины столь необычного поведения. Он был смущен. В этом не могло быть никакого сомнения — достаточно прислушаться к странному, непривычному напряжению в голосе. Очевидно, в кино за него работал каскадер. Когда Джулия это поняла, она испытала острый приступ

раскаяния из-за того, что невольно добавила ко всем его проблемам еще и такое никому не нужное унижение.

— Очень глупо с моей стороны. Прости. Вставай, пожалуйста.

Прищурившись на яркое зимнее солнце, Зак спокойно спросил:

— Ты что, хочешь опрокинуть меня еще раз?

— Нет, обещаю тебе, что не буду этого делать. Честное слово. Ты совершенно прав — это действительно ребячество.

Джулия протянула руку, чтобы помочь ему, до последней секунды надеясь на то, что он сейчас попытается перехитрить ее и рывком сбить с ног, но Зак всего лишь с благодарностью принял ее помощь.

— Я слишком стар для таких игр, — пожаловался он, потирая ногу и в очередной раз отряхиваясь от снега.

— Ты только посмотри, — сказала Джулия, стараясь, чтобы он как можно скорее забыл неловкую ситуацию, в которой оказался. Показывая на снеговика, которого так и не долепила вчера, она лучезарно улыбнулась Заку. — Его не замело. Ты поможешь мне долепить его?

— С удовольствием, — ответил Зак и, к ее огромной радости, снова взял за руку. Теперь они действительно напоминали двух влюбленных. — Только скажи мне, пожалуйста, — добавил он с нескрываемым восхищением, — что это было? Какой-то прием карате? Или, может, дзюдо? Я их всегда путаю.

— Дзюдо, — неохотно ответила Джулия.

— Я только не понимаю одного — какого черта ты не провернула того же самого там, на площадке для отдыха? Вместо того чтобы бежать куда глаза глядят?

Этот вопрос явно смутил Джулию, и она начала сбивчиво объяснять:

— Ты понимаешь, мой брат Тед проводит специальные занятия по самозащите, но мне казалось совершенно бессмысленным обучаться чему-нибудь подобному в таком местечке, как Китон. И когда я наотрез отказалась ходить на эти занятия, Тед обучил меня отдельно именно этому приему. В тот день, когда ты побежал за мной, я бы даже не смогла вспомнить, как именно он делается. А сегодня я все рассчитала, и поэтому у меня так легко получилось, и... — Джулия запнулась на полуслове, судорожно подыскивая слова, которые бы никак не могли ранить его гордость.

Они наконец добрались до снеговика, и Зак выпустил ее руку, глядя на нее сверху вниз с восхищенной улыбкой.

— Может быть, он научил тебя еще парочке приемов?

— Нет, честно говоря, только этому, — беззастенчиво соврала Джулия.

Продолжая улыбаться, Зак вкрадчиво сказал:

— Тогда позволь мне научить тебя еще одному... Он двигался настолько быстро, что Джулия даже не успела вскрикнуть — уже в следующую секунду она оказалась в воздухе и безболезненно приземлилась в ближайший глубокий сугроб.

Придя в себя после бесславного полета, Джулия весело рассмеялась и поднялась на ноги.

— Ты совершенно невозможен, — упрекнула она Зака, делая вид, что тщательно отряхивает снег с шапочки и комбинезона. На самом деле ее мозг напряженно работал, продумывая план мести. Она улыбнулась самой невинной улыбкой, на которую была способна, и направилась к Заку.

— Надеюсь, с тебя достаточно? — ухмыльнулся Зак.

— Вполне. Ты выиграл. Сдаюсь. Однако на этот раз от Зака не укрылись веселые чертики, прыгающие в синих глазах, и он ожидал подвоха.

— Врунишка, — рассмеялся он, наблюдая за тем, как Джулия кружит вокруг него, выискивая наиболее уязвимое место. Зак твердо решил быть бдительным, а Джулия совершенно точно знала, куда именно она нанесет удар.

— Тайм-аут, — засмеялась она, делая вид, что застегивает молнию, расстегнутую ею же минуту назад. — Неудивительно, что я все время замерзаю. Эта молния постоянно расстегивается.

— Сейчас помогу тебе, — с готовностью ответил Зак. Это были именно те слова, на которые рассчитывала Джулия. — Дай попробую.

Он снял перчатку с правой руки и потянулся к замку. В ту же секунду Джулия резко развернулась, намереваясь со всей силы ударить плечом в его широкую грудь. Но в последнее мгновение Зак резко дернулся в сторону, и Джулия, не встретив никакой преграды, стремительно пролетела головой вперед и врезалась в первый же попавшийся сугроб по самые плечи.

Задыхаясь от смеха и снега, забившего рот, Джулия вылезла из сугроба.

— Никогда не видел, чтобы люди по собственной воле врезались головой в сугроб, — сообщил насмешливый голос. — Интересная идея. Как ты думаешь, мы сможем продать ее?

Последняя реплика настолько рассмешила Джулию, что она буквально скорчилась от неудержимого смеха. Пытаясь хоть немного восстановить дыхание, она посмотрела на ухмыляющееся лицо Зака. Подбоченившись, он возвышался над ней, как олицетворение мужского превосходства.

— Когда ты действительно решишь всерьез заняться снеговиком, —

лучась самодовольством, проинформировал он ее, поворачиваясь, чтобы уйти, — сообщи мне и...

Договорить он не успел. Джулия резко вытянула ногу вперед. Зак споткнулся и повалился вниз как подрубленное дерево. Весело хохоча, Джулия торопливо откатилась в сторону и поднялась на ноги, стараясь оказаться подальше от него.

— Дьявол гордился, да с неба свалился, — напомнила она, пятясь назад и не сводя с него глаз.

Зак улыбался, но в этой улыбке было что-то очень настораживающее, тем более что он начал осторожно наступать на нее.

— Не надо... Не делай ничего такого, в чем бы ты потом раскаивался, — с трудом сдерживая смех, лепетала Джулия, вытянув вперед руки, как бы пытаясь защититься, и все быстрее и быстрее отступала назад. — Послушай, Зак... Не смей! — С этими словами Джулия быстро повернулась к нему спиной, явно намереваясь удрать в лес. Но не тут-то было. Зак молнией бросился следом за ней и, схватив за талию, повалил на землю. Накрыв ее своим телом, он перевернул Джулию на спину и, явно забавляясь тщетными попытками своей пленницы освободиться, крепко прижал к земле.

— Итак, обманщица, — насмешливо спросил он, крепко удерживая вырывающуюся девушку. — Сдаешься?

— Да, да, да! — с трудом выдохнула Джулия.

— Тогда скажи: «Дяденька, отпусти».

— Дяденька, отпусти! — давась от хохота, взмолилась Джулия. — Дяденька, отпусти!

— А теперь закрой глаза и поцелуй меня. Все еще задыхаясь от смеха, Джулия закрыла глаза и вместо поцелуя скорчила забавную детскую рожицу. В ту же секунду она почувствовала на своем лице целую охапку снега. Зак тщательно размазывал быстро тающие снежинки по щекам, лбу, подбородку. Джулия боялась задохнуться от смеха. Наконец Зак встал и протянул ей руку с видом султана, который простирает свою царственную длань одному из подданных.

— На этот раз, надеюсь, с тебя действительно достаточно?

— На этот раз да, — рассмеялась Джулия, слишком поздно заметив, насколько счастливым и по-детски беззаботным сделала этого сурового человека простая возня в снегу. Теперь на его красивом лице не осталось и следа от прежнего напряжения. Было просто поразительно, что взрослый человек может быть настолько счастлив от таких мелочей. Правда, в Лос-Анджелесе почти никогда не бывает снега. Поэтому, может быть, это

просто было непривычно для него. Как бы там ни было, но теперь Джулия окончательно поняла то, о чем он ей говорил и что ему было, совершенно очевидно, необходимо, — им следовало действительно сосредоточиться на настоящем и не омрачать его мыслями о будущем.

Зак помог ей встать.

— Думаю, что теперь мы можем наконец всерьез заняться снеговиком, — объявил он, задумчиво обходя вокруг бесформенной груды снега, которая осталась от вчерашнего шедевра. — Тем более что ты в конечном счете поняла, насколько бессмысленно провоцировать человека, который гораздо больше, сильнее и мудрее тебя. Теперь, когда ты наконец научилась относиться ко мне с должным уважением, у меня появилось несколько довольно оригинальных идей по поводу данного...

Огромный снежок совершенно неуважительно разбился о его спину.

Высоко в горах, на одной из уединенных вершин штата Колорадо, еще долго звучал веселый смех, пугая непривычных к незванным гостям белок, которые с интересом наблюдали за тем, как двое взрослых людей, бесцеремонно нарушивших окружающий покой, резвились в снегу подобно маленьким ребятишкам: гонялись друг за другом в заснеженном лесу, перебрасывались снежками, и, наконец, принялись лепить снеговика, не похожего ни на одного из своих собратьев, которые когда-либо создавались до сих пор и были занесены в анналы истории.

Глава 35

Они сидели на диване, вытянув укутанные шерстяным пледом ноги на кофейный столик.

После целого дня, проведенного на свежем воздухе, сытного ужина и долгих занятий любовью Джулия чувствовала во всем теле приятную усталость. Зак по-прежнему обнимал рукой ее плечи, крепко прижимая к себе, хотя сейчас он явно задумался о чем-то своем и сидел молча, глядя на пляшущие в камине языки пламени. Взгляд Джулии скользнул на их снеговика, который виднелся сквозь стеклянную стену. Хотя свет в гостиной был приглушен, она могла разглядеть смутные очертания ни на что не похожей снежной фигуры. Джулия с улыбкой подумала о том, что, даже воздавая должное фантазии и творческому воображению Зака, что было совсем неудивительно, учитывая его блестящую карьеру кинорежиссера, она бы все-таки предпочла вылепить из снега примитивного снеговика, а не какого-то подозрительного мутанта, весьма смахивающего на динозавра.

— О чем ты думаешь? — внезапно спросил Зак, легонько целуя ее в макушку.

Джулия приподняла голову и с улыбкой взглянула ему в лицо:

— О твоём снеговике. Разве тебе никто никогда не рассказывал, что снеговик обязательно должен быть добродушным?

— Значит, — невозмутимо отпарировал он, с гордостью обозревая свое творение сквозь панорамное окно, — это будет снежный монстр.

— Он кажется воплощением одной из жутких фантазий Стивена Кинга. Ему бы это, наверное, понравилось. Интересно, что за детство было у тебя? Глядя на твоего снеговика, тебе трудно позавидовать.

— Ты абсолютно права, — охотно согласился Зак с ее последним утверждением и покрепче прижал к себе.

Он испытывал совершенно незнакомое ему прежде чувство — и в постели, и вне ее ему все время не хватало Джулии. Хотелось познавать ее еще и еще. Казалось, что она создана специально для него. В постели она была одновременно и соблазнительницей, и ангелом, и куртизанкой. Она сводила его с ума каждым своим движением, каждым взглядом, каждым звуком нежных губ. Вне постели она была забавной, веселой, обаятельной, остроумной и на редкость образованной. Она могла разозлить его каким-то неосторожным словом и тотчас же обезоружить улыбкой. Она была

совершенно неискушенной, чуждой всякого притворства, и в то же время переполненной таким жизнелюбием, что Зак иногда чувствовал себя просто загипнотизированным. Он похитил ее, угрожал ей, а в отместку за все это она спасла ему жизнь. Предполагалось, что он хитрый, безжалостный убийца, и в то же время у Джулии хватило душевных сил и мужества сбежать прямо у него из-под носа. Потом же, поверив ему, она не только приняла его сторону, но и отдалась ему с такой самоабвенностью и трогательной нежностью, что у него до сих пор сжималось сердце, стоило ему вспомнить об этом. Он преклонялся перед ее мужеством, добротой и душевной щедростью.

Он был на девять лет старше и в тысячу раз суровее, но все-таки в Джулии было что-то такое, что смягчало его, и смягчался он с удовольствием. И то, и другое казалось настолько непривычным и необычным для Зака, что он окончательно запутался в себе. За всю свою жизнь он наслушался от женщин достаточно «комплиментов». В чем только его не обвиняли — и в холодности, и в неприступности, и в безжалостности, и в безразличии. Некоторые сравнивали его с машиной, а одна даже провела более конкретную аналогию. Она сказала, что он включается перед тем, как заниматься любовью, а потом выключается для всего, кроме своей работы. Во время одной из их многочисленных ссор Рейчел заявила, что он может очаровать даже змею, но это только потому, что он такой же хладнокровный.

С другой стороны, за всю свою сознательную жизнь он не встречал ни одной женщины, включая и Рейчел, которую бы не интересовала в первую очередь ее собственная карьера и то, что он может для этой карьеры сделать. А если к этому всему добавить многочисленных лжецов и подхалимов, которые встречались на его пути с момента переезда в Голливуд, то стоило ли удивляться, что он стал циничным, разочарованным и черствым. Нет, подумал Зак, не надо кривить душой перед самим собой. Ведь это не правда. А правда заключалась в том, что уже в восемнадцать лет он был достаточно черствым и равнодушным, чтобы суметь повернуться спиной не только к собственному прошлому и семье, но даже к своему имени. Он смог навсегда изгнать это из своей памяти, и вот уже семнадцать лет не только не обсуждать ни с кем, но даже и в одиночестве не позволять себе оглянуться назад. Он никого и никогда не пускал в свое прошлое — ни отдел рекламы на студии, заставив их полностью «изобретать» ему фальшивую биографию, ни любовниц, ни жену. Его настоящее имя, бывшая семья и все, связанное с ними, осталось безвозвратно похороненным в прошлом семнадцатилетней давности.

— Зак?

Его имя в устах Джулии казалось каким-то необычным и звучало как-то по-особенному.

— Да?

— А ведь я почти ничего не знаю о тебе, несмотря на то, что мы... ээ... что мы были... — Джулия осеклась, побоявшись употребить слово «любовники».

Зак почувствовал ее замешательство и улыбнулся, подумав, что она, наверное, подыскивает какое-то особенно меткое и подходящее словечко для того, чтобы описать ту совершенно неконтролируемую страсть и непривычные чувства, которые теперь связывали их.

Улыбнувшись, он уткнулся в душистую копну каштановых волос.

— Что бы ты предпочла — какое-то одно слово или, может быть, целое выражение?

— Если ты думаешь, что я затрудняюсь в подборе слов, ТО глубоко заблуждаешься. Я проходила специальный курс по преподаванию полового воспитания как в начальной, так и в средней школе.

— Тогда в чем же дело? — насмешливо поинтересовался Зак.

Ее ответ был настолько неожиданным, что веселость Зака сменилась трогательной нежностью, от которой у него сжалось горло.

— Дело в том, — сказала Джулия, тщательно избегая его взгляда, — что классический термин «половая связь» кажется мне не совсем подходящим, когда речь идет о чем-то таком... таком замечательном, как то, что происходит между нами. И таком глубоком. И таком всепоглощающем.

Закрыв глаза, Зак откинулся на спинку дивана, пытаясь хотя бы отчасти разобраться в тех совершенно незнакомых и непонятных чувствах, которые она в нем вызывала. Несколько мгновений спустя он все-таки достаточно овладел собственным голосом, чтобы сказать:

— А как насчет слова «любовники».

— Любовники, — согласилась Джулия. — Да, это именно то, что нужно. Так вот, я пыталась объяснить, что, несмотря на то что мы были любовниками, я почти ничего о тебе не знаю.

— А что бы ты хотела узнать?

— Ну, для начала хотя бы твое настоящее имя. Захарий Бенедикт — это ведь, наверное, псевдоним, который ты взял после того, как начал сниматься.

— Мое имя действительно Захарий. Правда, Бенедикт — это не фамилия, а второе имя. Но я поменял все документы официальным путем, когда мне исполнилось восемнадцать.

— Правда? — Джулия повернулась и начала пристально разглядывать его. Даже с закрытыми глазами Зак мог видеть любопытство, написанное на ее лице, и уже точно знал, какой вопрос будет следующим. Размышляя об этом, он невольно вспомнил и другое...

«Я бы никогда не отказала тебе, Зак».

«За то, что ты мог даже подумать о том, что я когда-нибудь смогла бы сказать, что ты меня изнасиловал!»

«Дело в том, что классический термин» половая связь» кажется мне не совсем подходящим, когда речь идет о чем-то таком... таком замечательном... И таком глубоком. И таком всепоглощающем «.

Голос Джулии прервал его воспоминания:

— А какая у тебя была фамилия перед тем, как ты ее сменил?

Этого вопроса он и ожидал. Вопросы, на который до сих пор никому не удавалось получить ответ.

— Стенхоуп.

— Какая красивая фамилия! Зачем же было менять ее? — К своему удивлению, Джулия увидела, как напряглось лицо Зака, а в открывшихся глазах снова появилось суровое и недоброе выражение.

— Это долгая история, — лаконично ответил он.

— Понятно, — ответила Джулия, одновременно подумав о том, что эта история до сих пор ранит его, а потому не стоит ворошить ее сейчас. И она попыталась отвлечь внимание Зака от всяких омрачающих его настроение воспоминаний:

— Правда, я очень много знаю о твоём детстве и юности, потому что в свое время мои братья были просто влюблены в тебя.

То, с какой легкостью Джулия подавила совершенно естественное любопытство по поводу» долгой истории «, мгновенно растопило лед, который начал образовываться в душе у Зака при одном упоминании фамилии Стенхоуп.

— Ну и что же именно ты обо мне знаешь? — насмешливо спросил он, чувствуя, как к нему возвращается хорошее настроение.

Будучи довольна тем, как удачно ей удалось сменить тему, Джулия начала охотно рассказывать:

— Например, то, что ты был сиротой и всю свою юность провел, участвуя в родео и ловя арканом быков. Что ты жил на ранчо и объезжал лошадей... Что, я сказала что-нибудь смешное?

— Очень не хотелось бы разрушать ваши иллюзии, принцесса, — ухмыльнулся Зак, — но все эти истории — не более чем плод больной фантазии сотрудников нашего рекламного отдела. А правда заключается в

том, что я с большей охотой проведу два дня в самом паршивом автобусе, чем два часа на спине у самой прекрасной лошади. И если есть на свете что-то, что я не люблю больше лошадей, то это коровы. Точнее, быки.

— Коровы! — прыснула Джулия, и ее неподдельное веселье было настолько заразительным, что Зак окончательно избавился от неожиданно нахлынувших мрачных воспоминаний.

— А как насчет тебя? — шутливо спросил он, потянувшись за бокалом с бренди. Он понимал, что его вопрос — чисто риторический, но хотел тем самым предотвратить неизбежные дальнейшие расспросы с ее стороны.

— Мэтисон — это твоя настоящая фамилия, или ты ее тоже меняла?

— До определенного возраста меня звали совсем по-другому.

— Что?

Зак был настолько ошарашен, что чуть не поперхнулся.

— Честно говоря, меня нашли завернутой в полотенце, в картонной коробке, которую кто-то вынес на помойку. Дворник отнес меня к себе домой, где его жена ухаживала за мной и отогревала до тех пор, пока меня не смогли переправить в больницу. Он решил, что меня по этому поводу необходимо назвать в честь его жены, и поэтому я — Джулия.

— О Господи! — пробормотал Зак, пытаясь скрыть свое потрясение.

— Мне еще повезло! Ведь все могло быть гораздо хуже. Зак был еще настолько ошарашен, что даже не уловил смешливой интонации в ее голосе.

— Еще хуже?

— Ну конечно. Ведь его жену могли звать Матильда. Или Гертруда. Или Вильгельмина. Одно время меня постоянно мучили кошмары, в которых мне снилось, что меня зовут Вильгельмина.

И снова Зак почувствовал уже знакомую, щемящую боль в сердце, что случалось каждый раз, когда он видел ее фантастическую улыбку.

— Но в конце концов все, слава Богу, закончилось благополучно, — сказал он, как бы уговаривая сам себя, хотя и понимал, что это выглядит нелепо. — Тебя ведь удочерили Мэтисоны? — Джулия кивнула, и он продолжал:

— В таком случае они получили прелестную маленькую крошку, которая стала им прекрасной и любимой дочерью.

— — Не совсем.

— Что? — переспросил Зак, переставая вообще понимать что бы то ни было.

— Мэтисоны получили весьма строптивую одиннадцатилетнюю девчонку, которая до этого уже привыкла к своеобразной жизни в трущобах

Чикаго. При этом ее часто замечали в сомнительных компаниях, где старшие ребята и обучили ее некоторым... ээ... трюкам. Наверное, — весело добавила она, — меня даже ожидала в своем роде выдающаяся карьера. — Джулия вытянула руку и пошевелила длинными изящными пальцами. — У меня были замечательные руки. Очень ловкие.

— Ты воровала?

— Да, меня впервые арестовали в одиннадцать лет.

— За воровство? — спросил Зак, не веря собственным ушам.

— Конечно, нет, — возмущенно ответила она, явно задетая таким предположением. — Я была мастером своего дела. Мне повесили статью о бродяжничестве.

Услышав последнюю фразу, особенно с характерным словечком» повесили «, Зак на некоторое время совершенно лишился дара речи. Но его исключительное, чрезвычайно развитое воображение, то самое, которое помогло сделать такую блестящую карьеру в кино, уже взялось за работу, и он увидел Джулию такой, какой она была подростком, шляясь по улицам Чикаго. Маленькая, очень худая и, наверное, бледная от недоедания... на замурзанном лице беспризорника сияют огромные, не правдоподобно синие глаза... упрямо вздернутый подбородок... короткие темные волосы, грязные и спутанные... взбалмошный, заводной характер.

Девочка, готовая в любую минуту вступить в борьбу с окружающим жестоким миром...

Готовая понять и принять беглого заключенного...

Готовая стать на его сторону и поддерживать его, отказавшись от всего, что ей удалось достичь за эти годы, только потому, что она искренне поверила ему...

Испытывая какую-то непонятную смесь нежности, изумления и почему-то смеха, Зак наконец отвлекся от собственных мыслей и сказал извиняющимся тоном:

— Кажется, я слишком дал волю воображению.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — загадочно улыбнулась Джулия.

— А чем именно ты занималась, когда тебя арестовали? Джулия как-то странно посмотрела на него. Ее явно что-то забавляло:

— Несколько ребят постарше показывали мне одну маленькую хитрость, которая могла бы мне весьма пригодиться после встречи с тобой. Правда, когда я пыталась вчера проделать то же самое с» блейзером «, то так и не смогла вспомнить, куда именно что подсоединять.

— То есть? — недоуменно переспросил Зак, абсолютно не понимая, о чем идет речь.

— Вчера я пыталась завести «блейзер» без ключа зажигания.

Зак рассмеялся таким открытым, веселым смехом, каким не смеялся уже давно. И прежде чем Джулия успела отреагировать, он еще крепче притянул ее к себе и зарылся смеющимся лицом в густую гриву каштановых волос.

— О Господи, — прошептал он после того, как приступ смеха прошел, — наверное, только я мог ухитриться похитить дочку священника, которая к тому же еще и умеет угонять машины.

— Я уверена, что и вчера у меня бы все получилось, если бы мне не приходилось каждые две минуты все бросать и появляться у тебя на глазах, — обиженно добавила Джулия, что вызвало у Зака лишь новый приступ смеха.

— О Боже! — внезапно воскликнула она, явно осененная какой-то мыслью. — Вместо того чтобы возиться с зажиганием, мне нужно было просто обшарить твои карманы!

Очередной приступ хохота заглушил ее последние слова.

— Если бы я только знала, что ты держишь эти ключи в кармане! Я бы достала их так, что ты даже не успел бы ничего сообразить. — Джулия была очень рада, что ей удалось развеселить Зака, но как только он наконец перестал смеяться, она прижалась к нему и спросила:

— А ты? Теперь твоя очередь. Где же ты на самом деле провел детство, если не на ранчо?

Зак оторвался от душистых волос Джулии и, взяв за подбородок, приподнял ее лицо.

— В Риджмонте, штат Пенсильвания.

— И? — подсказала Джулия, подталкиваемая странным ощущением, что ответ на этот вопрос почему-то чрезвычайно важен для него.

— И в этом самом Риджмонте семейство Стенхоупов уже почти столетие владеет большой промышленной компанией, без которой вряд ли смог бы существовать этот городок.

— Так ты был богат! — воскликнула Джулия, не скрывая своего негодования. — И все эти истории о твоём сиротском детстве и участии в родео — всего лишь чьи-то дешевые, лживые выдумки. А мои братья верили во всю эту чепуху!

— Прошу прощения за то, что невольно ввел в заблуждение твоих братьев, — сказал Зак, откровенно забавляясь ее непритворным возмущением, — но дело в том, что я обычно знакомился с продукцией нашего рекламного отдела уже в готовом виде — а именно в журналах и газетах, когда было поздно поднимать шум и возмущаться очередной не

правдоподобной историей. Кроме того, в то время я и не мог себе этого позволить. Ведь после того, как я в восемнадцать лет покинул Риджмонт, мне пришлось самому зарабатывать себе на хлеб.

Джулии очень хотелось спросить о причине, по которой он покинул родной город, но она решила не торопить события.

— А у тебя есть братья и сестры?

— У меня были два брата и сестра.

— Почему ты говоришь «были»?

— По целому ряду причин, — вздохнул Зак, попытавшись откинуться на спинку дивана, но тотчас же почувствовал, как беспокойно зашевелилась Джулия, и вновь вернулся в прежнее положение.

— Если ты почему-либо не хочешь об этом говорить, — сказала она, моментально уловив перемену в его настроении, — то не нужно. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

Зак понимал, что обязательно расскажет ей обо всем, хотя и не испытывал никакого желания анализировать те мириады чувств, которые заставляли его сделать это. Ведь у него никогда не возникало потребности отвечать на те же самые вопросы, когда их задавала Рейчел. Правда, он никогда не доверял ни ей, ни кому-нибудь другому самое сокровенное, то, что рано или поздно могло быть использовано против него. Но Джулия уже столько для него сделала, что он просто обязан был ответить на все ее вопросы. Покрепче обняв ее, он заговорил:

— Я никогда не рассказывал об этом ни одной живой душе. Хотя, Бог свидетель, меня просили тысячи раз. Правда, эта история не такая уж и интересная, и если я избегал всяких разговоров о ней, то только потому, что она чрезвычайно неприятна для меня, и потому, что трудно рассказывать о чем бы то ни было после семнадцатилетнего молчания.

Заинтригованная и польщенная, Джулия молча ждала продолжения.

— Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было десять лет, — начал Зак, — и поэтому всех нас — меня, двоих братьев и сестру — воспитывали родители отца. Хотя «воспитывали» — слишком громко сказано. Большую часть времени мы проводили в закрытых цветных школах. Мы все были погодками — Джастин, самый старший, потом я, потом Элизабет и Алекс. Джастин был... — Зак запнулся, тщетно пытаясь подыскать наиболее подходящее слово для описания брата. — Он был очень хорошим. И в отличие от большинства старших братьев охотно таскал меня повсюду за собой. Он был... добрым. Чутким. Он покончил с собой, когда ему было восемнадцать.

То, что рассказал Зак, было настолько ужасно, что Джулия не смогла

сдержат невольно вырвавшего возгласа:

— О Боже! Но почему?

Прежде чем ответить, Зак сделал глубокий вдох, как бы собираясь с силами.

— Он был голубым. Этого никто не знал. Кроме меня. Он рассказал мне об этом за час до того, как застрелился.

Наступило непродолжительное молчание, которое первой нарушила Джулия:

— Но неужели он не мог поговорить с кем-то, выговориться, облегчить душу, попросить поддержки У семьи?

Зак горько засмеялся.

— Моя бабушка — в девичестве Гаррисон, а эта семейка всегда гордилась необычайно высокими моральными устоями, считая при этом своим долгом навязывать их также и всем окружающим. Они бы сочли Джастина извращенцем, моральным уродом и публично отреклись от него, если бы он тотчас не покаялся. С другой стороны, они были их полной противоположностью — безрассудные, безответственные, обаятельные и очень слабые. Но наиболее выдающейся чертой, передающейся из поколения в поколение всем мужчинам семейства Стенхоуп, была их непомерная любовь к женскому полу. Всегда. Об их распутстве ходили легенды, но самое интересное, что они этим страшно гордились. Мой дедушка, естественно, не являлся исключением. Я уверен, что даже семейству Кеннеди нечего делать рядом со Стенхоупами в том, что касается женщин. Постараюсь привести тебе наиболее безобидный пример. Когда кому-нибудь из нас исполнялось двенадцать, дедушка в виде своеобразного подарка приглашал проститутку и устраивал небольшой интимный ужин, после которого гостя поднималась в спальню именинника.

— А что обо всем этом думала бабушка? — поинтересовалась Джулия, даже не пытаясь скрыть своего отвращения. — Где она была в это время?

— Моя бабушка, естественно, была где-то в доме, но, прекрасно понимая, что не может ничего изменить или предотвратить, предпочитала делать вид, что ничего не замечает. Точно так же она относилась и к бесконечным любовным похождениям своего мужа. — Зак умолк, и Джулия подумала, что он больше не собирается продолжать свой рассказ. Но она ошиблась.

— Мой дедушка умер через год после Джастина и даже своей смертью ухитрился нанести последний болезненный удар по гордости жены. Он погиб в авиакатастрофе, направляясь в Мексику в компании молодой манекенщицы. Гаррисоны были владельцами единственной риджмонтской

газеты, и поэтому туда не просочился этот пикантный факт, но все их усилия все равно оказались тщетными, потому что эта история еще долго обсасывалась во всех крупных газетах штата и по телевидению.

— Но почему он просто не развелся, раз уж жена была ему настолько безразлична?

— Я задал своему деду тот же самый вопрос незадолго до его смерти, перед тем как отправиться в Иель. Мы вдвоем отмечали мое поступление в университет и крепко напились в его кабинете. Может быть, именно потому, что он был пьян, он не послал меня куда подальше с моими расспросами, а сказал правду.

Зак потянулся за своим бокалом и залпом проглотил остаток бренди, как бы пытаясь смыть неприятный привкус во рту, который появился после этого рассказа.

— Ну и что же он тебе сказал? — спросила Джулия, когда молчание слишком затянулось.

Зак посмотрел на нее так, как будто совсем забыл о ее присутствии.

— Он сказал мне, что бабушка — единственная женщина, которую он когда-либо любил. Все думали, что он женился по расчету, для того чтобы приобщить деньги Гаррисонов к тому, что осталось от его собственного, быстро тающего состояния. Тем более что моя бабка была далеко не красавицей. Но во время того разговора дед сказал мне, что это не правда, и я ему верю. Да и с возрастом она не подурнела, а скорее наоборот — приобрела то, что называют аристократической внешностью, и стала очень интересной женщиной.

Зак снова замолчал, но теперь Джулия не собиралась отставать от него.

— А почему ты ему поверил? — спросила она все с тем же нескрываемым отвращением. — Ведь если бы он ее любил, то никогда бы не стал изменять, особенно таким образом.

Губы Зака скривились в сардонической усмешке.

— Чтобы понять это, нужно знать мою бабку. Никто не мог соответствовать ее утрированным понятиям о чести и порядочности, не говоря уже о моем разгильдяе деду. И он это знал. Он рассказал мне о том, что прекратил всякие попытки вскоре после свадьбы. Единственным из всех внуков, который не вызывал у моей бабки скрытого раздражения, был Джастин. Она обожала его. Понимаешь, — объяснил он, невольно улыбаясь собственным воспоминаниям, — Джастин был единственным из всех нас, который внешне пошел в ее породу. Светловолосый, невысокий и вообще очень походил на ее отца. Все остальные, включая моего отца, унаследовали характерные черты Стенхоупов. А я так вообще был их

классическим воплощением. Поэтому дед во мне души не чаял, что, как ты понимаешь, едва ли могло пробудить нежные чувства в моей бабке.

Джулия не понимала. Более того, она подумала, что такое отношение к собственному внуку, который провинился только тем, что был похож на деда, — самая большая нелепость, какую она когда-либо встречала в своей жизни. Но она оставила эти мысли при себе и спросила:

— Но если твоя бабушка так любила Джастина, то я уверена, что она обязательно бы помогла ему и поддержала, даже если бы он ей во всем признался.

— Никогда в жизни! Она презирала слабости. Любые. Его признание не вызвало бы у нее ничего, кроме отвращения. — Зак криво усмехнулся и продолжал:

— Учитывая все вышесказанное, она вышла замуж явно не в ту семью, потому что Стенхоупы, как я уже упоминал, были подвержены практически всем слабостям, которые только можно себе вообразить. Они пили слишком много, ездили слишком быстро, разбрасывались деньгами направо и налево и совершенно не заботились о стремительно тающем состоянии, как сделали бы на их месте любые мало-мальски рассудительные люди. Их единственным призванием в жизни было получение от нее максимума удовольствий. Они никогда не заботились о завтрашнем дне и вообще не заботились ни о чем, кроме самих себя, да и даже об этом они заботились не особенно тщательно. Возьмем, к примеру, моих родителей. Они разбились, возвращаясь домой с пьяной вечеринки и мчась по заснеженной дороге со скоростью более ста шестидесяти километров в час. Дома их ждали четверо детей, которые нуждались в них, но им было на это глубоко и категорически наплевать.

— А Алекс и Элизабет пошли в родителей?

— Алекс и Элизабет унаследовали все крайности и слабости Стенхоупов, — ответил Зак ровным, невыразительным голосом, как будто констатируя совершенно не касающийся его факт. — К шестнадцати годам они уже всерьез увлекались выпивкой и наркотиками. Элизабет успела сделать аборт. Алекса дважды задерживала полиция за наркотики и азартные игры. Естественно, его тотчас же отпускали без всяческих последствий. Правда, справедливости ради следует отметить, что с ними рядом не было никого, кто мог бы наставить их на путь истинный. Это могла бы сделать только бабка, но дедушка не желал даже слышать об этом. Да если бы она и попыталась вопреки всему, то вряд ли чего-нибудь добилась — ведь мы жили дома всего лишь пару месяцев в году, во время летних каникул. По настоянию деда все остальное время мы проводили в

самых дорогих закрытых частных школах. А в подобных заведениях всем абсолютно начхать на то, чем ты занимаешься, до тех пор пока тебе удастся выходить сухим из воды и не создавать лишних неприятностей.

— Значит, бабушка не особенно любила твоих младших брата и сестру?

— Совершенно верно, и они отвечали ей взаимностью. Правда, бабка считала, что из них может что-то получиться, если их вовремя взять в ежовые рукавицы.

Джулия очень внимательно слушала его рассказ. Более того, еще внимательнее следила за малейшими изменениями выражения его лица и модуляций голоса. И хотя, рассказывая о семействе Стенхоупов и их многочисленных слабостях, он автоматически причислял себя к ним, Джулия уловила легкое презрение, сквозящее в его рассказе. Кроме того, ей удалось сделать несколько весьма любопытных выводов из того, чего он не договорил.

— А ты? — осторожно спросила она. — Ты-то сам как к ней относишься?

Зак удивленно посмотрел на нее:

— А почему ты думаешь, что я относился к ней не так, как Алекс и Элизабет?

— Мне почему-то так кажется. Зак согласно кивнул. Он не уставал удивляться проницательности и чуткости Джулии.

— Ты права. Честно говоря, я восхищался ею. Да, ее мерки были невероятно завышенными, но ведь она сама им соответствовала! Рядом с ней хотелось постараться стать лучше и порядочнее, чем ты был на самом деле. Правда, мы все равно были бы бессильны удовлетворить ее требования. Это удавалось только Джастину.

— Ты рассказал мне, как она относилась к твоим братьям и сестре. А как она относилась к тебе?

— Ей казалось, что я второе издание своего деда.

— Внешне, — поправила его Джулия.

— А какая разница? — довольно резко ответил Зак. Джулия чувствовала, что ступает на запретную территорию, но уже не могла остановиться:

— Думаю, что ты сам прекрасно чувствуешь эту разницу, — твердо сказала она, — даже если она ускользнула от твоей бабушки. Может быть, ты и выглядишь почти так же, как твой дед, но ты совсем на него не похож. Ты похож на нее. Да, Джастин внешне напоминал мужчин из ее семьи, но внутренне он был совсем другим. В отличие от тебя.

Ее слова вызвали у Зака гримасу отвращения, но поняв, что Джулию этим вряд ли удастся пронять, он сухо сказал:

— Ты на редкость самоуверенна для своих двадцати шести лет.

— Прекрасная тактика, — ничуть не смутилась Джулия и в тон ему ответила:

— Если человеку нечего возразить, он обычно нападает на своего оппонента.

— Тише, — нежно прошептал Зак, наклоняясь, чтобы поцеловать ее.

— А если, — продолжала она, ловко уклоняясь и подставляя ему щеку, — оппонента не смущает нападение, то его следует чем-нибудь отвлечь.

Улыбнувшись, Зак взял ее за подбородок и заставил поднять голову так, что теперь их губы почти соприкасались.

— А знаешь, — насмешливо-доверительно прошептал он, — ты можешь быть редчайшей занудой.

— Только, пожалуйста, не пытайся мне льстить, — рассмеялась Джулия, ловко уклоняясь от его поцелуя. — Ты же знаешь, что я не могу устоять, когда ты говоришь мне комплименты. Так почему же ты все-таки ушел из дома?

Заку удалось наконец коснуться ее смеющихся губ.

— Ты действительно просто уникальная зануда. Джулии оставалось только признать свое поражение. Обвив руками плечи Зака, она вернула поцелуй со всей самозабвенностью, на которую была способна, потому что безошибочно чувствовала: как бы много она ни давала, взамен получала еще больше.

Когда Зак наконец отпустил ее, Джулия подумала, что сейчас он предложит вернуться в спальню, но вместо этого он заговорил:

— Так как мне не удалось перехитрить тебя, ты заслуживаешь ответа на заданный вопрос. Но только пообещай мне, что после того как я расскажу, почему ушел из дома, мы оставим мою семью и биографию в покое раз и навсегда.

Джулия понимала, что ей рано или поздно захочется узнать о нем что-нибудь еще, но она также прекрасно понимала его чувства, а потому согласно кивнула. После этого Зак продолжил рассказ:

— Дед погиб, когда я учился на первом курсе, и бабка стала единоличной хозяйкой и распорядительницей всего состояния Стенхоупов. Когда Алексу было шестнадцать, Элизабет — семнадцать, а мне — восемнадцать, она собрала нас всех вместе во время летних каникул и устроила небольшое аутодафе. В результате Алексу и Элизабет было

предложено расстаться с дорогими частными школами, переехать в Риджмонт и довольствоваться местным пейзажем и минимумом денег на карманные расходы. Причем им было открыто сказано, что если они хотя бы раз попадут в какую-то темную историю, связанную с пьянством, наркотиками или чем-то подобным, то будут вышвырнуты из дома без гроша за душой. Чтобы ты полностью могла оценить размах обрушившегося на них удара, добавлю, что все мы не привыкли ограничивать себя в «карманных» деньгах. У нас были дорогие спортивные машины, и мы могли покупать любые вещи, которые нам приглянутся. — Зак снова улыбнулся своим воспоминаниям и насмешливо покачал головой. — Никогда не забуду выражения лиц Алекса и Элизабет после того, как они услышали этот ультиматум.

— И они согласились?

— Естественно. А разве у них был выбор? Они ведь умели только тратить деньги, но не имели ни малейшего представления о том, как их можно заработать. И они сами это прекрасно понимали.

— А ты не пошел на такую сделку, и поэтому тебе пришлось уйти из дому, — догадалась Джулия.

Лицо Зака мгновенно превратилось в ничего не выражающую маску. Джулия очень хорошо помнила это выражение и поняла, что оно не предвещает ничего хорошего.

— А мне никакой сделки и не предлагалось. — После довольно продолжительного молчания Зак добавил:

— Мне было приказано немедленно убираться вон и никогда не возвращаться. Кроме того, она предупредила брата и сестру, что если они когда-нибудь попытаются искать встреч со мной, то последуют по моим стопам. Они должны были отречься от меня так же, как это сделала она. Поэтому я положил на стол ключи от машины — по ее требованию — и пешком направился к ближайшей автостраде. У меня осталось около пятидесяти долларов на банковском счете в Коннектикуте и та одежда, которая была на мне. Через пару часов меня подобрал водитель грузовика, перевозящего декорации для одной из студий Голливуда, и я очутился в Лос-Анджелесе. Водитель оказался хорошим парнем и замолвил за меня словечко перед руководством студии. Они предложили мне работу грузчика, каковой я и занимался до того, как один чудаковатый режиссер решил, что ему необходимо еще несколько человек для массовки. В тот самый день и состоялся мой своеобразный дебют в кино. Потом я закончил Школу искусств и сам начал снимать фильмы. Конец рассказа.

— Но почему твоя бабка поступила так именно с тобой, а не с твоим

братом или сестрой? — спросила Джулия, пытаясь не показывать, насколько потрясена его рассказом.

— Уверен, что, по ее мнению, у нее на то были очень веские причины. Я ведь тебе уже говорил, что постоянно напоминал ей о покойном муже и обо всем том, чего она от него натерпелась.

— И ты... Ты так больше никогда и не видел своих брата и сестру? Ты никогда не пытался связаться с ними, хотя бы тайно?

Джулия чувствовала, что воспоминания об Алексе и Элизабет были для Зака самыми болезненными.

— После того как вышел мой первый фильм, я послал каждому из них письмо с обратным адресом. Я думал, что, может быть, они...

«Будут гордиться тобой, — подумала Джулия, после того как он умолк. — Обрадуются за тебя. Ответят тебе».

По его холодному, непроницаемому выражению лица она поняла, что этого не произошло, но ей необходимо было знать наверняка. С каждой минутой она все лучше понимала этого человека.

— Они ответили?

— Нет. И я больше никогда не пытался связаться с ними.

— Но вдруг они не получили твоих писем? Вдруг твоя бабка просматривала всю почту, которая приходила на их имя?

— Они получили их. К тому времени они жили не дома, а в отдельной квартире, которая была снята для них двоих на время учебы в местном колледже.

— Да, но, Зак, ведь они были так молоды. И, как ты сам сказал, не лишены слабостей. Ты же был гораздо мудрее и старше их. Почему же ты не подождал, пока они немного повзрослеют, и не предоставил им второго шанса?

Джулия почувствовала, что почему-то именно эти последние слова вызвали у Зака совершенно непонятное для нее глухое раздражение. В его голосе появились ледяные нотки:

— Я никогда никому не предоставляю второго шанса, Джулия. Слышишь? Никому и никогда.

— Но ведь...

— Эти люди умерли для меня.

— Но ведь это же безумие! Ты ведь потерял не меньше, чем они. Нельзя идти по жизни, безжалостно сжигая за собой все мосты, вместо того чтобы пытаться починить их. Это путь саморазрушения, и он никуда не ведет.

— Я полагаю, что наша дискуссия окончена! Джулия понимала, что

играет с огнем, но остановиться уже не могла.

— Мне кажется, что ты похож на свою бабушку гораздо больше, чем сам думаешь.

— Не стоит испытывать мое терпение, леди. На этот раз злость в его голосе была настолько физически ощутимой, что Джулия невольно поежилась. Зак открылся ей с новой, неожиданной и пугающей ее стороны, и она не на шутку встревожилась. Ни слова не говоря, Джулия собрала грязные бокалы и направилась на кухню, попутно размышляя над тем, как можно с такой беспощадностью вычеркивать из своей жизни когда-то близких людей, упорно отказываясь хотя бы раз оглянуться назад. И дело было не столько в том, что он говорил, сколько в том, как он говорил! Когда он взял ее заложницей, все его действия были продиктованы отчаянием и стремлением выжить. В них не было никакой неоправданной грубости или жестокости, и это Джулия могла если не принять, то хотя бы понять. Если бы она не видела Зака две минуты назад, то так бы и не смогла представить себе, как другие люди, знавшие его, могли решить, что он способен на хладнокровное убийство. Но если они когда-нибудь видели его таким, то она их понимала. В этот момент Джулия со всей отчетливостью поняла, что, несмотря на их весьма близкие в интимном плане отношения, они фактически совсем не знают друг друга. Она была настолько поглощена своими размышлениями, что действовала и двигалась чисто автоматически — прошла в свою спальню, разобрала постель и, перед тем как вернуться к Заку, присела на кровать, пытаясь хоть немного упорядочить сбивчивые мысли, мелькавшие в голове.

Из глубокой задумчивости ее вывел довольно резкий голос, в котором почему-то звучало весьма недвусмысленное предостережение:

— Не думаю, что ты приняла очень мудрое решение. На твоём месте я бы ещё раз все хорошенько взвесил.

Вздвигнув от неожиданности, Джулия подняла голову и увидела Зака, который стоял, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на груди. На его бесстрастном лице не отражалось никаких эмоций. Джулия понятия не имела, что он подразумевает под словом «решение», но все равно испытала огромное облегчение. Несмотря на то, что в нем не осталось ничего от того пугающего незнакомца, который предстал перед ней в гостиной. Она даже подумала о том, что с ней просто сыграли злую шутку собственное воображение и неровные блики пламени от камина.

Встав, она нерешительно направилась к нему, продолжая пристально изучать его лицо.

— Как я должна это понимать? Как весьма своеобразное извинение?

— Я даже не подозревал, что должен за что-то извиняться.

Его заносчивость показалась Джулии такой хорошо знакомой и одновременно забавной, что она едва не рассмеялась.

— А если я тебе подскажу слово «грубость», ты по-прежнему будешь ни о чем не подозревать?

— Разве я был груб? В таком случае я сделал это непреднамеренно. Я ведь тебя предупреждал, что эта тема разговора мне чрезвычайно неприятна, а ты все равно продолжала настаивать на своем.

Он действительно выглядел и говорил так, как будто чувствовал себя незаслуженно оскорбленным, но на этот раз Джулия не собиралась уступать.

— Понятно, — сказала она, подходя поближе. — Значит, это я во всем виновата?

— Очевидно. Что бы ни скрывалось под словом «всем».

— А ты, конечно, не догадываешься? Ты даже не подозреваешь, что был со мной... — Джулия запнулась, подыскивая подходящие слова, но так и не найдя их, воспользовалась суррогатами, которые не совсем точно отражали то, что она хотела сказать:

— ..холоден, бессердечен и беспричинно груб.

Зак пожал плечами с несколько нарочитой небрежностью:

— Ты не первая женщина, которая обвиняет меня в подобных вещах, равно как и во многих других. Не буду оспаривать твои слова. Я действительно холоден, бессердечен и...

— Груб, — подсказала Джулия, с трудом сдерживая смех — настолько нелепой ей вдруг показалась вся эта их ссора. Зак рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее, и хотел умереть после ее мнимой гибели. Каким бы он ни был, но холодность и бессердечность явно не относились к числу его недостатков. Все те женщины, о которых он упомянул, ошибались. При мысли об этом веселость Джулии сменилась мучительным раскаянием. Как она могла говорить то, что только что сказала? Как они оба могли унизиться до подобной ссоры?

Зак так и не мог понять — действительно ли она настолько обиделась из-за какого-то мифического оскорбления, которое он ей якобы нанес, что решила спать в одиночестве (а это, собственно, и разозлило его), или же она не замышляла ничего подобного. Уж слишком пошел и избит подобный план мести, к которому рано или поздно прибегают все женщины.

— Груб, — с некоторым запозданием согласился он. Ему очень хотелось, чтобы Джулия посмотрела на него так, чтобы он мог видеть ее лицо.

— Зак? — вопросительно произнесла она, упрямо обращаясь к его подбородку. — Когда в следующий раз какая-нибудь женщина скажет тебе это, попроси ее присмотреться повнимательней. — Джулия подняла на него свои ясные глаза и продолжала:

— И если она это сделает, то увидит перед собой человека редкого благородства и доброты.

Ее слова не просто обезоружили Зака — они потрясли его, в то время как сердце в очередной раз перевернулось в груди, что происходило всегда, когда она смотрела на него подобным образом.

— Правда, это отнюдь не мешает ему также быть властным, деспотичным, высокомерным и все прочее, что с этим связано, — добавила Джулия, даваясь от смеха.

— Но несмотря на все это, — поддразнил он, нежно проводя пальцами по ее щеке, — я тебе нравлюсь.

— К вышеперечисленным качествам можешь добавить еще и тщеславие, — моментально отреагировала Джулия, но к этому времени Зак уже крепко сжимал ее в своих объятиях.

— Джулия, — прошептал он, наклоняясь к ее губам, — заткнись.

— А также нетерпимость, — успела вставить она в последний момент.

Теперь уже Зак не смог удержаться от смеха. Джулия была единственной женщиной, которая могла заставить его смеяться в тот момент, когда он собирался поцеловать ее.

— Напомни мне, — прошептал он, перемещая губы к ее уху, — чтобы я никогда больше не подходил и близко к женщине с таким словарным запасом, как у тебя. Его язык начал неторопливо исследовать контуры уха, постепенно переходя к шее. Джулия задрожала от наслаждения, но это не помешало ей добавить еще несколько эпитетов, чтобы дополнить его характеристику:

— И еще невероятно чувственный... и очень, очень сексуальный...

— Правда, с другой стороны, — улыбнулся Зак, целуя ее в затылок, — никто не может заменить умную, образованную и проницательную женщину.

Глава 36

Держа в руках полную миску попкорна, Джулия направилась в гостиную. Целый день они провели в бесконечных разговорах обо всем на свете, кроме одной-единственной вещи, которая чрезвычайно интересовала Джулию, — как он собирается найти настоящего убийцу и снять с себя обвинение. Когда она в первый раз попробовала затронуть эту тему, Зак повторил то, что уже говорил вчера. А именно: что он не намерен омрачать их настоящее размышлениями и рассуждениями о будущем. Когда же она пояснила, что хотела бы помочь ему, насколько это будет в ее силах, Зак лишь посмеялся над ней, сравнив с Нэнси Дру, не находящей применения собственной энергии. Джулия решила не портить день и не настаивать на дальнейшем обсуждении этого вопроса, согласившись с предложением Зака посмотреть видео, тем более что в доме оказалась богатая видеотека. Зак настоял на том, чтобы она сама выбрала фильм, поставив ее тем самым в весьма неловкое положение, потому что в этой видеотеке было несколько фильмов и с его участием. Чувствуя, что не сможет спокойно наблюдать за тем, как он на экране занимается любовью с другой женщиной (а его фильмы изобиловали эротическими сценами), Джулия выбрала какую-то нейтральную картину, которую, она была уверена, он не видел и которая ему почти наверняка должна была понравиться.

Зак сперва казался вполне довольным ее выбором, но вскоре Джулия обнаружила, что просто смотреть кино и смотреть его в компании Захария Бенедикта — бывшей кинозвезды и знаменитого режиссера — две совершенно разные вещи. Он разрушал манящую тайну кино, придирчиво оценивая и анализируя каждый кадр. Вскоре его комментарии стали настолько невыносимыми и обидными, что Джулия сбежала на кухню, пообещав приготовить попкорна.

Поставив миску на стол, она взглянула на гигантский экран телевизора и облегченно вздохнула — судя по всему, действие двигалось к развязке. В данный момент как раз разворачивалась самая захватывающая сцена. Правда, Зак, кажется, не считал ее таковой, потому что спокойно отвернулся от экрана и, широко ухмыльнувшись, сказал:

— Я люблю попкорн. Ты посолила его?

— Угу, — ответила Джулия.

— А масла добавила?

От его мальчишеской улыбки Джулия моментально забыла его глупые

придирки всего несколько минут назад.

— Он просто плавает в масле. Сейчас схожу за полотенцами и какой-нибудь выпивкой.

Зак с улыбкой проводил ее глазами и в который раз поразился тому врожденному шарму, с которым она носила все, что на ней было надето. По его настоянию на сегодняшний вечер она выбрала из бездонного шкафа простую белую шелковую блузку с широкими рукавами и черные крепдешиновые брюки с плиссированным кушаком. Поначалу, увидев, на чем она остановила свой выбор, Зак был разочарован. Ему бы хотелось, чтобы она подобрала что-то более изысканное и экстравагантное. Но когда Джулия появилась перед ним в этом костюме, с узеньким золотистым поясом вокруг тонкой талии и золотым браслетом на запястье, он в корне изменил свое первоначальное мнение. Эта непостижимая женщина умела подбирать именно те вещи, которые идеально подходили к ее облику, к роскошной гриве непокорных каштановых волос, и носила их с небрежным шиком, присущим ей одной. Он невольно подумал о том, какое именно вечернее платье лучше всего соответствовало бы ее врожденному аристократизму, но действительность безжалостно вторгалась в его фантазии. Он сообразил, что никогда не сможет появиться с ней на приеме или вечере. Те дни, когда он был постоянным и желанным гостем на премьерах, благотворительных балах, бродвейских шоу и церемониях вручения «Оскаров», остались далеко позади, и Зак не представлял, как он мог настолько забыть, чтобы совершенно упустить из виду такой элементарный факт. Он никогда не сможет повести Джулию ни в одно приличное место. Честно говоря, он вообще никуда никогда не сможет ее повести.

Почему-то мысль об этом оказалась настолько угнетающей, что Заку пришлось приложить максимум усилий, чтобы окончательно не расклеиться, испортив такой замечательный день, проведенный рядом с Джулией. Собравшись, он постарался сосредоточиться только на том, что происходило здесь и сейчас, тем более что Джулия наконец закончила возиться на кухне и села рядом с ним на диван.

— Может быть, хочешь посмотреть еще какой-нибудь фильм?

Честно говоря, Джулии больше всего на свете не хотелось в очередной раз выслушивать беспощадную критику фильма, который она выбрала, но так как Зак, судя по всему, был совсем не прочь устроить еще один «просмотр», она решила согласиться, но во что бы то ни стало предоставить выбор ему. Поэтому, закатив глаза в притворном ужасе, она сказала:

— Умоляю, только не это. Проси меня о чем угодно — я согласна даже гладить твои носки и крахмалить носовые платки, но только не проси меня самостоятельно выбирать фильм.

— Но почему? — невинно поинтересовался Зак Он действительно казался искренне озадаченным.

— Почему?! — в комическом ужасе воскликнула Джулия, с трудом сдерживая смех. — Потому что ты самый худший из всех возможных критиков! Ты разбил мой фильм в пух и прах.

— Ничего подобного. Я просто отметил некоторые недостатки — Ну конечно! А когда ты начал хохотать во время сцены смерти так, что я не смогла услышать ни единого слова? Или этого тоже не было?

— Я смеялся, потому что она была действительно смешной, — довольно резко отпарировал Зак. — Сценарий и актеры настолько ужасны, что это не могло не показаться забавным. А знаешь что, — добавил он, вновь возвращаясь к веселому и непринужденному тону, — давай пойдем на компромисс. Выберем следующий фильм вместе. — С этими словами он протянул ей руку, приглашая за собой.

Джулия неохотно поднялась и последовала за ним к видеотеке, в которой были собраны сотни фильмов — от классических до самых современных.

— Итак, что бы ты предпочла? — спросил Зак. Джулия быстро просмотрела каталог, каждый раз спотыкаясь о название очередного фильма с участием Зака. Она понимала, что должна выбрать один из них, хотя бы из элементарной вежливости, но ничего не могла с собой поделать. Рассматривать на почти полутораметровом экране каждую любовную сцену с его участием было выше ее сил.

— Я... я не знаю, — пролепетала она после довольно продолжительной паузы. — Давай лучше ты выберешь несколько кассет, а я потом буду выбирать из них.

— Хорошо. Но скажи мне хотя бы, кто из актеров тебе больше нравится.

— Из старой плеяды я очень люблю Пола Ньюмена, Роберта Редфорда и Стива Мак-Кина.

Зак делал вид, что сосредоточенно рассматривает ровные ряды кассет. Он не понимал, почему обычный такт Джулии на сей раз изменил ей, и она даже не подумала о том, чтобы упомянуть его имя Это его сильно задело Хотя вряд ли он подпадает под определение «старая плеяда». Проигнорировав все фильмы с участием вышеупомянутых трех актеров, Зак решил продолжить расспросы.

— Боюсь, что здесь только фильмы последних десяти лет, — бессовестно солгал он, — так что тебе придется ограничиться современными актерами. Итак, кто? — Он с нетерпением ждал, когда Джулия назовет его имя.

— Ммм... Кевин Костнер, Майкл Дуглас, Том Круз, Ричард Гир, Гаррисон Форд, Патрик Свейзи, Мел Гибсон, — Джулия судорожно перебирала в уме все имена, которые встречались ей в журналах и на экране за последнее время, — и... Сильвестр Сталлоне!

— Свейзи, Гибсон, Сталлоне, Мак-Кин... — презрительно повторил Зак, задетый до такой степени, что утратил всякий здравый смысл. — С каких это пор тебе так нравятся низкорослые мужчины?

— Низкорослые? — искренне удивилась Джулия — Разве?

— Да они все просто карлики, — ответил Зак, несколько погрешив против правды.

— Разве Стив Мак-Кин маленького роста? — продолжала настаивать Джулия, пораженная этим неожиданным открытием. — Никогда бы не подумала. Мне он всегда казался таким... таким мужественным.

— Он действительно был мужественным, — довольно резко оборвал ее Зак, делая вид, что полностью поглощен содержимым полок, — к сожалению, он также совершенно не умел играть.

Все еще озабоченная тем, что Зак ничем не выражает решимости найти убийцу своей жены и вернуться к нормальной жизни, Джулия вдруг подумала, что воспоминания о том, Прежнем мире, которого он теперь лишен, могут оказать на него стимулирующее воздействие. Она немного склонила голову набок и с улыбкой спросила:

— Ты ведь знаком с Робертом Редфордом, правда?

— Да.

— Каким он был?

— Низкорослым.

— Не правда!

— Я же не сказал, что он был карликом. Просто он действительно не отличался высоким ростом.

Несмотря на то, что Зак явно не имел никакого желания обсуждать свою прежнюю жизнь и все, что с ней связано, Джулия продолжала гнуть свою линию:

— Уверена, что многие знаменитые актеры были твоими близкими друзьями... например, такие, как Пол Ньюмен, Кевин Костнер, Гаррисон Форд, Майкл Дуглас. Я права?

Зак упорно молчал.

— Зак, я права?

— Права в чем?

— Они действительно были твоими близкими друзьями?

— Мы не занимались любовью, если это тебя интересует. Джулия поперхнулась от смеха.

— Зак, прекрати! Ты же прекрасно понимаешь, что меня интересует совсем не это.

Выбрав несколько кассет с Костнером, Свейзи, Фордом и Дугласом, Зак протянул их Джулии.

— Выбирай.

— Та, которая сверху — «Грязные танцы», — с улыбкой сказала Джулия, хотя ей совершенно не хотелось тратить драгоценное время, которое у них оставалось, на просмотр фильмов.

— Не могу поверить, что тебе захотелось еще раз посмотреть эту ерунду, — презрительно пробурчал Зак, вставляя кассету с Патриком Свейзи в видеомагнитофон.

— Но ты же сам выбирал.

— Потому что ты сказала, что хочешь посмотреть фильм со Свейзи, — отпарировал Зак, безуспешно пытаясь изображать свое полное безразличие к данному вопросу.

В течение двенадцати лет у него вызывали раздражение и отвращение бесчисленные поклонницы, которые вечно роились вокруг, всячески выражая свое восхищение и утверждая, что он их самый любимый актер. Они охотились за ним на Приемах, подсаживались в ресторанах, перехватывали на уликах, преследовали на машинах и ненавязчиво опускали в его карман ключи от гостиничного номера. И вот теперь, когда он Впервые в жизни действительно хотел, чтобы женщина сказала хотя бы несколько добрых слов о его работе, она предпочитает ему чуть ли не всех актеров, существующих на свете. Продолжая хранить угрюмое молчание, он наблюдал за тем, как по экрану бегут титры.

— Хочешь немного попкорна?

— Нет, спасибо.

Исподтишка наблюдая за его лицом, Джулия пыталась Понять, что с ним происходит. Может быть, он тоскует по ? прошлому? В таком случае, это совсем неплохо. С одной стороны, ей очень не хотелось причинять ему какое бы то ни было огорчение, но с другой — начинало все сильнее настораживать то, что он ни словом не обмолвился о том, что собирается найти настоящего убийцу. Он ведь мог хотя бы «упомянуть об этом, если уж не хочет делиться с ней более Подробными планами. В данный же

момент он сидел, скрестив руки на груди в ожидании начала фильма, и выглядел при этом как человек, который уверен, что непременно увидит что-нибудь неприятное.

— Нам совсем не обязательно смотреть этот фильм, — сказала Джулия.

— Ну что ты! Разве я могу упустить такую возможность? Несколько минут спустя он презрительно фыркнул. Рука Джулии застыла на полпути к миске с попкорном.

— Что-нибудь не так?

— Свет!

— А что со светом?

— Ты только посмотри на эту тень на его лице. Джулия внимательно вглядывалась в экран.

— Но мне кажется, что это совершенно естественно. Ведь там ночь.

Зак метнул на нее убийственный взгляд, демонстрируя тем самым, что он думает по поводу ее последних слов.

«Грязные танцы» были одним из любимых фильмов Джулии. Ей нравилось в нем все — и сами танцы, и музыка, и незамысловатая, бесхитростная любовная история, лежащая в основе сюжета. Но на этот раз ни о каком удовлетворении не могло быть и речи, потому что через пару минут раздалась следующая реплика:

— Интересно, чем они намазали его волосы? Не иначе как машинным маслом.

— Зак, — предостерегла его Джулия, — если ты собираешься комментировать этот фильм так же, как и предыдущий, то я просто выключу телевизор.

— Я буду нем как рыба.

— Вот и хорошо — Правда, режиссура, сценарий и диалоги от этого не станут лучше.

— Ну все, с меня довольно...

Увидев, что она поднимается, чтобы осуществить свою угрозу, Зак почувствовал отвращение к самому себе. Чего ради он ведет себя как ревнивый подросток и поносит актеров, которые были его же друзьями? Да и этот фильм совсем неплох в своем роде. Положив руку на плечо Джулии, он пообещал:

— Клянусь, что больше не скажу ни слова, кроме комплиментов. Сядь и спокойно смотри дальше.

И Зак сдержал обещание. Он не проронил ни единого слова до тех пор, пока не началась сцена танца Свейзи и его партнерши. В этом месте он

нарушил молчание:

— По крайней мере она действительно умеет танцевать Хороший подбор актеров.

Блондинка на экране действительно была очень хороша — Красивая, талантливая, с потрясающей фигурой. Джулия испытала совершенно нелепый укол ревности, да и непонятная угрюмость Зака не прибавляла хорошего настроения. Вдобавок ко всему он, как нарочно, проигнорировал танцевальный талант самого Свейзи, что, по ее мнению, было крайне несправедливо. Она уже готова была ехидно заметить, что ему, судя по всему, нравятся только актрисы, как вдруг ее осенило, что он, наверное, чувствовал то же самое, когда она расхваливала всех актеров, кроме него. Эта мысль настолько потрясла Джулию, что у нее невольно вырвалось:

— Ты что, ревнуешь?

Зак, казалось, искренне возмущился подобным предположением.

— К кому? К Патрику Свейзи?

Очевидно, ему действительно просто нравилось наблюдать за красивыми женщинами. При мысли об этом Джулия почему-то очень огорчилась, хотя умом прекрасно понимала, что это по меньшей мере глупо. Теперь ей также стало понятно и то, что Заку очень не нравится тот фильм, который они смотрели, да он этого и не скрывал, несмотря на то, что продолжал хранить молчание. Стараясь ничем не выдать собственного безнадежно испорченного настроения, Джулия потянулась к стопке отобранных им кассет, лежащей на столе, и спокойно сказала:

— Давай лучше посмотрим «Танцы с волками». Там прекрасно играет Костнер, и, кроме того, сюжет наверняка понравится тебе больше.

— Я уже видел этот фильм в тюрьме.

Эта реплика несколько удивила Джулию. Он же сам ей рассказывал, что видел в тюрьме почти все нашумевшие фильмы, вышедшие за последние пять лет, поэтому она не понимала, какое отношение этот факт имеет именно к «Танцам с волками».

— Тебе он понравился?

— Мне он показался несколько затянутым в середине.

— В самом деле? — наигранно-удивленно спросила Джулия. Эта ситуация начинала не на шутку раздражать ее. Судя по всему, третьего не дано — придется либо посмотреть один из его собственных фильмов, либо примириться с его угрюмостью и капризами.

— А как тебе понравился конец?

— Кевин переделал книгу. Лучше бы он оставил все как есть. — С этими словами Зак поднялся и направился на кухню, чтобы сварить кофе.

Он тоже сдерживался из последних сил. Но он был зол прежде всего на себя самого, на свои бессмысленные и несправедливые замечания по поводу обоих фильмов, снятых его друзьями. Патрик сделал совсем неплохую работу, особенно если учитывать, что «Грязные танцы» — его первый режиссерский опыт. А Костнер, его довольно близкий друг, снял действительно прекрасную картину, которая получила совершенно заслуженное признание. И он сам, кстати, в свое время этому очень порадовался.

Он был настолько погружен в собственные мысли, что не замечал происходящего на экране до тех пор, пока не дошел с чашками в руках почти до середины гостиной. А когда заметил, застыл как вкопанный, охваченный странной неловкостью от того, что увидел. Джулия поменяла кассеты. Но не просто поменяла, поставив взамен «Грязных танцев» один из «то собственных фильмов. Она включила перемотку и сейчас, выключив звук, смотрела одну из самых откровенных постельных сцен где-то в середине фильма. Зак сразу узнал эту сцену — из всех его фильмов» Знакомые незнакомцы «, снятый семь лет назад, был самым откровенным с точки зрения дротики. И сейчас, наблюдая за самим собой в постели с Гленн Клоуз в фильме, который он ни разу не видел с тех самых пор, как тот вышел на экраны, Зак впервые в жизни почувствовал себя по-настоящему смущенным. И дело было даже не в том, что происходило на экране, а в том, с каким выражением лица Джулия наблюдала за происходящим. Кроме того, она, очевидно, была не только очень хорошо знакома с его фильмами, но даже знала, какую именно сцену следует выбрать. Глядя на ее застывшее лицо и немигающий взгляд, устремленный на экран, Зак понял, что лучше бы было вернуться на десять минут назад. Тогда, по крайней мере, единственным неприятным обстоятельством была его бессмысленная и необъяснимая ревность. Поставив чашки с кофе на стол, Зак решил все же выяснить причины столь внезапной перемены в настроении Джулии.

— Зачем ты это делаешь, Джулия?

— Делаю что? — невинно поинтересовалась она, нажимая на кнопку дистанционного управления, чтобы включить звук. Ее напряженный взгляд был прикован к гигантскому экрану.

— Зачем ты это смотришь?

— Что смотрю? — с притворным безразличием спросила Джулия. Правда, это ей с трудом удалось, потому что видеть руки Зака, обвивающие тело Клоуз, и их губы, слитые в пылком поцелуе, было совершенно непереносимо. Его загорелое тело отчетливо выделялось на фоне

ослепительно белой простыни.

— Ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Сначала ты делала вид, что вообще никогда не видела моих фильмов и слыхом не слыхивала о таком актере, как Захарий Бенедикт, а потом вдруг не только ставишь один из них, но и проявляешь завидную осведомленность, моментально обнаружив эту сцену.

— Я видела все твои фильмы, — сообщила Джулия, не отрывая взгляда от экрана и демонстративно игнорируя то, что он сел рядом с ней. — Причем большая часть из них, включая и этот, у меня записаны на кассетах. Кстати, именно «Знакомые незнакомцы» я смотрела, наверное, раз шесть. — С этими словами она, не оборачиваясь, кивнула на экран:

— Как тебе освещение?

Зак на мгновение оторвал взгляд от ее застывших черт и мельком взглянул на экран.

— Неплохо.

— А как насчет актерской игры?

— Тоже неплохо.

— Согласна. Но не кажется ли тебе, что ты не очень добросовестно отработал этот поцелуй? Ты мог бы сделать его еще более страстным, более глубоким. Хотя нет, — добавила она после недолгой паузы, и на этот раз горечь в ее голосе стала совершенно очевидной. — Это вряд ли возможно. Ты и так почти полностью засунул язык ей в рот.

Теперь, когда Зак наконец понял, что именно грызло ее все это время, он искренне раскаялся в своем упрямстве, грубости и настырном(tm), которые заставили Джулию пойти на такой шаг. Он даже представить себе не мог, что ее так может расстроить обычная киношная любовная сцена, которая к тому же снималась в присутствии десятков свидетелей.

— Интересно, что ты чувствовал, когда она целовала тебя подобным образом?

— Мне казалось, что я сгораю в огне, — начал Зак, но заметив, как невольно вздрогнула Джулия после этих его слов, поспешно добавил:

— Софиты были слишком яркими, и от них исходил совершенно нестерпимый жар. Это единственное, что беспокоило в тот момент.

— Но я уверена, что в этот момент, — сказала она, кивая в сторону экрана, по-прежнему не в силах оторвать от него взгляд, — ты все-таки забыл о софитах. Вряд ли бы ты мог о них думать, лаская ее грудь подобным образом.

— Совершенно верно. Насколько я помню, именно в этот момент я думал о том, что было бы совсем неплохо задушить режиссера, если он

заставит нас делать еще один дубль.

Демонстративно игнорируя его, кстати, совершенно правдивые слова, Джулия с горечью, которую был бессилие скрыть даже напускной сарказм, спросила:

— А что думала Гленн Клоуз, когда ты целовал ее грудь?

— Наверное, тоже замышляла убийство режиссера. Причем по той же причине.

— В самом деле? — саркастически поинтересовалась Джулия. — А теперь, когда ты полностью накрыл ее тело своим?

Зак протянул руку и решительно повернул лицо Джулии так, чтобы наконец видеть ее глаза.

— Я знаю, о чем она думала. Она мысленно молилась о том, чтобы я поскорее убрал локоть с ее живота, прежде чем она снова рассмеется и испортит очередной дубль.

Увидев перед собой совершенно спокойное лицо Зака и невольно почувствовав его искреннее безразличие к тому, что происходило на экране, Джулия внезапно ощутила себя полной дурочкой.

— Прости, я вела себя как идиотка, — виновато вздохнув, сказала она. — Я делала вид, что совершенно не интересуюсь твоими фильмами, только потому, что боялась увидеть одну из подобных сцен. Я понимаю, что это глупо, но все равно чувствовала какую-то... — Джулия резко осеклась, понимая, что не имеет права произносить слово «ревность».

— Ревность? — подсказал Зак, и в его устах это слово прозвучало еще более омерзительно, чем показалось ей поначалу.

— Ревность — это низменное и опустошающее чувство.

— Она делает человека раздражительным и совершенно невыносимым, — подзадорил Зак.

Мысленно похвалив себя за то, что вовремя удержалась и не произнесла этого слова, Джулия согласно кивнула.

— Совершенно верно. Просто когда я представляла тебя в одной из подобных сцен, мне... мне хотелось посмотреть другой фильм.

— Понятно. Тогда назови любого актера, которого бы ты хотела посмотреть.

Джулия уже открыла было рот, чтобы ответить, но Зак тотчас же невозмутимо добавил:

— Правда, это не должен быть ни Свейзи, ни Костнер, ни Круз, ни Редфорд, ни Ньюмен, ни Мак-Кин, ни Форд, ни Дуглас, ни Гир.

Джулия подняла на него удивленный взгляд — Тогда кто же остается?

Обвив рукой ее плечи, Зак притянул Джулию к себе и тихо прошептал.

— Микки Маус Джулия не знала — смеяться или требовать каких-нибудь объяснений.

— Микки Маус! Но почему?

— Потому что, — пробормотал он, нежно касаясь губами ее виска, — я бы, пожалуй, смог выслушивать твои комплименты Микки Маусу, не становясь «раздражительным» и «совершенно невыносимым».

Всячески пытаясь скрыть ту радость, которую ей доставили его слова, Джулия подняла голову и насмешливо сказала:

— Но ведь остается еще Шон Коннери. Он великолепен в «Погоне за Красным Октябрем».

Зак удивленно приподнял брови и в тон ей ответил:

— Остаются еще и мои шесть фильмов, которые есть в этой видеотеке.

Теперь, когда ей удалось обернуть в шутку его признание и ни слова не сказать о собственной ревности, Джулия вдруг устыдилась своей трусости, которая, казалось, умаляла то, что между ними происходило. Пристально взглянув в глаза Зака, она тихо сказала:

— Я просто не могла вынести того, как ты целовал и ласкал Гленн Клоуз.

Наградой за ее мужество был долгий, восхитительный поцелуй, во время которого она забыла обо всем на свете.

Глава 37

Джулия взглянула сквозь кухонное окно на заходящее солнце, отложила в сторону разделочный нож и направилась в гостиную, чтобы включить телевизор. Спутниковая антенна, находящаяся где-то на вершине горы, позволяла им ловить Си-эн-эн, и сейчас Джулия собиралась посмотреть вечерний выпуск новостей.

Зак сегодня целый день расчищал подъездную дорогу, ведущую к мосту, и теперь принимал душ. Этим утром он впервые поделился с нею некоторыми своими планами, и Джулия подумала, что им осталось быть вместе не больше суток. При мысли о близкой разлуке она испытала такой острый приступ паники, что у нее даже перехватило дыхание. Почувствовав это, Зак поспешил добавить:

— Когда придет время уезжать, я предупрежу тебя заранее.

Когда же она попыталась хотя бы приблизительно выяснить предполагаемую дату отъезда, он ответил неопределенно, и у Джулии невольно создалось впечатление, что Зак ждет чего-то... или кого-то, кто должен был выйти с ним на связь.

Конечно, он был прав. Чем меньше ей будет известно, тем лучше для них обоих. И вместо того, чтобы терзать себя размышлениями о будущем, лучше максимально использовать каждую минуту из того времени, которое им суждено было быть вместе. Зак, несомненно, был прав абсолютно во всем, но, к сожалению, Джулия не могла не думать о том, что с ним будет дальше. Кроме того, она абсолютно не представляла себе, как он собирается искать настоящего убийцу. Ведь при его популярности его узнают в первую же секунду, где бы он ни появился.

Правда, Зак — актер, а следовательно, умеет гримироваться и изменять свою внешность до неузнаваемости. Джулия искренне надеялась, что он сумеет стать незаметным. И в то же время смертельно боялась, что у него ничего не получится.

Включив телевизор, она направилась обратно на кухню, краем уха слушая болтовню какого-то психолога. Только пройдя гостиную, Джулия резко обернулась, сообразив, что речь-то идет о ней. Не веря собственным ушам, она подошла поближе к экрану и прочитала субтитры: оратора звали Уильям Эверхардт. С потрясающей самоуверенностью доктор Эверхардт рассуждал о том, что именно испытывает в данный момент, заложница Джулия Мэтисон в эмоциональном отношении.

— Проводилось очень большое количество исследований, объектами которых служили люди, попавшие в ситуации, аналогичные той, в которой оказалась мисс Мэтисон, — говорил он. — Я лично выступал одним из соавторов книги по этой теме, а потому могу смело утверждать, что в данный момент эта юная леди испытывает ряд весьма стрессовых, хотя и вполне предсказуемых эмоций.

Склонив голову набок, Джулия заворуженно смотрела на экран. Было крайне интересно услышать от этого никому не ведомого эксперта, что же именно происходит в данный момент у нее в душе.

— На первый и второй день основным, всепоглощающим чувством является страх. Заложник ощущает себя совершенно беспомощным. Он слишком напуган для того, чтобы действовать, и продолжает надеяться на то, что помощь придет откуда-то со стороны. Чуть позднее, обычно где-то на третий день, страх сменяется яростью и обидой. Это вызвано окончательным осознанием допущенной в отношении него несправедливости, а также насильно навязанной ему роли жертвы.

Теперь это начало по-настоящему забавлять Джулию. Загибая пальцы, она стала считать дни, сравнивая то, что происходило на самом деле, с оценками этого «эксперта». В первый день страх уступил место ярости за считанные часы, и она попыталась передать записку той девушке в «Макдональдсе». На второй день она попыталась бежать на площадке Для отдыха, и это ей почти удалось. А на третий день ей действительно удалось бежать. Она, конечно, была немного напугана и очень нервничала, но уж никак не умирала от страха. Презрительно встряхнув головой, Джулия снова сосредоточилась на разглагольствовании доктора Эверхардта.

— К настоящему моменту мисс Мэтисон наверняка достигла состояния, которое я бы назвал синдромом зависимости и благодарности. Она благодарна своему похитителю за то, что он до сих пор не убил ее, и начинает видеть в нем едва ли не своего защитника и союзника. А у нас нет оснований предполагать, что Захарий Бенедикт... эээ... причинил ей какой-либо вред. В любом случае она сейчас не испытывает никаких нежных чувств к местным властям — ведь они оказались бессильны ей помочь, когда она в этом так нуждалась. Она полностью разочаровалась в них, а к своему похитителю, который так легко смог перехитрить их, начинает испытывать чувство невольного восхищения. К этому добавляется еще и чувство благодарности за то, что он не причинил ей вреда. Не следует также сбрасывать со счетов и то, что Бенедикт совсем неглупый и по-своему крайне обаятельный человек. А это значит, что и эмоционально, и физически Джулия Мэтисон находится полностью в его власти.

Выслушав этот потрясающий набор напыщенных банальностей по отношению к себе, Джулия недоверчиво уставилась на бородатое лицо на экране, не зная — смеяться ей или возмущаться.

— Тебе повезло, уважаемый доктор, — обратилась она к экрану, — что ты выступал не в шоу у Ларри Кинга! Там бы ты не отделался так легко!

Единственная верная вещь, которую доктор Эверхардт сказал до сих пор, — это то, что Зак умен и обаятелен. Она не могла поверить, что Эверхардту ни разу не пришло в голову, что ее ведь захватили заложницей не в чужой стране и похитителями были отнюдь не фанатики-террористы, а значит, вполне возможно и то, что она вовсе не будет испытывать «ряда предсказуемых эмоций».

— Для того, чтобы полностью оправиться от этого испытания, ей понадобится квалифицированная помощь опытного психолога. Реабилитация займет довольно продолжительное время, но прогноз на будущее весьма благоприятен при том условии, что она сама будет искать помощи.

Джулия онемела от такой наглости. Этот самоуверенный болван заявлял всему миру, что она еще и психически ненормальна! Надо будет сказать Теду, чтобы он подал на него в суд!

— Но конечно, — вмешался ведущий Си-эн-эн, — это верно лишь в том случае, если Джулия Мэтисон действительно является заложницей. Ведь некоторые считают ее соучастницей.

Доктор Эверхардт немного поразмыслил над этим утверждением, поглаживая ухоженную бородку, и задумчиво проговорил:

— Если хотите знать мое мнение по этому поводу, то, учитывая все, что мне удалось выяснить об этой молодой женщине, я бы не стал подписываться под подобным предположением.

— И на том спасибо, — вслух поблагодарила его Джулия. — Этой фразой ты только что избавил себя от судебного преследования.

Она была настолько поглощена происходящим на экране, что не сразу различила шум вертолета, который, судя по звуку, кружил где-то над домом. А когда наконец услышала, ее первой реакцией было удивление — звуки казались странными и чужими в зимнем безмолвии. Прошло некоторое время, прежде чем Джулия поняла, что это может значить, и тогда ее охватила паника.

— Зак! — закричала она, вылетая из гостиной и чуть не сбив его с ног. — Там вертолет! Он очень низко... Он завис над домом! — Последние слова застряли у нее в горле — в руках у Зака был хорошо знакомый ей пистолет.

— Беги, прячься в лесу! — коротко приказал он, подталкивая ее к двери и попутно натягивая на нее первую попавшуюся под руки куртку. — Не смей приближаться к дому до того, как я тебе не разрешу, или пока они не достанут меня отсюда!

Одновременно Зак успел зарядить пистолет и сейчас уверенно держал его в руке дулом вверх. Он обращался с оружием с пугающей сноровкой человека, который прекрасно умеет стрелять и твердо решил при необходимости этим воспользоваться. Когда они подошли к двери, Зак резко отодвинул Джулию в сторону и выглянул наружу, прислушиваясь к шуму винтов. Только убедившись, что непосредственной опасности нет, он освободил проход и подтолкнул ее вперед.

— Беги!

— Послушай, Зак, ради всего святого! — предприняла Джулия последнюю попытку образумить его. — Ты же не собираешься и в самом деле стрелять из этой штуки! Ведь должен же быть...

— Беги!!! — оборвал ее он, явно начиная терять терпение.

Джулия подчинилась. Чувствуя, как отчаянно колотится сердце, она побежала, увязая в глубоком снегу. Достигнув спасительного леса, она оглянулась. Темная фигура Зака отчетливо вырисовывалась в громадном окне.

Вертолет покружил над домом, взял немного влево, потом опять вернулся на прежнее место. В какое-то жуткое мгновение Джулии показалось, что Зак поднимает пистолет, но потом она поняла, что это всего лишь бинокль. Сделав круг, вертолет развернулся и начал медленно удаляться от дома. Когда он окончательно пропал из виду, Джулия почувствовала, что ноги больше не держат ее — дало себя знать страшное напряжение последних минут. Но перед глазами у нее неотступно стояло лицо Зака — когда с пистолетом в руке он подталкивал ее к двери. Казалось, она наблюдала сцену из какого-то жуткого боевика. За единственным исключением — все, что происходило с ними, было совершенно реально. Джулия почувствовала резкий приступ дурноты и прислонилась к дереву, судорожно сглатывая, пытаясь хоть немного унять тошноту... и страх.

— Все в порядке, — сказал Зак, подходя к ней. Джулия заворуженно смотрела на вороненое дуло, по-прежнему высывавшееся из-за пояса джинсов. — Это были всего лишь лыжники. Наверное, слегка перепили и спустились слишком низко.

Джулия перевела взгляд на его лицо, но не смогла заставить себя сдвинуться с места.

— Пойдем, — мягко сказал Зак, — давай руку.

Она отрицательно покачала головой, пытаясь стряхнуть парализовавший ее страх и говорить как можно ровнее:

— Нет-нет. Со мной все в порядке. Я сама.

— С тобой совсем не все в порядке! — резко возразил Зак, хватая ее в охапку. — Ты вот-вот хлопнешься в обморок.

Тошнота и головокружение наконец немного ослабли, и Джулии даже удалось выдавить из себя подобие улыбки:

— Ты, надеюсь, не забыл, что мой брат — полицейский? Мне уже приходилось видеть оружие. Я... я просто была не совсем к этому готова.

Джулия быстро приходила в себя. При мысли о том, что опасность позади, ее голова начинала снова кружиться, но уже от радости и облегчения.

— Выпей это, — Зак протянул ей бокал с бренди. — Залпом и до дна, — добавил он, после того как Джулия сделала лишь крохотный глоток и попыталась вернуть ему бокал. Джулия заставила себя отпить еще немного и поставила бокал на стойку.

— Я больше не хочу.

— Ладно, — не стал настаивать Зак. — Тогда пойд и прими хорошую горячую ванну.

— Но...

— Сделай это. Не спорь со мной. В следующий раз я... — Он собрался было объяснить ей, что именно намерен делать в следующий раз в подобных обстоятельствах, но внезапно понял, что следующего раза просто не будет. Да, сегодня тревога оказалась ложной, но благодаря ей он со всей отчетливостью понял, какому риску подвергает жизнь Джулии. Не говоря уже о том, какой страх ей пришлось испытать по его вине. В памяти все время всплывали съездившаяся на снегу хрупкая фигурка и выражение безмерного ужаса, исказившее прелестное лицо.

Было уже темно, когда Джулия, приняв ванну и переодевшись в свитер и брюки, снова появилась в гостиной. Зак стоял у камина, неподвижно уставившись на огонь. Его лицо казалось высеченным из камня.

Глядя на него, Джулия справедливо предположила, что его мучает чувство вины перед ней. Но теперь, когда она немного успокоилась, все происшедшее виделось ей совсем в другом свете и вызывало совсем другие эмоции. Она начинала ненавидеть людей, которые обрекли его на такое существование, и твердо намеревалась выяснить, что сам Зак собирается предпринять, чтобы положить этому конец. Кроме того, она должна

убедить его принять ее посильную помощь.

Не решаясь сразу приступить к интересующему ее вопросу, Джулия решила дождаться окончания ужина. Имея уже возможность убедиться в недюжинных способностях Зака отключаться от своих проблем, она подумала, что двух часов окажется достаточно, чтобы он справился с нынешним, весьма мрачным, настроением. Она подошла к нему и спросила самым беспечным голосом, на который была способна:

— Ты собирался сегодня приготовить бифштексы в том новомодном гриле или предпочитаешь, чтобы этим занялась я? Зак обернулся и отрешенно посмотрел на нее.

— Извини, что ты сказала? Я не расслышал.

— Я пыталась разделить наши обязанности по кухне на сегодняшний вечер. — Джулия засунула руки в карманы брюк и насмешливо добавила:

— Ты грубо нарушаешь билль о правах заложников.

— О чем ты говоришь? — переспросил он, поскольку смысл ее слов по-прежнему ускользал от него. Зак изо всех сил пытался убедить себя, что Джулия здесь в полной безопасности... пытался забыть ее взгляд там, в лесу... пытался внушить себе, что это был всего лишь случайный эпизод, который больше не повторится.

Джулия улыбнулась ему одной из своих самых обворожительных улыбок.

— Я говорю об обязанностях по кухне, мистер Бенедикт! Согласно Женевской конвенции, пленные не должны подвергаться жестокому и несправедливому обращению. А как, по-твоему, можно расценить то, что уже два дня мне приходится готовить в полном одиночестве?

Заку удалось выдавить из себя жалкое подобие улыбки и кивнуть. В данный момент ему больше всего на свете хотелось лечь с ней в постель и хотя бы на какой-то благословенный час забыться и не думать о том, что обязательно должно произойти. Причем гораздо скорее, чем он это планировал поначалу.

Глава 38

Вскоре Джулия имела возможность убедиться в том, что ее оптимизм по поводу скорой смены настроения Зака не имел под собой никаких оснований. Он был безупречно вежлив, но по-прежнему полностью погружен в свои мысли. Тогда Джулия решила прибегнуть к еще одной уловке — заставить его расслабиться с помощью спиртного. У нее накопилось несколько неотложных вопросов, и она чувствовала, что гораздо скорее получит на них полные и откровенные ответы, если Зак не будет так напряжен и сосредоточен.

Наклонившись вперед, она в четвертый раз наполнила его бокал и протянула Заку, мысленно хваля себя за сообразительность.

Но Зак внезапно перевел взгляд с бокала на ее лицо и сухо заметил:

— Надеюсь, ты не собираешься меня напоить? Если это так, то не трудись понапрасну, вряд ли у тебя что-нибудь получится.

— Мне принести виски? — спросила Джулия, подавляя нервный смех.

Рука с бокалом замерла на полпути ко рту. Только сейчас Зак сообразил, что она действительно за ужином уж слишком усердно подливала ему вино. Кроме того, Джулия весь вечер пристально наблюдала за ним с каким-то странным выражением лица.

— Ты думаешь, что оно мне может понадобиться?

— Не знаю.

Испытывая нехорошие предчувствия, Зак наблюдал за тем, как Джулия пересела к нему лицом. Правда, первый вопрос прозвучал достаточно невинно и шутливо:

— Скажи, Зак, разве я не была образцовой заложницей?

— Безупречной, — согласился Зак, невольно поддаваясь ее юмору и пытаясь подыграть ее настроению.

— Ты также не станешь отрицать того, что я была послушной, всегда готовой помочь, веселой, дисциплинированной и делала даже больше, чем кухарка?

— Согласен со всем, кроме эпитета «послушной». Улыбнувшись этому замечанию, Джулия продолжала:

— А раз я была такой образцовой узницей, то не кажется ли тебе, что я заслужила некоторые... ну, скажем так, привилегии?

— Что ты под этим подразумеваешь?

— Ответ на несколько вопросов. На лице Зака тотчас же появилось

настороженное выражение.

— Ну что ж, возможно. Это будет зависеть от того, какими будут вопросы.

Его абсолютно не располагающий к дальнейшим вопросам ответ немного поколебал решимость Джулии, но она тем не менее продолжала:

— Ты ведь собираешься найти настоящего убийцу своей жены, правда?

— Попробуй задать другой вопрос, — сказал Зак ровным, бесцветным голосом.

— Хорошо. У тебя есть какие-то соображения по поводу того, кто это может быть?

— Тебе лучше выбрать другую тему для расспросов. Его совершенно ненужная резкость больно ранила Джулию. Не только потому, что в последнее время она стала очень чувствительной к перемене его настроений, но и потому, что искренне была уверена в том, что имеет право знать ответ. Стараясь не выдать обуревавших ее чувств, она спокойно попросила:

— Пожалуйста, не надо разговаривать со мной подобным образом.

— Хорошо. Тогда, пожалуйста, выбери какую-нибудь другую тему для разговора.

— Может быть, ты все-таки согласишься хотя бы выслушать меня? Попытайся понять — когда проходил суд, я по обмену училась за границей. Я даже толком не знаю, как именно все произошло, а мне бы очень хотелось это узнать.

— Ты можешь найти все, что тебя интересует, в библиотеке, в подшивке старых газет. Можешь заняться этим, когда вернешься домой.

Если что и могло вывести Джулию из себя, так это сарказм.

— Послушай, черт побери, меня совершенно не интересует то, что писали газеты! Я хочу узнать, как все произошло, именно от тебя. Мне необходимо услышать твою версию.

— В таком случае, тебе не повезло. — С этими словами Зак встал, поставил бокал и протянул ей руку.

Джулия тоже поднялась, не желая, чтобы он возвышался над ней как гора, и автоматически вложила свою руку в его, думая, что это жест примирения.

— Давай ляжем в постель.

Джулия рывком выдернула руку. Его оскорбительное отношение к ней было просто невыносимым.

— Не хочу. Неужели я требую от тебя слишком многого? По-моему,

это просто мелочь по сравнению с тем, через что мне пришлось пройти по твоей милости с тех пор, как мы познакомились, и ты это понимаешь не хуже меня!

— Я не собираюсь снова вспоминать тот день ради кого бы то ни было. И тебя в том числе, — огрызнулся Зак. — Я это уже делал сотни раз в полиции и на суде. Теперь этой темы для меня просто не существует. Она закрыта. Раз и навсегда.

— Но я же хочу помочь. Прошло уже пять лет. За это время твои воспоминания и точка зрения на определенные вещи могли измениться. А мы бы составили список всех, кто был там в тот день, и ты бы рассказал мне о каждом из этих людей. Я отношусь к ним ко всем абсолютно непредубежденно, и это могло бы помочь. Может быть, я свежим взглядом подметила бы то, что ты в свое время проглядел...

Его презрительный смех оборвал Джулию на полуслове:

— Каким же это образом ты могла бы мне помочь?

— Я могу попытаться!

— Не говори глупостей. Я истратил более двух миллионов на адвокатов и частных детективов, но никто из них не смог найти ни одного возможного подозреваемого, кроме меня.

— Но...

— Хватит об этом, Джулия!

— Нет, не хватит! В конце концов, я имею право на объяснение!

— Ты не имеешь никаких прав ни на что, — резко оборвал ее Зак. — И мне абсолютно не нужна твоя помощь.

Джулия отшатнулась, как будто он ее ударил, но смогла сдержать свою ярость и ничем не выдать того, насколько он унизил ее.

— Понятно, — сказала она.

И ей действительно было все понятно — ему не нужно от нее ничего, кроме постели. От нее не ждали рассуждений — от нее ждали только чувств. Она должна была лишь развлекать его и по первой прихоти удовлетворять сексуальные потребности.

Зак взял ее за плечи и притянул к себе:

— Пойдем в постель.

— Убери свои руки! — прошипела Джулия, резко вырываясь и отпрыгивая от него, как кошка. Дрожа от ярости и злости на собственное легковерие, она пятясь обошла диван и кофейный столик так, чтобы иметь свободный проход в свою спальню.

— Джулия, какого черта ты пытаешься кому-то доказать?

— Я никому ничего не доказываю. Я просто только что поняла, какой

бессердечный мерзавец ты есть на самом деле! — Застывшее ледяное выражение его лица ничуть не охладило бушевавшую в ней ярость. — После этого дома ты собираешься просто перебраться в очередное, более надежное убежище! Ты никогда и не собирался найти настоящего убийцу!

— Нет! — огрызнулся Зак.

— Тогда ты должен быть самым большим трусом на свете! — с убийственным сарказмом проговорила Джулия, будучи слишком разъяренной для того, чтобы дрогнуть перед новым, не предвещающим ничего хорошего выражением его лица. — Если же это не так, значит, ты и есть настоящий убийца!

Открыв дверь в свою комнату, она задержалась на пороге и зло добавила:

— Я уезжаю завтра утром, и если ты собираешься задержать меня, то тебе придется прибегнуть к помощи пистолета!

Зак смерил ее презрительным взглядом.

— Задержать тебя? — язвительно переспросил он. — Да я сам поднесу твою сумку до машины!

Не дослушав последних слов, Джулия захлопнула за собой дверь спальни. Из последних сил сдерживая слезы, она сняла брюки и надела большую майку, которую обычно использовала в качестве ночной рубашки. И лишь когда она оказалась в постели и выключила свет, самообладание окончательно изменило ей. Натянув толстое стеганое одеяло до самого подбородка, Джулия перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Она плакала от стыда и унижения, которому подверглась по собственной же глупости и легковерию. Она плакала до тех пор, пока просто не иссякли все слезы, после чего, совершенно измученная и опустошенная, перевернулась на бок и застывшим взглядом уставилась на залитый лунным светом зимний пейзаж.

В то же время в своей спальне Зак пытался успокоиться, выбросив из головы сцену, которая только что произошла в гостиной. Но все его усилия были тщетны. Слова Джулии настойчиво звучали в ушах, причиняя нестерпимые мучения, тем большие, чем чаще он вспоминал презрительное выражение ее лица, когда она назвала его трусом и убийцей. Раньше ему казалось, что за время судебного расследования и заключения у него выработался иммунитет к подобного рода оскорблениям, но, очевидно, Джулии удалось каким-то образом пробиться сквозь броню. Он ненавидел ее за это, но еще сильнее ненавидел себя за то, что позволил ей это сделать.

Швырнув свитер на кровать, Зак начал расстегивать брюки. И в этот

момент его осенило. Вот оно — единственное возможное объяснение ее совершенно неадекватной реакции на те слова, которые он сказал в гостинной. Эта мысль настолько потрясла его, что он так и застыл с брюками в руках.

Джулия думала, что влюблена в него. И поэтому считала, что имеет определенные «права».

Может быть, она также думала, что и он влюблен в нее. И что он нуждается в ней и ее помощи.

— Сукин сын! — вслух выругался Зак, швыряя брюки вслед за свитером. Он абсолютно не нуждался в Джулии Мэтисон и уж, конечно, вовсе не хотел дополнительной ответственности за наивную школьную учительницу из маленького провинциального городка, которая даже не понимает разницы между элементарным физическим желанием и непонятным чувством под названием любовь. Для нее же было бы гораздо лучше, если бы она его ненавидела. Не говоря уже о нем. Это бы значительно облегчило ему жизнь. Их связывал только секс. Они хотели друг друга, а Джулия отказывала им обоим в этом удовольствии из какого-то детского упрямства и желания отомстить за мнимые обиды.

Необходимо расставить все точки над i. Правда, пока у Зака было весьма смутное представление о том, как именно он это сделает, но тем не менее он решительно направился в спальню Джулии.

Джулия тоскливо размышляла о том, что ей делать завтра в случае, если Зак передумает и не сдержит своего обещания отпустить ее, когда дверь в спальню резко распахнулась и на пороге появился он сам, собственной персоной, совершенно обнаженный.

— Что тебе нужно? — резко спросила она.

— Этот вопрос, — насмешливо ответил Зак, отбрасывая в сторону одеяло, — почти такой же идиотский, как и твое решение провести ночь в этой спальне. Моя гораздо удобнее.

Разъяренная его совершенно очевидными намерениями, Джулия резко метнулась к противоположному краю кровати и, торопливо выбравшись из нее, бросилась к двери. Но не тут-то было. Зак перехватил ее и крепко прижал к своей обнаженной груди.

— Немедленно отпусти меня!

— Мне нужно, — сообщил ей Зак, с запозданием возвращаясь к ее первоначальному вопросу, — то же самое, что нужно и тебе каждый раз, когда мы смотрим друг на друга!

Джулия отчаянно сопротивлялась.

— Мерзавец! Если ты собираешься изнасиловать меня, то я убью тебя

из твоего же собственного пистолета!

— Изнасиловать? — с ледяным сарказмом переспросил Зак. — Мне бы это и в голову не пришло. Не пройдет и трех минут, как ты сама будешь упрашивать меня взять тебя.

С этими словами он закрыл ей рот поцелуем. В последней отчаянной попытке Джулия постаралась ударить его коленом в пах и чуть не заплакала от бессилия, когда ей это не удалось. А уже через несколько мгновений она, совершенно беспомощная, лежала на спине, придавленная сверху его тяжелым телом.

Вместо того чтобы отомстить ей за неудавшийся удар и войти в нее сразу, как Джулия поначалу предполагала, Зак начал нежно ласкать ее, искусно пробуждая в ней желание с таким знакомым, безотказно действующим мастерством. Она поняла, что он не собирается ее ни к чему принуждать. Ему было нужно, чтобы она уступила ему добровольно! И если она это сделает, то окажется в гораздо более унижительном положении, чем если бы была просто беззащитной жертвой. Но самое ужасное заключалось в том, что тело, помимо ее воли, уже начинало отвечать на его ласки. Джулия ненавидела себя за это и прилагала последние отчаянные усилия, чтобы спасти хотя бы остатки собственной гордости. Для этого необходимо было, чтобы все закончилось прежде, чем она окончательно капитулирует.

— Заканчивай все это поскорее, будь ты проклят! Его ответный шепот был таким же холодным, как и его сердце:

— Зачем? Чтобы ты смогла называть меня не только трусом и убийцей, но еще и насильником?

Его пальцы, ни на секунду не прекращая двигаться, проникали все глубже и глубже. Почувствовав, как его губы сомкнулись вокруг ее соска, Джулия предприняла последнюю отчаянную попытку протеста, но ничего не получилось. Бедро, помимо ее воли, уже выгибалось дугой под его руками. Правда, на какое-то мгновение тихий смех Зака почти полностью парализовал ее, но уже в следующую секунду ее собственное, ненавистное в своей слабости тело, в который раз предало Джулию, жадно отвечая на его расчетливые ласки.

— Ты же совершенно мокрая, — насмешливо сказал Зак, и даже абсолютная бессердечность того, что он с ней делал сейчас, не могла остановить горячих, все более сильных волн желания. — Ты хочешь меня, Джулия?

Она отчаянно хотела его. Она чувствовала, что если немедленно, сейчас же не испытает фантастических ощущений, которые только он мог

ей дать, то просто умрет от неудовлетворенного желания.

— Иди к черту! — задыхаясь, прошептала Джулия.

— Я и так уже там, — прошептал Зак, приоткрывая языком ее губы, в то время как его бедра плотно прижались к бедрам Джулии, чтобы она могла в полной мере ощутить, как он ее хочет. — Ну скажи, что хочешь меня, — попросил он.

Ощущение близости его возбужденного тела и настойчивых поцелуев оказалось гораздо сильнее, чем Джулия могла вынести. Ее собственное тело начало дрожать от с трудом сдерживаемого, мучительного желания, а ответ походил скорее на отчаянный всхлип:

— Я хочу тебя...

В то же самое мгновение он вошел в нее и, быстро работая бедрами, довел до оргазма за считанные секунды... По телу Джулии еще продолжали пробегать волны дрожи, а Зак уже вышел из нее, небрежно высвободился из ее объятий и встал.

— Как я и предполагал, на это ушло ровно три минуты, — сообщил он и решительно захлопнул за собой дверь.

Джулия оцепенела. Но не от холода, а от сознания того, что Зак действительно смог доказать свою точку зрения таким омерзительным способом. Чувствуя себя полностью разбитой и эмоционально, и физически, она свернулась клубком и натянула на себя одеяло, сползшее на пол. Но глаза ее были сухи. В этот момент Джулия поклялась самой себе, что больше не прольет из-за него ни единой слезинки. Никогда.

Зак сидел в кресле перед камином, уронив голову на руки, и изо всех сил старался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Он сделал именно то, что собирался сделать, и даже больше; он доказал и ей, и самому себе, что абсолютно в ней не нуждается, даже в сексуальном плане. Он также доказал ей, что ему совершенно безразлично то, что утром она собирается уехать отсюда.

Он весьма эффективно добился именно того, к чему стремился. И еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким опустошенным. Никогда в жизни ему еще не было так стыдно за себя.

Конечно, после сегодняшней ночи у Джулии не останется никаких иллюзий в отношении него. Она его окончательно возненавидит и будет совершенно права. Но еще больше он ненавидел себя сам. Он презирал себя за то, что сделал с ней, а также за совершенно непонятную и незнакомую ему прежде слабость, из-за которой ему хотелось немедленно же отправиться в спальню Джулии и умолять ее о прощении.

Выпрямившись в кресле, он взглянул на постель, в которой они вместе провели столько счастливых минут, и понял, что не сможет там спать в одиночестве. Особенно зная о том, что она тоже без сна лежит в соседней комнате и ненавидит его.

Глава 39

Когда на рассвете Джулия выбралась из постели, ключи от «блейзера» лежали на туалетном столике, а во всем огромном доме царила жуткая тишина. Мучения и боль прошлой ночи уступили место какому-то тупому безразличию, и Джулия двигалась чисто автоматически, даже не отдавая себе отчета в собственных действиях. Единственное, чего ей хотелось, — это поскорее выбраться отсюда и никогда, ни при каких обстоятельствах не думать и не вспоминать о том, что здесь произошло. Забыть обо всем. Забыть о том, что она вообще когда-то встретила Захария Бенедикта и была настолько глупа, что влюбилась в него. Если любовь делает человека уязвимым и легкоранимым, то упаси Господи еще раз влюбиться в кого-нибудь. Достав из стенного шкафа нейлоновый мешок, Джулия наскоро побросала туда свои вещи и направилась к выходу.

На пороге она ненадолго остановилась и обвела прощальным взглядом спальню, чтобы удостовериться, что ничего не забыла. Выключив свет, Джулия беззвучно повернула дверную ручку и шагнула в полумрак гостиной, но тотчас же застыла как вкопанная. Сердце бешено стучало в груди — у окна, спиной к ней, засунув левую руку в карман брюк, стоял Зак. Заставив себя отвести взгляд от этого призрачного силуэта, Джулия повернулась и на цыпочках направилась к входной двери. Но не успела она сделать и двух шагов, как раздался знакомый голос:

— Список всех, кто был на съемочной площадке в день убийства, лежит на кофейном столике.

Игнорируя комок, внезапно подступивший к горлу, и мысль о том, что он в конечном счете все-таки уступил, Джулия заставила себя двигаться вперед, не оглядываясь.

— Пожалуйста, — еще раз раздался сзади хриплый, умоляющий голос, — прошу тебя, не уходи.

В голосе Зака прозвучала такая отчаянная мольба, что сердце Джулии сжалось от боли, но уязвленная гордость по-прежнему не позволяла остановиться. Надо быть последней дурой, чтобы остаться здесь после того, что произошло вчера.

Она уже взялась за ручку входной двери, когда снова раздался хриплый от напряжения и внутреннего страдания голос. Но на этот раз он звучал гораздо ближе, почти за самой ее спиной:

— Джулия, умоляю тебя, не уходи!

Не в силах сделать над собой последнее усилие и открыть дверь, Джулия прислонилась к ней лбом. Нейлоновый мешок выскользнул из рук и упал на пол. Плечи сотрясались от беззвучных рыданий, а ничем не сдерживаемые слезы ручьем текли по щекам. Она плакала от стыда за собственное безволие и от страха. Джулия теперь по-настоящему боялась этой любви, перед которой была абсолютно бессильна. Зак развернул ее и крепко притянул к груди.

— Прости меня, — отчаянно шептал он, тщетно пытаясь хоть немного успокоить Джулию. Но единственное, что он мог сделать, — это лишь еще крепче прижать ее к себе. — Пожалуйста, прости меня. Пожалуйста.

— Как ты мог так поступить со мной! — рыдала Джулия. — Как ты мог!

Сглотнув застрявший в горле ком, Зак приподнял к себе ее заплаканное лицо и сказал:

— Я сделал это, потому что ты назвала меня трусом и убийцей. Я просто не смог этого выдержать... По крайней мере от тебя. И кроме того, потому что я действительно являюсь бессердечным мерзавцем. В этом ты была совершенно права.

— Ты действительно самый настоящий бессердечный мерзавец, — захлебываясь слезами, согласилась Джулия, — но самое ужасное заключается в том, что я все равно тебя люблю!

Зак снова прижал ее лицо к своей груди и в зародыше подавил порыв ответить именно теми словами, которые Джулия хотела слышать. Теми, которые он хотел ей сказать. Вместо этого он прижал ее покрепче и начал нежно целовать гладкий лоб и щеки. Он вдыхал аромат ее волос и позволил себе полностью отдаться на волю тех чувств, которые пробуждала в нем Джулия. Чувств, совершенно новых и не знакомых для него. В тридцать пять лет он наконец-то узнал, что значит быть любимым просто так, совершенно бескорыстно... быть любимым тогда, когда у него не осталось ничего, что бы он мог предложить взамен, — ни славы, ни даже элементарной респектабельности... быть любимым женщиной удивительного мужества, способной на еще более удивительную преданность. Теперь он понимал это так же отчетливо, как и то, что если он признается ей в своих истинных чувствах, то она будет ждать еще долгие годы после того, как он исчезнет. И тем не менее Зак не мог полностью проигнорировать ее признание.

Потершись щекой о ее волосы, он ласково сказал то, что, по его мнению, полностью соответствовало истине:

— Я не заслуживаю этого, дорогая.

— Я знаю, — охотно согласилась с ним Джулия. В ее глазах по-прежнему стояли слезы, но в голосе уже появились прежние задорные нотки. Она постаралась не заикливаться на том, что Зак так и не ответил на ее признание. В конце концов, она слышала неподдельное страдание в его голосе, когда он просил ее остаться. Она слышала, как сильно забилося его сердце после ее слов. Чего же ей еще нужно? Разве этого не достаточно? Джулия закрыла глаза, чувствуя, как длинные пальцы Зака нежно гладят ее затылок. Но когда он заговорил, его голос показался ей невероятно усталым:

— Как насчет того, чтобы вернуться в постель и отложить обсуждение убийства хотя бы на пару часов, пока я немного посплю? Я всю ночь не сомкнул глаз.

Джулия согласно кивнула и вместе с ним вошла в спальню, которую уже не чаяла увидеть.

Зак заснул почти мгновенно, положив голову ей на грудь и продолжая по-прежнему крепко обнимать ее.

Джулия лежала без сна, всматриваясь в его лицо, и перебирала пальцами неожиданно нежные волосы на виске. Сон не смягчил суровых черт Зака, и Джулия невольно подумала о том, что даже в забытии он не обретает настоящего покоя. Его брови были густыми и темными, а прямые ресницы казались почти черными. Джулия немного подвинулась, чтобы устроиться поудобнее, и тотчас почувствовала, как напряглись его руки, крепче прижимая ее. Даже во сне Зак, судя по всему, боялся, что она все-таки покинет его. Этот бессознательный жест вызвал у Джулии невольную улыбку. Зак опасался совершенно напрасно. У нее не было ни малейшего желания улизнуть отсюда.

В памяти Джулии неожиданно всплыли знаменитые шекспировские строки: «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры». И каждый должен играть свою роль. С тех пор как Джулия закончила колледж, ее не покидало странное чувство, что она пока еще стоит за кулисами и ждет своего выхода, чтобы кто-нибудь подсказал ей, какую именно роль предстоит сыграть в этой жизни Джулии Мэтисон. Вспомнив об этом сейчас, Джулия глубоко вздохнула и невесело улыбнулась собственным мыслям. Теперь она наконец поняла, чего именно ждала все эти годы, для чего была создана и предназначена. Несмотря на искреннее стремление стать воплощением благопристойности и образцом для подражания, все ее старания пошли прахом, как только дело коснулось любви. Она тотчас же забыла все свои благие устремления и влюбилась в человека отверженного, бесстрашного, циничного, сурового изгоя, который чем-то напоминал ей тех мальчишек,

рядом с которыми прошло ее детство в трущобах Чикаго. С одной стороны, любовь к нему будила в ней чисто материнские чувства, и она ощущала себя очень сильной и мудрой. С другой — та же любовь заставляла ее чувствовать себя беспомощной, хрупкой, во всем зависимой от него.

Более того, ей нравилось испытывать все эти чувства, даже самые мучительные из них.

Будущее представлялось совершенно неведомой тропой, полной опасностей и всеобщего осуждения. И в то же время Джулия чувствовала себя в полном ладу с самой собой и со всей Вселенной.

Обняв рукой голову Зака, Джулия покрепче прижала ее к своей груди и, коснувшись губами густых темных волос, прошептала:

— Я люблю тебя.